

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ КОМИТЕТОМ ПО КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2017

ВЫПУСК
ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ О КОЛОМНЕ

ГОРОД-СЧАСТЬЕ, ГОРОД-ПРАЗДНИК!

Михаил Мещеряков, Виктор Мельников,
Татьяна Башкирова, Владимир Дагуров,
Олег Кочетков, Роман Славацкий,
Евгений Кузнецов5

ПЕРВАЯ КОЛОНКА

СЕРГЕЙ ШОКАРЕВ

ТРИ ОЧЕРКА ИЗ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЛОМНЫ 11

ПРОЗА

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

АНАСТАСИЯ. Повесть27

ВЛАДИМИР КРУПИН

ВЛАДИК. Рассказ65

НИКОЛАЙ БРЕДИХИН

СТАЖЁРКА. Рассказ.....71

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

ЗАЧАРОВАННЫЙ КАМЕНЬ.
Сказка для взрослых89

ЛАРИСА МОРОЗОВА

ОТРАЖЕНИЯ. Эссе95

ПОЭЗИЯ

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ
БЕЛЫЙ СВЕТ — НА ЧЕТЫРЕ ИСХОДА 107

РОМАН СЛАВАЦКИЙ
КОЛОМЕНСКИЙ АРБАТ 115

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН
Я НА СВЕТЕ НЕ ОДИН 127

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ
ПРОНЕСЛИСЬ МОИ ГОДЫ 143

СЕРГЕЙ АНТИПОВ
ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ 155

ЕВГЕНИЙ КИРСАНОВ
НАД РЕКОЮ ВРЕМЕНИ 161

НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА
ВВЕРХ ЗА ГУСИНЫМ КРЫЛОМ 167

ВЯЧЕСЛАВ РЕНЬЮ
ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ 173

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРЧЕНКО
Я СНОВА СОБЕРУ ДРУЗЕЙ 181

ГАЛИНА САМУСЕНКО
РЯБИНОВАЯ ВЕСНА 187

НИКОЛАЙ АРТАМОНОВ
НА ТОМ БЕРЕГУ 191

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ
ЗАМЕТКИ ДЛЯ БИОГРАФИИ
БЕЛИНСКОГО 203

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Н. И. МАМАЕВ
ЗАПИСКИ. Коломна. 1830 годы 223

РЕВОЛЮЦИЯ... ГОД 1917...

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

ОКтябрьский переворот
в Коломне 247

ВАДИМ КИРИЧЕНКО

Кандальный звон 293

РОДИМАЯ СТОРОНА

ЕВГЕНИЙ ЛОМАКО

Один год града Коломны 307

АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН

Плеяда блестящих имён 319

ЛИЛИЯ СОЗА

«Пришёл фонарщик
с лестницей...» 355

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

Три дня в Коломне. Быль 365

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

«Чёрный мужик» 373

МАРИЯ ШАМОВА

«Дорогой собрат!» 377

АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН

Коломенский исторический
календарь 382

МЕДАЛЬ БУНИНА

Ещё одна замечательная награда украсила знамя «Коломенского альманаха»! Московская областная писательская организация удостоила наш ежегодник медали им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина. Поверьте, друзья: мы с честью пронесём это драгоценное имя на своих страницах и не уроним ни памяти Бунина, ни его славы!

Имя Бунина особенно дорого нам. Наверное, никто с такой человечностью и в то же время так утончённо не говорил языком русской новеллы. Рассказы о любви («Митина любовь», «Солнечный удар», сборник «Тёмные аллеи»), философские новеллы и необычная по жанру «Жизнь Арсеньева» вместе с другими произведениями Бунина обогатили русское и мировое искусство XX века.

Сейчас, когда отечественная литература залита мутным потоком так называемой чернухи, всё важнее становится значение русской провинции, в которой ещё сохранился дух высокого искусства. Пришла пора возродить традиции нашей классической новеллы.

ГОРОД-СЧАСТЬЕ, ГОРОД-ПРАЗДНИК!

Михаил Мещеряков

ВЕСНОЙ НА КОЛОМЕНСКОМ АРБАТЕ

Р. Славацкому

От Николы до Никиты
мы одной идеей сбиты,
живописец, и поэт, и бард.
От Никиты до Николы
мы одной с тобою школы,
нам отныне родина — Арбат.

По-особенному гулка
москворецких переулков
тишина, и только лай собак
нарушает одичалость,
и казалось, у причала
здесь стоит История сама.

Свистнет старый пароходик.
К дому Свешников подходит,
и взлетит без палочки рука.
Постучал — и входит в сени,
ну а с берега Есенин
позовёт кататься Пильняка.

Проплывают чьи-то лица,
и история творится
прямо здесь, творится и творит,
каменная, вековая.
А она ещё живая,
каждый куст стихами говорит.

По траве да по росе я
за водой пойду в бассейку,
гляну через левое плечо:
распускаются сирени,
отзываются сирены,
жизнь, как прежде, медленно течёт.

Виктор Мельников

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ

Ольге Юриковой

Вчера из туч косматый гром ярился,
И молнии кромсали синеву,
И дождь на Поле Девичье пролился,
Омыв цветы, деревья и траву.

Но ранним утром вдаль умчался дождик...
Снопы лучей бросая с высоты,
Оранжевое солнце, как художник,
Спешит свои проветривать холсты,

И красит небо жёлтым, ярко-алым,
И Полю отдаёт земной поклон!
Оно, седое, видело немало...
Сюда сбиралась рать со всех сторон,

Чтоб одолеть степного супостата.
Сзывал войска святой Димитрий-князь,
И в ратнике любом он видел — брата!
И шли они, на знамя помолясь,

Отсюда — к Дону, к Полю Куликову,
Где ожидала битвы татарва...
И лики были строги и суровы,
И кланялась им горькая трава...

Сегодня это Поле у Коломны
Заковано в бетонные тиски,
Но место есть — душе очнуться, вспомнить! —
На берегу — у излучины Оки.

Где нам ещё достигнуть пониманья,
Как жить? Как быть? — Каким путём идти?
Здесь оживают древние сказанья...
О, сколько было грозных испытаний,

И сколько их, Россия, впереди!
Здесь Время и Пространство воедино
Под вечным небом, вечные, слились.
И потому-то нам необходимо

Спасти святыни Родины любимой,
Чтобы о них в веках не гасла мысль!

Сияют в небе звёзды, словно свечи,
Их не сочтёшь — напрасно сил не трать.
А за Окой костры затеплил вечер,
Как будто там — врагов лихая рать.

Но это не нашествие Мамаёв —
Не ожило сказанье наяву:
Коломенские дачники сжигают
За речкой прошлогоднюю траву...

Но — как века назад — легла дорога,
Тревожат огоньки ночной покой...
И слышен голос Родины и Бога
Вот здесь — на этом Поле над Окой!

Татьяна Башкирова

* * *

Сколько времени помню — улыбки берёз,
И цветы полевые трепещут в руке.
Словно годы уносит, бежит тепловоз
Через мост над Окой вдалеке.

Сколько времени помню — струится вода,
И Коломна вдали зажигает огни.
Мамин двор и меня изменили года,
Но закат не изменят они.

Не изменятся, нет, облака-журавли:
Оставаться им — вечным, летящим, седым.
Сколько времени помню — уходят с земли
В забытьё, будто в призрачный дым.

И я тоже уйду, ни о чём не моля,
Только небу бы вечно светить голубым,
Да осталась бы эта святая земля
Сыну, внукам... и дальше — моим.

КОЛОМНА. ТРОИЦА

Мчит электричка меня с ветерком.
Боль возникает в душе от укора,
что не прошёл я ни разу пешком
от Хорошова до Конева Бора.

Не оторвут от меня родники
Невысыхаемо-синего взгляда.
Место слиянья Москвы и Оки
предполагает величие града.

Город Коломна сияет огнём —
Храмы вдали золотые, как митры.
Вижу окрест я такой окоём,
видел какой и московский Димитрий!

Сам он в кольчуге на белом коне
Рать объезжает на Девичьем поле.
Родина вся на ладони, зане
Это не просто простор, а раздолье!

Радуга с солнцем — как Господа взгляд.
Троица твердь голубую объемлет.
Если в земле этой родичи спят —
как мне назвать эту тихую землю?!

От родниковой воды я горю,
Странником пешим иду по просторам —
прямо к Бобреневу монастырю,
прямо к коломенским древним соборам!

* * *

Три реки в моём граде старинном,
И Москва здесь впадает в Оку.
И дышу я простором былинным
На своём беспокойном веку.
Здесь Донской с Евдокией венчался,
Мнишек здесь изнывала в кремле,
С Куликова Боброк возвращался
На израненном верном коне.
Здесь ещё молодой я, вчерашний,
Пел про эту бескрайнюю ширь:
Про Маринкину древнюю башню,
Про Бобрневский монастырь.
Эти самые первые строки
На крутом берегу я пропел.
Здесь мои родовые истоки,
Здесь мой самый последний предел!

Роман Славацкий

ПРИЗНАНИЕ

Я влюбился в этот город —
в эти храмы и дома,
в эти древние просторы,
как мальчишка — без ума —

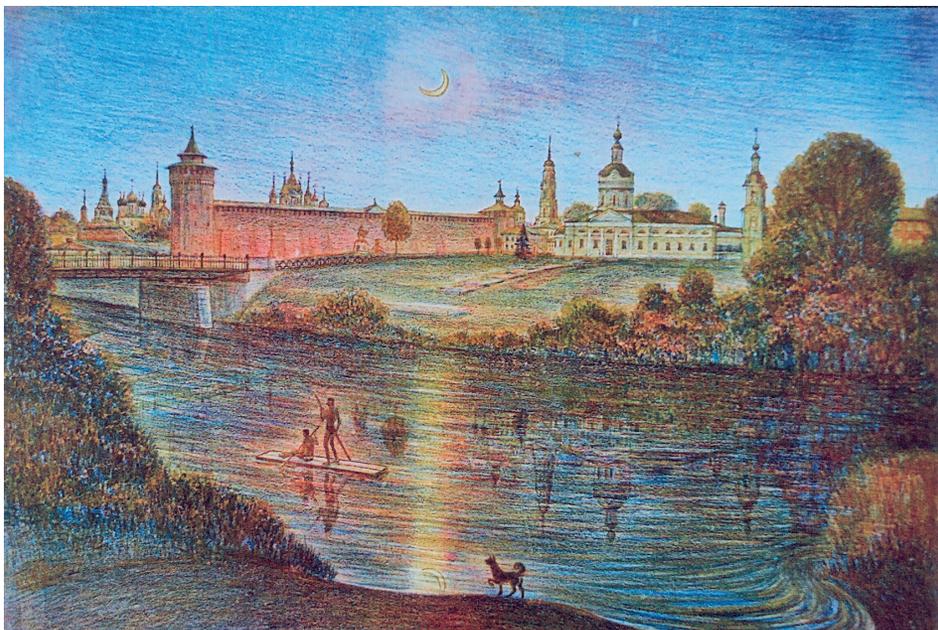
в эти поиски и встречи,
в этот вешний перезвон!
Я с Коломною повенчан
высотой её корон.

Сыщешь ли прекрасней разве?
Город-счастье, город-праздник!

Давним кладом незнакомым,
потаённой красотой,
имя дивное — КОЛОМНА —
словно слиток золотой!

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Высветил ласковый вечер
Над городищем закат...
Храм Иоанна Предтечи...
Домики рядом стоят...
Ветер разносит далёко
Свежесть листвы молодой,
Плачет вдали одиноко
Ива, склонясь над водой.
И пробудившимся травам
Дышится вольно опять.
Росам и косам во славу —
Эта бескрайняя гладь.
А за Коломенкой вечно
Стройным рядком тополя.
Домики... Церковь Предтечи...
Милая сердцу земля!

Художник Геннадий Савинов. Новолуние

ТРИ ОЧЕРКА ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЛОМНЫ

Как Коломна была столицей Московской Руси

Первая колонка

Летом 1433 года в ворота коломенской крепости въехал внушительный отряд всадников. Во главе вооружённой свиты в свою «отчину» прибыл князь Василий Васильевич, до недавнего времени — великий князь московский, — а отныне князь коломенский. О событиях, из-за которых правитель могущественного русского княжества оказался одним из удельных владык, расскажем позже, а теперь проследим, что открылось взору, несомненно, угнетённого духом 18-летнего князя.

Восстановить внешний облик Коломны, представить её пространство, численность и повседневность стало возможно благодаря капитальной монографии выдающегося коломенского историка и археолога Алексея Борисовича Мазурова «Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.».

Уже на подъезде к Коломне перед Василием Васильевичем и его спутниками предстала панорама весьма обширного на то время города, центр которого — кремль — располагался там же, где и ныне: напротив слияния Коломенки и Москвы-реки. К востоку от него располагался оживлённый посад (Подол), на котором известны храмы Рождества Христова и Николы Мокрого. Спустя пять с половиной столетий эти церкви дошли до нас, правда, в перестроенном виде: Рождества Христова — это храм XVIII в. на территории бывшего Артилле-

Stair 101 1930

Народный художник России Михаил Абакумов. Михайловские ворота

Коломенский кремль в XIX веке, литография Н. Селзнёва

рийского училища, а Николы Мокрого — прославленный памятник зодчества XVII столетия — церковь Николы-на-Посаде, или Николы Посадского. Завершался посад на востоке селом Бабышевом, а на юге — Спасским монастырём. Между ними проходила Пятницкая улица, вероятнее всего, служившая в XV столетии границей посада. Относительно современной Коломны весь город эпохи князя Василия умещался в пределах, ограниченных улицей Октябрьской революции, Уманской улицей и проездом Артиллеристов.

На этом, по нашим меркам, незначительном пространстве проживало, по подсчётам А. Б. Мазурова, около 5,5 тыс. человек. Много это или мало для той эпохи? Численность населения Москвы в эту эпоху историки определяют в 15–20 тыс. человек; Твери в середине XIV в. — около 5 тыс. Несмотря на то, что в 1408 году город был разорён нашествием Едигея, а в 1427 году Коломну, как и другие русские города, охватила эпидемия чумы, потери от которой были весьма значительны, нет сомнений в том, что по численности населения этот город превосходил многие другие в Московском княжестве (Дмитров, Серпухов, Можайск) и, вероятно, был самым многолюдным после Москвы.

Коломенский кремль, где расположился князь, занимал весьма обширную площадь в 20–22 га, что примерно равно площади белокаменного Московского кремля эпохи Дмитрия Донского и гораздо больше, чем укрепления удельных столиц той эпохи: Можайска (5 га), Дмитрова (2,4 га), Звенигорода (3,5 га). Во внутренней его планировке можно видеть множество аналогий с Московским кремлём. Главным собором Коломны, как и Москвы, был Успенский. Он также был кафедральным. Вероятнее всего, Успенский собор выстроили в 1382 году, а украсили росписью в 1392 году. Перед собором располагалась Соборная площадь, на которую выходили дворы великого князя и коломенского епископа. В составе великокняжеского двора были жилые помещения, конюшни, а с начала XVI века известна и дворцовая церковь — Воскресения.

Теперь вернёмся к судьбе князя Василия. Его появление в Коломне в качестве её первого удельного князя было вызвано цепью драматических событий, начало которым положила духовная грамота (завещание) великого князя Дмитрия Донского. В ней победитель Мамая разделит Московское княжество между пятью своими сыновьями. Старшего сына Василия Донской «благословил» «своей отчиной великим княжением», первым из русских князей отвергнув монополию Орды на назначения великого князя. Кроме того, отец завещал Василию «Коломну с волостями», традиционно передаваемую наследнику великого княжения, «старейший путь в городе» и половину городских пошлин (вторая половина передавалась остальным младшим сыновьям). *«А дети мои, молодшая братья княжи Васильевы, — заповедал Донской, — чтите и слушайте своего брата старшею в моё место своего отца...»*. Другим сыновьям великий князь выделил уделы в таком составе: князю Юрию — Звенигород и Галич, князю Андрею — Можайск и Белоозеро, князю Петру — Дмитров и Углич. Младший сын великого князя Иван Дмитриевич получил только три волости. Вероятно, он был, как тогда говорили, «не от мира сего». Впоследствии он принял монашество с именем Иоасафа и скончался в 1393 году. Несколько волостей великий князь завещал своей вдове Евдокии Дмитриевне и заповедал ей решать все споры между сыновьями — *«а вы дети мои слушайте свое материи во всём, из воли её не вступайтесь ни в чём»*. Видимо, по воле Евдокии Дмитриевны братья впоследствии выделили в удел младшему сыну Донского Константину, родившемуся за четыре дня до смерти отца, Углич.

Ко времени составления завещания старший сын Донского Василий не был женат и не имел детей. Предусматривая, что Василий может умереть, не оставив наследника, Дмитрий Донской писал: *«А по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел...»* Это распоряжение послужило поводом к длительной усобице между князьями московского дома, начавшейся почти через сорок лет после смерти Донского и известной под названием Феодальной войны XV века. Когда в 1425 году скончался великий князь Василий I Дмитриевич, его брат, князь Юрий Звенигородский, не признал распоряжения брата о передаче московского престола десятилетнему племяннику Василию Васильевичу и, основываясь на словах духовной Дмитрия Донского, начал борьбу за великое княжение.

Первые годы противостояния (1425–1432 гг.) прошли бескровно. Соперники копили силы и надеялись на благоприятный исход спора в Золотой Орде. В 1431 году дядя и племянник отправились в Орду. После долгих споров хан Улу-Мухаммед отдал великокняжеский ярлык Василию II Васильевичу, а Юрию в знак утешения передал Дмитров, удельный князь которого, Пётр, незадолго до этого скончался. Видимо, ордынцы полагали, что юный Василий — гораздо более управляемая кандидатура, чем прославившийся воинскими подвигами опытный Юрий. Однако власть Орды была уже значительно ослаблена внутренними усобицами, и поэтому обе стороны не очень-то считались с решением хана. Вскоре Василий отобрал у дяди Дмитров, а тот в свою очередь начал активные приготовления к войне...

В Москве между тем утратили бдительность. Стольный град весело справлял свадьбу великого князя Василия и княжны Марии Ярославны

Серпуховской. О мятежном дяде на время забыли, а в пылу празднования даже умудрились жестоко оскорбить его старших сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяку, кузенов жениха. Юрьевичи в ярости покинули Москву и бросились к отцу в Галич, где уже всё было готово к походу.

Василий II узнал о подходе войск дяди, когда тот стоял уже в Переяславле. Времени на сбор войска у него не было, но, тем не менее, великий князь решил попытать счастья в бою. Он собрал тех бояр и военных слуг, которые были под рукой, а также московское городское ополчение и двинулся против дяди. Войско Василия представляло собой плачевное зрелище. Летописец свидетельствует: *«От москвич не бысть никоеа помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и с собою мед везяху, что пити ещѣ»*. Весёлые гости на свадьбе, горожане оказались плохими воинами. Князь Юрий Звенигородский разбил войско племянника 25 апреля 1433 года на реке Клязьме, в 20 верстах от Москвы.

Василий, прихватив жену и мать, бежал в Тверь, а оттуда в Кострому. Вскоре Юрий Дмитриевич «смирился» со своим племянником. Способствовал примирению боярин и любимец князя Юрий Семён Фёдорович Морозов. По условиям мира, князь Василий отказался от московского престола, за что дядя дал ему в удел Коломну. Так Василий Васильевич оказался в Коломне. А далее произошло то, чего Юрий Дмитриевич, да, пожалуй, и сам Василий Васильевич не ожидали. *«Москвичи же вси, — свидетельствует летописец, — князи и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити уделным князем...»*

Победа князя Юрия обернулась поражением. Его бросили все, кто составлял профессиональное великокняжеское войско — от командиров до рядовых. Новый великий князь лишился влиятельных и опытных бояр и служилых князей, выходявших на поле боя со своими отрядами. В огромной Москве Юрий остался с небольшой удельной думой из галичских бояр и своей дружиной. Таких сил, несомненно, было мало для того, чтобы защитить город. Однако дело не ограничивалось возможной военной катастрофой. Князя Юрия, несмотря на его права и несомненные достоинства, не признало правящее сословие Русского государства XV века. Тесниться перед галичанами и служить бывшему удельному московские бояре сочли ниже своего достоинства и выбрали за лучшее переехать в Коломну.

Следует отметить, что бояре и служилые люди были полностью в своём праве. Междукняжеские договоры той эпохи содержали особый пункт: *«А боярам и слугам межи нас волным воля...»* Каждый служилый человек имел так называемое право «отъезда», то есть смены сюзерена. В результате Москва опустела, а Коломна, напротив, наполнилась обширным великокняжеским двором и войском. Для многих бояр и служилых этот переезд облегчался тем, что у них в Коломне были свои дворы. Являясь своеобразной копией Москвы, Коломна перенимала от столицы и эту особенность социальной топографии города. Вокруг великокняжеского двора в Кремле располагались боярские дворы. В это время Коломна стала подлинной столицей Московского княжества, а в Москве царили растерянность и уныние.

Исход московского «двора» в Коломну разъярил старших сыновей Юрия Звенигородского — Василия Косого и Дмитрия Шемяку. Обвинив во всём Семёна Морозова, они убили его, но опасаясь гнева отца, бежали из Москвы. Это событие переполнило чашу терпения Юрия Звенигородского. Он отправил посланника к Василию, призывая его вернуться на трон, а сам покинул Москву и удалился в Галич. Так бесславно закончилось первое правление на великокняжеском престоле Юрия Звенигородского. Главной причиной его политической катастрофы стала позиция московского боярства и войска. Но при этом немалую роль сыграл и выбор ими нового места служения — Коломны. Город с епископской кафедрой, в окрестностях которого у многих бояр и дворян были вотчины, а в самой Коломне — дворы, — был несомненно гораздо более привлекателен, чем Дмитров, или, допустим, Волок на Ламе. Немаловажно и то, что в Коломне не было своего боярства, как в других удельных городах, и московская иерархия чинов безболезненно перенеслась сюда, что было удобно и великому князю, и боярам.

Итак, выбор Коломны в качестве удела для Василия оказался серьёзным политическим просчётом Юрия Звенигородского. Так же считали и его сыновья. Но мог ли князь поступить иначе? Руководствуясь на основании духовной грамоты отца, так называемой «лествичной системой» (переход престола к старшему в роде), Юрий Дмитриевич не мог отказать племяннику в положении наследника. Как наследник, тот получил Коломну — город и волость с совершенно особым статусом. На протяжении всего XIV века Коломна по духовным грамотам великих князей московских неизменно передавалась старшему в роде, наследнику великого княжения. Выделив Коломну в удел племяннику, Юрий следовал той строгой логике, которая ранее толкала его на борьбу за престол. Но при этом он совершил ошибку, от которой мудро воздерживались его предки и предшественники. Опираясь на Коломну, второй по величине и силе город в Московском княжестве, местный князь становился грозным соперником Москвы. Поэтому никогда ранее Коломенский удел не выделялся из состава Московского княжества.

Вероятно, позднее сам Юрий Звенигородский осознал свою ошибку. Когда он вскоре вновь занял московский трон в марте 1434 года, то не проявлял миролюбивых стремлений по отношению к Василию, а скорее всего, хотел изгнать его за пределы Руси — в Орду. Однако внезапная смерть Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 года на время положила конец противостоянию. Василий II вернулся на престол, но вскоре война вспыхнула с новой силой — против кузена выступили сыновья Юрия Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Завершилась война победой Василия II в 1453 году. С этого времени удельная система уходит в прошлое и начинается объединение земель вокруг Москвы. Значение Коломны как своеобразной «уменьшенной копии Москвы» стало падать. Из коренного великокняжеского удела она постепенно превратилась в рядовой, хотя и один из крупнейших городов единого Российского государства.

Иван Грозный и Коломна

Во второй половине XV–XVI вв., в связи с обострением военной угрозы со стороны Большой Орды и Крымского ханства, усилилось военно-стратегическое значение Коломны. Её ключевая роль в обороне центральных областей страны была связана с расположением города неподалёку от Оки, служившей естественным рубежом обороны. Первые упоминания об обороне от татар у Коломны относятся ещё к 1373 и 1376 гг. В 1450 году великий князь Василий II отправил из Коломны против татар Константина Беззубцева с коломенской ратью. Воевода нагнал татар в степи, на реке Битюге, и разбил их. В следующем году русских постигла неудача. Воевода князь Иван Звенигородский струсил перед татарским войском и отступил, а татары прорвались до Москвы. Новые столкновения произошли в 1454 году. А в 1459 году в Коломне стоял с полками наследник престола Иван

Васильевич, будущий Иван III, благодаря чему татары не смогли переправиться через Оку.

18

СЕРГЕЙ ШОКАРЕВ

Начиная с последней трети XV века оборона по Оке приобретает систематический характер. Вдоль реки выстраивались военные силы Московского княжества, блокируя возможность переправы. Полки стояли в Коломне, Ростиславле, Серпухове, Тарусе, Кашире, Зарайске и других городах. Была налажена чёткая система взаимодействия и маневрирования. При Василии III крепости, стоявшие на берегу Оки и южнее, стали перестраивать, возводя каменные стены — в Коломне (1525–1531 гг.), Туле (1507–1520 гг.), Зарайске (1528–1531 гг.), Серпухове (1552 г.) и других. С 1530-х годов войска выступали «к берегу» практически ежегодно, и при этом Коломна становилась генеральным штабом обороны, где находились большой полк и лично великий князь. Так, в 1472 году, узнав о нашествии хана Ахмата, в Коломну выехал Иван III. Вторично он прибыл в город в 1480 году, вновь возглавляя войска, собранные против Ахмата. В 1522 году в Коломне находился Василий III, «устраивавший» войска вдоль берега.

С «береговой службой» связан и первый приезд в Коломну юного великого князя Ивана IV летом 1546 года. Тогда, по словам летописи, «крымский царь, уведав великого князя на Коломне, не пошёл». Но приезд молодого государя запомнился коломенцам совсем не этим и не тем, что в городе собралась «сила великая всего Московского государства, сколько кажут людей на Коломне от начала не бывало». Самым поразительным было поведение государя, правителя огромной православной державы. В своём стане у Голутвина монастыря Иван IV предавался весьма странным потехам: «пашню пахал веинною и з бояры сеял гречиху; и инья потехи: на ходулях ходил и в саван наряжался». Нет сомнений в том, что эти потехи носили языческий характер, а выражение «в

саван наряжался» исследователь той эпохи Б. Н. Флоря трактует как известную по описанию XIX века «игру в покойника». Заключалась она в следующем: псевдопокойник лежит в избе, его отпевают самой отборной руганью, а по окончании «отпевания» девок заставляют прощаться с «покойником» и насильно принуждают целовать его открытый рот, набитый тыквенными зубами. Как можно видеть, в роли покойника выступал сам великий князь.

К ужасу православных, одними скабрёзными «потехами» великий князь не ограничился. Вскоре он «положил опалу» на видных бояр — князя И. И. Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых: их обезглавили прямо перед шатром государя. И. М. Воронцова подвергли пыткам, а И. П. Челяднина-Фёдорова великий князь едва не казнил, но затем передумал и велел сослать. Вопреки обычаю, перед смертью несчастных бояр не исповедили и не причастили.

Причиной казни исследователи считают конфликт, который незадолго до этого разыгрался в военном стане под Коломной. К великому князю, увлечённому «потехами», обратились новгородские «пищальники» (стрельцы). Но Иван не стал слушать их жалоб и «велел их отослати». Новгородцы попытались настаивать, и тогда великий князь приказал дворянам прогнать их силой. Завязалась стычка, в которой с обеих сторон были раненые и убитые. Дьяк Василий Захаров-Гнильев, фаворит великого князя, которому тот поручил следствие, обвинил во всём своих недругов — Кубенского, Фёдорова и Воронцовых. Возможно, великий князь и без того был озлоблен на бояр, осуждавших его за неприличные «потехи».

Таковым был первый самостоятельный поход, который возглавил (хотя и номинально) великий князь Иван IV Васильевич. Уже тогда 16-летний государь показал себя взбалмошным деспотом, для которого чужая жизнь — ничто по сравнению со своими разнузданными желаниями. Самым страшным порождением деспотизма Ивана Грозного стала опричнина — режим государственного террора, господствовавший в стране с 1565 по 1572 год. Среди его жертв было немало и коломенцев.

В 1568 году многие бояре, дьяки и служилые люди были арестованы и казнены по обвинению в заговоре, во главе которого якобы стоял Иван Петрович Челяднин-Фёдоров — первый боярин в государстве, прославившийся своей справедливостью и набожностью. Иван Петрович происходил из старомосковского боярства. Его дед, Фёдор Давидович Хромой, при Иване III был наместником в Коломне — должность, которую занимали только представители самых известных родов. Владдел Челяднин-Фёдоров и вотчинами в Коломенском уезде. Боярский чин Иван Петрович получил ещё в 1544 году, а в 1546 году он едва избежал казни по навету дьяка Захарова-Гнильева. Спустя более 20 лет царь вновь обрушил свой гнев на престарелого и уважаемого боярина. Обвинённый в различных преступлениях, Иван Петрович был ограблен и выслан в свои коломенские вотчины. Вслед за этим боярина обвинили в измене, и царь распорядился доставить его в Москву. Вероятно, Иван Петрович искал защиты у коломенского епископа Иосифа, но опричники не вняли слову владыки и, возможно, во время ареста Челяднина-Фёдорова казнили боярина коломенского владыки Александра Кожина и владычного дьяка.

Подверглись разгрому и коломенские вотчины Ивана Петровича. В синодик опальных (список жертв опричнины) записаны слуги Челяднина-Фёдорова: Смирной Кирьянов, дьяк Семён Антонов, татарин Янтоуган, Бахмет, Иван Лукин и другие. Отдельно указано, что в коломенских вотчинах боярина опричник Григорий Ловчиков «отделал» «Ивановых людей 20 человек». Сам Иван Петрович был казнён в сентябре 1568 года, а вместе с ним и многие видные представители «государева двора» — князья, дворяне, дьяки. В числе погибших были: строитель Свяжской крепости Иван Выродков и, как ни парадоксально, дьяк Василий Захаров-Гнильев.

Жертв опричных казней среди коломенцев было, конечно, больше. Вероятно, во время опричного разгрома вотчин Ивана Челяднина-Фёдорова убитых «пашенных холопов» (крестьян) вообще не считали. В опричнину погибли многие из коломенских дворян. В государстве надолго воцарилась атмосфера страха, а опричные разорения и длительная Ливонская война привели страну к глубокому экономическому кризису. По переписи 1577–1578 годов, в Коломне на 32 с половиной тяглых (облагавшихся налогом) жилых двора приходилось 662 пустых (!). Это запустение стало прямым результатом разорительной налоговой политики Ивана Грозного. Правда, Коломна не была совсем пустынной. В ней почти полностью исчезло посадское население, зато дворы и лавки посадских заняли дворяне, стрельцы, пушкари, церковные и монастырские люди — все, кто не платил «тягла» (налога) и, пользуясь этим, торговал и ремесленничал. При том, что посад опустел на 90 процентов, на торгу из 600 лавок пустовало всего треть — около 200. Тем не менее, иначе как запустением состояния города в последние годы правления Ивана Грозного назвать нельзя.

После смерти Ивана Грозного, при царе Фёдоре Ивановиче, реальный правитель государства боярин Борис Годунов попытался возродить страну, но неурожай и голод в начале XVII века привели к тому, что кризис перешёл в открытую фазу — началась гражданская война, известная как Смутное время. Коломна в событиях Смуты играла весьма значительную роль.

«Обернувшись сорокой, улетела...»

Каждый, кто был в Коломне, знает, что самая красивая башня Коломенского кремля носит название Маринкиной потому, что в ней была заточена Марина Мнишек. По народной легенде, гордая полячка вовсе не умерла в заточении, а «обернувшись сорокой, улетела». Как ни жаль, но эта легенда не имеет ничего общего с действительностью. Умерла Марина Мнишек в Москве, также в заточении, на рубеже 1614 и 1615 годов. Свои последние дни она провела, вероятно, в одном из московских женских монастырей и скончалась, как гласит русский источник, «с болезни и от тоски». Однако с Коломной история первой русской императрицы, супруги и вдовы двух самозванцев, связана самым тесным образом.

«Смута» пришла в Коломну осенью 1606 года. К этому времени первый русский самозванец уже полгода как был мёртв, но дерзновенно принятое им имя «царевича Дмитрия» обрело свою жизнь и подняло на борьбу новых приверженцев. С «южных украин» на Москву двигались войска под командованием бывшего боярского холопа Ивана Болотникова

*Портрет Марины Мнишек.
Работа неизвестного
художника*

и рязанского дворянина Истомы Пашкова, называвших себя «воеводами царя Дмитрия». Коломна лежала на пути рязанской рати Пашкова. По словам «Нового летописца», мятежники взяли Коломну штурмом и разорили. Вероятно, у восставших были сторонники среди местного населения. Официальная разрядная книга, в которую записывались

воеводские назначения, свидетельствует, что московские стрельцы, которые были в городе, и коломенские казаки влились в армию Болотникова и Пашкова, осадившую Москву осенью 1606 года.

Противостояние армий Болотникова и царя Василия Шуйского под Москвой закончилось разгромом мятежного воеводы в декабре 1606 года и его бегством в Калугу, а затем в Тулу. Коломна вновь перешла под власть Шуйского. Окончательно справиться с мятежом царь смог лишь в октябре 1607 года, когда Болотников и его сторонники капитулировали. Едва погасивший в Туле очаг смуты был с большим трудом затушен, как пламя мятежа разгорелось на окраинах государства, где один за другим стали появляться «царевичи»-самозванцы, носившие довольно анекдотические имена — Иван-Август, Лаврентий, Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка и другие. Впрочем, эти предводители казачьих разбойничьих шаек были не так страшны, как принявший имя «царя Дмитрия» и потому известный как Лжедмитрий II, претендент на русскую корону, вокруг которого объединились бывшие болотниковцы, а также польские и литовские шляхтичи.

Лжедмитрий II начал наступление на Москву в январе 1608 года. Впереди основных войск шёл отряд отчаянного храбреца и авантюриста полковника Александра-Иосифа Лисовского. Лисовский и его «лисовчики» славились стремительностью нападений, которую вскоре довелось испытать на себе жителям южнорусского пограничья. Сначала Лисовский напал на Зарайск и сумел захватить город. Рязанские воеводы отправили против него Захария Ляпунова с ратью. Тот подошёл к Зарайску, но спьяну не построил войско в боевой порядок и был наголову разбит. Согласно легенде, в память о погибших в этом бою рязанскими и арзамасскими дворянами в Зарайске был насыпан курган.

Расправившись с Ляпуновым, Лисовский подошёл к Коломне, взял город приступом и разграбил его. Коломенский архиепископ Иосиф и воевода князь Владимир Тимофеевич Долгоруков попали в плен. На этом,

однако, успехи Лисовского кончились. Против него царь Василий отравил на коломенскую дорогу войско во главе с князем Иваном Семёновичем Куракиным. Русские разбили «лисовчиков» и освободили владыку, воеводу и протоиерея главного зарайского храма — Никольского. После этого царь отправил в Коломну новых воевод — Ивана Матвеевича Бутурлина и Семёна Матвеевича Глебова, повелев им крепить осаду и готовить запасы.

В июле 1608 года Лжедмитрий II подступил к Москве и, встав лагерем в Тушино, начал осаду. Его отряды распространились по всей стране, захватывали города и приводили к присяге за самозванца. Лишь немногие города оставались верны Василию Шуйскому, и среди них — Коломна. Желая овладеть этой мощной крепостью, «тушинцы» в сентябре выступили к городу из Каширы. На помощь воеводам Бутурлину и Глебову царь отправил из Москвы ещё двух — князя Семёна Васильевича Прозоровского и Василия Борисовича Сукина — со значительным воинским подкреплением. Прозоровскому и Бутурлину было указано наступать против «тушинца» пана Хмелевского. Амбиции Бутурлина едва не испортили всё дело: он «бил челом» на Прозоровского, не считая для себя возможным подчиняться князю. Царь отвечал на это сурово: грозил опалой и указывал, что воевода «дурует». Бутурлин смирился, и коломенская рать нанесла жестокое поражение «тушинцам». Их предводитель пан Хмелевский был взят в плен.

Князь Прозоровский и Сукин вернулись в Москву, а вслед за этим был отозван и Бутурлин. На его место царь прислал Ивана Михайловича Пушкина. Вскоре в подкрепление к Пушкину был отправлен стольник, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, впоследствии прославившийся как глава Второго ополчения. Несмотря на тревожную обстановку, вновь разгорелось местническое дело. На этот раз Пушкин «бил челом» на Пожарского, но решение этого спора осталось неизвестным, тем более что Пожарскому вскоре стало не до местничества. Из Коломны он отправился к селу Высоцкому, за 30 вёрст от города, где разгромил отряд литовцев. Вскоре Пожарский и Пушкин были отозваны в Москву, а оборонять город остался один Семён Глебов.

Коломна была «костью в горле» у самозванца. Её верность царю не давала замкнуть кольцо блокады. Поэтому в 1609 году «тушинцы» вновь попытались захватить город. Возглавлял осаду полковник Андрей Млоцкий. Гарнизон держался крепко, а из Рязани на помощь городу двинулся окольничий князь Василий Фёдорович Литвинов-Мосальский. Соединившись с осаждёнными, рязанцы вступили в бой с литовцами, но потерпели неудачу и отошли. Спасли Коломну успехи князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, очистившего к этому времени весь север России вплоть до Александровой слободы. В это время Тушинский лагерь охватила паника, и Млоцкий отступил из-под Коломны.

Внезапная смерть Михаила Скопина-Шуйского в апреле 1610 года вновь изменила соотношение сил в пользу Тушинского вора. От царя Василия, которого обвиняли в устранении племянника, пользовавшегося большой популярностью, отворачивались даже верные слуги. «Шатость» проникла и в Коломну, бывшую ранее надёжной опорой Шуйского. Тщетно архиепископ Иосиф и воеводы князя Михаил Самсонович Туренин и Фёдор Тимофеевич Долгоруков уговаривали горожан: те за-

ставили воевод присягнуть «вору» и отправили посланцев в соседние города — Каширу и Зарайск — привести их под власть самозванца. Но если в Кашире мятежники взяли верх и под угрозой расправы заставили воеводу присягнуть, то в Зарайске они натолкнулись на более решительное сопротивление. Возглавлял зарайский гарнизон князь Дмитрий Пожарский. Он заперся в кремле и выдержал все приступы «мужиков». В конце концов, осаждавшие примирились с воеводой и отказались от присяги Лжедмитрию II. Более того, Пожарский организовал поход на Коломну и вернул город под власть Василия Шуйского.

Но подвиги Пожарского уже не могли спасти царя Василия: в июле 1610 года его низложили с престола и вскоре насильно постригли в монахи. Власть в Москве перешла к боярскому совету — Семибоярщине, а Лжедмитрий II, обосновавшийся в это время в Калуге, ободрился и начал новое наступление на Москву. В страхе перед самозванцем бояре призвали на московский фон польского королевича Владислава и открыли ворота Московского кремля перед войском гетмана Станислава Жолкевского. Так началась польско-литовская оккупация Москвы. Тем временем, в декабре 1610 года, в Калуге погиб Лжедмитрий II. Отныне самозванец не угрожал Москве, и можно было начать борьбу за выбор нового государя из «природных» российских родов. В начале 1611 года стало собираться освободительное движение, известное как Первое ополчение.

Во главе ополчения встали бывшие воеводы Лжедмитрия II — боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и атаман Иван Матвеевич Заруцкий. Третьим лидером стал думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов, пользовавшийся огромным авторитетом в Рязани. Под знамёна Первого ополчения собирались воеводы из различных городов, в том числе и князь Дмитрий Пожарский из Зарайска. Вероятно, в его отряде была и коломенская рать. А пока коломенцы собирались под Москву и вели её осаду с марта 1611 года, с их городом произошла любопытная метаморфоза.

Пискарьевский летописец сообщает, что руководители Первого ополчения Трубецкой, Заруцкий и Ляпунов «по казачьему воровскому умышлению» отдали Коломну в качестве своеобразного удела Марине Мнишек. Там она появилась с новорождённым сыном Иваном, которого одни именовали «ворёнком», а другие — «царевичем». В Коломне у Марины был свой двор: бояре и боярыни (в числе которых и мать Дмитрия Трубецкого), стольники, чашники, ключники, дворяне и дети боярские. С этого времени имя Марины Мнишек, жившей, скорее всего, в царском дворце в Коломенском кремле, тесно связалось с одной из его башен.

Главным покровителем Марины был казачий атаман Иван Заруцкий, о котором пискарьевский летописец сообщает, что тот собирался даже жениться на вдове двух самозванцев. Поддерживали его и казаки. Служившие верой и правдой обоим Лжедмитриям, они являлись сторонниками малолетнего «ворёнка». Личные симпатии атамана и политические симпатии казаков определили дальнейшую судьбу Марины Мнишек.

В июле 1611 года под Москвой был убит казаками Прокопий Ляпунов — глава дворянской части ополчения. Первое ополчение распалось. Оставшиеся под стенами столицы «таборы» Трубецкого и Заруцкого вяло сражались с поляками ещё год. За это время в Нижнем Новгороде воз-

никло новое, Второе ополчение, во главе с князем Дмитрием Пожарским и купцом Кузьмой Мининым.

В числе первых отрядов, примкнувших ко Второму ополчению, были коломенские дворяне. Они давно служили под командой Пожарского и верили в его полководческий талант и политическую честность. С Трубецким и Заруцким у Второго ополчения отношения не заладились. Заруцкий поддерживал Марину Мнишек и её сына, но это не помешало ему и Трубецкому присягнуть новому самозванцу, Лжедмитрию III, появившемуся в Пскове. Пожарский и Минин, выступавшие против любых самозванцев, не могли доверять таким союзникам. Конфликт перерос в открытую фазу, и Заруцкий отправил в Ярославль, где находилось Второе ополчение, двух казаков, поручив им убить Пожарского. Но покушение сорвалось, и атаман, опасаясь за свою жизнь, в июле 1612 года со своим отрядом покинул подмосковные «таборы» и бежал в Коломну.

Набег Заруцкого стал последней страницей Смуты в Коломне. Казаки пробыли в городе недолго, но за это время успели основательно разорить его. Из Коломны Заруцкий с Мариной, «царевичем» и казачьим отрядом двинулся на Рязанскую землю. Так начался путь странствований атамана и царицы, завершившийся в июне 1614 года на Медвежьем острове, на Яике, где их настигли царские воеводы.

К этому времени политическая «смута» в государстве была преодолена: на престоле утвердился избранный царь Михаил Фёдорович. Начались восстановление страны, борьба с казачьими шайками и война с поляками и шведами. Новые беды не раз угрожали Коломне. В 1615 году в Коломенском уезде воевал и грабил «прославленный» Лисовский, а в 1618 году — казаки. Непокойно было и среди горожан: слишком глубокие корни пустила «шатость» в умы русских людей в эпоху Смуты. В 1622 году в Коломенском уезде рязанский крестьянин Приезжейка говорил, что царю Михаилу Фёдоровичу *«нельзя жениться, Тушинский де вор, который назывался царевич Дмитрий, жив»*. Спустя пять лет *«просвещал»* коломенцев украинец Демид Фёдоров, говоря: *«Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах»*. Но постепенно события Смуты уходили в прошлое, превращаясь в легенды. Так и родилось предание о Маринке, заточённой в башне Коломенского кремля и улетевшей на свободу, обернувшись сорокой.

Сергей Шокарев

Справка об авторе:

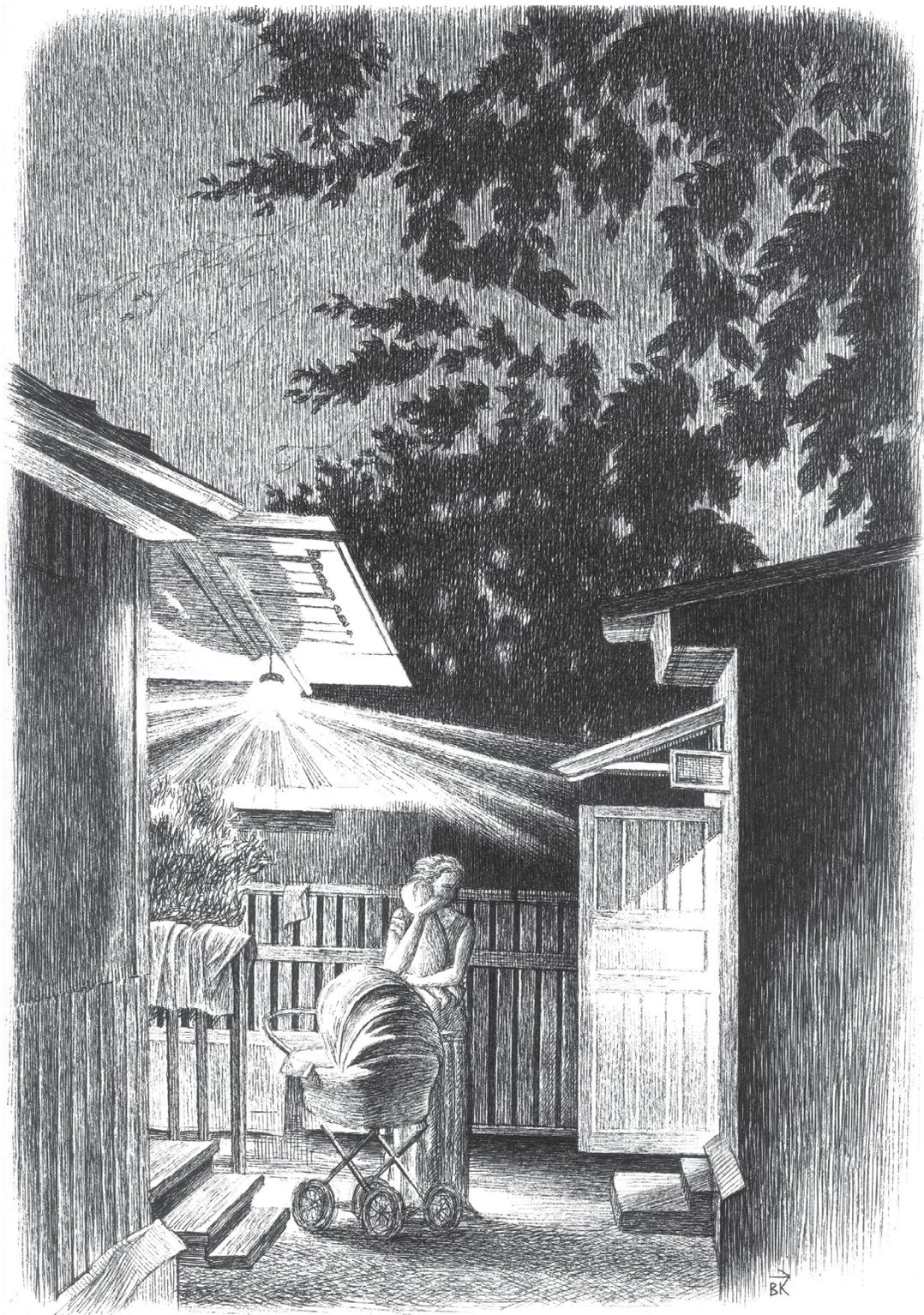
Сергей Юрьевич Шокарев (родился в 1972 г.) — историк, москвовед, некрополист, кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ, главный редактор историко-краеведческого альманаха «Подмосковный летописец».

Проза

ВК

Графика Василины Королёвой

АНАСТАСИЯ

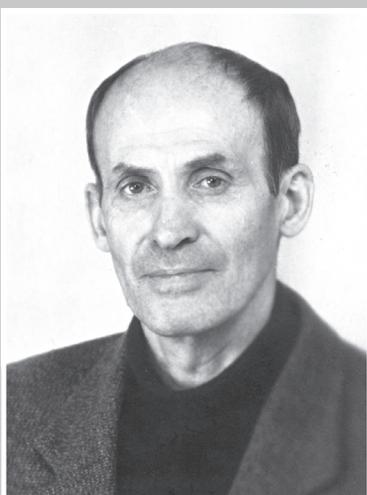
Друзья

Колька Лукьянов учился в пятом классе Пушкинской школы. Это была одна из самых «исторических» школ древнего города Колмова. Она вела происхождение от дореволюционной гимназии, которая получила своё почётное имя в 1899 году в честь столетия великого поэта. Многие с тех пор поменялось, в том числе и адрес... Школа перебралась в солидное трёхэтажное здание бывшего пединститута, как раз напротив Пятницких ворот Колмовского кремля. Но поэтическое название так и осталось.

В той же школе, и даже более того, в том же классе училась и Колькина подруга — Настя Светозарова. Фамилия у неё была «поповская»: ходил даже слух, что её дедушка служил священником. Говорят, раньше за это могли произойти «неприятности». Но сейчас на улице бурлила «демократия» и духовному происхождению уже никто не удивлялся.

Правда, иногда Светозарову дразнили «поповой внучкой», в том числе и Колька. Даже как-то раз он в качестве приветствия молитвенно возвёл очи к потолку, перекрестился и поклонился ей в пояс, за что она тут же треснула его учебником по башке, к вящей радости окружающих соучеников.

А дружба у них началась так. Однажды, выходя из школы, Колька заметил, что трое семиклассников устроили «поповой внучке» «пятый угол» — пихают девочку из стороны в сторону. Обидно стало Лукьянову за свой класс. Одно дело, когда свои друг над другом «при-

Владимир Фёдорович Соловьёв (1940–2011) родился в городе Егорьевске. Окончил станкостроительный техникум, затем МВТУ им. Н.Э. Баумана. В 1968 году переехал в Коломну. Здесь начал заниматься литературным творчеством.

Учился на заочном отделении Литературного института им. М. Горького. В багаже писателя — романы, повести, пьесы и более тридцати рассказов.

В 2003 году в Москве вышла его книга прозы.

Повесть «Анастасия», предлагаемая читателям в этом номере, написана Владимиром Соловьёвым для детей. В ней живописно и зримо встаёт прошлое Коломны. События «дней минувших» словно оживают на страницах произведения, которое интересно читать и детям, и взрослым.

Повесть

кальваются», и совсем другое — когда хаят со стороны. Без лишних слов он вступился за Настьку, за что и получил «по соплям». Впрочем, и старшим от него перепало, да и Светозарова в стороне не осталась. Она, правда, ограничилась в основном визгом и ударами сзади портфелем и мешком со сменкой. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что визг был довольно громким, а портфель — тяжёлым.

В результате дерущихся растащил учитель истории Иван Петрович Арсентьев. Позднее хулиганы получили от него и от директора «выволочку», Колька заслужил в своём классе уважение как герой, а с героиней происхождения они подружились.

С тех пор Колька и Настя называли друг друга уже не по фамилиям: «Светозарова» да «Лукьянов», а уважительно — по именам. Лишь изредка она обращалась к нему полным именем Николай, когда делала ему выговор или «строила». Парню приходилось терпеть, поскольку практика неизменно убеждала, что Анастасия всегда оказывалась права. Да и родители относились к Светозаровой с уважением и всячески поощряли их дружбу.

Вот и сегодня, по-быстрому закончив «домашку», они созвонились и отправились на прогулку. Из-за этих совместных променадов их во дворе дразнили «женихом и невестой», но друзья лишь по-взрослому свысока поглядывали на шутников.

Они почти каждый день гуляли по кремлю и Посаду — самой красивой и загадочной части старого Колмова. Ни трамваи, ни автобусы, привычные в центре, здесь не дребезжали, да и машины появлялись редко. Даже названия улиц отзывались тихой стариной: Посадская, Арбатская, Кремлёвская, Водовозный переулочок... И старинные домики в узорных наличниках, и грозные кремлёвские башни, казалось, грезили о былом...

Хорошо было бродить по этим улицам и закоулкам. Привычный быт: заборы, окна, цветы на подоконнике и дремлющие там же хранители домашнего уюта — кошки — всё здесь, даже воздух, дышало таинственной жизнью Прошлого. Хорошо было и на берегу Москвы-реки. С крутого высокого берега открывался захватывающий вид на равнинный простор Замоскворечья. Там, среди полей, высился белый Рождествен-Боброков монастырь. Посвящённый Куликовскому походу, он казался каменной былиной, а его церковные шатры напоминали древний воинский лагерь. И часто стаи птиц кружили над ним, как над полем боя...

Был конец марта, стояла теплынь, лужицы на асфальте весело играли солнечными бликами. Они прошли в кремль, где в море праздничной синевы высился величественный белый пятиглавый Успенский собор. За ним виднелись шпили Троицкого монастыря, а ближе к реке, к северу от собора притаилась древняя Воскресенская церковь.

В прошлом году храм откапывали от вековых наслоений археологи и реставраторы. Снег на дне раскопа сошёл, и вдруг Николай увидел вымытые водой два медных витых фрагмента, похожих на обломки старинного ожерелья. Лукьянов поднял их и показал Насте.

— Похоже, историческая вещица. Возьмёшь?

Анастасия покачала головой.

— Оставь пока у себя. Потом покажем Ивану Петровичу на факультативе.

И Колька спрятал таинственную находку в карман.

Духи тьмы

Друзья вышли из кремля и через пять минут уже весело шлёпали по лужам, в которых отражалось солнце. Прошли квартал по улице Пушкина, свернули налево по извилистому Водовозному переулку, по которому в прошлые столетия грохотали к реке конные бочки водовозов. Там они большими черпаками заполняли эти бочки москворецкой водой и потом развозили её по городу.

Вышли к берегу, перед которым набухала уже половодьем река, любовались заречным монастырём: в этот день он смотрелся особенно весело.

И вдруг...

Из-за глухого ветхого забора, возле которого они стояли, отчётливо и громко прозвучал гнусавый и неживой как будто голос. В ушах отдалось пугающе и внятно: «Анастасия!» Николай быстро оглянулся, но никого не увидел.

Настя же, помертвев, вцепилась в рукав его куртки:

— Это они. Они пришли за мной, я знаю...

— Кто «они», Настя? Никого здесь нет.

— Есть, — возразила она еле слышным шёпотом. — Они могут делаться невидимыми. Это духи тьмы. Они зовут меня.

— Анастасия! — властно перебил её всё тот же противный голос. Николай вновь оглянулся и опять никого не увидел. Настя ещё крепче сжала руку друга и прошептала:

— Не оглядывайся, Коля! Они и тебе могут причинить зло.

— Тоже мне «мистика»! — прошипел Колька. — Я вот сейчас перелезу через забор и посмотрю. И если...

— А ну попробуй, щенок! — раздалось хриплое и злое рычание. И Николай увидел трёх не то стариков, не то больных с зелёными лицами. Их длинные волосы и седые бороды тоже отдавали зеленью, зелёными были и кафтаны, словно взятые из XVII века. Страшные пронзительные глаза смотрели на мальчишку с ненавистью.

Светозарова рванула его за руку, и они побежали. Анастасия вдруг начала по-церковнославянски: «Живый в помощи Вышняго...», но дальше Колька не разобрал из-за топота и ледяного плеска луж.

Они добежали до перекрёстка, промчались ещё немного и остановились у дома «юного революционера Ивана Маркина», у массивного деревянного столба возле забора, на котором виднелось чёткое углубление, как от выдернутой стрелы. Нечисть настигала их.

— Не оборачивайся! — крикнула Анастасия, прижимаясь спиной к его спине, словно защищая друга от духов тьмы.

Вспышка солнца ослепила его на миг, потом накатили холод и темнота.

Он открыл глаза. И увидел небольшое поле, упирающееся в редкий желтеющий лесок, деревеньку на опушке, жёлтую тропинку. Ему показалось, что он уже был здесь когда-то, и это — самое его родное. Когда же он это видел?!

И тут послышался звон, как будто били в колокол.

В древнем Колмове

Он обернулся на звук. Но вместо Колмовского кремля узрел палисад — ряды надолбов — острых брёвен, направленных во внешнюю сторону. В проёме было что-то вроде ворот, а за воротами стояла низенькая деревянная церковка, перед ней — два столба. На них висела металлическая полоса — било, куда ударял едва видимый из-за изгороди звонарь.

Хмурые облака плыли на пасмурном небе. И непонятно было: откуда взялась эта вроде бы знакомая, но совершенно неизвестная местность, и почему ранняя весна сменилась осенью.

— Эя, отколя еси? — послышался древнерусский оклик.

Его окружила детвора, дивясь, галдя и показывая пальцами на пришельца. В глазах запестрело от разнообразных одежд. Кафтаны из сукна, зипуны из домотканого прядева, шерстяные рубахи. Обувка тоже разная: разноцветные сапожки и башмаки у мальчиков, выступки без каблуков у девочек. Некоторые даже в берестяных и верёвочных лапоточках. И все подпоясаны разными кушаками.

Японская куртка с капюшоном, американские джинсы и финские ботинки смотрелись в таком окружении довольно дико. Красивый мальчик в добротном синем кафтане с опушкой насмешливо произнёс: «Яко на Святкы али на Масляницу вырядился есть».

Детвора засмеялась.

«Кино, что ли, снимают? — подумал Николай. — Хотя какое кино? Всё вокруг другое! И лопочут по-древнерусски почище нашего Ивана Петровича. Да и то: у Арсентьева язык — выученный, а у этих-то, похоже, родной...»

Колька захотел расспросить ребятню о том, где находится, но тут кто-то закричал: «Идуть!» Все бросились к воротам, и Лукьянов поневоле потянулся за остальными.

У заставы — и за тыном, и перед ним — собралась приличная толпа горожан. Ребятня забралась на брёвна, чтобы лучше видеть, и Колька тоже. Прямо перед воротами стояли сторожевые — воины в кольчугах с копьями. А рядом толпились горожане, пестрели разнообразные одежды. Длинные, до пят, кафтаны с золотным шитьём, с бобровыми, рысьими, собольими опушками. Кафтаны победнее, покороче. Сермяжные рабочие зипуны. Шапки с меховой опушкой и атласным верхом, шапки медвежьи, лисьи, заячьи, шерстяные неказистые колпаки.

По мосту через привратный окоп выехал конный отряд воинов в сверкающих боевых доспехах. Другой отряд из ближних вооружённых бояр двигался навстречу. Во главе его ехал предводитель в красно-синем шитом золотом плаще. Отряды соединились, и военачальники приветствовали друг друга.

— Сей — князь? — спросил кто-то.

— Се князь Глеб Святославич есть, — уважительно отозвался старший мальчишка. — Володимир воевати йдет. Вон — дружинници Глебови поле заполонили, а рядом — вои половецкыи.

Действительно, всё всполье перед городом постепенно занимал обоз: воины ставили палатки, разжигали костры. А рядом копошился, не смешиваясь с русичами, азиатский отряд в меховых и суконных доспехах.

Меж тем военачальники со свитой направились в город. Толпа махала князю Глебу шапками, а звонарь радостно молотил в церковное било. Процессия проехала заставу и поворачивала направо — в княжеский замок, ограждённый мощной стеной из вертикально поставленных брёвен и грозной надвратной башней.

Николай наладилсь было вслед за детворой, но его ухватил за капюшон куртки строгий дозорный:

— Отколя, чадо?

— Колька я, колмовский, только из двадцать первого века! — сморозил Лукьянов.

— Бреше! — захихикал вредный красавчик. — Не наш бо сей: меря али чудь.

Вытаращив от удивления глаза, которые и без того сурово смотрели из-под шлема, караульный грозно приказал: «Иди!» — и подтолкнул его к двери в караульную избу. В полутёмном срубе сидело несколько вооружённых дяденек, на стенах висели щиты, колчаны с луками, а рядом прислонились копья.

Дозорный кивнул самому младшему из караульной смены:

— Ярко! Свяди отрочонка к тиуну Радше, пусть сведаеть — отколя, кто. Странен сый — може, уродивый?

Ярко улыбнулся Кольке, надел старую, мехом внутрь, безрукавку и суконный подшлемник, взял парня за руку и потащил за собой не грубо, но твёрдо.

Пошли по извилистой улице, мощённой брёвнышками. Потянулись глухие заборы. Воротные столбы украшены резьбой, а створы ворот и калитки окованы узорными скобами, кружевным железом. Из-за ворот выглядывали избы — где наряднее, где победнее. У тиунской избы остановились. Она была богаче остальных: в два яруса, кровля бочкой, а слюдяные окна больше, чем в остальных домах. Поднялись в верхний покой и через прихожую вошли в приёмную тиуна.

— Отче Радше, старшой мя посла. Зри — что за отроча: не наш бо сый. Не уродивый ли?

Поклонился чиновнику в пояс и вышел.

Тиун, плотный дяденька, облачённый в серую свитку, с седеющей бородой, со стрижкой под горшок и внимательным взглядом нешироких серых глаз посадил Кольку на лавку перед собой и спросил негромко, но веско:

— Ну, чадо, рцы ми, кто ты еси и отколе?

— Аз Николай Лукьянов, из Колмова! — ответил Колька, автоматически подделываясь под местный говор. — Токмо из двадцать первого века, а как сюда попал, сам не знаю...

— Странно и неудобовразумительно глаголеши, отроче Миколка, Лукьянов сын... О коем двадцатпервом веке ты рещи? О веке людстем рещи царь Давыд: «Век человека семьдесят лет, аще же в силах — осемдесят лет, и множае из них — труд и болезнь...». Воистину тако есть... У нас же ныне иде лето от Сотворения мира — шесть тысяч шестьсот восемьдесят пятое. Ты же блажишь, отроче, но от Бога ли юродство твоё али от лукаваго — про то лишь отец Микола рассудит. Златко, сыне!

Из соседней двери вышел ражий нарядный молодец.

— Сыне, слышах ли беседу нашу? Сведи сего малого к отцу Миколаю, да решит, что с ним деяти. В затвор не хочу его сажати, да и не за что. Може, найдёт, кому его поселити. А не то веди назад, мы тогда сами помыслим. Ну, отроче Миколче, ступай себе!

Тиунов служка повёл Кольку обратно.

И скоро они подошли к храму и соседнему поповскому двору. Попов дом смотрел сурово и таинственно, а над массивной калиткой покоился позеленевший от времени бронзовый образок.

У Воскресения

Калитка была не закрыта. Злат завёл Кольку во двор и постучался в массивную дверь, на коей был вырезан простой равноконечный крест, подвеченный чёрной краской.

Им открыл сам батюшка, облачённый в старенький ветхий подрясник. Лет священнику было под шестьдесят, судя по седой бороде и морщинам на челе; умные тёмные глаза смотрели внимательно.

— День добр, Злат. С чем пришел?

Служка кратко изложил историю Кольки, после чего очи хозяина дома стали ещё более внимательными. Отослав тиунова служку, кивнул гостю:

— Проходи, отроче Никóлае!

В избе после улицы казалось темно. Маленькие волоконовые окошки почти не давали света. У одного из них сидела хозяйка с прялкой и прядевом. Младшие копошились у другой стены. В углу висела пара икон, еле озаряемых глиняной лампадкой. А центр избы занимала большая печь, сложенная из камней и глины, похожая на каменный замо́к, вся в каких-то выступах и отделениях.

Они уселись за столом, и поп принялся осторожно расспрашивать пришельца.

Про XXI век Колька предусмотрительно рассказывать не стал: сообщил только, что из другого времени и ближнего края, а как попал сюда — сам не сообразил никак. Священник не отставал: заходил то с одного конца, то с другого, пока в итоге разговор не зашёл про духов тьмы. Батюшка подробно расспросил, как они выглядели, и задумался.

Тут Колька заметил, что к ним незаметно присоединились попята. Старший, в котором Колька признал давешнего красавчика, бросил строгать какую-то свою поделку и присел на край лавки. Возле него примостилась младшая, очень похожая на Светозарову, такая же светлая и синеглазая, только меньше ростиком и возрастом. Оба слушали Кольку, как зачарованные, с раскрытыми ртами, не шевелясь, только девчушка изредка прижимала к себе тряпичную куклу.

Наконец батюшка очнулся.

— Дивен сый сказ твой, Николае: дивен и пречуден еси. Слышах аз про таковые дела, но своима очима впервой зрю... Вот что с тобой, мню, приключилося. Край сей просвещён недавно, и по сю пору окрест колдунов полно. С ними ты ныне сретился, и они тя, чадо, заколдовали. Да так, что ты и речь свою, и смысл свой запомятовал. Аз, учён еси, и то

вполовину не пойму, что ты рече́шь. Мню, однако: не нашего ты рода. Речи ми: не ведовского ли ты семени?

— Что вы, батюшка, несёте?! — обиделся Колька. — Аз есмь православный! Верую в Бога Отца, Сына и Святаго Духа!

И перекрестился. Отцу Николаю после этого явно полегчало.

Чтобы развеять неловкое молчание, Лукьянов вежливо осведомился:

— А какое посвящение у вашего храма, батюшка?

— В честь Воскресения Христова. Воскресенская... Да только бедна церковь, для чёрного люда: одно слово, что храм. А вот в детинце, на князем дворе, церковь богата — Успенский храм! Но туда простому люду ходу несть. Тамо дружинники да воевода княжий. А ныне — и сам князь. Завтра идёт Володимир воевати.

— Ну и зря он идёт! — веско сказал Николай. — Скоро вместо него князь Всеволод очутится под Колмовом. А когда весть ему придёт, что Глеб у Володимира воюет, так он вернётся в свою вотчину и князя Глеба разобьёт, и не только разобьёт, но и в плен возьмёт.

— Блажишь ты, дитяtko! — улыбнулся отец Николай.

— А вот увидите! — обиделся Колька.

Батюшка посерьёзnel:

— Поглядим... Может, и правда ты — блаженный, человек Божий?

И обернулся к сыну:

— Арсение! Облачи гостя в свою оде́жу, чтобы он на человека похож стал. А его нелепо одеяние сверни и спрячь. Матушка, найдётся ли оде́жа у нас?

— Найдётся! — улыбнулась та. — Намедни простирала и высушила.

Сенька потащил Лукьянова в свой угол. И через пару минут Колька переоделся во всё древнерусское — в порты и длинную холщовую рубаху. И странное дело: сменив одежду, он словно и жизнь поменял. Школа и его родной Колмов показались ему какими-то далёкими, нереальными. Как будто он видел их во сне, а теперь проснулся.

Миколка Блаженный

Прошло всего несколько дней, а Колька освоился в древнем Колмове так, как будто жил здесь уже лет сто. Перезнакомился со всеми парнями и балакал по-старославянски так, как будто всю жизнь только на нём и общался. Не зря Арсентьев заставлял их бегло читать отрывки из древнерусской литературы и летописей, где говорилось про Колмов. Кольке, конечно, было не угнаться за Светозаровой, которая чесала по-древнему вообще без запинки, но и он кое-что умел.

Благодаря отличной реакции Лукьянов лучше всех научился играть в бабки. Недаром он в школе был чемпионом по настольному теннису в своей возрастной группе. Хотя где теперь был этот теннис и эта школа? Всё казалось призрачным по сравнению со зримым и суровым бытом военного Колмова: с избами, топлеными по-чёрному, с душистым хлебом, гречневой кашей, грибами и сытной рыбой, с пареной репой и пирогами по праздникам...

Только к церкви Лукьянов никак не мог привыкнуть. Тесная и тёмная, она казалась какой-то пещерой: образа в иконостасе были такими

чёрными и закопчёнными, что и не разберёшь, кто там изображён. Но особенно поразили Николая церковные книги. Служебные тексты написаны были не на бумаге, которой тогда и в заводе не было, и не на дорогом пергаменте, а... на берёсте! На вопросы о книгах отец Николай лишь вздыхал: «Бедны...»

Женщины на службе молились в левой части, мужчины — справа: все стояли прямо, как вкопанные, даже ребяташки. Пение было монотонное и заунывное, так что служба казалась невыносимо нудной. И Колька выбегал из храма поиграть во двор. Отец Николай этого не одобрял, но замечаний не делал. Какой спрос с блаженного чудака?

Меж тем уже лёг снег. Князь Глеб ушёл за Москву-реку — воевать владимирские земли. Но недолго колмовцы радовались уходу родимых нахлебников. Глядь — другие припожаловали. Прискакал из замоскворецкой переправы гонец и объявил о приходе великого князя Всеволода Большое Гнездо.

Затрезвонило «от великой радости» церковное било у Воскресенского храма. Владимирская дружина раскинула шатры за городскими надолбами. Нарядный и статный князь Всеволод на красивом коне в сопровождении оружного боярства подъехал к воротной башне колмовского детинца и повелел отворить въезд — хочет бо помолиться в храме Успенском.

На это был ему ответ, что хозяин у крепости — князь великий Глеб Рязанский, и коли он прикажет — отворят ворота Всеволоду. Но пока никаких распоряжений на сей счёт не приходило.

Большое Гнездо не стал штурмовать детинец: разместился рядом, на тиуновом дворе. Тиун Радша с челядью приютился в соседних службах и тащил из клетей последние припасы — улестити бо потребно гостя могущего и драгого. «Драгой гость» тем временем осмотрел пригород, расставил посты вокруг крепости, посетил Воскресенскую церковь, заказал отцу Николаю молебен о даровании победы, сам помолился и принял благословение от батюшки.

Бояре Всеволодовы определились на постой по окрестным избам, только отца Николая утеснить не стали. Местным прибавилось работы: кузнецы перековывали коней и правили оружие, скорняки поправляли упряжь; нашлось дел и сапожникам, и портным, да и всем мастеровым.

Недолго, однако, загодились владимирцы. Прискакал по зимнему пути гонец и сказал, как передавали свидетели:

— Худы вести, княже! Глеб-князь осадил твою вотчину и воюет с половцы около Володимеря.

Затрубили боевые рога. В одночасье поднялось княжье войско и перешло с крутого берега на пологое поле, к лесу, на месте которого лет через двести-триста появится Боброков-Рождествен монастырь...

Радша и прочие колмовцы остались чесать в затылке да убытки подсчитывать. А Колька нежданно получил славу блаженного: Сенька быстро по всему городу растрепал, как их неожиданный постоялец напоролил насчёт прихода Всеволода. Глядишь, и пророчество о грядущем пленении Глеба тоже правдой окажется!

Юродивых в городе почитали и боялись. Если колмовцы и раньше привечали Кольку, то теперь стали оказывать ему сугубое радушие и почтение.

Единственной, кто не изменил своё отношение к Лукьянову, оказалась попова младшая дочка. Уж больно она напоминала Светозарову: даже звали её Настёной. В Колмове у всех имена были языческие: Славко, Медведко, был даже один Заяц. Народ всё крещёный, но крестильных своих имён почти никто не помнил. Зато в поповой семье у всех были имена христианские.

Так вот, с Анастасией наладились у него братские отношения: Настёна постоянно приглядывала за Колькой и везде с ним таскалась. Вообще девчущки и парни в Колмове держались отдельными стайками, но Кольку с Настей за их дружбу никто не дразнил. Что, в самом деле, с парня взять? Юродивый!

На торгу

В понедельник и четверг возле города собирался рынок, или, говоря по-старинному, — торг. Торгом называлось и всё пространство перед наделами. Из окрестных деревень съезжались земледельцы и ремесленники, иногда наезжали и купцы иноязычные.

Кто торговал с повозок, кто раскидывал шатры для удобства и от непогоды — и начинался радостный гвалт. В ушах звенело от криков зазывал.

Повозки и палатки выстраивались рядами в зависимости от товара. В одном ряду продавали жито — рожь, пшеницу. Рядом — молоко, сметану, творог, сыр. Подальше предлагали птицу, скот, упряжных лошадей. Отдельно торговали убоиной — говядиной, свининой. Особенно поразили Кольку замороженные туши свиней, стоящие в возах на четырёх ногах, точно живые. Тут же пристраивались охотники, рыболовы: в глазах перелетело от разнообразия дичи и рыбин.

В другой стороне торговали ремесленники — кожемяки, шорники, горшечники, портные, древоделы с точёной деревянной посудой и нехитрой мебелью, кузнецы с ходовой мелочью: подковками, скобами, гвоздями. На них свысока поглядывали представители кузнечной аристократии — мечники и бронники: у этих товару было немного, они в основном брали работу на заказ.

В калачном ряду толпились бортники, которые промышляли мёд у диких пчёл (на Руси в это время и слова-то такого не знали: сахар). Тут же шибал в ноздри густой горячий вкусный дух: варёные и хмельные мёды, квасы хлебные, медовые, брусничные, клюквенные, медовуха. Сытно дышали пироги, хлебы, пряная выпечка...

Сегодня местные торговцы щедро одарили знаменитого Миколку-юродивого пирожками: мясными, рыбными, капустными, грибными, ягодными. И каждый раз, вручая пирожок, говорили: «Помолись за мя», чтобы торговля шла, или просили помянуть. В основном имена были древнерусские, но попадались и крестильные. Особенно запомнилась «раба Божия Еулампия».

С берестяным лукошком, полным пирогов, Николай пристроился на берёзовой чурке по соседству с нищим-гусляром и принялся поминать Еулампью и прочих рабов Божиих. Оporожнив лукошко наполовину, он почувствовал, что больше поминать Еулампью не может — свободного места в животе не осталось.

Зимний путь

Тут, на счастье, подошла Настёна и помогла Кольке в его трудной работе. Оставив лукошко с несколькими пирожками около гусяра, чтобы и он поучаствовал в поминовении, Николай с Настёной ещё раз обошли Торг.

Было заметно, что товары в основном не покупались, а выменивались. Денег в привычном для Кольки смысле не было. Иногда появлялись из кожаного мешочка — калиты — крошечные кусочки серебра, отрубленные от серебряного прута, который из-за этого, собственно, и назывался рублём. Половина прута именовалась полтиной. Но о полтинах, а тем более о рублях речи не было, разве что в палатках у златокузнецов, а также у мечников и бронников. На рынке шли в ход кусочки меди или железная мелочь (железо очень ценилось, и каждый гвоздь или подковка хорошо обменивались). И лишь в дорогих шатрах речь заходила о серебре: иногда появлялись даже диковинные азиатские монетки с арабским витьём.

Женщины и девушки приценивались к изящным драгоценностям: узорчатым височным кольцам, гладким, перевитым или отсвечивающим камнем перстням, полированным сверкающим бляшкам, украшенным зернью, сканью или вставками цветной эмали, бусам из самоцветных зёрен или пёстрого царьградского стекла, оберегам-змеевикам и янтарным крестикам...

И вдруг Кольке на глаза попались витые шейные украшения — гривны. Одна из них имела то же самое витьё, что и те два кусочка, подобранные им в другом мире — во время весенней прогулки с Настей Светозаровой — в раскопе у каменного храма Воскресения.

Настёна часто приглашала его в свой мир — кукольный закуток за тёплой русской печью. Там, притаясь, они подолгу вели душевные беседы. Девочка рассказывала парню о колмовских делах и расспрашивала о Колькином мире. Она, правда, ничего не понимала, лишь пожимала плечиками, ибо сказ её друга состоял почти целиком из незнакомых слов.

Но постепенно в её умненькой головке утвердилось понимание: Миколка-юродивый пришёл из другого времени и часто по нему скучает.

Думала она, думала и выдала однажды:

— Надо ти с Дружиной перемолвить... Се мой родич, дядя, младшой мамин брат, а мой крёстный. Он, хоть и крещён — во святом крещении — Роман, но при сём с Лесовиком знается.

— Что за Лесовик?

— Ведун сильный и лекарь. Отец его колдуном кличет. А токмо Лесовик зла никому не деет. И Дружина сказывал, что он со временем управлять может — скачет из одного лета в другое, яко векша. Мню, сможет он тебе пособить.

— А нынче Дружина в Колмове?

— Куды ж ему детися? Пошли — узнаеши его!

Дружина оказался настоящим добрым молодцем. Статный, русоволосый, похожий на своих сестру и племянницу и ликом, и лёгким нравом, он мечтал попасть в Колмовский замок как полноправный насельник. И надо сказать, что колмовский воевода уже приметил его за силу и ловкость.

В число ратников или дозорных пока не определил, но когда начиналась большая охота, непременно посылал за Дружиной — лучшего загонщика в здешних краях не сыщешь.

Славный молодец в ребячьем рассказе не сильно разобрался. Да и то сказать: философскими познаниями он не отличался, скорее уж силушкой да сметкой. Но помочь обещался. Зима наступила — всё равно делать особенно нечего.

И вот спустя всего несколько дней отправились они «на охоту», а взаправду — на сретение с Лесовиком.

Шли на широких охотничьих лыжах. Дружина — впереди, а Колька — по его следу. В перелеске Дружина обернулся:

— Летом, а тем паче весной али осенью к нему не дойти. Кроется — на болотах живе. К людям сам иде, когда похощет. А ныне ручьи да болота стали: знающу человеку и самому пройти можно.

Дремучий лес встретил их бесконечным и таинственным молчанием. Не слышно было ни шороха листвы, ни пения птиц. Лишь редкие птичьи или заячьи следы на снегу свидетельствовали о том, что жизнь не совсем покинула этот холодный онемевший мир.

Шли долго...

Начало темнеть, и пока не совсем смерклось, вожатай отыскал достаточно глубокую лощину, раскопал и утоптал снег, лапнику наломал на сиденье и под спину. Получилась уютная берлога. Подыскали небольшой засохший ствол, раскачали, выломали его и подтащили к берлоге. Родич Настёны принялась выбивать искры кресалом — запалил трут, раздул огонь во мху и коре, положил в костерок один конец бревна. Тепла хватало на всю ночь: надо было лишь время от времени пододвигать бревно, когда часть его прогорала, ближе к центру костра.

Уселась. Жар давал тепло ногам, теплы были и тулупы, и меховые ушанки. В котелке растопили снег, поужинали хлебом и вкусными полосками вяленого мяса, запили отваром сушёных ягод. Потом надели рукавицы мехом внутрь, жаркие, как огонь, обнялись и заснули. Лишь пару раз сквозь сон Колька слышал, как Дружина пододвигал прогорающее бревно в костёр.

Утром проснулись, перекусили. Потом дядя Дружина затоптал огонь, а стоянку разорять не стал — пригодится на обратном пути.

Опять долго шли по тайным, лишь вожатаю знакомым приметам. Наконец лес слегка поредел, и они вышли на опушку.

Посреди стоял двор, похожий на маленькую крепость, ограждённый крепким частоколом. Перед массивной калиткой были врыты два столба, на которых белели два конских черепа.

Едва путники вышли на опушку, из-за ограды раздались рык и глухой лай. Тяжёлая калитка распахнулась, и в проёме её появилась фигура старика в длинной белой рубахе и накинута на плечи, доходящей до пят шубе.

Коричневое, иссечённое морщинами лицо окаймлялось продолговатыми белыми прядями, белая борода струилась до пояса.

— Добр день, Дружино. Проходите, чада, на двор.

Перед тем как войти, Колька глянул направо, в сторону могучего дуба, стоящего посреди опушки. Он заметил, что в середине ствола вырезан грубый человекоподобный лик.

Лесовик

Едва вошли — навстречу им поднялся, рыча, огромный пёс. Но старик цыкнул на него, и зверище с недовольным видом плюхнулся на снег рядом со своей здоровенной конурой.

— Летом медведи балуют, — буркнул старик, — вот и приходится псину держати да частокол городити, яко в крепости... Заходите.

Изба была сложена добротнo и крепко — на века, из отборных брёвен. Двускатная крыша, крытая дранкой, вверху сходилась к главной балке, украшенной силуэтом конской головы. Окна походили на бойницы и света давали мало, тем более что волоковые затворы из тонкой прозрачной кожи скрадывали и без того скудное освещение.

Пространство внутри сруба озарялось пламенем фитиля, что плавал в горшке с жиром; горшок покоился на грубом столе возле стены под одной из бойниц. Горел огонь и в печи-каменке, походившей скорее на очаг. Трубы у неё не было: дым поднимался к тёмному потолку и потихоньку вытягивался в особое махонькое окошко.

Пол был застелен шкурами, а по стенам висели тяжёлые копья-рогатины, несколько мечей, самострел и пара колчанов с луками и стрелами, хитрые капканы, рыбацьи снасти и острога...

— Глянь, отче, я тут тебе припас, — сказал Дружина, сбрасывая мешок со спины и развязывая его. На столе появился горшок, закутанный в тряпицу, несколько небольших мешков с ягодами и травами.

— Знатно... — улыбнулся старик. — Благо ти, Дружино, принёс ми, что прощено!

Разложил на полки принесённое, а потом, оборотясь, пригласил гостей за стол. Расставил миски с творогом, свежими хлебными лепёшками и кружки с горячим пряным отваром. Дружина выложил вяленое мясо, и тут из-за печи поднялся и бесшумной тенью подошёл к столу здоровенный пушистый кот размером с небольшую рысь. Его умные зелёные глаза светились необычайным интересом.

— Добр день, Рыс! — приветствовал его Дружина. — Можно ему мяса?

— Дай мало, как не дать... — сказал лесовик. — Он здесь главен есть, его даже Рык боится, пёс мой. Кот — вещий зверь: он духов тьмы зрит и гонит...

Дружина покрошил одну полоску и разложил на полу. Рыс принялся за еду, а вслед за ним начали трапезовать и люди. Лесовик, попивая отвар, неспешно расспрашивал Дружину о делах в Колмове. А, услышав о проществах Миколки-блаженного, ненадолго остановился и внимательно посмотрел на мальчишку.

Окончив трапезу, сказал веско и внушительно:

— Умаялся ты, Дружино... Бери-ка вон те мешки с санными да ложись почивати возле печи.

Глаза у старшего из путников действительно стали закрываться.

— И то — в сон клонит, — согласился он. — Пойду прилягу.

Положил мешки, улёгся и вскоре уже сопел во сне. Подошёл к нему котище, лёг рядом, в ногах: свернулся, точно огромная меховая шапка, и глаза смежил.

— Ну, вот и побеседовать можно, — произнёс ведун уже совсем другим тоном. — Спрашивай, сыне.

— Дедушка Лесовик, что это за дерево — там, на опушке?

— Пёркун, или Перун... Един из богов здешних. Людие края сего во многих богов верили: в Дажь-бога, Велеса и в других... Се не боги, се личины, человеками зданные образы Единаго, пепел, сожжённый силой Его. Но не всем дано познать Единаго: в личины-то веровать легче. Мнози и по сию пору верят...

— А Един Бог — это Бог отца Николая?

— Може, и тако: не вем... Отец Микола мудр, но его вера нова, а я стар, чтобы новины разбирать... Ты вот реши ми внятно: како в наш край попал — сие ныне важно есть!

И потекла неспешная беседа...

Старик, не торопясь, если что-то не понимал, переспрашивал — и дважды, и трижды. Особенно внимательно разузнавал о духах тьмы: о том, как они выглядели, о переходе через время. Всё вызнав, замолк. И долго сидел, глядя на лампу и горящий фитиль. Наконец как бы очнулся и заговорил.

— Да, есть, Миколче, на земле Колмовской таковы места, где время за время перехлёстывает. Я-то знаю, как переходить, а вот ты, отроче, в первый раз попал, с того-то вси на тебя чудятся. Но не от сего тяжко у мя на сердце. А с того тяжко, что на днях зрел я духов твоих тёмных...

Лукьянов похолодел.

— Да, Миколче... Выпускал я давеча кота сего, глядь — а он весь выгнулся, шипит, шерсть дыбом и очи растарачил, будто нежить узрел. Глянул я, чадо, за частокол, — и тех твоих навьих тварей заметил. Было сие кратко — яко глазом мигнути. Но уж ты мне верь, чадо, — они то были. И мнится мне — по твою душу явились они.

Старик встал, отошёл к тёмному углу и вернулся, неся странное одеяние — ветхую безрукавку мехом внутрь.

— Что это, дедушка Лесовик?

— О, это дивна одёжка! В ней зимою не холодно, летом — не жарко. Но не о том речь... Одежка сия — заговорённая. Ежели сретится ти враг лютей — полою от него загородись, главу прикрой и молитву сотвори. Молитва же сия такова есть.

Он наклонился к Лукьянову, уставился на него зелёными глазищами и произнёс так, что эти слова навсегда врезались Кольке в память его:

— Ана-стасиа — ника!

— Ана-стасиа — ника!... — прошептал Колька.

Лесовик кивнул.

— И когда скажешь слово сие — во мгновение ока перенесёшься из сего времени наперёд — за сотню или за двести лет. Но реши молитву сию с бережением. Ибо рекши, назад уже не воротиться. Ты, вижу, отца Миколу полюбил и дочку его, и Дружину. Верно ли?

— Да, верно...

— Так запомни ж — слово сие скажешь, пренесёшься, — а их уж никогда не ўзришь! Внял ли еси?

— Внял...

— Ну, тогда надевай одёжку сию и никогда не снимай.

Колька накинул безрукавку, и она легла на плечи так, будто он в ней вечно ходил, будто в ней родился. Будто она — часть кожи его.

— Добро... — пробурчал старик. — А теперь пора почивати. Темно уже... А завтра день труден будет...

Новый князь

Провожать их вышли наутро все трое: Лесовик, его громадный пёс и котище Рыс, тревожно глядящий им вслед почти человеческими очами. На границе опушки и леса путники обернулись, махнули рукавицами вещим лесным жителям и ступили на вчерашнюю лыжню.

Шли, особо не переговариваясь. Дружина только спросил: удалось ли как следует переговорить со стариком. Колька ответил, что удалось.

— Ин ладно. Идём шибче, — сказал вожатай и пошёл дальше, думая о чём-то своём. Лесовик перед отходом о чём-то с ним пошептался, а теперь молодец, похоже, обдумывал сказанное.

Заночевали на прежней стоянке.

Утром поднялись и пошли в сторону Колмова, но на сей раз путешествие было опаснее — в отдалении то и дело слышался волчий вой.

Под вечер дошли до города и вскоре уже сидели в доме воскресенского попа. Отец Микола задержал зятя на вечернюю трапезу и, против ожидания, не стал шутить над охотниками, пришедшими без добычи. Не до шуток было.

— Прав ты, Миколче, оказался... — с тревогой сказал он. — Князь Всеволод Юрьевич разбил Глеба Рязанского и попленил, а половцев его всех истребил за их жестокость. Ныне же, сказывают, взял он рязанский град Борисо-Глебов и стоит под самой Рязанью.

40

Притих Колмов, томимый неясными предчувствиями.

А наутро город проснулся, разбуженный частыми ударами церковного била. Торг занимали дружинники, меньшие числом, чем прежние рати, но столь же крепко вооружённые. Боярский отряд во главе с князем двинулся к проездной башне. Молодой князь, чья броня сверкала, словно лёд, а багряный плащ отсвечивал богатым золотым шитьём, выехал вперёд и подбоченился.

— Се аз Всеволод Глебович, сын Глеба Рязанского, что ныне в плену у Большого Гнезда. Вы мя знаете, и аз ведаю вас. Отверзите ми двери, хошу бо воити в вотчину отца моего!

Шорох и волнение поднялись в надвратной башне. Заскрипели и отворились тяжёлые створы, и отряд торжественно въехал в детинец...

Прошло часа полтора. Тиун Радша с челядинами, выйдя их князьего замка, принялся скликать народ к церкви. Потянулись насельники из кремля и тоже стали собираться вокруг храма. Неторопливо и торжественно вышел к народу новый молодой князь, прошёл сквозь толпу, а за ним, словно пёстрая нить, потянулся отряд воинов и советников. Князь взошёл на помост у звонницы, а спутники сгруппировались вокруг него.

Вперёд выступил отец Николай с напрестольным крестом в руках и сказал внятно твёрдым, но не слишком весёлым голосом:

— Чада! Князь наш великий Глеб Рязанский пленён великим князем Володимирским Всеволодом Юрьевичем. Наследники Глебови и князь Володимирский держали промеж себя совет у града Рязани, и разделиша они волости Рязанстии. И Колмов отошед сему князю молодшему, Всеволоду Глебовичу... Он ныне наш князь, а Колмов — удел его! Будем ему роту давать, присягу свершати. Целуйте, чада, крест на верность князю Всеволоду Колмовскому!

Народ молча потянулся к помосту. Люди свершали крестное знамение и прикладывались ко кресту...

Вдруг очередь остановилась.

Воевода колмовский задержался, и видно было, что не желает он целовать креста.

— Что же ты умедлил, воеводо мой Борисе? — с усмешкой спросил новый князь

— Я не твой воевода! — громко и с ненавистью ответил тот. — Я воевода князя Глеба! Аз ему роту давал, и он мне свою вотчину в твои руцы предавать не приказывал! Вы же, сынове его, и ты с ними, отца своего предали, сговорились с отцовым супостатом, окаянным Всеволодом! Покуда Глеб Рязанстий не прикажет, не буду тебе крест целовати!

— Ну, как знаеши, — хмыкнул князь и слегка кивнул головой в золотёном шлеме. Тут из его свиты неслышно выступил могучий дружинник и сзади подошёл к ослушнику. Словно молния, сверкнул тяжёлый немецкий меч, и страшный удар обрушился на шею колмовского воеводы. Голова несчастного упала на снег, а затем и тело, постояв полмига, рухнуло вслед. Фонтан крови ударил, заливая утопанный белый покров алым потоком.

Вздых ужаса пронёсся по толпе.

— Возьмите сего и снесите в погреб, — с лёгкой брезгливостью произнёс князь. — Пусть полежит на льду. После Пасхи, как землю отпустит, тогда закопаете.

Сняв с недвижного тела плащ, челядины положили на него останки воеводы и быстро унесли. Кровавый след тянулся за ними.

— Кто ещё не хочет ми роту давати? — спросил Всеволод.

Народ молчал.

— Отче Николае, верши целование дале.

И снова потянулись люди ко кресту, старательно обходя страшную лужу крови. Вместе с другими пошёл и Колька Лукьянов... Вдруг мёртвую тишину разорвал каркающий крик:

— Княже! Вот оборотень в образе малого-уродиваго, что на тя злоумышляет, о коем я ти сказывал! Вели поимати его!

Дружинник, который пред тем срубил голову колмовскому воеводе, указывал на Кольку. И Лукьянов тут же понял, что не дружинник это, а дух тьмы. Из-под шлема выбивались седые космы, а лик отдавал мертвецкой зеленью.

Мальчишка в мгновение ока пробился сквозь толпу и бросился вон из города. Мелькнули застава, окоп, Торг, вдали слышались невнятные крики и отдаляющийся топот. Но тут послышались удары копыт о плотный снег. Колька глянул назад — и сердце его зашлось от ужаса. На чёрном коне летел за ним дух тьмы. Зелёный плащ развеялся, точно сатанинское знамя, а в правой перчатке вислась крепкая верёвка.

Николай запахнулся заговорённой одеждой, укрыл полую голову и крикнул заветную молитву:

— Ана-ста́сия — ника́!

Тьма обдала мальчишку холодом и бросила на снег. Но это был другой снег и другое время.

Удельный град

Всё изменилось. Исчезли вокруг остатки роц. Вместо них виднелись вдоль Москвы-реки мастеровые слободки. Раскрылся и расширился Торг, мощнее и грознее щетинились в сторону поля городские надолбы. А на Торгу и возле Торга раскинулся громадный воинский лагерь...

Вместо хлипкой заставы взгромоздилась сторожевая башня. Ворота в ней были закрыты, только в одной из створ распахнулась калитка для пешего хода. Возле калитки стояли два воина в полном боевом вооружении. К ним-то и направился Колька.

— Здрaвы будeте, добры дружинницы!

— И тебе не хворать, — отозвался старший. — Сам-то кто будешь, сынче, и отколе?

— Аз Миколка-юродивый! — бойко ответил Лукьянов. — Из земли незнаемой, из поры неведомой!

Так он с ходу процитировал пришедшую на ум строчку нищего гуслира, с которым они давеча «поминали Еулампию». Господи, где теперь тот гуслир, и Настёна, и Дружина?!

— А сюды зачем?

— Гряду помолитися в храм Воскресенский!

— Вот истинно, что юрод, — покачал головой тот, что помоложе. — На миру война, град того и гляди вороги возьмут, а он «к Воскресению помолитися» идёт!

Старший отступил, давая дорогу.

— Ладно, иди себе, помолись... Може, твоей молитвы ради помилует нас Господь...

— А кто нынче княжит во граде? — спросил Колька, вступая в тёмный проём башни.

— Роман Ингоревич Колмовский, князь удельный. А ти что за дело? Ступай, брат, не задерживай!

«Роман Ингоревич?.. Не тот ли это князь — из Колмовской битвы?» — подумал Колька и огляделся.

Город тоже изменился... Дома стояли плотнее, а княжеский замок превратился в настоящую крепость. Виднелся уже не просто тын из огромных вертикальных брёвен, а настоящая стена, составленная из могучих деревянных срубов, забитых землёй и камнями. Поверху срубов-тарасов шли заборолы — выступающий над стеной боевой ход, щурящийся на врага узкими горизонтальными бойницами. Вал и стена окружались глубоким рвом, через который перекинут был деревянный мост, упирающийся в массивную надвратную башню. Ворота были плотно закрыты, а над проездом виднелась икона, и мерцала перед ней молитвенная лампада...

Воскресенская церковь стала выше, обросла приделами, с запада пристроилась обширная крытая паперть, переходящая в колокольню. Вместо двух столбов и примитивного била возвысилась приличная шатровая звонница с набором пусть и небольших, но всё же настоящих колоколов.

Расширился и поповский дом: над ним вторым этажом срубили высокую нарядную горницу. Колька осторожно открыл калитку и заглянул во двор — нет ли собаки. Пса не было, и Лукьянов подошёл к знакомой,

каким-то дивом сохранившейся двери с вырезанным, но уже выцветшим от времени крестом. Приотворил полотнище и привычно произнёс входное:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

— Аминь! — раздалось из глубины, и на пороге появился священник лет сорока – сорока пяти.

— Благослови, отче... прости, не ведаю твоего прозвания...

— Грешный иерей Виссарион... — вздохнул священник.

— Благослови, отче Виссарионе!

— Ты кто и отколе еси, чадо? — спросил священник, благословляя.

— Миколка-юродивый, из страны неведомой, из поры незнаемой! А пришед помолитися в храме Воскресенском.

— Воистину ты блаженный... Не время нынче паломничать... Скажи: не слыхати — взял ли супостат великую Рязань?

— Не вем... Но точно возьмёт, если уже не взял. Придёт царь Батый в Колмов со всем воинством!

— Тут есть кому его встретить! Вся рать владимирская с князем Всеволодом, наследником владимирским, наш Роман Ингоревич, рязанские и пронские воины, москвичи и дружины из иных градов. И главное — надёжа наша — славный воевода владимирский Иеремия Глебович.

— Все они погибнут, — прошептал Колька. — И князь Роман, и воевода Еремей, и рати их... Только княжич Всеволод с малой дружиной вырвется и москвичи убегут. Правда, и монголам здесь туго придётся. Не только простые ратники здесь падут, а один из полководцев их, Кюльхан, сын Чингисов...

— Ты-то откуда всё это ведаешь? — подозрительно глянул на него отец Виссарион.

— Верьте мне, батюшка! — с жаром сказал Колька. — Уж я-то знаю! Отче Виссарионе, бежать бы вам надо из города, пока не поздно!

— Да как бежать? — понурился иерей. — А на кого я Дом Божий оставлю? Семью-то с матушкой отправил уж на дальнюю заимку, к Порфирию Лесовику. А как бросить тех, кому бежать некуда?

— Неужто Лесовик жив? — изумился Колька.

— Жив, что ему дается... Стар очень. Да только, похоже, и нас переживёт. Проходи, Никола, перекусим, чем Бог даст...

Усадив парня за стол, разлил по глиняным кружкам горячий ягодный отвар, надвое разломил приготовленный кус хлеба, половину отдал гостю.

— Батюшка, а вот служил тут, сказывали, отец Николай... Что с ним случилось и с его семьёй?

— Отец Николай... Не знаю, — пожал плечами Виссарион. — Хотя погоди! Он же у мя в синодике записан, на старой берёсте: аз его на проскомидии поминаю, о упокоении. Да, был такой иерей Николай, токмо не вем, что содеялось с ним и с семейством его. Помнится, язва была моровая в Колмове, може, в ту язву и сгинули они...

Закончив трапезу, встали, помолились.

— Ну что, друже, внидем в Дом Божий? Укрепим в духе сырых да убогих, старых да малых, надеющихся на помощь Пресвятой Троицы и Царицы нашей Небесной — Приснодевы Марии?

В храме теснился народ. Испуганные люди жались друг ко другу: в основном женщины да дети, да старики и недужные. Мужчины все готовились к бою... Молящиеся заняли середину церкви, толпились на паперти и в приделах. Они смотрели на своего священника с надеждой и немою мольбой, как будто он мог каким-то чудом отвратить неминуемую смерть. Настоятель пробился к амвону, поставил на солею — возвышение перед иконостасом — подставку-аналой и начал было молебен, как вдруг раздались частые удары колокола.

Прихожане высыпали из храма, и Колька вместе со всеми узрел конный отряд в три шеренги, выезжающий из ворот детинца. Впереди ехали трое. В середине — младший, в княжеском одеянии, на горячем белом коне. За ним несли алое знамя с иконой святого Георгия. Справа от князя Всеволода ехал пожилой военачальник, похоже — сам Еремей Глебович, сопровождаемый синим стягом с иконой Божией Матери. А слева — статный мужественный воин — князь Роман Колмовский, за которым двигалось чёрное знамя с иконой Успения Богородицы. Княжеский шлем и кольчуга сверкали серебром, а на левом плече покоился синий щит с изображением грозного, рвущегося в бой багряного единорога.

Битва

Произведя смотр и расставив полки, военачальники вернулись в кремль. А к вечеру прибыло пополнение... В доме священника об этом узнали, когда в дверь вошли пятеро воинов.

— Прости, отче, мы тя стесним, да ненадолго. До завтра... — сказал старший из них.

— Кто вы, чада?

— Рязанцы есте... — ответил старший, упирая на «я». — Да токмо нету больше Рязани... Мы с начальником нашим Евпатием, рекомым Коловратом, отъехали по княжеску делу. А как узнали, что таурмены воюют у стольного града, тут же назад пошли. Да не успели, зане бо вороги взяли и град, и кремль. Едино пепелище осталось... Тогда Евпатий собрал окрестных, кто уцелел, дабы они княжью семью и прочих погребли, сами же пошли иноплеменным вослед. Они же по льду Оки идут, а мы их обошли, шедше кратким путём — по Колмовской дорозе. А завтра и гости дорогие придут: будем их потчевать. Коловрат в детинец пошед ко князю Роману, дабы назначил, где нашей рати становиться на бой. А мы к ти, отче, да ненадолго.

Много не разговаривали: отведали поповского хлеба, полегли на пол и заснули богатырским сном.

Поднялись засветло. Вышли на двор, умылись снегом, переоделись в чистую праздничную одежду, вооружились. Отец Виссарион причастил их запасными Дарами, и воины пошли седлать коней. Самый молодой и нарядный из ратников весело глянул на Кольку:

— Что грустишь, брате? Смотри веселей! На праздник идём — на поминки по граду и князю нашему!

Перекрестились на храм и поехали к союзным ратям.

Наступало утро 1 января 1238 года от Рождества Христова...

— Народ уже в храме, — сказал отец Виссарион. — Пошли, сыне.

— Вы идите, а я сейчас... только гляну.

И Колька побежал мимо пустых помертвевших домов — к сторожевой башне. Она была пуста: дозорные ушли на бой. Лукьянов в один миг взлетел по крутой лестнице на самый верхний ярус, а оттуда — на дозорную вышку.

Далёкий вид на окрестные поля и предместья открылся ему. Заря занялась, и в её праздничном свете хорошо видны были русские рати. Стройными рядами, словно на параде, они выстроились перед крепостью: сверкало начищенное оружие, и реяли над войсками боевые хоругви. Можно было различить войсковое деление: полк левой руки, полк правой руки, и самый большой, главный, — в центре. В отдалении перед ним выстроился передовой полк под командованием главного воеводы — Еремея Глебовича.

Вдруг какой-то странный медноголосый гул раздался. Он шёл из глубины русского войска и заставлял вибрировать воздух. Тут до Лукьянова дошло, что так трубят боевые рога. Словно волна прошла по людскому морю, и русские рати медленно двинулись на восток.

А оттуда двигалась, разрастаясь, тёмная полоса, становясь похожей на густую тучу. И Кольке почудилось, что из этой тучи тоже несётся гул — то ли трубы трубят, то ли барабаны бьют.

Парня била дрожь; казалось, время остановилось, стало тягучим, сложилось, как в кошмарном сне.

Бесконечно долго тянулось побоище передовых ратей...

Наконец всколыхнулось главное русское войско, а это значило, что передовой полк пал вместе со своим воеводой. Стальной кулак главного русского полка обрушился на расстроенные ряды монголов, и войска смешались.

Правый отряд кочевников попытался обойти дружины русичей по льду Москвы-реки, но полк левой руки сбросил их с крутого берега, и монголы, отступив, рассеялись по реке и Бобрневскому полю.

Меж тем в центре судьба сражения колебалась. То монголы отступали, их знамя-бунчук падало на землю, то подходили свежие отряды и теснили русских.

Врагов было больше, и постепенно, шаг за шагом, стали одолевать они, всё ближе продвигаясь в сторону города. Вот уже дрогнуло и заколебалось княжеское знамя, ещё и ещё раз отступили наши воины. Увидев, что положение становится опасным, московская рать, почти не вступая в сражение, бежала, оголив правый фланг.

Русичи, охваченные с двух сторон, начали откатываться к городу. Вот уже и с москворецкой стороны летучие отряды кочевников восстановили и усилили свой напор, так что сбившаяся в одну массу русская сила оказалась окружена.

Ещё раз грянул княжеский рог, и остатки владимирской рати с неистовой мощью обрушились на монголов, прорвали окружение и, быстро перейдя Москву-реку, пошли в сторону Владимира.

Измотанные битвой вороги попробовали было преследовать владимирцев, но, получив удар в тыл от колмовской дружины, вынуждены были бросить эти попытки и повернуться к людям князя Романа.

Бой шёл уже несколько часов. Русичи изнемогали от усталости и ран. Всё меньше становилось их, всё ближе отступали они к надолбам колмовским. Уже можно было различить отдельных воинов, и Колька вглядывался в них, стараясь разглядеть своих рязанских знакомцев. Уже виден был князь Роман, который под чёрным знаменем стоял в окружении отборных воинов. Колмовцам и остаткам иных дружин уже некуда было отступать. С одной стороны их вплотную прижали к надолбам, сквозь которые пробиться было невозможно, а с другой — их плотным кольцом окружали полчища монгольских латников.

Снега не стало видно. Он превратился в кровавую грязь.

Раз за разом накатывали вороги на русичей, словно прибором, потом отступали, их сменяли свежие отряды и вступали в битву снова и снова. И всё же наши держались! Уже слышны были крики толмачей, которые на ломаном языке предлагали обороняющимся почётный плен, но дружинники продолжали сражаться с каким-то исступлением, решив умереть пред стенами крепости. Слышались крики: «Рязань! Рязань!» Это войны Евпатия Коловрата продолжали кровавые поминки по сожжённой столице.

Ничего не могли сделать вражьи конники. И тут расступились они, пропуская сквозь ряды каменётные машины, приготовленные для штурма города. И полетели камни, пробивая в сплочённых бронных рядах широкие просеки. Хлынуло в эти просеки монгольское море и затопило русский остров. Пало чёрное знамя, пал и князь Роман, сокрытый под грудями трупов. Враги добивали последних защитников или, окружив их со всех сторон, выбивали из рук оружие, пленяли и вязали.

Раздались удары в створы ворот, они распахнулись, и монголы хлынули в Колмов. В пашню летели горящие стрелы и горшки с нефтью; занялся огонь, поднялись чёрные клубы дыма, а по лестнице загремели сапоги штурмующих.

Колька оглянулся, и сквозь дым ему показалось, что Воскресенский храм уходит под землю.

— Ана-стасиа — ника! — закричал он, укрываясь, и зыбкая темнота дыма смешалась с тьмой времени.

Успенев день

Земля была тёплой. Горячей даже. Колька чувствовал, как жар позднего лета проникает в его застывшее от холода и ужаса тело, как подсохшая трава колет ему щёку. Он приподнялся, глянул окрест, и дыхание у него перехватило. Это был новый город, в котором уже угадывались границы будущего!

Вместо надолбов вытянулась мощная линия высокого вала, уходящая далеко к югу. Вал венчался неприступной дубовой стеной, на которой покоились заборы, защищённые сверху надёжной дощатой кровлей. Перед валами шла система глубоких рвов и оврагов; через неё перекинут был подъёмный мост к Спас-Пятницким воротам, которые стояли на том самом месте, где лет через полтора года воздвигнется громада каменной Пятницкой проездной башни.

Колька оглянулся. Там же, где и всегда, лежал на Москве-реке наплавленной «живой» мост, только середину его развели, пропуская флотилию торговых судов. Они шли по течению, и ветер добавлял им ходу, раздувая нарядные разноцветные паруса. Навстречу против течения двигались гружённые баржи, которые на верёвках тянули вдоль низкого берега запряжённые лошади и ватаги бурлаков.

У причала царил суета. На пристани купеческие суда разгружали, переваливая мешки с товарами на конные повозки. Одни телеги уже поднимались от реки к огромному Торгу, другие ждали своей очереди к погрузке. А за рекой шла через поле Владимирка и темнел в некотором отдалении густой бор, на фоне которого виднелась деревенька. Рождествен-Боброков монастырь ещё не был построен...

Если же вернуться взглядом на городской берег, то видно было, что к востоку от Торга вместо рощ и полей выросли пригородные слободы и сёла, и вдоль Москвы-реки поднимались одна за другой несколько мажорских слободских церквей.

Лукьянов снова обернулся в сторону кремля. Он увидел, что возле ворот по обе стороны дороги собралась толпа людей. А по дороге вдоль Торга неторопливо и торжественно движется какая-то процессия.

Колька поднялся и, спотыкаясь, пошёл к народу. Он успел до того, как процессия приблизилась вплотную. Это были вооружённые всадники, но Колька заметил, как изменилось оружие. Вместо прямых мечей на поясах висели азиатские сабли, вместо кольчуг сверкали брони, составленные из крупных стальных блях; крупные щиты сменились небольшими кавалерийскими — круглыми, металлическими, с узорной насечкой.

Во главе ехало несколько князей. А среди них выделялся могучей фигурой, величием лика и пышностью убранства главный всадник. Его оружие, одежда, багряный плащ были особенно богато убраны: золотой пояс сверкал драгоценными камнями, а вместо шлема голову украшала отороченная дорогим мехом княжеская шапка.

Крик прошёл по людям. На князя смотрели с обожанием, со страстной надеждой. Некоторые плакали.

«Слава Димитрию Ивановичу!», «Слава великому князю Московскому!», «Государь, выручай!», «Слава внуку Калитину, правнуку Данилову!» — слышалось из толпы.

«Внук Калитин... — обожгло Николая. — Это же Димитрий Донской!» И он принялся ввинчиваться в толпу — то боком, то ползком, иногда получая затрещины и пинки, но страстное желание увидеть великого героя вблизи побеждало все препятствия. Упорство было вознаграждено: он перебрался через мост и очутился перед самым входом в башню. В её широкий проём вышел архиерей в богатом лазоревом облачении из персидской узорчатой парчи, щедро расшитой серебром, золотом и жемчугами. На груди владыки сиял украшенный самоцветами крест, а рядом на золотой цепи помещалась панагия — нагрудная овальная икона, выточенная, похоже, из слоновой кости. Рядом стояли священники, тоже в синих облачениях, с иконами.

Колька заметил, что архиерей совсем старенький: длинная борода и волосы совершенно седые. А голову его венчала не митра и не архиерейский

клубок, а расшитая шапка с собольей опушкой, похожая на княжескую, только повыше.

Великий князь спешил, снял княжескую шапку-венец, перекрестился на большую икону Спасителя в рост, что висела в киоте над воротами, и подошёл к владыке. Кольке видны были мельчайшие детали: каждая бронная чешуйка или пластина, тиснение на кожаных ремнях, золотая насечка на рукояти сабли, серебряная — на висящем справа шестопёре. На груди поверх полированной брони из четырёхугольных стальных «зерцал» покачивался бронзовый крест-мошевик, украшенный тонкой позолотой.

Князь и архиерей смотрели друг на друга со сдерживаемым волнением. А все окружающие и не думали его сдерживать. В эту секунду Лукьянов понял, что присутствует при событии огромной важности.

Епископ возвысил крест и благословил князя. И тут же грянул хор священников и священнослужителей, который был подхвачен всем народом.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианом на сопротивных дáруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство!»

Тропарь гремел, возносился меж хоругвей, отдавался эхом в проезде башни, струился в воздухе так, что, казалось, само синее небо пело вместе с людьми. Московский князь приложился ко кресту, и процессия торжественно двинулась в город: впереди священство, потом князья, избранные дружинники, а затем и народ.

Колька увидел, что Воскресенская деревянная церковь исчезла. Вместо неё стояла путевая часовня-столп с небольшой иконой. От неё распаивался просторный кремль и шли в глубину две улицы: направо — к стоящему в некотором отдалении дворцу, вероятно, великокняжескому, а налево — к другому дворцу и площади.

— Пресвятая Богородице, спаси нас! Слава честному Успению Твоему! — от сердца произнёс шедший рядом старик.

«Успение! — подумал Колька. — Конечно же, то самое Успение! Сегодня — Успенев день, август 1380 года от Рождества Христова, когда все русские рати собрались под Колмовом в Куликовский поход! Сегодня Димитрий, пока ещё не Донской, а просто великий князь Димитрий Иванович, вступает с полководцами в кремль, а старичок, который их благословлял — это епископ Коломенский! А завтра — смотр на Девищем поле!»

Солнце сияло, озаряя боевые знамёна, церковные хоругви и стальные жала копий. Пахло ладаном, слышались шнопения, народ рекою тёк на площадь, и Колька шёл вместе со всеми...

Софроний

Крестный ход направлялся к Соборной площади, а Лукьянов, вслушиваясь в церковный напев, одновременно крутил головой и тарачил глаза, пытаясь сориентироваться. Дорога, которой они шли, была, конечно, Успенской улицей, но не той прямой, как стрела, к которой он привык с младенчества. Это был Большой Успенский мост — средневековая дорога, мощённая брёвнами. Дома богатых горожан и боярские «осадные

дворы» стояли не прямо по «красной линии», а прихотливо — то подходя заборами вплотную к мостовой, то прячась в глубине застройки.

Впереди показался храм, но не могучий пятиглавый Успенский собор с центральным золотым шлемом. Нет, это была белокаменная церковь, меньшая по размерам и более стройная. Опиралась она на арочный подклет, по верху которого шло открытое гульбище — галерея, обнимающая собор; поднявшись на неё по ступеням, можно было обойти все три входа в храм. Порталы украшались изящными пучками тонких колонн, а тело постройки опоясывалось посередине тройным рядом узорчатой резьбы. Но главное — храм был... безглавым! И тут Колька вспомнил: конечно же! — соборная глава рухнула как раз перед великим праздником. Он заметил, что посреди площади стоят штабеля из белокаменных блоков. Это те самые камни от рухнувшего свода, которые изнесли перед встречей великого князя, чтобы они не загромождали пространство и полководец мог помолиться перед походом. Рядом с грудой камней стояли кружала — деревянные конструкции, по которым должны были выкладывать новые своды.

На эти каменные груды и взобрался Колька вместе с другими мальчишками, чтобы лучше видеть происходящее. Князя, полководцы и духовенство вошли в собор, а основная часть народа осталась снаружи: внутрь вместиться все не могли. Из церкви время от времени доносились отзвуки песнопений, но услышать службу целиком было трудно, и Николай принялся оглядываться по сторонам.

Слева, к северу от собора, стоял княжеский дворец, составленный из множества бревенчатых покоев. Да, это вам не обычные избёнки... Двух, а то и трёхъярусные хоромы с причудливыми кровлями: то высокие, стрельчатые, то выгнутые «бочкой». Слюдяные окна чертогов и светлиц значительно больше обычных. Покои связывались меж собой «висячими» крытыми галереями на столбах, так что переходить из одной постройки в другую можно было, не спускаясь на грешную землю. А в середине дворца высилась стройная деревянная домовая церковь с высокой кровлей и нарядной главкой, украшенной «гонтом» (резными плашками), и увенчанная «осьмиконечным» крестом.

Правее собора, к югу, стоял не менее роскошный дворец Колмовского епископа. И среди него также имелась церковь — может быть, чуть поскромнее княжеской, но тоже высокая и нарядная.

Меж тем молебен кончился, и процессия, выйдя через северные двери, спустилась и неторопливо-торжественно направилась на княжий двор. Часть церковников вышла через главный западный вход — в сторону епископского дворца. Стал расходиться и народ... Колька слез с каменных кладей и пошёл в сторону храма, поднялся по величественной лестнице и вступил в соборную церковь.

Удивительное зрелище предстало глазам его! Стены здания не были оштукатурены и тем более расписаны, так что хорошо просматривалась структура кладки из ровно отёсанных квадров. Квадратные столбы крепились к стенам мощными дубовыми связями. Узкие высокие стрельчатые окна давали немного освещения, но храм был залит светом: центрального свода не было, и оттуда лились в собор солнечные потоки.

Дух стройки перебивался ароматом ладана: казалось, облачка его ещё витают перед иконостасом. Он не был совсем готов — верхний «пророческий чин» четырёхъярусного иконостаса ещё не был заполнен. Но уже стояли образа местного ряда. В центре, над Царскими вратами, парил Христос на троне, а к нему с обеих сторон шли избранные святые. Ближе всех к Спасителю были обращены Мать Божия и Пророк Иоанн. Янтарное тёплое сияние исходило от величественных икон. Но в местном ряду, в правой части, каким-то особенным сиянием влекла к себе икона Богородицы с Младенцем. Но это была не та «Донская», что в Третьяковке! Не было утрачено золото фона, и краски горели, как будто положенные только вчера.

— Феофан Грек... — вырвалось у Лукьянова. — Это же Донская икона!

— Какая «Донская»? — удивился пожилой монах, который стоял рядом, справа. — Сие Божия Матерь «Умиление». Но она и вправду греческого письма — руки изографа Феофана. А как ты уведal о сём?

— Просто знаю... — смутился Колька и поправился. — Не помню, кто сказал. А Донская — потому что битва будет на Дону, на поле Куликове; чрез сие и образ прозовётся. Её князь Димитрий с собою на поле возьмёт, у неё молиться будет пред битвой.

— Станный ты отрок... Ну, коли знаешь, как великий князь на татар пойдёт, может, скажешь, и чем дело закончится?

— Конечно, скажу! — обрадовался Колька. — За нами победа будет! Только вот...

— Что? — спросил чернец погрузневшего парня.

— Много наших падёт... Половина из всех, а то и больше...

Тот лишь главой покачал, удивляясь.

— Из каких же земель к нам в Колмов такой мудрец пришёл?

— Аз Миколка-юродивый! — привычно запел Лукьянов. — Из земли неведомой, из поры незнаемой!

— Блаженный... — умилился монах и ласково погладил Кольку по вихрам. — Ну что ж... Бывает, что Божьим людям прозорливость даёт... Великое нынче время! О нём, думаю, поминать будут и в сём веке, и в будущем...

— Конечно, будут! — с жаром согласился Колька. — Найдутся книжники, которые и летописные повести сочинят, и великие песни напишут!

— Это ты добро прорёк, — согласился монах. — И аз, грешный, если будет на то воля Божия, слово своё скажу и о князе Димитрии Ивановиче, и о брате его Владимире Андреевиче, и о всех воинах земли Рустей... Господи, устне мои отверзи, и уста моя воспоют хвалу Твою!..

Сердце Лукьянова затрепетало от удивительного предчувствия.

— А как тебя звать-величать, честный отче?

— Многогрешный чернец Софроний, — с грустной улыбкой вздохнул собеседник.

— А не из Рязани ли ты, отче?

— Истинно ты провидец, отроче! — удивился тот. — И правда, меня Рязанцем также кличут.

Колька обомлел.

Перед ним стоял живой автор ещё не написанной «Задонщины».

В келье

Николай проснулся засветло. В тёмной келье при свете тусклой лампы рисовался силуэт монаха и слышалось монотонное чтение. Чернец «тянул» канон Пресвятой Богородице — тихо, полушёпотом, чтобы не потревожить гостя. Колька закрыл глаза и стал соображать, что это за комната. Он вспомнил, как Софроний-книжник, удивлённый Колькиными прозрениями, завёл парня на епископский двор, в людскую столовую, и потребовал, чтобы юродивого накормили.

Челядины начали довольно грубо шутить над Лукьяновым. Видно было, что юродивых они не жалуют. Но монах тут же прищипнул на них, привёл несколько душеспасительных цитат, и служки, несколько утихомирясь, накормили Кольку вкусным рыбным супом с приличным ломтём свежего ржаного хлеба и гречневой кашей.

Затем, вопреки ожиданиям челяди, Софроний отвёл осовевшего от еды и усталости гостя не в странноприимную избу, а в свою келью. Видя, что очи пришельца закрываются сами собой, монах постелил Кольке на жёстком, окованном стальными полосками сундуке, на котором Лукьянов тут же забылся мёртвым сном.

Вечером Софроний его растолкал, они поужинали хлебом с вяленой рыбкой и густым ягодно-медовым отваром. Чернец снова отвёл паренька к себе, уложил его и отправился в церковь читать Псалтирь. А Колька погрузился в сонные видения, в которых Пушкинская школа с Настей Светозаровой странным образом переплетались с древним Колмовом, Лесовиком, монгольскими латниками и страшными духами тьмы. Наконец разгорячённая голова утихомирилась, и Колька блаженно засопел в объятиях спокойного безвидного сна.

А теперь, когда закончился канон, наступала пора уже Лукьянову терзать Софрония своими расспросами.

— Батюшка Софроние, а почему владыка епископ давеча после молебна пошёл на княжий двор, а не к себе?

— Чудак ты, отрочё! — оглянулся монах. — Ему по чину положено вместе с князьями хлеб ясти. Престол Митрополита всея Руси уже третий год пустует, а наш владыка Герасим оный престол блюдёт и всею Церковью Русской правит вместо Митрополита. Тако он вчера князя встречал во вратах градных и благословлял его.

— А почему именно Колмовский владыка престол всея Руси соблюдает?

Монах присел рядом на сундук.

— Али ты забыл? Прежде ведь Колмов был рязанский град.

— Да, — закивал головою Колька. — Лет двести был в составе великого княжества Рязанского. Рязанцы его и основали — против Владимира.

— Ну вот, видишь... А потом благоверный Даниил Московский отвоёвывал его у Рязанского князя.

— Угу. Тот на Даниила войной пошёл, а сам и войско потерял, и в плен попал. Я вот только имени его не помню.

— Константин... — отозвался монах. — Токмо недолго ему судил Господь в плену сидети. Даниил рано помре, а сын его Юрий приказал

пленника убить. Не праздну же сказал царь Давид: «Не касайтесь помазанников моих...» И Господь покарал Юрия — скоро убили его в Орде. А княжить почал брат его Иван Калита (так его нищие прозвали, ибо он всегда с калитой ходил и оттоле убогим милостыню раздавал). Вот при Иване-то Колмов и процвёл, яко вертоград земной. При рязанех Колмов был так — крепостишка махонькая. А Иван Данилович преложил его в град велик! Видел ли ты валы громадныя и пространныя? Се его труды есть!

— От кого же эти валы? От ордынцев?

— Не столь от ордынцев, сколь от рязанцев. Ведь Рязань и по сию пору Колмов за Москвою не признаёт.

Тут неожиданный и резкий стук прервал их беседу.

— Молитвами святых отец наших...

— Аминь! — отозвался Софроний. Дверь отворилась, и в келью вошёл Мартынка — старший челядин, который давеча особенно обидно придирался к Лукьянову. Но на сей раз он не изгалялся и не ржал, а, напротив, выглядел очень даже смиренно.

— Отче, владыка епископ благословил тебе не на службе быти, а ехати к обозу у Панфилова сада. Вот мешок с бирками...

Подошёл, благословился, сунул монаху небольшой холстинный мешок, где шуршали какие-то деревяшки, и удалился так же смиренно, как и вошёл.

Чернец поднялся.

— Собирайся, чадо: владыка Герасим отправил мя помогать обоз готовить. Слезай-ка, брат: надо одну книгу в сундук спрятать. Сюда никто не ходит, но бережёного и Бог бережёт.

Он подошёл, держа в руках ветхую пергаментную книжку без переплёта. Но прежде чем Софроний упрятал рукопись, Колька успел глянуть в заголовок тетради, и глаза у него полезли на лоб.

Там было написано:

«Слово о пълку Игореве».

Панфилов сад

В утренних сумерках виднелась телега, сонная лошадка и сонный же возница, прикрывшийся от прохлады серой холстиной.

Софроний с юным спутником взгромоздились на повозку и отправились от Архиерейского двора, но не по Успенскому мосту, а по другой дороге — к Ивановским воротам. И Колька дивился, как разрослась крепость с монгольских времён...

Выехали на Большую дорогу. Потянулись предместья и обширные поля. И вот диво: все пространства вдоль дороги были заставлены повозками, шатрами, палатками! Поднималось движение, шёл дым от походных костров, доносилось негромкое ржание лошадей и людской говор.

— Ратники русские... — прошептал Софроний. — Собираются на смотр к Девичьему полю и к перевозу Девичью. Несметное войско... Сколько лет живу, а такого не видел: все дороги окрестные забиты. Собирается сила русская, яко в древних песнях сказано.

— Как в песне об Игоре Святославиче — там, в келье? — осторожно спросил Колька.

— Да... Знатное писание... Даст Бог, и я по сему древнему напеву своё слово скажу — о походе великого князя Дмитрия и брата его, Владимира Храброго. Сия книга есть память о великом князе Симеоне Даниловиче.

— Это который — сын Ивана Калиты?

— Так есть. Сын и наследник великого князя, Симеон Данилович, что паки возвысил Колмов. Он же ведь княжий дворец возвёл. И при нём епархию Колмовскую утвердили, и двор владычный устроили, и первый храм камен воздвигли, на месте коего князь Дмитрий строит большой нынешний, где вчера молебен бысть. Он и образами украсил церковь соборную, и книгами — не токмо богослужебными, но и четвыми — для душеполезного чтения. Владыка Герасим мне разрешает их брать: я же суть летописец при кафедре Колмовской...

Даже возница навострился и начал вслушиваться в речь монаха.

— Князь Симеон славен бых, но властен зело и горд. Чрез сие его и прозвали Гордым. Не за него ли, мню, Бог и всю Русь поразил? Была ведь язва моровая страшная: мнози люди померли, и сам князь умре, и дети его. Оттого достался стол Московский брату его, Иоанну Красивому, отцу нынешнего Дмитрия Ивановича. Да ведь и князь Иван немного поживе. Судьба, видно, такая у всех Даниловичей — немного живут... Князь Дмитрий на престол взошед совсем малолетен. Благо, что опекуном ему стал сам Алексий Митрополит, что недавно скончався в старости глубоце. Слышал ли, что князь Дмитрий на его место прочил друга своего? — шёпотом спросил Софроний.

— Это который Митяй Тешилов?

— Он, он, бывый поп воскресенский, с княжьего двора, духовник Дмитриев! Худого про него не скажу. Ликом пригож, осанист, глас велий, в книжных писаниях премудр, а проповедь глаголил — яко шизым орлом во облацы воздушны возносился, и все его яко изумлённые слушали, не зная, где они — на земле или в небесех. Я от него зла не знал. Да токмо сказывали, что он монашеству русскому нелюб был — за гордый его нрав. А приходилось смиряться — ведь он духовник княжий и печатник его: кроме Митяя ни одно дело не решалось, он на каждую грамоту печать прилагал. И князь нудил Митрополита Алексия Митяя назвать себе преемником, и тот в конце концов благословил. Да только всё равно не по-князьему вышло. Говорят, помер он, мало не доехав Царьграда, куда за благословением Патриарха направлялся. То ли сам разболелся, то ли татары его долги ядом извели. Так что у нас по сию пору Митрополита нету, а вместо него правит Церковью наш владыка Герасим Колмовский. Любит Колмов Дмитрий-князь и всех колмовских!

— А отчего так? — спросил Колька, заёрзав на соломе от нетерпения.

— Да ведь он же под Колмовом родихся! Мати его, Александра Васильевна, тысяцкого Василия дочь, такожде и наместника колмовского. Княжич Дмитрий с юных лет здесь обретался, сердцем к родному граду прикипел. Да он же и венчался здесь — на суздальской княжне Евдокии! В князем дворце, в этой самой церкви, где сейчас Литургия праздничная свершатися будет.

Тут издалека донёсся еле слышный удар праздничного колокола.

Наступало утро Успения.

— А отчего мы на эту Литургию не пошли?

Софроний от души рассмеялся.

— Ох, и чуден ты еси, Микола-юродивый! Кто же нас на княжий двор пустит? Мы — чёрен люд. Да и другие дела нас с тобой поджидают. Смотри — вот и обоз у сада Панфилова.

И действительно: утреннее солнце осветило купы огромного зелёного сада, возле которого сошлись десятки, если не сотни повозок и обозных телег.

Софроний велел труднику остановить повозку поблизости и направился в сопровождении мальчишки вдоль тележных рядов, где поднималась уже дорожная суета: запрягали лошадей, готовились к выезду, переругиваясь.

Монах быстро нашёл епархиальные возы и принялся их пересчитывать, крепя на телеги деревянные бирки. Стояли возы, на которых высились мешки с мукой пшеничной и ржаной, с пшеном и гречей, с овсом. Было несколько телег с яблоками — свежими и сушёными, виднелись и короба с постилой.

— С постилой? — не понял Колька.

— С постилой! — поправил монах. — Сие тюря яблочная: ея на холсты постилают и на солнце сушат, а потом готовые полотнища режут и в короба берестяные укладывают. Свежие яблоки недолго хранятся. Их мочёными делают или режут и сушат для взвара, или постилу творят, чтобы дольше хранить. Велик сад Панфилов! В урожайный год и не знаешь, куда яблоки девать.

— А почему Панфилов?

— Не вем. Говорят, был такой архимандрит Панфил, настоятель древнего Спас-Преображенского монастыря: вроде он сей сад заложил. А ныне сад — епархиальный...

Пройдя благоухающие яблочные ряды, спутники вышли на угол сада. Грандиозное зрелище увидели они! По Большой дороге, сворачивая направо, текла бесконечная воинская река. Шли пехотинцы, сверкая лесом наточенных копий, ехали бронные отряды конников в разукрашенных боевых доспехах. И гудели под колмовским ветром воинские знамёна, горящие православными образами.

— И стязи ревут наволочены у сада Панфилова! — с трепетом произнёс Софроний ещё не написанную строку.

— Куда они поворачивают? На Поле Девичье?

— Да, по Никольцевой дороге, что к Зараску ведёт, граду Николы Корсунского, к Девичу перевозу!

Колька с трепетом смотрел вслед этим весёлым и красивым воинам, едущим на ратную сечу, будто на пир. Половине из них не суждено было вернуться домой...

Дозор

Лето заканчивалось... Сентябрьской прохладой веяли вечера, зябко бывало и утром. И холодно, и тревожно было на сердце у колмовцев.

Ушла в Дикое поле Колмовская тысяча, и до сих пор не приходили вести — началась ли уже битва, живы ли воины...

Колька в эти дни слонялся по Архиерейскому двору, сидел в келье у отца Серафима, хотя монах уговаривал его прогуляться по городу. Не хотелось Лукьянову знакомиться с мальчишками и с колмовцами вообще. Он ведь знал, что погибнет вся тысяча, и тяжело было смотреть в глаза людям, зная, какая трагедия их ожидает.

Зато на архиерейском подворье он освоился совершенно. И челядь, и трудники тепло принимали юродивого прозорливца — за лёгкий нрав и за мудрость, несвойственную отрокам его возраста. Даже Мартын, который прежде подшучивал над подростком, неожиданно сдружился с ним, терпеливо отвечал на бесконечные вопросы, таскал за собой по службам. Колька обошёл конный двор, кузню, житницу, кухню, сад, гридницу, где обитали владычные стражники, перезнакомился со всеми.

Мартын стал брать его с собой в город по разным хозяйственным поручениям. Один раз они ходили на охоту, дважды — на рыбные ловли и единожды — на диковинную епархиальную пасеку, устроенную почему-то на странном высоком помосте.

А этим вечером Лукьянов заметил обеспокоенность старшего челядина.

— Ты чего, дядя Мартын? — спросил парень.

— Лазутчики под Колмовом объявились, — ответил тот. — Владыка благословил своим дозором граду помочь. Будем окрестности объезжать: Бог даст, изловим татарских соглядатаев. Хочешь ли со мною поехать?

Глаза у Кольки загорелись, и он тут же утвердительно замотал головой. Перспектива попасть в настоящий военный дозор наполняла его сердце романтическим трепетом.

Следующим утром, едва развиднелось, в прохладном тумане собрались человек семь всадников, облачённых в кожаные и войлочные доспехи, со стальными шишаками на головах, вооружённые копьями, саблями и луками.

— Ну, иди сюды! — весело сказал Мартын, посадил Кольку на лошадь, а потом вскочил в седло сам, сел за спиной мальчишки.

Тронулись... Словно во сне, проплывали в утреннем тумане улицы древнего Колмова. Неторопко стучали копыта лошадей. Миновали ворота, проехали пригородные сёла. Обработанные поля постепенно стали перемежаться рощами и перелесками. Колька от недосыпа начал клевать носом, когда вдруг раздался тревожный голос одного из стражников.

— Смотри, старшой, — следы!

Мартын спрыгнул с седла и пошёл к дозорному, ведя коня в поводу. Действительно: на пыльной земле виднелись отпечатки копыт.

— Кажись, татарские?

— Похоже... — согласился Мартын. — Давайте, братцы, осмотримся. Они объехали редкую рощу, заглянули в балку, заросшую кустарником.

— Петруша, вы вон тот лесок осмотрите, а мы эту рощицу глянем.

Отряд разделился надвое. Большая часть вместе с Петром отправилась к лесу, а Мартын с парой воинов поехал к небольшой берёзовой роще, что шелестела поблизости пожелтевшими осенними листьями.

Ничего не заметили и уже собирались присоединиться к остальным. Вдруг старшой сказал:

— Погодите-ка, робята. Мы сейчас с Миколкой вон ту поросль глянём. Послал коня к небольшой купе молодняка и кустарника, привстал на стременах, огляделся и поворотил к дозорным.

— Чисто! — крикнул он.

Но тут же Колька услышал у себя за спиной надрывный хрип. Он оглянулся и увидел, что у Мартына из шеи торчит окровавленный наконечник от стрелы, пущенной сзади. Из раны толчками била кровь. Старшой как-то странно взмахнул руками, точно хватаясь за воздух, и повалился наземь, увлекая за собою и Кольку. Оба грянулись наземь, а конь, в ужасе заржав, поскакал к своим.

Лукьянов приподнялся, пытаясь выбраться из-под бьющегося в агонии воина, и увидел, как двое бойцов поворачивают прочь, а из зарослей вырывается небольшая татарский отряд в войлочных доспехах и косматых разлапых шапках.

А впереди прямо на Кольку нёсся облачённый в грязно-зелёный кафтан всадник, за плечами которого трепетал знакомый демонский плащ.

— Ана-стасиа — ника! — закричал в ужасе Лукьянов, загоразиваясь плащом.

И тьма объяла его.

Кремль

56

Колька сидел недалеко от Пятницких ворот на горячей пыльной земле. И ворота эти были каменными, такими же, как в бесконечно далёком школьном детстве. Только казались они новыми, а справа и слева от них расходилась совершенно целая кремлёвская стена, не скрытая поздними домами и лавками. Над строгой проездной аркой отсвечивала золотыми отблесками большая, в рост, икона благословляющего Спасителя.

Лукьянов начал соображать: занесло его в начало шестнадцатого века, судя по тому, что кирпичная кладка ещё не начала осыпаться. А цитадель закончили, помнится, в 1531 году... Но Лукьянов так измучился от временной мешанины, от страшных прыжков из века в век, что смотрел на прекрасную крепость с каким-то оупением и безнадёжностью. Вместо того, чтобы восхищаться красотой величественной цитадели, он думал: почему его всё время выносит к главному входу в крепость, и отчего духи тьмы с такой злобой и с таким упорством преследуют именно его? Для чего он им нужен?

Колька поднялся, проковылял несколько десятков шагов и плюхнулся на пожухлую траву недалеко от ряда нищих, что сидели возле ворот.

Сколько он так сидел? Час, два? Время постепенно осаживалось в голове, и парень понемногу начал приходить в себя. Очнувшись наконец, Колька поднял осмысленный взгляд и увидел перед собой почтенного горожанина, облачённого в добротный длиннополый кафтан из дорогого тёмно-бордового сукна. Золотой перстень и узорчатый наборный пояс из чёрнёного серебра говорили о достатке и власти. Лицо его обрамляла небольшая ухоженная борода, а синие глаза смотрели на парня с заметным волнением.

— Тебя как звать-то, отрок? — спросил прохожий дрогнувшим голосом.

Лукьянов занял было привычную песню про «Миколку-юродивого», но тут же осёкся — так переменялся в лице его собеседник.

— А меня Исаем зовут. Я здешнего боярина, Никиты Романовича Юрьева, управитель. И вот что я тебе скажу, малой: в прошлом годе сынок мой, Николка, в Москве-реке утонул — здесь, у Живого моста... Так ты на него похож, яко близнец. Ажно сердце у меня зашло, когда я тя узрел!.. Вставай, сынок, да пошли со мной — негоже тебе тут сидеть.

Они прошли сквозь Пятницкие ворота, и Лукьянов подивился на свежую богатырскую мощь их арок и на грозные деревянные решётки — катаракты, которые виднелись из узких щелей в арках, чтобы опуститься, если вдруг враг проломит ворота и ворвётся через них. Колька невольно поёжился: а вдруг упадут?

Парень чувствовал мужскую руку у себя на плече и понимал, что его спутник — человек непростой. Встречные то и дело здоровались с ним: «Добро утро, Исайко!» или: «Здравствуй, Исайко Васильевич!» А тот отвечал солидным кивком головы, иногда отзываясь: «Утро добро!» или: «Спаси Бог! И тебе здравствовать!»

Лукьянов смотрел по сторонам во все глаза. Перед ним был настоящий столичный град! Вдоль широкой деревянной мостовой Большой улицы тянулись грозные частоколы, за которыми вскипали пышной зеленью сады: яблочные, грушевые, вишневые, а за ними виднелись высокие боярские чертоги. В прозорах и переулках являлись дивной красы резные деревянные храмы.

А вот сверкнул ослепительной белизной Никола Гостиный — не тот безглавый куб, отягощённый грубыми пристройками, который помнил Колька, а настоящая стройная церковь, возносящая главу своим изысканным переплетением кокошников и закомар.

А вот и Соборная площадь! От одного взгляда на Успенский храм захватывало дух! Парящий над арочным подклетом, украшенный посередине точёным колончатým поясом, он венчался тремя главами: двумя поменьше, над алтарями, и громадной центральной, опирающейся на причудливое переплетение арок — на манер кедровой шишки.

А справа, к северу от собора, сияла, словно жемчужина, другая церковь, за которой громоздились шатры, чертоги и переходы царского дворца. Лукьянов не верил своим глазам — настолько древний вид её отличался от привычного. Вместо позднего «колпака» свод складывался из тех же закомар, и венчалось это завершение единственной шлемовидной главой.

— Воскресение Словущее! — выдохнул Колька.

— Да... — подтвердил его спутник. — Иван Великий построил, дед нынешнего царя Иоанна. При нём дворец расцвёл, он здесь подолгу жилал со своей супругой-гречанкой. Нынешний-то государь Колмов не очень жалуется.

— Иван Грозный?!

— Как ты сказал? Грозный? Да, пожалуй, можно и так назвать... Крутенок нрав у царя православного. Давеча, лет пять назад, когда он первым походом на Казань ходил, подняли тут замятню стрельцы новгородские, так немало здесь кровушки русской пролилось... Однако

заболтались мы с тобой. Нам ведь в другую сторону — ко двору Никиты Романовича.

Двор боярина Юрьева оказался настоящим дворцом. Резные хоромы высились в три яруса; в средние палаты поднялись по высокой лестнице, украшенной нарядной шатровой сенью. Пол в покоях был обит цветным войлоком. В комнатах виднелись изящно выточенные столы, лавки, поставцы для посуды. И самое главное, что бросалось в глаза, — это не древние оконца, а настоящие окна, заплетённые решёткой, куда были вставлены стеклянные кругляши разного цвета. Попадались жёлтые, синие, зелёные, розоватые. Стекло было толстым, окружающее разглядеть через него не удавалось, но света уже было достаточно — не как в старинных каморках.

Седая ключница, которую они встретили в переходе, увидев Кольку, всплеснула руками:

— Святые угодники!

Управитель цыкнул на неё и добавил тихо:

— Молчи, старая! Знаю, на кого он похож... Сведи-ка ты этого малёго в баньку, отмойте его и переоденьте. А я пойду жене, Алёне, скажу, чтобы не пугалась. А то, не ровён час, кровь в голову ударит или сердце зайдётся. Уж больно ты похож, Николка, на него, сына нашего...

У дворца

58

Супруга Исая Васильевича, Алёна Дмитриевна, красивая полная женщина с добрым лицом и синими глазами, приняла парнишку с заметным волнением. Но через несколько дней и она, и боярская челядь привыкли к пришельцу и перестали поглядывать на него с суеверным страхом. Да и Колька быстро освоился: узнал первым делом, где кухня, осмотрел все службы, со всеми людьми перезнакомился, и его тут же полюбили за лёгкий и весёлый нрав. Мальчишка и правда мог сойти за сынка знатных родителей, если бы не надетый поверх нарядной одежды ветхий кожушок. Но, как ни уговаривали Миколку снять нелепую безрукавку, он отказывался наотрез, и от него наконец отстали. В самом деле: что взять с блаженного?

Боярский управляющий крепко полюбил Николая, хотя и он сам, и Лукьянов понимали, что заменить умершего сына — не получится... И всё же управитель то и дело вызывал парня к себе и частенько брал его с собой по хозяйственным делам. Вместе они обошли кремль, то и дело возвращаясь к Соборной площади и царскому дворцу.

Поседелый от времени, составленный из множества покоев, он напоминал целый город! Отдельные палаты соединялись между собой висящими деревянными переходами, причудливые кровли топорщились то «бочками», то шатрами. На одном конце стояла каменная Воскресенская церковь, на другом — деревянная, в честь Петра Митрополита. Даже конный двор подходил на дворец. А за оградой в сторону Москвы-реки уходил огромный сад с дивными плодовыми деревьями. Ограда вокруг дворца, сооружённая из мощных горизонтально уложенных квадратных в сечении брёвен, походила на крепостную стену. Она серебрилась от про-

летевших над нею лет; пёстрая раскраска царских чертогов также сильно выцвела. Но даже в таком отчасти запущенном виде дворец производил впечатление грозного величия.

— Эх, позабыли царский двор... — вздыхал Исай. — Невзлюбил его Иван Васильевич ещё с первого Казанского похода, когда среди пищальников новгородских бунт произошёл. А ныне уже третий поход готовится, и ныне, думаю, возьмут Казань. А всё же дворца княжьего жаль. Ведь столько здесь великого совершилось! В этой церкви Воскресенской венчался Дмитрий Иванович Донской со святой Евдокией. Здесь у него на свадьбе и пояс подменили родичи его, Вельяминовы... И пояс тот попал в приданое звенигородским князьям. А боярин Пётр, что был на свадьбе у Дмитрия, тот пояс опознал и сказал о нём великой княгине Софье Витовтовне. И она тот пояс прилюдно сорвала с наследника звенигородского, Василия Косого.

— Это когда князь Юрий Звенигородский на Василия Тёмного напал? — спросил Колька.

— Точно. Только тогда он ещё не был Тёмным. Видишь вон тот покой с высоким шатром? Там он и расположился, князь Василий Васильевич, внук Донского, сюда его Юрий Дмитриевич сослал... А потом москвичи не стали служить Юрию, и чуть ли не вся столица в Колмов перебралась. Старики сказывали — теснота здесь была великая! И дядя убрался обратно в Звенигород, а Москву племяннику оставил. Да только распря на сём не остановилась...

Он понизил голос и тревожно глянул на юного спутника.

— Когда Василий вернулся в Москву, а звенигородский князь умер, наследники Юрия, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, подняли междоусобицу на великого князя. Разбили их, и в плен попали они. Василия Косого ослепили, а Шемяку сослали в Колмов.

— Сюда же, где прежде Василий Московский сидел?

— В том-то и суть! Вообрази, каково ему было тут сидеть! Да ещё в железах! Потом цепи-то с него сняли; велено ему было жити здесь по боярскому чину. Да только зря князь Василий Васильевич его помиловал... Договорился Шемяка с наместником здешним, Серкизовым, и составил заговор против Москвы.

Колька вспомнил эту страшную историю, и холодок побежал у него при взгляде на суровый и безмолвный дворец.

— Это когда заговорщики Василия в Лавре поймали и глаза ему выкололи?

— Так, отроче... С тех пор и прозвали его Тёмным. А токмо сие не мешало ему отцовский трон вернуть и Шемяку погубить. А затем правил на Руси сын его, Иоанн Васильевич, дед нынешнего царя Ивана. Вот в ту пору и расцвёл дворец наш, и Колмов зело прославился. Тут он собирал войско русское, когда ходил на Угру власть ордынскую свергать. В сём дворце бывал он со своей женою, еллинской царевной Софьей. А сын их, Василий Иванович, как раз и построил кремль Колмовский для защиты от набегов татарских. С тех пор степняков не слышать — грозна крепость наша!

Мимо дворца спустились они по извилистой Тайницкой улице ближе к реке Москве, и спутник показал Лукьянову Тайник. От стены отходил

громадный выступ, похожий на башню. С кремлёвской стороны в стену вели две окованные железными полосами двери. Исай объяснил, что за ними расположены две галереи, что под защитой стен спускаются прямо к воде, так что в случае осады можно свободно воду брать, не опасаясь вражеских выстрелов.

— А не сюда ли идёт подземный ход из Бобренева монастыря?

Боярский управитель рассмеялся.

— Да ты совсем умом тронулся, дитяtko! Это ж сколько лет понадобится и сколько народу, чтобы такой ход выкопать, который всё равно тут же обвалится? Кто тебе такие сказки нарассказывал? Один Тайник в Городе!

И понизил голос до шёпота:

— Ну, конечно, ещё от больших башен тайные ходы есть, называемые «слухи». Это чтобы в осаду слушать — не ведут ли подкоп под стену, чтобы её взорвать.

Не раз обошли они Колмовский кремль, построенный премудрыми фряжскими «архитектами» из Латинской земли. Чудесный «город», даже присыпанный изнутри остатками старых земляных валов, поражал своей сказочной красотой и величию. Сложенные из розовато-красного кирпича башни, то прямоугольные, то круглые, грозно молчали, таращась наружу страшными жерлами пищалей и пушек. Они венчались нарядными коронами зубцов и высокими шатрами. Зубцами были снабжены и стены, внутри кремля сплошь составленные из арок. Эти арки держали на себе боевой ход по верху стены, и, кроме того, как объяснял провожатый, под ними можно было укрываться от навесных вражеских снарядов во время боя.

Но больше всего поразил Кольку Гуляй-город — огромный бревенчатый танк — приземистая башня на колёсах с узкими горизонтальными бойницами, из которых глядели жерла небольших пушек. Стены этого чудища выглядели ещё более устрашающими из-за росписей: около бойниц полыхали багрянцем нарисованные языки пламени.

— Коли при осаде враг стену обрушит, — объяснял Исай Васильевич, — то к пролому Гуляй-город подкатят, и никто не сможет в крепость прорваться!

После таких прогулок парень забывался радостно-тревожными снами. Грезилась ему высокие алые башни, украшенные белокаменной резьбой: Ивановские ворота, Свиблова башня, Погорелая, Застенок и, конечно же — дышащий лютой смертью Гуляй-город...

Однажды утром эти его грёзы были прерваны неожиданной суетой.

Анастасия

Колька быстро оделся и вышел из своей крохотной светёлки. Взволнованная челядь толпилась в переходах: по Красному крыльцу в дом вступал кто-то важный.

Мальчишка протиснулся ко входу и узрел странную пару. Слева двигался солидный длиннородый боярин в богатом алом кафтане из восточной парчи и высокой шапке из дорогого меха. А справа от него шла

замечательной красоты юная женщина. Платье её, серебристо-голубое, роскошно расшитое золотом и серебром, а по плечам унизанное крупным фряжским жемчугом, казалось лишь дополнением к нежному прекрасному лицу, полному света и доброты. Головной убор, похожий на корону, также сверкал драгоценным морским жемчугом и самоцветами. Но ярче самоцветов светились её синие глаза.

И тут в её лице сверкнуло что-то поразительно похожее на его подругу из далёкого далека — Настю Светозарову.

— Настя?! — невольно вырвалось у парня.

Стоявший рядом Исай ахнул и спрятал Кольку за собою.

— Не гневись, государыня! — зачастил он. — Се отрок юродивый — что с него возьмёшь!

— Не прячь Божьего человечка! — рассмеялась госпожа и поманила Лукьянова обратно. — Да, я — Настя. А ты кто будешь?

— Аз Миколка-юродивый, из страны неведомой, из поры незнакомой, — пролепетал Колька.

— Экий ты смешной, Миколка! Понравилась я тебе? Вижу, что понравилась... Заходи ко мне в гости! Придёшь?

— Приду! — горячо пообещал Лукьянов.

Услышав это, боярин от души расхохотался.

— И то верно! Заходи. Государь юродивых не биёт!

И вместе с ним рассмеялись все остальные.

Важные особы проследовали в боярские палаты. По дороге челядины падали им в ноги — клали земные поклоны.

— Повезло тебе, Миколка! — усмехнулась ключница. — Хорошо, что боярин Никита Юрьевич в духе. А то не миновать бы тебе плетей на заднем дворе. Ведь это ж его дочь — царица Анастасия, государя нашего, царя Иоанна Васильевича, жена!

Оттремел пир, устроенный боярином Юрьевым для своей царицы-дочери. И на следующий день Колька с управителем снова гулял у царского дворца.

— Дядя Исай, а когда мы к царице Анастасии в гости пойдём? Она же меня приглашала?

Тот в ответ потрепал его по вихрам:

— Государыня пошутила. Во дворец, конечно, нас никто не пустит. Другое дело, если она опять батюшку своего навестит: тогда можешь ей на глаза попасться. Да только не до того ей теперь. Царь всея Руси под Колмовым рати собирает в поход на Казань...

Колька оглянулся. Ему показалось, что кто-то за ними следит.

Когда на следующее утро Лукьянов одевался, он услышал вдруг за окном тревожный шум. Подошёл к приоткрытому оконцу, глянул наружу и заледенел. У крыльца стояли несколько стрельцов в длинных багряных облачениях. В руках у них грозно покачивались наточенные секиры. А впереди стоял и препирался с управителем страшный злобный старик в зеленоватой свитке.

Колька сразу узнал его. Бросился к постели, схватил заветный кожанок и попытался надеть его. Но одеревенелые руки никак не попадали

в отверстия. А между тем на лестнице уже раздавались тяжёлые шаги стражников.

Каким-то чудом Лукьянов успел дрожащими руками попасть в заговорённую одежду, накрылся полой и крикнул, глядя в открывающуюся дверь:

— Ана-стасиа — ника!

И спасительная тьма охватила его.

Чёрная смута

Он очнулся от резкого запаха гари. Колька лежал на жёсткой земле, на грязных досках кремлёвской мостовой. Нестройная толпа непонятого войска уходила мимо него из города через Пятницкие ворота. Кто-то был покрыт железным шишаком, кто-то шёл вообще с босой головой; один двигался в подпоясанном стёганом ватнике до пят, спасающем от шальных стрел, другой поправлял доспех, собранный из стальных пластин-зерцал. У кого-то из-под длинной свитки выглядывали грязные шаровары, заправленные в полуразбитые сапоги, на других поверх кафтанов надеты были кольчуги; боевые рукавицы сжимали то шестопёр, то копьё или секиру. Бились о бок тяжёлые сабли. Большая часть шла пешей ватагой, но попадались и всадники. Ехали телеги с награбленным добром и припасами...

Лукьянов поднялся и, шатаясь, побрёл к Соборной площади, откуда наплывали на кремль чёрные тучи гари, несущие зловещие проблески искр. От них загорались дома, сараи, церкви!.. Кое-где суетились редкие люди, пытались спасти остатки скарба. Заливать пожар никто не пытался — воды не было. Внимание Кольки привлёк пожилой мужик, что забрался на конёк своей избы и смахивал искры метлой, не давая крыше заняться огнём. Он рассылал проклятия пополам с матерной руганью.

— Проклятые воры! Грабите хуже ляхов, хуже царя Грозного! Будьте вы прокляты, сучьи дети, вместе со своей польской сукой Маринкой!

Недалеко, возле распахнутой калитки, валялся труп старика с раскроенной головой; кровавая лужа растекалась вокруг, пропитывая его белую рубаху, а за калиткой горел дом, и языки пламени охватывали кроны садовых деревьев...

Лукьянов содрогнулся и пошёл дальше.

Он надеялся увидеть возок, окружённый рейтарами, на котором увозили из Колмова Марину Мнишек, бегущую от войск князя Пожарского. Но площадь зияла пустотой.

Дворец был объят огнём: фигурные кровли его охватил пылающий ореол, багровые пламенные фонтаны с рёвом вырывались из окон, как будто внутри дворца сидел огромный дракон, выдыхающий на врагов палящие вихри. Одна из кровель с грохотом обрушилась, и в небо пыхнул исполинский оранжевый столп. Языки дракона уже лизали каменные стены Воскресенской церкви.

— Попался, щенок!

Словно ледяные когти впились в его плечи и обездвижили парня. Две тени держали его сзади, а прямо перед ним появился отвратительный зелёнобородый старик в польском кафтане. Седые космы выбивались из-

под шапки с пером, тусклым серебром отсвечивало шитьё, пояс и тяжёлая рукоять сабли. Зловонной гнилью несло от его фигуры, от оскаленной в мерзкой ухмылке пасти.

— Вот и нашли мы себе сменщика! — шипел он. — Сейчас наденем тебе гривну заговорённую, и станешь нашим навеки!

Он поднёс к Колькиному горлу зеленовато-серую гривну, и Лукьянов почувствовал, как витые ободья начинают впиваться в шею, прерывают дыхание, как начинает из-за этого темнеть в глазах.

Из последних сил мальчишка вцепился в металлический обод и начал разгибать его.

Ужас мелькнул в глазах демона, и в этот миг с треском лопнула гривна в руках Лукьянова. В одну секунду ледяные когти ослабли, и три тени с шипением начали валиться, рассыпаясь чёрным пеплом.

Возвращение

Он почувствовал удары по лицу. Издалека доносились до него крики: «Колька! Колька!»

Лукьянов открыл глаза. Перед ним стояла, вся в слезах, Настька Светозарова и что было сил лупила его по щекам.

— Чего дерёшься?! — просипел Николай, хватая подругу за руки.

— Ох! — Светозарова плюхнулась рядом на скамейку. — Слава Богу — живой! Я уж думала — ты помер!

— Что случилось-то?

— Ну... Когда мы драпали от духов тьмы, ты вроде как споткнулся, как будто кто тебя в спину пихнул, и сразу полетел рожей в лужу. Ммм... То есть, в смысле — лицом в воду. Тут я подумала: всё, конец нам пришёл. Но демоны куда-то исчезли, никого рядом нет, только ты в луже отдыхаешь. Тут я тебя подняла (тяжёлый ты, зараза!) и на скамейку посадила. А ты сидишь, точно убитый — на слова не откликаешься и вроде как не дышишь. Ну, стала я тебя тормошить и по щекам лупить, пока ты не очнулся.

— Всё ясно сие, яко день Божий! Не ложно рёк нам Иоанн, сын Петров: есте-де в Колмове чудны таковы места, где времена свиваются, яко пряжа...

— Ты что лопочешь?! — вытаращилась на него Анастасия. — Головой, что ли, треснулся?

— Ах, да... — мальчишка потёр лоб. — Короче — помнишь, нам Арсентьев давеча толковал, что бывают такие «кротовые норы» с обратным ходом времени? Похоже, что мы об такую нору запнулись. Странный город — Колмов... А долго ли я так на скамейке сидел?

Светозарова пожалала плечиками:

— Ну, я не знаю... Минут пять, наверное.

— Да? А мне показалось — я три или четыре жизни прожил подряд. Но что-то мы как-то засиделись... Пошли-ка домой... Ёлки-палки!

Лукьянов глянул на себя: куртка и брюки были щедро заляпаны весенней грязью.

— Домой приду — мамка меня убьёт!

— Погоди-ка... — Настя принялась отряхивать его голову. — Ты вроде как мелом испачкался...

Потом остановилась — ничего не «отряхивалось».

— Коль, ты что, поседел, что ли? У тебя прядь на лбу — совершенно седея!..

— Поседеешь тут с вами, — отозвался Николай, — когда по всему Посаду духи тьмы шастают.

— Ой, правда же! Побежали скорее домой, пока они не вернулись!

— Успокойся уже! Не вернутся... — солидно, по-взрослому сказал Лукьянов.

— А ты откуда знаешь?

— Да уж знаю...

Колька автоматически сунул руки в карманы и вдруг нащупал обломки гривны — той самой, что недавно нашёл возле Воскресенского храма. Он вытащил обломки и молча швырнул их в бурный весенний ручей, стекающий в сторону реки Москвы.

*Текст подготовил к печати
Роман Славацкий*

ХРОНИКА

РУССКИЙ ВКУС

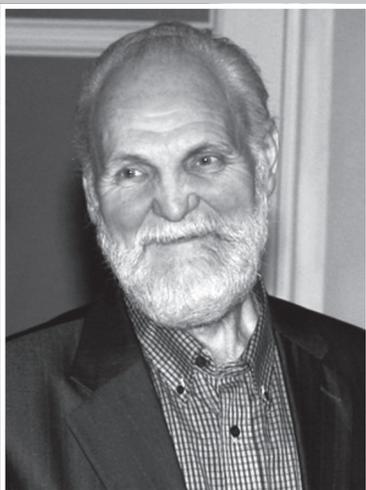
Коломенской пастилой угощались гости выставки «Анна Павловна — яркая королева», открывшейся в Голландии.

На церемонии открытия в королевской резиденции Хет Лоо в Голландии выставки «Анна Павловна — яркая королева» гостей угощали коломенской пастилой, исторический вкус которой был воссоздан на Музейной фабрике пастилы в Коломне. Выставка посвящена 200-летию бракосочетания короля и королевы Нидерландов: наследного принца Вильгельма и «русской Анны» — великой княжны Анны Павловны, младшей сестры императора Александра I.

Выставка открылась представлением высоким гостям, среди которых было много потомков династии Романовых, коломенской пастилы, её дегустацией и вручением коробочки с пастилой, обтянутой по старой коломенской традиции тканью и шёлком, её величеству королеве Нидерландов Максиме.

Экспонатами выставки «Анна Павловна — яркая королева» стали предметы из её огромного русского приданого — мебель, зеркала, бронза, драгоценности, сервизы. Коломенская пастила добавила к этому приданому ещё один штрих — русский вкус.

ВЛАДИК

Владимир Николаевич Крупин родился в 1941 году в Вятской земле. Окончил Московский областной пединститут в 1967 году.

Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлёк к себе в 1980-м повестью «Живая вода».

Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992 годах. Сопредседатель Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж».

Первый лауреат Патриаршей литературной премии.

Живёт в Москве.

Рассказ

Постоянно вспоминаю художника Владислава Валентиновича Рожнева. Талантливейший, незауряднейший человек. Картины его во многих российских и зарубежных музеях. Много в частных коллекциях. Я давно познакомился с ним на заседании Вятского землячества в Москве, то есть оба мы вятские, поэтому естественно, что подружились. Вообще я замечаю, что художники быстрее сходятся во мнениях не друг с другом, то есть не с соратниками по цеху, а с теми, кто не пишет картин, а просто пишет.

Искусство ведьмы, как он называл критикесс живописи, присвоили ему звание русского Магрита. Так можно сказать, но это очень жужено для Владика. Это был самородок, которому всё удавалось: пейзаж, портрет, жанр. Он всегда много работал, всё делал медленно, годами, но всё настолько великолепно, что раз увидевший его любую картину потом уже всегда её помнил. «Вожди на трибуне», «Красная площадь», «Праздник в Коминтерне», картины Средней Азии, Верхней Волги, много натюрмортов, в которых иронично и изысканно соединяются времена. Отжившие вещи приходят в современность, а современные становятся частью истории.

О своей работе Владик говорил: «Пойду, помашу кистенём», то есть кистью. Он очень любил жену. Много у него её портретов: «Наташа гладит», «Наташа у окна», «Наташа и кони». Любил её очень. Но вот беда — попивал. Всё-таки в рамках терпимости. Изредка срывался, но держался. Бывало и в переплёты попадал. Отовсюду его

вытаскивала Наташа. А когда Наташа ушла в мир иной, запил уже серьёзно. И мог говорить только о ней. И ещё о работе. У него было множество начатого и неоконченного. Перебирал, что-то доделывал. Показывал с понятной гордостью — хороши были задумки. Он их называл забросками. Это же заброс в будущую картину. Приговаривал: «Все считают, что я умный, а на самом деле (пауза) так оно и есть».

Я очень любил бывать у него в мастерской. И дома. Раньше, в былые времена, мы вместе и выпивали. Но когда с ним случилось горе и он мог его залечить только выпивкой, я выпивать с ним наотрез отказался. А он и один пил. И самое страшное, стал за ничто отдавать картины. Чем пользовались. Но не буду об этом.

Раз я был на даче и позвонил ему. И пригласил пожить, продышаться, помахать кистенём. Он приехал к вечеру с папкой бумаг, с красками, но и с запасом питья. Не вырывать же из рук.

— У тебя тут и ворон каркает: Стак-кан, ста-а-ка-ан!

Ничего он не хотел есть, только пил. Ночь не спал, бродил. Иногда сидя дремал. Листал книги и альбомы. Я по делам уехал в город. Вернулся, увидел, что папка даже не развязана.

— Ты что, не работал? Где продукция?

— Вот, — он показал на пустую стеклотару. — Хрусталь!

Убедившись ещё через день, что я ему не собутыльник, стал собираться. Сидел, не мог завязать шнурки. Я стал помогать, не даёт:

— Я же не совсем дебиле. Хотя дебилиссимо. Извини, пытаюсь справиться с мыслями и с вещами. То, что мы с тобой придурки, это уже точка отсчёта. Художник или, что то же самое, писатель ненормальны изначально. Ты заметил аллитерацию? Обязан в силу профессии. — Завязал шнурки на одном ботинке, разогнулся: — Итак, о чём я?

— Ты собирался с мыслями.

— Прособирался. И с прискорбием, от имени группы товарищей, сидящих во мне, констатирую этот факт.

Я опять попытался помочь завязать оставшийся шнурок.

— Нельзя, не приучай к барству.

— Завязать же надо шнурок.

— Да, с вами не просто, а просто тяжело. Шнурки, шнурок — это кликуха тинэйджера. А завязать — это завязать. Это этапное событие. Мне дано связывать и развязывать.

Обулся, передохнул, взялся за свою папку. Перебирает листы:

— Это вот забросок средней паршивости. А этот на полтона выше. А об этом я не готов вынести суждение. Хотя готов сказать всё. Нет, всё сказать никто не может. Всё знают только все. Да, «вынес остаточный русский народ».

Ещё смотрит. Иногда одобрительно взмахивает рукой, иногда крикает с досадой. Наконец, завязал шнурки уже у папки, встал. Отказался от еды, от чая, отхлебнул для поднятия сил из горлышка, и мы пошли к станции. Медленно шли. Когда он кренился вперёд, почти падая, мы шли быстрее. Он всё время останавливался, глядел вокруг:

— Готовая картина. Гляди: опилены сучки у ясеня. Кто-то защищал от него липу. За что? Она же ему рога наставила, торчат. Такой яшень

уже в Сикиликофосовского. Понял иносказательность? Наташа там меня навещала, когда меня в очередной раз убивали.

Еле ползём.

— Стой, буланчик, распрыгался. — Стоит у дерева, держится за ствол. Потом оседает, сидит на траве.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ты очень правильно спросил: себя. Не самочувствие, а себячувствие. Проходят две девушки. Владик, а у него прекрасный голос, поёт:

— «Ты постой, постой, красавица моя, дай мне наглядеться, радость, на тебя». Не Паваротти, но держу уровень. — Девушки ускоряют шаг. — Правильно, не надо стоять, не надо раздеваться, нагляделся я на вас, голые натурщицы. Для меня в вас секретов нет. Ах, дымом от печей пахнуло, хорошо! Любил печку топить?

— Ещё бы!

Владик поворачивается:

— О! Это же скульптура! Столб, собака, пень! Видишь это совершенство форм? Ушла. Скотина какая, не дала ленточки разрезать. Ты понял, что мы были на открытии выставки «Совершенство форм природы и бесформенный художник»? Собака при дороге. По латыни «при дороге» «ин тривис», отсюда тривиальность. Но мы тоже при дороге. «Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги...» Помнишь тарелку чёрную военную, послевоенную? Слушал все передачи, и все как истина в последней инстанции. Но были и не по радио, уличные, так сказать, а тоже неплохая добавка к познанию жизни: «Молодая комсомолка жулика хоронит». Я был счастлив. Сейчас я тоже счастлив.

— Может, пойдём потихоньку?

Спускаемся к источнику. Около него женщина, ещё не старая, но уже в седине:

— Погружаться пришли?

— Резонно, но не сезон, — отвечает Владик.

— У Господа всегда сезон. Погрузитесь и утопите в источнике свой грех. Какой? Видно же, какой. Просите Господа, чтоб не пить.

— Просил.

— Значит, плохо просил. Проси, чтоб мог просить.

— Мне бы такую спутницу жизни, как вы.

— Это исключено. У вас она была, и у меня он был. Их нет, и хватит.

— А как вы поняли?

— Как? Видно, что вы очень несчастны. Теперь нам только у Бога просить дожить до смерти.

Побрели дальше. Остановились на выгнутом мосту через речку. Владик лёг грудью на перила:

— Кипит вода. Эх, пороги, брызги в туман. Надо закрепить впечатление, то есть выпить.

— Но ты окрепнешь от этого или ослабнешь?

— Нет, токмо пользы для. Лекарство для и вот именно, и далее по тексту. А женщина хорошая. В неё бы Серов, нет, даже Боровиковский вцепился.

— Да и Тропинин.

— Понимаешь, хвалю. Страдание скрыто, красота явная, уходящая, но за неё не держится. Редкость.

— Владик, — говорю я, — это же отчаяние — быть художником. Вот вода сверкает, вот солнце заходит, как поймать? Каждую же минуту всё меняется. Такую яркость разве запомнить? Мне-то легче. «Заходило солнце, река темнела, свежело. Художник печалился, что не взял мольберта или хотя бы блокнота». И далее, как ты говоришь, по тексту.

— Шумит, гудит Гвадалквивир, — Владик всё не может насмотреться на воду. — Ночной зефир или эфир чего-то там струит, да-а. Свет, товарищ зритель, свет он струит. «Рёве та стогне».

Пробегает спортсмен. Сильно топают.

— Плохое воспитание. Он мог бы притормозить в силу того, что тут два седых бородатых человека. Это ему хотелось показать, что он прыгунчик-кенгурчик.

Тоже гляжу на воду.

— А у кого есть такая вода? Вот и водоросли подсвечивают.

— Есть. У Моне.

— У Клода?

— У Эдуарда. И у Клода есть. Эти людики нормальные очень.

Проходят две женщины. Смотрит:

— Мой комментарий: всё при них. Но, дуры, зачем они в штанах? А этот кенгурчик зачем без штанов? Люди задыхаются в самомнении, в пошлости, в похотливости и жеребьячем ржании. А эти проходящие во мрак, простые бабёшечки, это вам не Жоржетта, не Жозефина, не Форнарина, не освещённая солнцем девочка, они бы ничего во мне не поняли. Вернёмся к воде. Да, Мане, Моне. Они в моём иконостасе.

— В иконостасе иконы!

— Ну, это иносказательно. После них французы сдохли.

Добираемся еле-еле до станции. Ещё один раз он останавливается, но не садится: не встать потом.

— Видел у меня завалы картин в мастерской?

— Ну.

— Очень у нас вятское это «ну». Картины все давние. На выставке подходят дамы, краснеют, бормочут комплименты. Но я же это тридцать лет назад писал.

— И что? Значит, живы и ещё сто лет проживут.

— Скажи, — Владик сжимает мой локоть, — скажи, зачем я делал копии с себя?

— Деньги были нужны.

— То есть, поголодать не мог? А заказы пошли. От ресторанов, от посольств. Просили точно именно такую. То есть, я же повторялся! Сам себя повторял, это что? Возьми свой старый рассказ да перепиши от руки. Ничего не меняя, перепиши. И ещё перепиши. Ничего не меняя. Поглупеешь или запьёшь. Или и то и другое.

Он немного отпивает. Встряхивается. У станции берём машину и долго-долго в ней тащимся. Жара. Владик то дремлет, то смотрит по сторонам. Мысли в нём бродят неустанно:

— Мы — одно поколение, мы — земляные черви вятские, нас склёвывали, а мы-то не черви, гусеницы. Хотят склевать, а мы уже бабочки. Да, подумай, хорошо ли гвоздью, когда его забивают? Или мы ушли в землю, а? Готовить всходы?

Приехали к нему домой. От чая Владик отказывается. Ложится на диван:

— Мне мать говорила, когда я после седьмого класса поехал в Кострому в училище: «Ты в городе голову можешь потерять». Я и потерял. Видишь автопортрет: я стою и голову свою держу под мышкой. А второй автопортрет? Заметил — шляпа, как крыша над головой, наискосок? Читаешь мысль? Крыша поехала. Но это уже после Костромы, в Москве.

Всё-таки я ставлю чайник, завариваю чай прямо в кружке, приношу.

— Надо, Владик, надо всплывать. Чай поможет.

Владик пытается поднять кружку, но неловко, опрокидывает её. Я собираюсь пойти за тряпкой.

— Подожди. — Владик поворачивается и восхищённо замечает: — О, о, не зря я, не зря кружку опрокинул. Хорошо, что ты не взялся за тряпку. И хорошо, что чай жидок, как вода. Хозяин русский, чай жидок. Смотри, со стола налилось на пол, образовалась лужица. И она, веду репортаж, всё больше и больше. Океанский прилив. Был на океане? Я на Тихом был. Во Владике. А ты знал, что Владивосток называют Владиком?

— Я надеюсь, в честь тебя.

— Можно допустить. Смотри, в луже отражается небо за окном. А меня ещё спрашивают: где беру сюжеты? Не знаю где, говорю, но знаю, где взять. Смотри, неба в луже всё больше, оно в лужу стекает и, может стать-ся, что к вечеру останемся без неба. Если бы чай был крепко заварен, небо было б среднеазиатским, а так — русское предтундрии. — Владик переворачивается обратно, тянется уже не за кружкой, за стаканом: — Эх, мой милёнок — живописец, мастер кисти и пера. На галошах мелом пишет в Третьяковке номера. Вот такое эт сэтера. Ты застал это время, когда в галошах приходили в театр?

— Конечно. Но при мне и перестали. Асфальт устранил их.

— Асфальт и Россию устранил. В русской литературе колёса экипажей и тарантасов, и телег стучат по мостовой? По мостовой! Слово-то какое прочное — мостовая. Не асфальт. Проверь и убедись: его происхождение из Мёртвого моря. Мёртвое море — Асфальтовое. Асфальтом покойников заливали для сохранности. У Даля объяснение: асфальт — жидовская мостовая. Народное название. Да плюс ещё от асфальта канцерогенность, раковые болезни. Асфальт не мостовая, по асфальту катятся. И мозгам что? Отдыхают. А на мостовой трясёт. И чего-нибудь всегда вытрясет. Вспомни у Розанова, как при езде на бричке по мостовой появлялись его «Опавшие листья». Он говорил, что мысли из него вытряхивает. Не самые, кстати, могу сообщить, глупые.

— Тряпку всё-таки принесу.

— Не надо! Само высохнет. Представляешь — небо высохнет.

— У меня в мальчишках стихи были: «Солнце в луже светит ярче, потому что лужа ближе». И ещё про лужу: «По лужам прямо! А вдруг под лужей таится яма колодца глубже. Но промедленье — убийство риска: сильней паденье — выше брызги». Как?

Владик хмыкает:

— На троечку, конечно. Но, учитывая вятскую молодость и оторванность от центров образования, накинём два балла за подход и отход.

Со стола перестаёт капать.

Владик спускает ноги на пол, долго думает:

— А вспомни, каким нас юмором кормили. Эстрадники нас считали за быдло. Да так и всегда с нами. И правильно, ржать от их шуток не надо. «Растворимый кофе поступил на базу. Поступил на базу, растворился сразу». Это, надо понимать, критика.

— Память была молодая, — поддерживаю я. — Вот тоже такое, помнишь? «Раз я в парикмахерску зашёл побриться, там меня царапала долго ученица. Я сижу и плачу, кровь с меня (с меня, Владик, слышь, это ж бабеллизм одесский), кровь с меня течёт. А она мне: тише, я сдаю зачёт».

— И как же мы выжили? — спрашивает Владик — Как? Отвечаю: спасала классика! Классика с большущей буквы. Иллюстрации классиков из журнала «Огонёк» вешали на стену. Спасали! «Алёнушка», «Три богатыря». И Россия за ними! «Грамотные запорожцы», «Оборона Севастополя», «Девятый вал», «Девочка, освещённая солнцем», «Мокрый луг»...

Я подхватываю:

— Рублёв, «Троица»! Иванов, Поленов, Кустодиев, Пластов, Абакумов! Давно ли, помнишь, с ним дружили. И вот — причислен к вечности! А в литературе! Пушкин, Тютчев, Лермонтов. Вот от этого классика сейчас и убивают. Загоняют в чёрную клетку квадратную. При Советах не сообразили убить, сейчас догоняют.

Владик снова перебирает листы с рисунками. И, соединяя две строчки поэтов, одного классика и другого, современника, произносит со вздохом:

— Суждены нам благие порывы, но небесные замыслы есть.

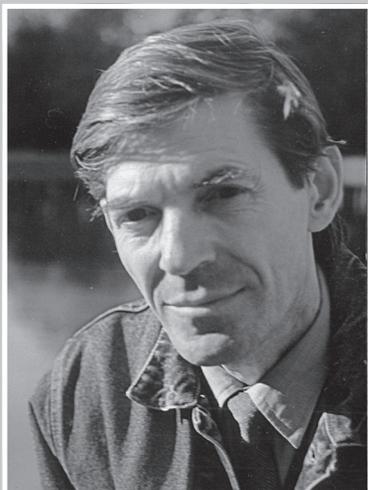
Берётся за папку, начинает завязывать на ней шнурки. Но вдруг резко их обрывает и швыряет в лужу на полу.

СТАЖЁРКА

Человек обязан быть счастливым.
Если он несчастлив, то он виноват.
И обязан до тех пор хлопотать над собой, пока не устранил этого
неудобства или недоразумения.

Л. Толстой

1

Николай Васильевич Бредихин родился в 1946 году в селе Сукмановке Жердевского района Тамбовской области. С 1949 года постоянно проживает в Коломне. В 1972 году окончил факультет иностранных языков Коломенского пединститута (французский язык и литература). Учился медицине.

Много лет сотрудничал внештатным корреспондентом в газете «Коломенская правда». Там же в 1964 году опубликовал свой первый рассказ. Печатался в газетах «Ленинское знамя», «Грань». Начиная с 1997 года, постоянный автор «Коломенского альманаха».

В 2009 году был награждён дипломом «Лучший автор года» за повесть «Любовь в Вероне».

В 2014 году выпустил книгу «Любовь в Вероне».

Член Союза писателей России.

Работает в самых разных литературных формах и жанрах. От любовного романа («Бумажные слёзы», «Полночное солнце», «Багира», «Распятая», «Гетера») и детектива («Чёрная метка», «Полковник Вселенной», «Галактический человек») до романа в рассказах и письмах («Эва»).

Рассказ

Я привык к одиночеству. Предыдущий брак настолько измотал меня, что даже на работе возможность посмотреть какой-нибудь телесериал или что-нибудь почитать из книжных новинок я давно уже предпочитал карьерному росту, хорошей зарплате. Сутки — трое — куда уж лучше? Особенно я ценил вечерние часы и выходные дни, когда сводилась к нулю вероятность того, что меня может побеспокоить начальство.

Эх, достать бы и сейчас из тайника новенький телевизор «Самсунг», на который мы сложились нашим маленьким, но дружным коллективом, и посмотреть какой-нибудь свежий боевичок или мелодраму. Ребята без устали качали их из Интернета. Угораздило же меня нарваться на такую дуру!

Стажёрка... Я когда-то преподавал, поэтому совсем зелёных новичков отдел кадров старался направлять именно ко мне. Я достаточно подробно, хоть и нудно, объяснял не только особенности работы, компьютерные программы, но и обговаривал все подводные камни, которые могли возникнуть в отношениях с администрацией, даже давал скопировать билеты и ответы на них для аттестации, которую мы ежегодно проходили.

Я сказал «дура» исключительно по двум причинам. Стажёрка была одета,

как на вечеринку, хотя в моей «избушке» холод стоял такой, что я всем видам дресс-кода предпочитал пару-тройку надетых, как слоёный пирог, тёплых штанов, толстовку и телогрейку.

Одни полы чего стоили! Просто ещё при социализме, не мудрствуя лукаво, землю залили цементом, а сверху постелили линолеум. Пролетарский конструктивизм — ничего лишнего! Зимой торжественно запускался маломощный электродвигатель, но по большому счёту он не спасал.

А здесь — туфли на каблучке, юбка выше колен, колготки в сеточку, ажурная блузка. Было от чего глазам на лоб вылезти.

Ну и другая причина: собственно, все секреты нашего ремесла Ия довольно быстро освоила и с лёгким сердцем могла бы отправиться во свояси. Но девчонка очень боялась, что начальство или диспетчер могут позвонить-проверить: как-никак первый рабочий день. Разубеждать её я не собирался, вся ответственность тогда ложилась бы на меня. А рисковать такой синекурой — дураков нет!

Казалось, мы рассказали друг другу всю свою жизнь. И я с ужасом думал: вдруг «ажурный цветочек» надумает остаться на ночь. А я после одиннадцати, сделаю последний звонок диспетчеру, вопреки всем инструкциям и запретам обычно дрых без задних ног до шести утра. А тут и дальше, кляня носом, пришлось бы разводиться тары-бары. Но начальство, слава Богу, сочло достаточным «вникать в материал» до 18–00, так что мне недолго оставалось мучиться. Да и воскресенье нынче — Господи, какое уж тут начальство! Тем более, что кого попало в нашу организацию не брали — работали в ней исключительно «блатные сыроежки».

Я и в самом деле уже знал об Ии всё: и то, что сравнительно недавно она похоронила мать, отец лет пять назад как умер. Жила она в двухкомнатной квартире с двумя маленькими детьми. Муж, как часто бывает, «объелся груш» — перебежал к лучшей подруге, что по нынешним временам тоже не редкость. Алименты платил регулярно, но по «серой схеме», да и обобрал при разводе, так что выходило негусто.

Из всех тем мы почему-то особенно зациклились на «гостевом браке». Мне подобные изыски были совершенно неинтересны, хотя обычно я очень любопытен, или, если выражаться точнее, любознателен. Но Ия приводила в пример свою подругу (ещё одну, сколько же их у неё?), которая жила уже больше года так со своим молодым человеком, была очень довольна и ничего другого не желала. Бойфренд являлся исключительно по выходным, они ходили по друзьям, на концерты, ну и, конечно, во всём остальном зажигали по полной программе. Я пытался возразить: мол, не стоит обобщать, подобный вариант, может быть, и удобен для бизнес-леди, а вот она сама как собирается из положения выходить? Но Ия упорно отстаивала свою точку зрения: мужчина в доме, пусть на два дня в неделю, даже если пару гвоздей забьёт — уже в год сотня получится. Дети не будут расти безотцовщиной: качели, карусели, книжку какую-нибудь малышке почитать. Регулярный секс с одним и тем же партнёром — не то что всякую грязь собирать, внимание, букетик цветов иногда, возможность в складчину в отпуске отдохнуть. Взаимовыручка, поменьше станут всякие дебилы приставать, она уже перестанет быть одинокой женщиной. Что скажут соседи? Да плевать на них. Мужчина

один, фактор постоянства налицо. Ну, а самое главное — можно не спеша настоящего мужа подыскивать. Не дёргаясь, не соглашаясь на всякого рода суррогаты и полуфабрикаты.

Что мне оставалось? Только отшутиться:

— Совсем как у персидско-таджикского поэта XV века Джами:

Пять важных правил в жизни соблюдай —
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надёжный и сердечный друг...

Ия лишь пожала плечами, поэзия явно не входила в сферу её жизненно важных интересов. Да и как могло быть иначе в её положении?

— Ну что, с нетерпением ждём тебя завтра, дорогой муженёк? Номер мобильного оставила на столе, — лукаво улыбнулась она мне на прощание, когда я ворота за ней закрывал.

Да, бывают же экземпляры! Полный идиотизм! Я наконец дорвался до вожделенного боевика, поужинал и забрался с ногами на диван. Что может быть лучше на белом свете?

Разбудило чувство опасности. Я спал одетым, так что оставалось только откинуть в сторону любимое ватное одеяло и зажечь свет. В бытовке никого. Я отодвинул щеколду, нажал на кнопку выключателя в машинном отделении. Всё оборудование, хоть и полувековой давности, работало, как послевоенные часы «Победа». (До сих пор встречаю иногда у старичков, дизайн сам Сталин утверждал.) Включил прожектор, внимательно осмотрел двор. И здесь порядок. Вернулся к компьютеру, но и на мониторе никаких изменений не было. Да и что вообще могло быть? На стенах, воротах круги из колючей проволоки «змейка», схватись попробуй — вмиг без пальцев останешься. Окно с чугунной решёткой, на входной двери сигнализация. Ещё лет десять назад ничего подобного и в помине не было, жизнь заставила.

Я перевернулся на другой бок, но сон не шёл, хотя, в принципе, я успокоился. Как-то одна из проверяющих дам из очередной комиссии спросила меня: «А вам не страшно здесь ночью, одному?» Я лишь усмехнулся: «В принципе, дома куда страшнее. Тут меня и ОМОН, и спецназ — кто только не охраняет, вон какой список номеров телефонов на стене, не говоря уже о “тревожной кнопке”. А дома кому я нужен?»

Я снова встал, включил планшет, полистал фотографии, которые сделал на память — как я мог не запечатлеть такое «чудо природы»? Красивая девчонка, ничего не скажешь. Собственно, не девчонка, молодая женщина лет тридцати. А что так одевается — наверняка проститутка. Однако ни в коллекции «жриц любви» с раздвинутыми ногами в Интернете, ни на местных сайтах клубов знакомств я её почему-то не обнаружил. Скорее всего, работает на какую-нибудь «мамку» или сутенёра.

Я быстренько прикинул на калькуляторе, во сколько обойдутся мне хиленький букетик цветов, две сумки еды, подарки, развлечения и прочая дребедень. Вышло, что хорошая профессионалка при желании скрасила бы мой досуг раза в два-три дешевле. Хотя услугами подобных дам я никогда не пользовался и мог при подсчёте упустить какие-нибудь непредвиденные расходы.

Жизнь меня никогда особо не баловала, я давно уже не верил не то что в любовь, но и в дружбу тоже. В школе учили, что при капитализме человек человеку — волк. Лихие 90-е окончательно довершили образование. Когда моя бывшая ушла к другому, я даже не удивился: соперник был богатым, я — бедным, какое ещё могло быть объяснение? Не знаю, где моя ненаглядная такого идиота подцепила, но он не только предложил ей наших отпрысков усыновить-удочерить, но даже прописал их в своём особнячке, официально оформив все отношения. Так что жене ничего не оставалось, как только оставить мне и квартиру, и всё, что в ней на тот момент было, в полное моё распоряжение, обязав только в течение года отдать принадлежавшую ей по закону половину деньгами. И никаких расписок: она знала, моё слово — кремень.

Оставшись один, я тут же принялся перестраивать свою жизнь так, как мне не представлялось раньше даже в самых дерзких мечтах. Перебежал на низкооплачиваемую работу, о которой уже упоминал, затем нырнул в первую попавшуюся «чёрную дыру», айтишники везде нужны, а метод «офис на диване» позволяет, особенно при знании языков, работать в любой части света. Не говоря уже о том, что я подстраховался посредником, дабы избежать заморочек с налоговой инспекцией. Драл он с меня аж треть заработка — никакой совести у человека, — но при моём трудовом голоде денег у меня всё равно хватало. Ну а дети — я им не навязывался, но и не собирался отказываться. Понадоблюсь когда-нибудь — буду тут как тут, и на образование средств хватит, и на то, чтобы устроить потом на хорошую работу.

Кое-как я всё-таки уснул. Утром обзвонил нескольких своих самых надёжных коллег на других станциях, но о посетившей меня Прекрасной незнакомке ничего нового не выяснил: двое детей, разведённая, никогда нигде не работала, просили за неё аж из администрации города. И сразу — на постоянное место. Чудеса! Обычно люди у нас до того, как где-то капитально осесть, по несколько лет на подменах болтаются. Я и сам подобной участи не избежал, просто повезло — уложился в полгода.

2

Конечно, я и думать забыл о посетившем меня «мимолётном видении», но только позавтракать успел, как мне уже позвонили.

— Привет, соня! Плохо же ты исполняешь свои новые супружеские обязанности. Совсем забыл про нас. Пока ставлю тройку. Ну, и когда теперь тебя ждать? Ребята с вечера только и галдят, что про парк отдыха и тамошние аттракционы. Насчёт телефона не гадай, у девчонок с твоей

станции узнала. Кстати, я так подгадала, что графики дежурств у нас с тобой идеально совпадают. Ты, наверное, знаешь, что меня сразу на постоянное место определили? Вчера вечером позвонили-уточнили. Со вторника выхожу.

«Ещё бы не знать, — со злостью подумал я, — ради тебя старушку-пенсионерку в подмену перевели, она сразу заявление на расчёт и накатала».

Как я уже сказал, я давно выкинул из головы нашу вчерашнюю с Ией болтовню и некоторое время, поглаживая гладко выбритые щёки перед зеркалом, пребывал в растерянности, пока не всплыла наконец в памяти фраза из какого-то то ли фильма, то ли мультфильма: «Маленьких обижать не-з-зя!» И в самом деле, дети-то в чём виноваты?

Встретили они меня, конечно, на редкость враждебно. Собственно, а за что им было меня любить? Очередной мамин хахаль, да ещё без машины, непритязательно одетый. Но не зря я педагогику пять лет, как гранит, грыз, поздоровался, представился, ну а дальше такой же ноль внимания, как и с их стороны.

Сам я не обладаю безукоризненным вестибулярным аппаратом. Ия, как видно, тоже. Так что катались в основном «цветы жизни». Восемилетний Ромочка и шестилетняя Зика, полное имя — Зинаида (зачем так назвали?), которое ей совершенно не подходило. Мы снова трепались на самые разные темы, хотя я в этот раз был уже гораздо осторожнее и больше спрашивал, чем сам раскрывался. Ну чем ещё можно завоевать молодую мамашу, как не деля комплименты её отпрыскам? Хотя вникал я в детскую тему не зря, по привычке присматриваясь, какие у кого можно развить способности и есть ли они вообще? Ни детей, ни взрослых в случаях тесного общения я никогда не пытаюсь ломать, притирать, подстраивать под себя, самым лучшим методом считая освобождение. Все мы прошли сквозь штамповку, систему ограничений, запретов. Со временем они превращаются в комплексы, устойчивые черты характера, причём чаще всего доказательством от противного. На самом деле всё очень просто. Первое, что нужно выявить, — норму и отклонение. В пределах нормы всё допустимо, отклонения лучше выправлять не самому, а окружением, методом рефлексии, осознанием и осмыслением чужих и собственных побуждений и поступков.

Второй вывод, который я сделал, — дети Ии росли дичками, воспитанием и развитием их никто, кроме школы, не занимался. Уже неплохо. Хуже всего, когда приходится что-то менять, переделывать за другими, чем выстраивать заново.

Что ещё? Ромчик постоянно находился в движении, носился как угорелый, крутился, как юла. У такого мальчонки прежде всего надо занять пальцы: конструкторы, машинки, пластилин, глина, бумажные вырезалки-головоломки. Зике нравился образ «правильной девочки»: хорошо выглядеть, быть центром внимания, привлекать к себе интерес. То бишь если что-то обсуждалось, обязательно надо было поинтересоваться её мнением, в крайнем случае, решать вопрос голосованием.

Атмосфера потеплела сразу, как только мы расположились в кафе-мороженом. Ассортимент — нескончаемая тема для обсуждения. Дети обычно долго не колеблются в таких заведениях, они точно знают, чего

хотят. Но вот «дядя», «мама» — они же ничего не понимают в подобных делах! Сразу из взрослых превращаются в несмышлёнышей, становятся беспомощными, в конце концов сдаются и просят пощады. И это так подкупает! Приводится столько аргументов «за» и «против»! Здесь очень важно уступить: забудьте о том, что нравится вам, возьмите то, что нравится «им». И не забывайте потом, «в процессе», почаще употреблять слова восхищения и благодарности.

В общем, к концу первого «гостевого» дня мы были уже пусть хиленькой, но командой.

Вечером в квартире Ии нас ждал сюрприз: её лучшая подруга Алевтина (та самая, которая раньше, до измены мужа, была подругой № 2) со своим приходящим кавалером. Парень был так себе, слизнячок, типичный жиголо, сама Алёна — невзрачной дурнушкой со смуглым цветом лица да ещё маленького роста. Зато дети были от неё без ума — как видно, она никогда не являлась без подарков. Не изменила своей традиции и на сей раз. А вот характер у неё был — глыба. Меня она моментально оценила и несколько раз не удержалась от брезгливой гримаски. Во время одного из дамских перекуров я даже услышал обрывок фразы: «И куда ты смотрела? Тебя в постели с этим уродом не вырвет? На редкость неудачный выбор!»

В незнакомых компаниях я чувствую себя крайне стеснённо, поэтому быстро сбегал к детям любоваться подарками. А когда вернулся, веселье было в самом разгаре, и мужичок, пусть самый плюгавенький, для танцев-шманцев идеально подходил. Атмосфера и здесь потеплела. «Жиголо» даже готов был устроить стриптиз, но Алевтина поспешила его увести. Я же, улучив момент, когда Ия пойдёт укладывать детей спать, улизнул по-английски, то есть не прощаясь.

Наутро реакция не заставила себя ждать:

— Ну что, струсил? Не думала, что ты такой заячьей душонкой окажешься. Слушай, может, ты импотент? Мне и такие попадались. Но, ручаюсь, нашим отношениям это совершенно не помешает.

— Да нет, просто я подумал — зачем тебе уроды? Может и вправду рвотный рефлекс сработать.

От неожиданного «момента истины» Ия какое-то время помолчала.

— Понятно, слышал наш разговор с Алей. Но при чём тут она? Тебе ведь не с ней встречаться. Вот сучка, вечно мне завидует, во всё встречается, лучше бы сама на себя почаще в зеркало гляделась. Ну так что скажешь?

— Нет, — без колебаний ответил я. — Плевать я хотел на твою подругу. Причины две. Во-первых, слишком большая разница в возрасте — практически в полтора раза, мне женщина постарше нужна. Во-вторых, ты уж прости, но для меня ты слишком красива: тебя одевать, холить, лелеять нужно, а это совершенно не мой уровень. Я уже давно всё обдумал: решение окончательно, пересмотру не подлежит.

— А как же дети? Ты им так понравился, — успела вставить Ия, прежде чем я отключился.

— Дети у меня есть свои, как ты знаешь, — ответил я как можно холоднее.

Я уже упоминал, что жизнь меня для моего возраста изрядно потрепала. Так что меньше всего на свете хотелось снова брать на себя какие-то обязательства: других детей заводить, а ещё того хлеще — чужих себе на шею вешать. Всяческие усыновления, удочерения, на мой взгляд, — сплошная пропаганда. Я свой долг перед обществом выполнил, вполне могу пожить теперь и для себя любимого. А женщин вокруг, страждущих, жаждущих ни к чему не обязывающих, случайных связей — пруд пруди.

Когда-то я считал наших отечественных классиков неисправимыми романтиками, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что большинство из них достаточно трезво смотрели на жизнь. Вот, к примеру, наш суровый Николай Гаврилович Чернышевский, любимый герой которого, революционер Рахметов, на гвоздях спал. Не противоречил ли он себе, когда говорил: «Богатство — вещь, без которой можно жить счастливо. Но благосостояние — вещь, необходимая для счастья». Или: «Право жить и быть счастливым — пустой призрак для человека, не имеющего средств к тому».

Но ещё лучше высказался на эту тему Лев Николаевич Толстой:

«Жениться надо никак не по любви, а непременно с расчётом, только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т.е. жениться не по чувственной любви и по расчёту где и чем жить, а по тому расчёту, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать мне жить человеческой жизнью», «Большая часть мужчин требует от своих жён достоинств, которых сами они не стоят».

Убедились теперь, сколько сложностей? Обожаю классиков, всё-таки куда целесообразнее учиться на чужих ошибках, чем на своих собственных. Как вы считаете, к примеру, самому Льву Николаевичу удалось пожить в семье человеческой жизнью? Разве что в романах, в образах своих героев. И за одно то уже человечество полтора века не устаёт говорить ему «спасибо».

Ну а ещё, бога ради, не повторяйте мне эту избитую сентенцию о «стакане воды на старости лет». Весьма спорный вопрос, дадут ли вам дожить до неё ваши потенциальные близкие?

4

Я уже спал и поначалу ничего не понял: кто звонит, зачем? «Дядя Вадим, дядя Вадим...» Потом разобрал наконец:

— Дядя Вадим, это я, Рома. Маме очень плохо. Она просила вам позвонить.

Разумеется, можно было сослаться на «скорую помощь», я ведь не врач, чем я реально мог помочь? Но я сознавал, что во всех случаях нужно сначала разобраться в ситуации на месте. К примеру, отвезут маму в стационар, а что с детьми потом будет?

Наскоро оделся, поймал такси.

Первое, что меня поразило, — контраст между тем, что ещё сравнительно недавно было, и тем, что предстало моим глазам сейчас. В квартире царили запущенность, запустение. Дети тоже особой ухоженностью не отличались, а когда я увидел саму Ию, к которой меня препроводил Ромчик, меня продрало до кишок. Бледная, худая, мешки под глазами, одета в какое-то тряпье. Первое впечатление было, что моя Незнакомка начала спиваться, однако, пройдя на кухню, я не обнаружил там ни пустых бутылок, ни характерной прогорклой закуски. Холодильник вообще был пуст. Я вернулся, растормошил спавшую «мисс мира и окрестностей»:

— Ты мне звонила? Что случилось?

Ия взглянула на меня с испугом, словно увидела привидение, в полной растерянности.

— Ты что-то путаешь, это была не я. Откуда ты вообще взялся? С работы прислали?

Я оглянулся и посмотрел на Ромчика. Тот смущённо отвёл глаза в сторону. Ясно было, чья инициатива.

— Молодец, правильно сделал, — поспешил я поддержать малыша. Тот радостно улыбнулся в ответ.

Необходимо было срочно действовать, но я никак не мог решить, чем заняться в первую очередь. Прошёл в детскую. Зика спала. Уже легче.

— Есть хочешь или до утра потерпишь? — спросил я проследовавшего за мной Ромку.

— Потерплю, — ответил тот охотно. — Я лучше посплю.

Ещё одной проблемой меньше. В принципе, впереди у меня было два свободных дня. Успею во всём разобраться.

Ия опять отключилась. Вновь пришлось её расталкивать.

— Я не звонила, — вновь со страхом сказала она.

— Я уже понял, — со вздохом ответил я. — Ты умоляла детей не вызывать «скорую помощь», вот Ромка и сориентировался. Что случилось, в двух словах хотя бы можешь объяснить?

Ия долго не решалась ответить, наконец бросилась, как в пропасть:

— Обезболивающие лекарства закончились, вот я и вырубилась. Только встану, сразу шатать начинает. У меня неожиданно нашли опухоль мозга, я даже не знаю, сколько мне осталось жить. И уже нет сил держаться. Но если расшифруюсь, меня положат в стационар, ребят заберут в детский дом, на том всё и закончится. Даже мой врач, нейрохирург, отказался дальше мой диагноз скрывать. Поначалу помогал, рисковал, даже подбадривал, обещал в два месяца на ноги поставить. Но, по-видимому, я потеряла не только деньги, здоровье, но даже былую привлекательность.

Да, картина! И всё-таки надо было с чего-то начинать. Лекарства, продукты. Я попросил у Ии ключи от квартиры, узнал, где находится поблизости круглосуточный универсам. Выходило далеко, пришлось вызвать такси по смартфону. Через пару часов холодильник был полностью загружен. Уже неплохо. Я снова разбудил Ию:

— Слушай, может, у тебя остались хоть какие-нибудь рецепты? Я съезжу в ночную аптеку.

Ия махнула рукой в сторону секретера.

— Там посмотри. Что-то должно быть. Обычно их отбирают, когда выдают лекарства. На эти у меня просто денег не хватило.

Голова моя лихорадочно соображала. Попусту мотаться по городу слишком накладно, нужно сначала обзвонить аптеки-ночнущки, спросить, есть ли искомое в наличии, и только потом вызывать такси. Ушло ещё три часа, утро вот-вот должно было наступить. Глаза Ии радостно заблестели при виде привезённых мной коробочек: было ясно, что у неё уже выработалась зависимость.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Можно сказать, ты меня с того света вызволил. Проводи до ванной, дальше я сама.

Ну, наблюдать подобные процедуры у меня никакого желания не было, я выполнил просьбу «коллеги» и пошёл на кухню, раздумывая, что бы соорудить поскорее на завтрак. Повар из меня, конечно, никудышный, но овсянку сварить, яичницу с сыром сварганить — вполне реально для холостяка со стажем. Я положил в вазу помытые с мылом яблоки, апельсины, бананы.

Картина преображения была полная. Ия вошла в кухню с вполне осмысленным выражением лица, не шатаясь, в кокетливом халатике, даже немного накрашенная.

— Что с работой? — первым делом поинтересовался я.

— Не потеряла ещё. Пока на больничном. Диагноз пустячный, Яков Арьевич помог.

— Дети? — всё так же коротко продолжил свой допрос я.

— Тоже ни дня не пропустили. Но и в школе, и садике задолженность, мне уже и записки передавали, и по телефону из администрации звонили.

— Хорошо, — кивнул я. — Дальше что делать будем?

— Ничего, — со вздохом ответила Ия. — Сдаваться. Все ресурсы исчерпаны, что могла, я сделала. Попрошу соседку за детьми посмотреть и вызову «скорую». Огромное спасибо тебе за помощь. Извини уж, что мы тебя потревожили.

Я помолчал, мучительно соображая.

— А что Алевтина? Она в курсе?

— Да, немного подбрасывала денег вначале, сейчас тоже настроена, что мне нужно срочно лечь в больницу. Яков Арьевич убедил. Всем удобнее побыстрее сплавить меня. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон.

Что я мог сделать? Раз уж лучшая подруга так решила...

— Детей будить не пора?

Ия кивнула:

— Да. Вот только бы не расплакаться. Я ведь их никогда не увижу больше. С ума сойти, как быстро жизнь прошла. Помнишь, как ещё совсем недавно мы смеялись, сидели в кафе-мороженом? Такие счастливые были.

5

Я снова вызвал такси, за всю свою жизнь, наверное, так не шиковал, предпочитая, по понятным причинам, общественный транспорт. Мы развезли ребят, затем я обернулся к Ие:

— Слушай, я хотел бы с твоим хирургом поговорить. Показывай, куда ехать.

Ия пожала плечами, но не стала возражать.

Яков Арьевич оценивающе посмотрел на меня: что, мол, за новый персонаж объявился? Затем со вздохом пробормотал:

— У меня двадцать минут в распоряжении, дальше две операции. Вы что-то хотели узнать? Как вас зовут, кстати?

— Вадим, — представился я.

Мы продолжили сосредоточенно изучать друг друга.

— Ну так я вас внимательно слушаю, Вадим, — нарушил наконец затянувшееся молчание лекарь.

— Всё, — столь же лаконично ответил я.

— Хорошо, — согласно кивнул Яков Арьевич. — Всё, что вы можете сделать в данной ситуации, — помочь мне уговорить одну очень упрямую даму строго следовать указаниям врачей. Полагаю, ей при нашем разговоре присутствовать необязательно. Как вы считаете?

— Согласен, — кивнул я.

Ия недовольно фыркнула, но безропотно удалилась.

Яков Арьевич со скучным видом достал из стола папку с историей болезни.

— Не стану врать, — пошёл он на откровенность, понимая, что пудрить мне мозги бесполезно, — поддался соблазну. Логично было бы отправить нашу красавицу по привычному конвейеру, но уж больно хороша. Зарежут, как пить дать. Кто она? Ни связей, ни денег. А без таких двух решающих факторов, как вы сами понимаете, никто ею всерьёз заниматься не будет. То есть, случай прост, как дважды два, не она первая, не она последняя.

Он нашёл страницу с небольшим снимком и развернул папку в мою сторону.

— Опухоль мозга. Возможно, доброкачественная, возможно, рак. Нужны обследования. Прежде всего проверить все важные органы на метастазы. Как это сделать? Только в больнице. Но в какой больнице? У нас? В Москве? Время идёт. Талончик к врачу в местной онкологии сейчас дают за две недели, когда это было? В былые времена за такую «человечность» главврача расстреляли бы. А ведь медлить никак нельзя, нужно срочно оформлять инвалидность, хотя бы для того, чтобы получить квоты, право на бесплатные лекарства. И что ваша дама? Вцепилась в своих детей, теряет драгоценное время. Кстати, кто она вам?

— Коллега. Просто коллега, — пожал я плечами. — Мать, отец умерли, подругам, бывшему мужу на неё наплевать. Тривиальная история. В общем-то я всё понял. А что, если нам обратиться к платной медицине? Хотя бы для того, чтобы собрать необходимый минимум для анамнеза? В принципе, шансы-то хоть какие-нибудь у неё есть?

— Есть, конечно, — кивнул хирург. — Но только шансы. Всё та же лотерея.

— И что, совсем ничего нельзя сделать? — спросил я.

Эскулап задумчиво постучал пальцами по столу. Мы уже достаточно познакомились, чтобы понимать друг друга с полуслова.

— Ладно, — кивнул Яков Арьевич. — Давайте так: я подключаю дневной стационар и частную клинику, в которой подрабатываю. Вы берёте на себя детей. По возможности вечера Ия будет проводить дома. Но деньги нужны срочно. Когда соберём все анализы и картина в какой-то степени прояснится, будем дальше решать. Вас так устроит?

— Более чем, — кивнул я. — И сколько конкретно?
Яков написал на листочке сумму. У меня в глазах потемнело, но я не подал виду.
— Это, как вы понимаете, только для начала.
И новый удар я выдержал.
— А ваш гонорар? — на всякий случай решил уточнить я.
— Всё включено.
— Ладно, я согласен.
— Хорошо, тогда оставляйте её здесь, — был ответ. — Домой я её вечером сам привозить буду. Машина у меня не ахти, конечно, но всё лучше, чем ничего.
Я помчался в банк за деньгами.

Счастье, когда у человека бывает хоть какой-то божий дар. «Ия плюс Яков», здорово зацепило старика. Ну, а я успел посидеть за компьютером, сварганить не очень искусный ужин, забрать детей из школы и садика, даже покормить их. Ию привезли поздновато, но все необходимые лекарства теперь у неё были, так что чувствовала она себя вполне сносно. Мы поужинали, погуляли по улице, затем вернулись, уложили детей спать. Когда я собрался уходить, Ия попыталась уговорить меня остаться. Собственно, я понимал, что не следовало оставлять её одну, всякое могло случиться. Но, что греха таить, пришлось бы спать с ней, а секс с такой доходягой... любителем острых ощущений я никогда не был.

— Не переживай, в случае чего позвонишь. А утром я буду, как штык, можешь не сомневаться.

6

Колесо завертелось. Я договорился с одной из соседок, чтобы она подменяла меня во время моих дежурств на работе. Она согласилась, деньги всем нужны.

Наконец обследования практически полностью были пройдены, но картина мало прояснилась. Мы снова закрылись с Яковом Арьевичем в его кабинете для серьёзного разговора.

— Надо ехать в Москву, — сказал он после долгого раздумья. — Я сам с ней отправлюсь на машине. Все необходимые документы я взял, если найдётся подходящий вариант, выйдем квоту, кое-какие связи у меня, слава богу, в столице нашей родины сохранились. Ну, а там останется только на Бога уповать, без операции никак не обойтись. Даже для того чтобы взять пробу на биопсию, всё равно придётся черепную коробку сверлить. И какой смысл? Лучше сразу совместить этот процесс с операцией. Но без денег опять ничего не получится. Обследование, по сути, придётся проводить заново. Нужно другое, более совершенное оборудование. У нас такого и в помине нет.

Ничего другого я и не ожидал ещё с самого начала. Что оставалось? Раз уж сказал «а», нужно и «б» говорить.

— Деньги будут. Завтра утром, — твёрдо заверил я. — Опять тот же вопрос: сколько?

Я прочитал на бумажке совершенно неподъёмный вариант, но отступить было некуда. Последний рывок. Во всех случаях можно будет сказать, что я сделал всё, что мог.

Я никогда не залезал в долги, это правило мной свято соблюдалось, но что у меня было на счетах, я уже снял, что можно было продать, продал. К утру я, естественно, не уложился, пришлось попросить ещё день отсрочки.

Ничего, утешал я себя, деньги — дело наживное, не сразу, но восстановимся. Хотя впереди был ещё процесс реабилитации, не следовало обольщаться. Лишь бы врач-грач меня не бросил на полпути.

Дальше потянулись дни неизвестности. Мы договорились не созваниваться попусту.

Когда Ия вернулась, мы снова собрались в попытке понять, «чем сердце успокоится».

— Обследование закончено, — со вздохом сказал Яков Арьевич. — Можно приступать к операции. Но шансов мало, таких специалистов у нас нет. По-настоящему всерьёз можно воспринимать лишь Германию либо Израиль, но суммы там неподъёмные. В Германии у меня хорошие связи, я отсылал туда результаты московских обследований, они сказали, что такие операции они уже делали, девяносто шансов из ста, что удастся Ию спасти. Остался только один вопрос: деньги, где взять такие деньги?

— У нас две квартиры. Что если продать одну? — предложил я. Другого выхода, как ни напрягал мозги, не было.

— А хватит ли? — поинтересовалась Ия.

— Надо узнать.

Я побегал по риэлторским конторам. Результат был неутешителен. Одно дело — продавать квартиру, и совсем другое — продавать её срочно. Я понял, что выручить меня может только один человек. Однако наткнулся в данном случае на полное непонимание.

7

— Ия уже просила меня о помощи, но чем я могу ей посодействовать? Сумма астрономическая, я не собираюсь из-за неё рушить свой бизнес. Может, ты меня за богачку принимаешь? Три салона красоты — итог десяти лет пахоты без продыха. Успокойся, больше не суетись. Ты и так сделал всё возможное и невозможное. Так что подумай лучше о себе. Я, конечно, понимаю тебя, ты сейчас очарован сверх всякой меры, совсем голову потерял, но нельзя же вот так, в корне, рушить свою жизнь.

— Ты ошибаешься, — холодно ответил я, — у меня с Ией ничего нет и никогда не было. Роман у неё — с Яковым Арьевичем, вот старик и в самом деле голову потерял. К нашей большой удаче, между прочим. Иначе нам просто не о чем было бы говорить сегодня. Но ты неправильно поняла меня. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши с подругой отношения. Будешь ты ей помогать, не будешь — какая мне разница? Я просто пред-

лагаю тебе выгодную сделку. Мы слишком много потеряем, если сейчас срочно продадим наши квартиры, ты это сделаешь не спеша, постепенно и наваришь неплохой куш в результате. Ну, а я лично уже столько кредитов в банках набрал, тут вариантов быть не может — кончится тем, что в любой момент на меня насядут коллекторы и отберут всё за бесценок.

Алевтина спала с лица, затем беспомощно развела руками:

— Ну, теперь у меня вообще мозги набекрень встали. Любовь, страсть — как-то можно объяснить, но если нет ни того, ни другого, в чём, собственно, твой интерес? После таких потерь можно вообще не восстановиться. Ты самоубийца?

— Нет, — спокойно ответил я. — Просто человек погибает. И его можно спасти. А ещё — дети останутся с родной матерью. Вот кого я действительно не понимаю, так это тебя. Ия мне чужой человек, ну а ты, получается, только маскировалась под её лучшую подругу? Тебя ведь никто не просит сейчас о помощи, только о выгодной для тебя услуге. Получается, отказываясь, ты её хочешь утопить?

Я даже не поверил, что мне удалось загнать Крошечку Хаврошечку в угол, но ей ничего не оставалось другого, как согласиться.

— Ладно, если все документы с собой, поехали к нотариусу.

Я позвонил Ие, домой к ней заявиться не рискнул.

— Привет, я в долгах, как в шелках. Мне бы не хотелось наводить на твой след коллекторов. Я говорил с Алевтиной, она полностью берёт на себя все оставшиеся проблемы, связанные с твоим лечением. Ну, а сам я исчезаю надолго, в том числе и с работы.

— Подожди, — вскинулась Ия, — почему ты так поступаешь? Мы должны быть вместе, мы всё преодолеем.

— Нет, — твёрдо ответил я. — Я уже говорил тебе: причины всё те же — твой возраст и красота. Не переживай, ты обязательно выкарабкаешься, поверь мне.

8

Жизнь кончилась, я не представлял себе, как вылезу из той дыры, в которую угодил по собственной непроходимой тупости. Снял угол у одной старушки в частном секторе, лишь в крайних случаях выходя за продуктами в магазин. В один из таких «променадов» и остановился возле меня серебристый джип. Я весь сжался, приготовившись удирать, но это оказалась всего лишь Алевтина.

— Привет, надо сказать, с трудом узнала тебя. Всё скрываешься?

Я пожал плечами.

— Пока да, но отдаю долги понемногу. Хочу потом на Север улететь, уже списался с Нефтеюганском. Зарплата нормальная, и специалисты такие, как я, нужны.

— Понятно. Нет желания узнать, что там после твоего бегства произошло?

— Нет, — отрицательно покачал головой я. — Я сделал всё, что от меня зависело, а если в итоге ничего не получилось...

— Ну да, ну да, — согласилась со мной Алевтина, — тут кафешка есть вполне приличная неподалёку, может, посидим часок, раз уж мы так неожиданно встретились?

Я насторожился:

— А что, я и тебе ещё остался должен?

— Нет, не бойся, — рассмеялась Аля. — Эта тема давно закрыта. Просто хотелось бы развеяться, потрепаться о том о сём.

О чём конкретно? Я с недоумением выставился на неё, забот у меня и без пустой болтовни хватало.

Собственно, не кафе, ресторанчик. Небольшой, но и в самом деле довольно уютный. Посидеть, поговорить? Ничего хорошего от нашей встречи я не ждал. Заказал себе рыбное ассорти, чего ж стесняться-то, коли дама угощает? Однако от вина отказался, тем более что «девушка» была за рулём.

— Ия выздоровела, — начала выкладывать мне новости Алевтина. — Я ей недавно нашла «папика», тот особо её не балует, но всё же поддерживает на плаву. Так что теперь вам ничто не мешает соединиться.

Я мрачно промолчал, затем не удержался от вопроса:

— Слушай, не откроешь секрет, за что ты так её ненавидишь? Как я понял, вы учились вместе все трое? Обычно такая дружба навек, не забывается.

Аля вскинулась — кто я такой, чтобы ей в душу лезть?

— Дружба? — зло усмехнулась она. — Ты что-то напутал, приятель! Никакой дружбы между нами и в помине не было. Они с Лариской красивые, хорошо одетые, а я кто? Мышь серая? Постоянно издевались надо мной, а когда кто-нибудь из ребят вдруг проявлял ко мне интерес, тут же отбивали. Просто так. Только чтобы лишний раз унижить меня, на место поставить.

Я удивился:

— И чего же ты тогда такой удобный момент упустила? Могла бы отомстить, за все свои слёзки заставить расплатиться.

Алевтина успокоилась, пожала плечами:

— А зачем? Я в Бога верю. Несоразмерно как-то: за смешные детские обиды человека по стенке размазать. Сам-то ты почему не восстановил справедливость? Ведь тут было чистой воды мошенничество, а ты даже в полицию не заявил.

Я был ошеломлён. Ничего не скажешь, ещё один, очередной, «момент истины».

— Смотрю, ты вообще до сих пор ни о чём даже не подозреваешь? — удивилась Аля. — Тебя же развели, как последнего лоха, да ещё долгами, как новогоднюю ёлку, обещали. Где хоть ты сейчас обитаешь-то?

— У одной бабули в халупе-развалюхе. И что, получается, никакой опухоли и в помине не было?

— Откуда? — расхохоталась Аля. — Был старичок, свихнувшийся на молодухе, он ей во всём помогал. Вроде, как в Москву ездили, в Германию летали, а на самом деле у Якова этого на квартире куролесили. Сначала меня хотели на денежку раскрутить, но только я-то ведь не дура. А у Ии... у неё просто выхода не было. Ни работы, ни профессии,

денег, соответственно, тоже. А тут — «шёл навстречу дурачок и попался на крючок». Собственно, в чём-то я тебя понимаю: Ийку ты ещё мог раскусить, но дети — они же гениальные актёры. Тем более что они не играли, жили. На сколоченных двумя прохиндеями гнусных подмостках, искренне веря, что мир обрушился вокруг них: мама умирает, и только дядя Вадим — единственный человек на всём белом свете, который может её и их спасти. А заодно, видимо, и весь мир тоже. Это я к тому, чтобы ты не воображал себя героем, Капитаном Россия.

Ничего не скажешь, удар был сильный, ниже пояса. У меня даже в глазах потемнело, не было сил притворяться.

— Да, верно предрекал мне отец, — медленно проговорил наконец я: — «Со своим отношением к деньгам и женщинам ты умрёшь под забором!»

— Хорошо сказано, — не удержалась, снова рассмеялась Аля, — ну а сам-то он как, интересно, свою жизнь прожил?

— Был военным, мотался с неразлучной женой по гарнизонам, настрогал пять отпрысков, я из них был последышем. Остальные все устроены, счастливы: дети, внуки. Один я — урод. Правильно ты тогда сказала. Ладно, всё равно я рад, что так благополучно всё завершилось.

— И мстить не будешь?

— За что? — пожал я плечами. — Ты лучше о себе расскажи: признайся, хотела чужими руками жар загрести? Ошиблась, девочка, я не того поля ягода. Человек сражался за себя, за детей, его легко можно понять. Сама же сказала, что «королевна» наша никогда нигде не работала, где ей ещё было деньги взять?

— И что, никакой любви между вами и в самом деле не было? — уточнила, не решаясь посмотреть мне прямо в глаза, Алевтина.

— Любовь! — усмехнулся я. — А знаешь ли ты, что такое любовь? Я-то вот, и то лишь совсем недавно проникся. «Всё отдавать и взамен получать» — вот и вся формула в ней. Так что любовь не для меня, как видишь. Не перечешь, сколько раз я влюблялся, всякий раз бросаюсь в любимого человека с головой, но ничего не менялось, пока не подоспел такой вот совсем уж разгромный итог. Я исчерпал все попытки, и мне не остаётся ничего другого теперь, как только согласиться с Шопенгауэром: «Единственный человек, который не может жить без женщин, — это гинеколог». Ну что, я считаю, мы прекрасно пообщались. Спасибо, что в прошлый раз меня выручила. Считай, что я навеки теперь твой должник.

Уже встал было, чтобы раскланяться, однако Алевтина задержала.

— Погоди, я так подумала насчёт Шопенгауэра: у меня к тебе есть интересное предложение. Прежнего «гостевого любовничка» я как раз недавно выгнала. Место свободно. Ну а взамен могла бы помочь тебе с кредитами. Да и работой загрузила бы по профилю.

— Нет, — категорично, без промедления ответил я.

— Почему? — вскинулась Аля.

— Чужие деньги — чужая судьба. Мне лично ничего чужого не надо. Да и вообще, необходимо сначала расплатиться с долгами. Самому. Без чьей-либо помощи.

Алевтина несколько минут не могла взять себя в руки. Чувствовалось, что именно моя категоричность сильнее всего ударила по самолюбию.

— Что ж, вольному — воля, спасённому — рай, — холодно подвела итог она. Затем уточнила: — Скажи честно: всё дело в моей внешности, не вдохновляет тебя?

Я пожал плечами:

— При чём тут внешность? Как я понимаю, твои «подружки» опять постарались, ещё со школьной скамьи такой комплекс неполноценности в тебе выработали?

Алевтина молчала, видимо, мои слова не показались ей убедительными. Тогда я решил зайти с другого конца.

— Ты знаешь, была такая оперная певица — Полина Виардо. Чем-то похожая на тебя. Во всяком случае, в эталонном смысле красотой она не блистала. Как только её не звали: и «безобразная красавица», и «музыкальный муравей», и «сажа да кости», но в неё было влюблено столько мужчин, что и не перечесть. Одним из них как раз был наш великий писатель Иван Сергеевич Тургенев. Так и катался он за своим «муравьём» по Европе, как привязанный, аж сорок лет. Хочешь, я прочитаю тебе отрывок из одного письма, которыми он её в редкие месяцы разлуки без счёта забрасывал?

Алевтина хмуро кивнула:

— Ну давай. Так и быть, послушаю.

— «Ах, мои чувства к вам слишком велики и могучи. Я не могу жить вдали от вас, — я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, — день, когда мне не светили ваши глаза — день потерянный». А вот, если хочешь, ещё одна выдержка: «А вы будьте вполне уверены, что в тот день, когда я перестану нежно и глубоко любить вас, я перестану и существовать».

86

НИКОЛАЙ БРЕДИХИН

9

В дверь моей комнаты заглянул сосед по этажу:

— Привет, Вадик, — на бегу крикнул он, — спустись вниз, там тебя охрана на посту спрашивает. Подробности письмом.

Ну, письмом так письмом, шутничок нашёлся! Что за город! Одна молодёжь кругом, я чувствовал себя здесь глубоким стариком. Хотя вообще-то мне на редкость повезло, жилищные условия у меня были царские: двухкомнатная квартира на двоих в обыкновенной пятиэтажке, приспособленной под общежитие. Я как был, в шлёпанцах и тренировочном костюме, скатился вниз. Кому, интересно, я мог там понадобиться?

Охранник в ответ на немой вопрос лишь ухмыльнулся и так же, без слов, показал головой в угол.

— Понял, — коротко ответил я.

Я смотрел на Алю и никак не мог понять, что случилось.

— Хотела устроить мне сюрприз? — спросил холодно.

— Может,пустишь внутрь? Или ты не один? — Наверное, это единственное, что её интересовало.

— Один, — ответил я. — Но ты сильно рисковала, что явилась без предупреждения. У нас тут полно всяких особенностей: вахтовые методы, командировки, меня просто могло не оказаться на месте.

— Ничего, — пожалала плечами Аля. — Я бы подождала. Не хотела рисковать, вдруг нарвалась бы на отказ. А тут поставила тебя перед фактом.

Мне стало стыдно, что я такой негостеприимный: человек всё-таки две тысячи километров отмахал. Да ещё угодил в столь жуткую холодрыгу.

— Ну что, Фарид, — спросил я охранника, — пропустишь гостью?

— А кто она тебе? — спросил тот с обычной своей хитрой ухмылкой.

— Сестра, кто же ещё, — вздохнул я меланхолично.

Тут уж он не выдержал, расхохотался:

— Ага, прямо однойцевые близнецы.

Я охотно поддержал шутку:

— Разнойцевые. Однойцевые всегда однополые.

Новый приступ лошадиного ржания, Фарид никак не мог справиться со слезами на глазах.

— Ладно, иди уж, умник!

Добравшись до своей каморки, я помог Але разобраться с вещами, наполнил ванну, пошёл на кухню собирать ужин.

В отличие от меня Аля вела себя вполне естественно, даже домашние тапочки с собой прихватила.

— Такая вот я непонятная особа, — развела она руками. — Люди в отпуск на юг, на море отдыхать ездят, а я на север рванула. Перепутала направления. Ну как ты здесь? Всё сбилось?

— Нормально, только холодно очень. Да и платить могли бы побольше.

Аля посмотрела мне прямо в глаза:

— Вадим, давай не будем ходить вокруг да около. Зачем я прилетела? Постоянно думала о тебе. Понимаешь, я с самого детства мужиков ненавидела, а уж любовь вообще сказкой считала. А посмотрела в прошлый раз, как ты за нашу «мнимую больную» сражался, с чужими детьми на «ать-два» управлялся, и всё у меня в душе перевернулось. Я вдруг поняла, что ничто в мире по сравнению с такими вот обыденными радостями гроша ломаного не стоит. И всё фразу ту вспоминала: «день, когда мне не светили ваши глаза — день потерянный». Я здесь на любых условиях: могу свои салоны развернуть, на всю жизнь остаться, а если уж совсем не мила, ничего не объясняй, даже вникать не стану. Завтра утром как прилетела, так и обратно умотаю.

«Да, — подумал я с тоской, — жизнь, да и себя тоже, не переделаешь. Спрашивается, кто меня в прошлый раз за язык тянул? Нельзя женщине подобные слова говорить, особенно, если она никогда их не слышала. Хотя... правильно народная мудрость гласит: если уж человек родился любителем приключений на свою задницу, то они найдут его потом везде, куда бы он ни попытался от них скрыться, хоть на краю света».

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДУДКИНА

Стало как-то непривычно тихо,
и не веришь в эту тишину...
Что ж? Пришла пора идти «на выход» —
в странную нездешнюю страну?

Но молчит, и точно ждёт чего-то
ворох остановленной работы...
Ты пройдёшь стезёю неземною
во владенья вечные Христа...
Только что же так болит и ноет
на душе — немая пустота?

Колет сердце острая утрата!..
А судьба — коварна и кратка,
точно вспышка фотоаппарата,
в темноте пронзившая века.

Роман Славацкий

Вот уже год прошёл, как оставил нас талантливый фотохудожник Александр Михайлович Дудкин. Он скончался внезапно 15 июня 2016-го. Ему было 67 лет... Огромная часть работы по оформлению «Коломенского альманаха» лежала на его плечах. Потеря такого отзывчивого, преданного искусству, бескорыстного друга, мастера цветовой гармонии до сих пор отзывается ощущением трагической невосполнимости.

В его глазах всегда горел свет искренней увлечённости и добра; и вот этот свет погас. Умер хороший, сердечный, интеллигентнейший человек, целиком преданный своему делу. Настоящий русский мастер, который ни разу не отступился ни от себя, ни от своей правды.

Мы помним о нём.

Да примет Господь его душу с милосердной любовью!

Коллектив редакции

Виктор Мельников

ЗАЧАРОВАННЫЙ КАМЕНЬ

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Виктор Мельников — автор двенадцати книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Сказка для взрослых

Не любят у нас Княжьего Леса, нет, не любят. А всё потому, что место там страшное, заколдованное. Вот уже больше ста лет народ боится ходить туда.

Как подойдёшь к Лесу-то Княжьему — увидишь старую дорогу. Одно название, что дорога: всё заросло, завалило обломками деревьев, изъеденных червями и расщеплённых грозой. Слева от дороги — ветхая сторожка, вся заросшая диким виноградом. Только очень внимательный разглядит под листвою кирпичную стену. Штукатурки на кирпичах давно нет, обвалилась вся. Нечистое это место и дикое...

А если подойти к сторожке вечером, когда уже смеркаться начнёт, то можно увидеть, как из её оконца свет пробивается. Редкий человек отважится подойти к ней в темноте — среди бела-то дня жуть берёт. Из местных — смельчаков не находилось. Никто не хотел пропалывать даром.

Прослышал про гиблое место присланный учитель Алексей Иванович.

— Не боюсь, — сказал он, — глупых суеверий. Желая провести научное исследование. Никаких призраков не существует, есть только явления природы.

И вот, как солнце покатилося за Княжий Лес, собрался он идти к холму, на котором Лес растёт, к заросшей дороге и таинственному домику. Отговаривали его старики всем селом, да он только упорнее становился. Делать нечего, дали ему на прощание советы и проводили с Богом.

К сторожке молодой учитель подошёл уже затемно, хотя и вышел из дому с приличным запасом времени. Действительно, из окошка сочился звенящий голубой свет. Страх охватил Алексея Ивановича, даже сердце заколотилось. Но устыдился он своей слабости и сказал себе:

— Чего это я испугался? Нет, как хотите, а я эту загадку разъясню, клянусь таблицей Менделеева!

Подошёл к оконцу, листья раздвинул и заглянул внутрь. Мрак в сторожке разрежался только тусклым пламенем огарка свечи, воткнутого в пузатую глиняную бутылку, всю заплывшую воском. Огонёк высвечивал старую большую кровать, рядом — клавикорды. На столе — ворох бумаг, гусиное перо, бронзовая чернильница с крышкой. Здесь же — открытый полированный ящик, а в нём — пара дуэльных пистолетов.

На красном бархате кровати лежит молодой человек. Белая рубашка с кружевным воротником, чёрные кавалерийские штаны, заправленные в начищенные до блеска сапоги. По виду вроде бы спит, но при этом губы шевелятся, как будто что-то шепчут.

Увидел такую картину Алексей Иванович и обомлел. Уж больно обстановка несовременная, музейная какая-то. Что-то здесь не так. Отошёл он от окна, стал дверь искать. Шуршал-шуршал — еле нашёл. Толкает её туда-сюда, а она не подаётся — видать, давно никто не открывал. Наконец налёг на неё учитель плечом — она и распахнулась. Глянул внутрь — а там пусто! Присмотрелся. Осторожно переступил порог. Под ногами мягко пучился мох. Сторожка оказалась пустой: сыр, паутина, на стенах плесень. Темно, только из маленького оконца свет со двора сочится.

И так жутко ему стало! Разом и про суеверия забыл, и про таблицу Менделеева. Перекрестился, бросился наружу, приник к окну. Что такое? Опять молодой человек лежит на красной кровати, стол, свеча, перо...

Снова побежал Алексей Иванович к двери, зашёл внутрь — одна пыль да паутина. Почуял учитель, как у него волосы на голове шевелятся. И задал он такого стрекача, что до самого нашего Ново-Успенского только пятки сверкали. Бежит мимо магазина, пот градом катится, глаза вот-вот от страха вываливаются. А старики, те самые, которые его отговаривали, на завалинке всё ещё сидят.

— Эй! — кричат. — Лексей Иваныч! Дом свой пробежал. Остановись!

Учитель остановился, а слова вымолвить не может. Стоит посреди улицы, словно по колени в землю вкопанный. Лицо белое, губы дрожат.

Усадили его, кваском холодным отпоили — отошёл человек!

— Ну, расскажи толком, что случилось? — видя, что он пришёл в себя, попросили старики.

Учитель всё как на духу рассказал.

Старый-престарый дедушка Фёдор Терентьич (весь седой, еле ноги таскает) покачал головой, причмокнул полуживыми губами и произнёс:

— Вот и выходит, братцы, что Княжий Лес — место нечистое. И стало быть, история про Старого Князя — не сказка, а самая что ни на есть быль.

Тут, конечно, все стали просить: расскажи, мол, про Старого Князя. Эту историю у нас всякий слышал, но всегда хочется подробнее знать. И вот что старый Терентьич рассказал.

— Давным-давно — я ещё ребёнком был — рассказывали мне покойные отец с матушкой о том, как жил в наших местах князь Яворский. Дворец его располагался как раз на вершине холма, в Княжем Лесу. Тогда, конечно, не было таких зарослей. Прямые дороги вели к подъезду. Домина огромный — окон в шестьдесят, крыльцо с десятью белокаменными колоннами. Службы рядом — словно целый город. Тут тебе и оранжерея, и театр, и конюшня, и псарня. И ведь какая мастерская работа: камень резной, филёнки, окна выше человеческого росту, в аллеях — статуи! Всё вроде бы есть для роскошной жизни. Но даже в самую цветущую пору так было грустно и тоскливо здесь, что никакими словами не описать.

Княжеская дворня в трудах не убивалась, жила вольготно. И при этом никто хозяина не любил. Все боялись! Чем дальше, тем больше шёл по земле слух, что Князь наш — то ли упырь, то ли колдун, то ли то и другое вместе. А уж страшон был — сил нет. Ростом маленький, голова лысая, глаза жёлтые, усы какие-то грязно-серые, аж зеленцой отдают, а на загривке шерсть растёт, как у волка-оборотня, даже из-под воротника рубашки выпирает.

Были у него две жены, обе молодые, обе красавицы, и обеих он пережил и схоронил в своей Успенской церкви. А уж церква-то эта... Одно слово, что церква, а глубже копнуть — так самое поганое место. Вся как есть исчеркана какими-то знаками, гиегроглифы называются. А уж иконы-то... Не образа — соблазн один. Глядят, ухмыляются, будто сейчас подмигнут. И ведь не хотели храм освящать; уж не знаю, как Князь заставил правящего архиерея, какие тыщи заплатил, чтоб тот согласился освятить престол.

И священник-то подобрался такой же поганец, как и хозяин: Великим постом, говорят, мясо ел. Ну, знамо дело, крестьяне в ту церкву ни ногой. У нас в селе храм хоть и старый, хоть и деревянный, и беден, и тесноват, да уж зато православный.

Странная жизнь была в княжеском дворце. Что праздник, что будний день — почитай каждый вечер — музыка, танцы, пир горой, в окнах свет стоит, точно белым днём. Актёров приглашали: Князь без театра прямо жить не мог — бесовская потеха!

И вот однажды приехали актёры. Дали представление и отправились своей дорогой. А двое остались: одна актёрка, необыкновенной красоты девица — высокая, статная, золотоволосая и светлица, в длинном голубом платье с красным поясом, и жених её, отставной офицер. Он был тоже хоть куда. Стишки всё писал да следом за ней ездил. Ни минуты без неё прожить не мог. Куда она, туда и он. Вот как раньше любили. А стихи какие писал! Жалко, старый стал, не помню, а по молодости, бывало, наизусть учил по тем листочкам, что дворня нам в село приносила. Стишки всё больше про несчастную любовь, жалостливые до невозможности. Прочитаешь — и сердце замрёт, а на глаза слёзы наворачиваются.

Актёрка (Виолеттой её звали, имя какое-то не нашенское) шибко приглянулась Князю. «У вас, милочка, — уговаривал Виолетту, — талант. Вы не должны его по балаганам разменивать. Оставайтесь в моём театре, вы здесь будете настоящей звездой».

Одним словом, осталась она и поселилась со своим поэтом в той самой сторожке у дороги. Ладно жили. Но долго ли, коротко ли, а на-

чал Князь под актёрку подлаживаться. Стукнул ему бес в ребро, страсть распалилась. Дорогими нарядами да драгоценностями всю осыпал! Простудилась она — так он из самого стального града ей лучших докторов вызвал! Пылинки с неё сдувал. «Вы моя царица, — говорит, — жить без вас не в состоянии! Будьте моей женой!»

Он, конечно, и старый, и страшный, а легко ли девушке отказать, когда такое богатство само в руки идёт? Ведь и деньги, и дворец — всё должно ей достаться вскорости. А что ей мог поэт предложить? Свои стихи, кусок хлеба да стакан вина, и то не всегда. В общем, согласилась, бедная. Уж не знаю, какими правдами и неправдами, а выхлопотал старик разрешение на третий брак, обвенчались они в княжеской церкви, сыграли свадьбу...

Жизнь, конечно, невесёлая пошла. Виолетта со своим упырём мучается, а поэт в сторожке заперся, лежит, сердце его на части рвётся, красным вином тоску заливает и стихи сочиняет. Наладился он своей подруге стихи передавать. Та прочтёт — и плачет, плачет... А как наплачется — письмецо ему напишет. Тот тоже ей в ответ: мол, если бы мне сейчас предложили возложить всё, что я сочинил и собираюсь сочинить, на одну чашу весов, а на другую — моё желание навсегда быть вместе с тобой, желанной и осязаемой, — вторая бы чаша перевесила.

В общем, любовь действительно перетянула, и они стали тайком встречаться. Завертело, закрутило их обоих. Виолетта совсем голову потеряла от любви. Ждёт не дождётся вечера. Через своих людей письма ему передаёт. В них только одно и пишет: «Здравствуй, мой любимый, милый и ласковый! Я очень по тебе скучаю. Жду вечера, когда мы снова будем вместе. Ты обнимешь меня, погладишь мои волосы и поцелуешь. А у меня что-то сожмётся внутри, и я прижмусь к тебе всем телом. Задрожат мои коленочки, губы зашепчут бессвязное-ласковое в благодарность за то удовольствие, что ты мне даришь...»

Но вот однажды Старый Князь перехватил такое письмо. Прочитал — и разгорелся чёрной злобой, потёк ядом: «Заговор устроили?! Смерти моей хотите?! Так не быть вам вместе! Вечно будете вы друг друга искать и не найдёте, и не встретитесь, не соединитесь, доколе бел-горюч камень с моим знаком чёрной водой не укроется!»

Сказал так — и сделал заклятье, заколдовал жену свою и несчастного поэта.

Прошло невесть сколько времени... Давно уже сошёл в землю старый колдун, дворец разрушился, развалились и театр, и оранжерея, и псарня. А после революции и вовсе Княжий Лес без хозяев остался. Весь холм зарос, бесовская церковь в руины обратилась, прежняя дорога покрылась деревьями да кустами, и сторожка вся заросла...

Но сказывают, что по ночам среди страшных стен, там, где прежде были роскошные залы, ходит женщина в голубом платье с красным поясом. И не может она добраться к любимому, плутает в здешних развалинах.

А поэт до сей поры живёт в сторожке у холма, лежит на красной кровати, пьёт терпкое вино и пишет стихи. И не может он выйти наружу, потому что сторожка его заколдована. Откроет дверь, шагнёт за порог — и тут же оказывается на прежнем месте, в своей комнате.

И вечно так будет, пока бел-горюч камень с княжеским знаком не покроет чёрная вода.

Когда Алексей Иванович рассказал эту историю супруге своей, Марии Александровне, та задумалась. День думала, два думала, а на третий собрала пятерых своих учеников, которые посмелей да посмышлёней, и повела их в Княжий Лес.

И представляете, зачем пошли? Искать бел-горюч камень. Целую неделю ходят-бродят, ничего найти не могут. Все уже удивляться начали: «Чудит Мария Александровна. Как можно в таких зарослях что-то найти? Разве что лоб себе найдёшь: треснешься обо что-нибудь да шею свернёшь».

Однако женщины, знамо дело, народ упорный и настойчивый. Как вобьют себе что в голову — нипочём потом не выколотишь. Да и то сказать — уж очень жалко ей стало актёрку с поэтом.

И вот на седьмой день, около полудня, когда солнце стало даже сквозь деревья припекать, подошла учительница со своей ватагой к Успенской колокольне с умолкшими давно курантами. Тут один из её учеников и говорит:

— Смотрите-ка, Мария Александровна, вот могила Старого Князя.

Глянула она, видит — высокий памятник из белого мрамора, на нём чудная какая-то надпись не по-нашему и княжеский герб. И тут её как обожгло: вот же ведь этот бел-горюч камень!

— А ну-ка, — говорит, — ребятки, давайте сюда верёвку!

Обмотали они плиту верёвкой и только дёрнули — памятник будто сам собой поехал да и покатился с обрыва — бух! бух! бух! И внизу раздалось гулко и страшно: бу-ух! Это упал камень в старый пруд под горой, чёрный, весь заросший.

И тут же удар грома раздался, словно гроза началась. А вслед за ним на Успенской колокольне колокол курантов отмерил шестой вечерний час. И все, кто стоял рядом, увидели, как в одном из окон церкви промелькнула женская фигура в голубом платье с красным поясом. А дверь сторожки распахнулась, и из неё выбежал молодой мужчина в белой рубашке и чёрных кавалерийских штанах, побежал к церкви, пригибая голову под ветвями старых деревьев. Дверь церкви оказалась запертой, и он, не мешкая, нырнул в тёмный проём нижнего окна. Через окна было видно, как он бежал по дряхлой лестнице, вытянув вперёд руки. И звенел, колотясь о холодные стены, его сильный голос:

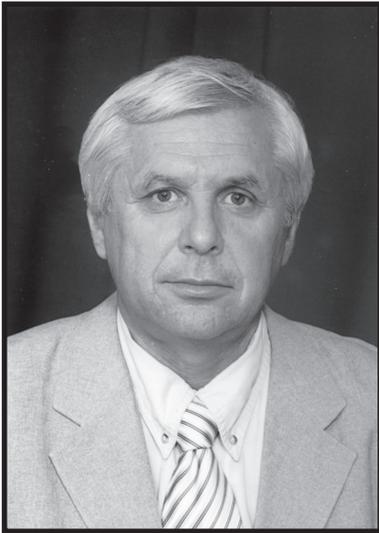
— Виолетта-а-а!

Снова грянул гром, и через несколько минут из окна восточной стороны церкви выпорхнули два белых голубя и, набирая высоту, пропали в розовых облаках.

Тем же вечером — хотите верьте, хотите нет — рухнула и совсем развалилась сторожка у старой дороги. А женщину в голубом платье с красным поясом и мужчину в белой рубашке с тех пор никто не видел.

Но и сейчас из Ново-Успенского в Княжий Лес никто не ходит. Не любят у нас Княжьего Леса, нет, не любят.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ
(13/XI-1948 г. — 11/IV-2016 г.)

Тяжко на душе — и что за груз-то? —
друг ушёл, да так, что не найти.
Александр Петрович, как же грустно
расставаться посреди пути —

споры и открытия оставя
на глухой неведомой заставе!..

Что же будет? Встретимся ли снова?
Сердцу непонятное пока
рвётся обеззвученное слово
где-то возле Дома Пильняка.

И апрель идёт, с печальным взглядом,
панихиду грустную верша.
...Облачком весенним вьётся ладан,
точно отлетевшая душа.

Роман Славацкий

Ушёл от нас замечательный человек, прекрасный преподаватель — Александр Петрович Ауэр. Профессор, доктор наук, он организовал в Коломне Пильняковские чтения. Много ездил по стране, выступая с лекциями, докладами, сообщениями. И ещё: он очень любил, по-отечески жалел студентов, аспирантов, умел найти к каждому из них свой «ключик».

Всегда приветливый, ровный в общении, Александр Петрович пользовался заслуженным уважением среди коллег и студентов. Имел много друзей.

И вот теперь его нет. Ушёл по весне в неведомую страну, оставив друзей, работу. И грустно, и не радуют наступившие тёплые дни: всем нам очень будет его не хватать...

Но дела земные профессора Ауэра продолжают его коллеги, его аспиранты, студенты. Светлая память о человеке большой души надолго сохранится в их сердцах.

Да будет земля ему пухом!

Коллектив редакции

Лариса Александровна Морозова родилась в семье военнослужащего в Белоруссии. Но всё её детство прошло в Коломне. Окончила Первое Московское областное музыкальное училище, а затем Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных по специальности «музыковедение».

Стихи начала писать ещё в детском возрасте. Первое её стихотворение было опубликовано в газете «Коломенская правда», когда юному автору было всего 13 лет. А потом уже были книги. В 2002 году вышел её первый поэтический сборник «Клавиши», в 2004 году увидела свет детская книжка стихов об Иосифо-Волоцком монастыре, в 2008 году вышла книга стихов «Ветер времени».

Есть у Ларисы и прозаические опыты. Ею написаны рассказы «Человек и бегемот», «Острова счастья», «Вид на крылья в зелёной комнате» и «Марта». Два последних опубликованы в нашем альманахе.

Член Союза российских писателей.

Эссе

Лариса Морозова

ОТРАЖЕНИЯ

* * *

Люди у природы научились украшать смерть.

Золото и пурпур осени — погребальный наряд фараона.

Только смерти нужна роскошь — чтобы заглушить, притупить боль. Жизнь хороша и так, какая бы она ни была серая, грязная, зелёная, незрелая...

* * *

На огромной снежной равнине лежат рельсы.

Из леса по одной, по две выбегают ёлки и стоят, как тётки в полшалках, горестно глядя вслед убегающим поездам.

Такие они одинокие, немолодые. На тонких ногах старые башмаки, утонувшие в снегу.

И хочется, чтобы остановился поезд, вышел хоть один человек и сказал: «Здравствуй, тётка. Ну, вот я и приехал».

Но поезда не останавливаются.

* * *

Всё в мире рождается от любви и умирает, когда любить не может и любви не рождает.

У жизни это единственная и простая истина.

* * *

Через лес устало идёт олень.

Его рога похожи на поднятые руки с беспомощно растопыренными паль-

цами. Может, он побеждён, а может, просто хочет, чтобы его оставили в покое.

Солнце опускается и лучом осторожно пробует воду в океане.

Где-то далеко трубят охотничьи рога. Смерть надвигается блестящей кавалькадой.

Олень не спешит. Он уходит в сторону солнца, но его рога всё-таки похожи на беспомощно поднятые руки...

* * *

Мещанство подобно той нейтральной середине цветов — немаркой — на которой менее всего заметна грязь.

Пусть неярко — зато не марко.

А грязь всё копится, копится...

* * *

Жизнь разменивает чудо на благополучие, сытую лень, заплывшие жиром мозги.

Дражайший пятак желаннее белого «Секрета». Его можно пропить с пользой в кабаке; он не утонет, как валкая посудина с красавчиком-капитаном.

Вот только жизнь — такая скачка, где своего скакуна надо выбрать в самом начале, и уж потом не вилить.

И — кто поставит на пятак, а кто — на парус.

* * *

Откуда-то издали доносятся скрипучие звуки органа.

Неведомое божество играет на гигантской гармонике, дует в трубы, перебирает пальцами клавиши. Как в давних снах, уплывает, ускользает мелодия, и невозможно успеть остановить мгновение.

Листья падают на землю уже умершими. Им не больно, не холодно, и прохожие топчут их ногами. А вот какой-то старик старательно обходит каждый лист и, остановившись, запрокинув голову, смотрит на отлетающую в облака громаду собора. Трогает ладонью камень и подносит её к губам.

Время остановилось здесь, влипло в стены, забилося в щели. Не хочет уходить — ждёт, не появятся ли между колонн мальчик и девочка с печальными именами — Ромео и Джульетта.

Молчат своды, щурятся от света узкие окна.

Солнце просовывает палец и, как острым кинжалом, пытается нащупать кого-то в огромном храме.

Их нет здесь. Их нигде нет.

Ах, Шекспир, как горько отомстил ты всему человечеству... Ушёл и заставил оставшихся вечно страдать, думая о Ромео, оставил вечную боль по Гамлету и королю Лиру.

Страшно прикоснуться к этому слову, оно не говорит, почему и откуда берётся нечеловеческая эта сила у обычных с виду людей, хилых, с большими глазами, проживших всю жизнь в одном городе.

Гениальность?

А может, он жил всегда и помнит десятки этих своих жизней в телах трав, деревьев, собак и птиц? Может, он был скамьёй в соборе, на которой сидела Джульетта, болтая ногами и дожидаясь Ромео? А потом родился человеком и рассказал о них?

Наверное, и сейчас он где-то рядом... Иначе откуда вечное ощущение, что за тобой наблюдают неотступные, усталые глаза?

Всё возвращается. Надо только дождаться...

* * *

Осталось несколько листов.

Интересно, как и что я писала бы, будь это последние листы? Не в блокноте последние, а в жизни?

Человеку страшно поставить точку. И я, наверное, уместала бы строчки сначала в каждой клетке, потом — на обложке, с обеих сторон, потом на простыне, на полу, на лестнице. Я не дала бы им стать последними.

И, может быть, кто-то мудрый и всемогущий, увидев это, подарил бы мне ещё один блокнот за великую любовь к жизни...

* * *

Осень — это трезвость. Покой и мудрость, от которых уже веет вечным холодом.

И — лучший наряд в сундуке, заготовленный для последнего пути — чистый, лёгкий, не жизненно хрупкий.

Ни к чему уже прочность.

Он очень короткий, этот путь в никуда.

* * *

Не надо, не надо думать обо мне плохо.

Философские потуги этих блокнотов не претендуют на публикацию.

Улитка, оставляя в траве след, счастлива.

Может, и я так.

* * *

Строчка в конце стихотворения никогда не бывает случайной. Она с самого начала, как ключ в кармане, даже если ты не знаешь, что стихи уже есть.

* * *

Старый стал коломенский кремль...

Всё обошло это место. Даже весна. Разве и раньше это было не так? И о чём могут сказать эти старые стены?

О руках, которые сложили их с любовью и мастерством, о наивных людях со светлыми языческими глазами?

Они строили всё это не Богу — себе. Им не хотелось уйти бесследно. Топча их, мы топчем себя. И чем я лучше прочих... тем ли, что прихожу сюда не из любопытства?

Мы уже давно потеряли ключ от самой главной двери. И, чтобы не вспоминать о ней, забили грубыми кирпичами резную арку.

Всё равно она есть, эта дверь. Равнодушно пройти в неё труднее, чем верблюду сквозь игольное ушко. И любить других труднее, чем себя.

Может, потому и стих Ветер Времени...

Время останавливается перед наглухо закрытыми дверями доброты.

* * *

Как тяжело вспоминать самую страшную из измен — измену себе, и хочется ещё догнать, досказать, что-то поправить, отдать тот взгляд, то слово, которых когда-то не хватило.

Немыслимо долго живутся дни в разлуке с собой, и вдруг под ногами обрушивается уверенность в теперешнем «я», вроде бы мудром и даже всемогущем от прошедшего страдания, от обретённой способности чувствовать чужое «я», как своё.

А хочется только одного — идти по весеннему лесу, и чтобы это был тот лес.

* * *

Почему я не люблю засыпать?

Всё ещё жаль, как в детстве, пропустить что-то самое важное?

Я знаю, что ничего не напишу за эти отыгранные у жизни часы. Но надеюсь на чудо, жду, как всегда ждала.

Только теперь — себя. Своих шагов на лестнице.

* * *

Моя радость потерялась где-то в детстве. Праздник закатился в уголок, и не нашли его.

Может, с того у меня лёгкий характер? Я радуюсь всему, что вижу, взамен того потерявшегося праздника.

Только рядом со всем этим живёт тихая девочка, которую, наверное, зовут Печаль. Ей не велят показываться, но и не прогоняют...

Разрыв между мной и тем, что происходит со мной в действительности, похож на ледниковую трещину. Её легко перешагнуть, но дна у неё нет.

Соединиться этим двум отколотым половинам нельзя, даже если их со страшной силой столкнуть, сдвинуть, притиснуть друг к другу. Лёд не срастётся. Пусть он даже подтаёт.

Жестокая красота жизни в том, что в ней нельзя ничего повторить. Спектакль надо играть экспромтом, с блеском и отчаянием. Это подлинник, и любая подделка или копия выглядят жалко.

Нет ничего недостойнее, чем копировать собственную юность. Всё равно, что продавать постепенно на рынке одну за другой вещи из родного, единственного дома.

Чтобы прожить.
Не выжить — прожить.
Пр о ж и в а т ь себя, считая медяки, оставшиеся от очередной про-
дажи...
Кто не живёт вперёд — того нет нигде.

* * *

В древнем японском искусстве есть поразительный образ: колёса, не-
сущиеся в волнах. Высшего порядка движение: образ, усиленный много-
значностью обоих символов.

Это иносказательный портрет души — и трагический портрет. Един-
ственный путь познания истины — движение.

Начинает проясняться загадочность Будды, его непостижимая яс-
ность и безмятежный покой — отстранённость от потока жизни. «Се-
годня» — это завтрашнее «вчера», а как можно вмешаться в прошлое, не
нарушив тем настоящего и будущего?

Люди смотрят на Будду, как на загадку, пугающую их своей много-
значностью, не понимая, что видят только одну его ипостась. Это всего
лишь иллюзия присутствия — полузакрытые лукавые глаза, полуулыбка,
непонятный жест руки.

А кто видит, кто сможет уловить летящую, вечно несущуюся в волнах
душу Будды?

Можно купить изображение Бога, но невозможно приобрести, как не-
движимость, живую душу, поймать её, заставить остановиться — а значит,
умереть?

И люди оставляют Бога храму — им неудобно жить с ним в доме, это
не вещь на каждый день. А жить в храме нельзя...

Из этих двух истин нечего выбрать.

Много лет назад ещё были люди, которые могли жить среди пре-
красных вещей — теперешним страшно до них дотронуться. Когда-то
людям были необходимы такие вещи, это совершенство в каждом мо-
менте жизни.

Сейчас место таких вещей в музее. Они не могут служить атрибу-
тами уюта, каждодневного быта людям с опустевшими, испуганными
сложностью жизни душами. Сейчас — это предметы не столько по-
клонения, сколько мучительного недоумения. Музеи пустуют большую
часть дня.

Почему человек не может объяснить себя, исходя из себя самого?

Почему нужны сложные понятия, иносказания?

Где моя жизнь? Я иду СКВОЗЬ всё, ощущая постоянную ясность и по-
кой в себе, абстрагировавшись от всего. Как человек, едущий в поезде
спиной к движению, я вижу прошлое, прошлое, прошлое...

Сражается ли с прошлым Будда?

Лишь пугает полуулыбкой, глазами, устремлёнными за спину смотря-
щего на него.

Сквозь. Над тщетою.

Нирвана, за которой вечная бесприютность несущихся в волнах колёс...

* * *

Человек не хочет вырастать из своих семнадцати лет, пытается удержать юность. Не столько её, сколько ощущение беспредельности собственных возможностей.

Может, зря?

Всемогущество делает ленивым, и человек учится непоправимому — откладывать на потом.

А ведь на свете есть одна штука, которой никто до конца не верит: конечность.

* * *

Даже и кличек не осталось от тех лошадок, которые когда-то так резво мчались к невидимому финишу. Тогда-то стоило ставить на каждую.

Только теперь замечаем, что не поставили ни на пятак, ни на парус — из гордости и нелюбви к повторениям, из веры в собственную неповторимость.

И въехали в страшное болото банальности, не заметив, что в руках пусть те же поводья, но под седлом не тот ладный конёк, в какого верилось, а поросший мхом лешачий пень.

И непроходимая чаща кругом...

* * *

100

ЛАРИСА МОРОЗОВА

Наверное, радость жизни можно ощущать только тогда, когда чувство трагизма происходящего, не покидающее всю жизнь, станет привычным и почти незаметным, как долгая боль.

Надо жить каждый день...

Чтобы в любой момент можно было уйти без позднего сожаления, что отложил себя на потом. Хоть сейчас.

Когда-то эта мысль была дорога тем, что принадлежала только мне. А потом встретилась у старого восточного поэта:

Так песни пой, как будто день далёк,
В который смерть твоих коснётся щёк —
Но так живи, но так люби, как будто
Смерть переступит завтра твой порог.

Прежде умели быть краткими.

Всё чаще приходишь к мысли, что всё спето, передумано, сказано давным-давно, а нам дано только набредать на эти истины и удивляться им, как открытиям.

Раньше казалось, что мои мысли — только мои. С тех пор столько раз приходилось являться в патентное бюро с велосипедом...

Утешает одно — говорят, изобретать их полезно. А все озарения наши содержатся в строгом порядке в человеческой энциклопедии Экклезиаста, Гомера, Данте, Шекспира.

Умудрённое веками человечество продолжает танцевать всё от той же печки, и даже великие набивали об эту печку свои, неповторимые,

шишки — чтобы заявить потом кто что: «Действие равно противодействию» — одни, а другие просто: «Больно же головой-то о печку! Ох, больно!»

* * *

Человек всю жизнь ждёт чуда.
Только, когда оно рядом, кажется, что это такая же птица, как все.
А потом улетает — и случайно находишь синее пёрышко.

* * *

Есть мёртворождённые люди.
Они живут рядом с нами и ведут себя почти как другие. Но в них спят сердце и чувство, они не способны ни на что живое и неожиданное — на срывы и ошибки, на безумства и сильные желания.
В них правильно и строго всё, как в покойниках — о тех и других не принято говорить плохо.
Они ничем не выдадут себя, но живое сердце чует их, как собака оботня.
Не потому ли существуют в сказках упыри и вампиры, которые в сто раз более живучи, чем добрые простые люди, и которых может успокоить лишь крепкий осиновый кол?

* * *

Армия — дорогостоящее пугало, одетое по последней моде.

* * *

У меня всегда было странное, почти суеверное чувство ко всему написанному на бумаге.
Написанное теряет сиюминутность, оно родом из прошлого, а значит — непоправимо.

* * *

Мир страшен своими тихими превращениями.
Всё изменяется с иллюзией неподвижности, и человеку трудно заметить, как он всё дальше отходит от себя самого. Остаётся старая привычка встречаться с собой за полночь, только теперь мы молчим, и молчание это тягостно. А раньше таким не было.
Так случается между людьми, когда-то хорошо и близко знавшими друг друга, с похожими мыслями и снами. В один обыкновенный день они замечают, что их сиюминутное ощущение души другого осталось в прошлом; что свет, дружба, общие открытия — во вчерашнем дне.
И после вершины прекрасных по чистоте человеческих отношений наступил спад. Никто не нарушал этих отношений, но нельзя вечно жить на вершине...

И человек идёт теми же альпийскими лугами, которыми восхищался недавно, свежими долинами; видит всё тот же ослепительный мир — но с ощущением того, что идёт назад, вниз.

И сознание это неуловимо совершает печальную подмену, отмечая, что виденное — не впервые и по дороге о б р а т н о.

Может, не обязательно в человеческих отношениях должны быть восхождения, вершины и спуски. Может, есть счастливы, которые всю жизнь идут по равнине. Они не видели неба так близко, но им и не знакома неповторимая мука возвращения вниз.

Все живут — всякий под своими звёздами. Но в жизни каждый должен совершить хотя бы одно восхождение. Иногда это крестный путь, иногда — счастье.

И не дай Бог, если моя вершина уже позади, а я не заметила этого.

* * *

Вот и ещё одна моя мысль встречается в чужих словах, как родной человек в незнакомой одежде.

Надо бы радоваться, что ты прав, а вместо того обидно, и ревнуешь её неизвестно к кому...

«Никогда не возвращайся в прежние места...»

Как бы ни был счастлив там, как ни тянуло бы туда потом — не разрушай ощущения т о г о счастья поздними недоумёнными шагами по т е м листьям, траве, мокрым дорожкам. Они не станут прежними, пустота и сиротство прочно поселились там в твоё отсутствие.

Твоё счастье уже было.

Ты не найдёшь здесь себя — прежнего, и уйдёшь с тягостным и горьким чувством подмены, утраты.

Страшная тишина стоит там, где ты был счастлив когда-то. В этих местах живёт только прошлое, и звуки ушли отсюда, как из старых фотографий.

Нам невдомёк, что мы ищем там себя, а для этого надо жить дальше, обретая другие неповторимые переулки жизни, где так хорошо побродить однажды, по дороге к ярким улицам — а может, лесным полянам.

И всё — лишь раз, набело, один раз на всю жизнь.

* * *

Перед рассветом приснился непонятный сон.

Откуда-то сверху над синим пейзажем Гималайских гор видны были маленькие фигурки всадников.

Они мчались врассыпную, а некоторые отрывались от коней и оставались лежать распластанными, как бумажные.

Тогда надо было поскорее нагнуться и, приложив ладони ко рту, вдыхать в них жизнь — много-много раз подряд.

Склонившись над очередной фигуркой, я вдруг явственно ощутила рядом чьё-то горячее дыхание ... и от этих торопливых усилий неведомо кого — помочь — неподвижно лежащий всадник зашевелился почти сразу, ожил...

И на сильном ощущении радости сон кончился.

* * *

В середине ночи Л. вышел в сад.

Там, без малейшего оттенка цвета, все чёрно-белые, а точнее — серобелые — стояли у дорожек цветы, деревья и кустарники.

В отчётливой тишине не было ничего сонного.

У этого двухцветного изображения не было звука, и тишина, полная и глухая, казалось, исходила от белёсого неба, где не было ни малейшего намёка на существование светил. Такое странное предутреннее безмолвие и безвременье бывает только в июле после огромных, томительно жарких дней.

Трудно было поверить, что лишь три-четыре часа назад небо было ярким, как чёрно-зелёная тушь. На нём при каждом взгляде хрустели алмазные осколки звёзд, и было ясно, что здесь только что разбили громадную хрустальную посудину.

Медовый глаз луны по-разбойничьи отливал кровью, а на облитых тьмой деревьях яростно гремели легионы соловьёв.

Их свист обрушивался вниз и тонул в волнах оглушительного унисона кузнечиков.

Великолепный, сокрушительный скандал стоял между небом и землёй, дразня невероятной полнотой жизни и мнимой доступностью...

* * *

Когда двое находят друг друга, они с радостью открывают общие черты, наклонности, вкусы. **103**

Время идёт, и вот уже они с горечью отмечают различия во взглядах, несходство их в жизненно важных вопросах.

И забывают, что это-то несходство и было когда-то причиной, заставившей их радоваться малейшим совпадениям.

* * *

Душа была сначала как храм — в ней было тихо и чисто, она не знала суеты и суесловия.

Потом вдруг двери раскрылись, и в них ринулась толпа — и кто только не побывал здесь, каких сборищ не насмотрелись эти стены: от концертов самодеятельности до атеистических диспутов!

Прошло время. Толпы чужих схлынули; на полу остались грязные следы. Своды молча хранили память о святотатстве.

Наверное, здесь ещё можно прибраться, застеклить окна, подновить роспись. Но только это уже будет не храм.

Пусть даже снова эти своды услышат слова молитв, тишину. Сюда можно будет лишь приводить зевак — и показывать место, которое когда-то было свято.

* * *

Гравюра в духе Гойи: лодка полна атлетически сложенных людей, у вёсел же сидят дряхлые, страшные своею немощью старцы.

У одних пассажиров тупые воодушевлённые лица, они истово поют что-то; другие испуганно вцепились в борта и с ужасом смотрят на громадный риф, которого не видят гребцы.

Никто не пытается вырвать вёсла, начать выгребать на чистую воду. Лишь один пассажир безнадёжно, иронически улыбается.

Плывать не умеет никто.

Все мы в этой лодке. И несёт её к чертям на рифы под наше же бодрое пение.

* * *

Интересно, кто первый сочинил стихи?

Самые-самые первые? И понял, какая сила заключена в ритмически организованном потоке, в созвучиях.

Может быть, это был ворожащий шаман...

В стихах всегда поверх смысла возникает ещё и необъяснимое эмоциональное нечто, что делает воздействие слов похожим на короткий удар в сердце — он возникает только при встрече с настоящими стихами.

Интересно, что поэты, общаясь и читая чужие стихи, будто подпитываются друг от друга.

А вот если бы поставить такой эксперимент — нечто подобное совершили два джентльмена в рассказе Александра Грина: вырастить человека, никогда не давая ему читать ничего, кроме прозы, не открывая, что на свете существуют стихи.

Дойдёт он до этого сам? Скажем, воспитать его на самой прекрасной, выдающейся прозе, на лучшем, что написано на всех языках, — а стихов не давать!

Сделает сам такое открытие?

А если нет — дать ему, постигнутому все изыски языка, — Пушкина или... да любого настоящего поэта. Вот это будет шок...

... а всё-таки интересно, когда и кто первый сочинил стихи. Не рифмы придумал, а то, что начиняет их между строк этакой волшебной чертовщиной...

* * *

Только за творчество и любовь человек может спрятаться от ужаса смерти.

Единственно за творчество и любовь может удержаться в жизни.

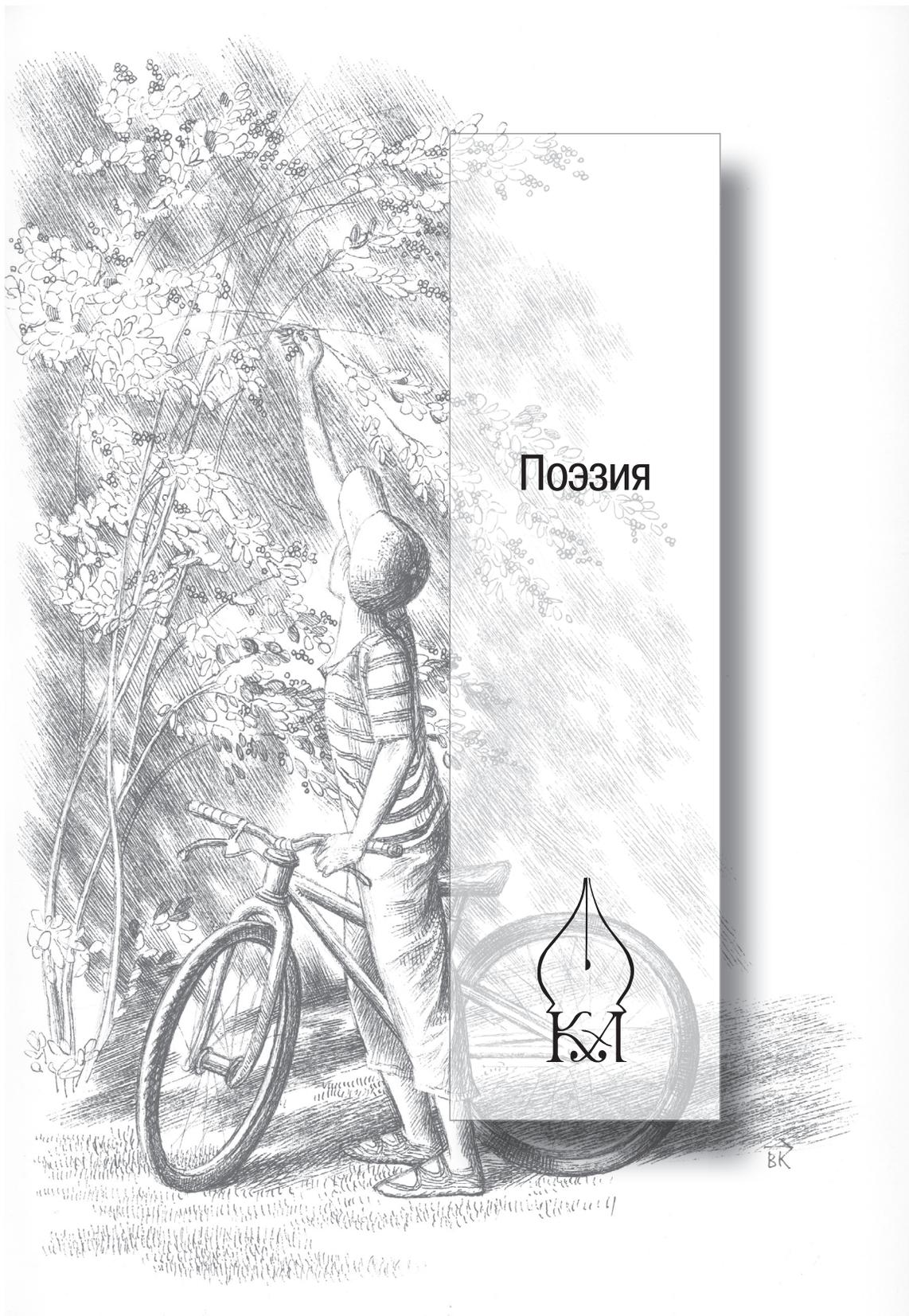
Лишь за любовь и творчество терпит Всевышний его на земле.

Ибо это единственное, что делает человека близким Творцу и что является промыслом Божиим.

* * *

Нам всё кажется, что мы знаем что-то о вечности — а значит, об отсутствии времени? Или просто о том месте, откуда мы выпали во время.

А что мы знаем о времени? Только то, что оно делает с нами...

Поэзия

БК

Графика Василины Королёвой

Олег Кочетков

Олег Владимирович Кочетков родился в 1947 году в Коломне. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. В 1977 году в столице вышла первая книга молодого поэта — «Время настало», а через год — «Травяная дорога».

Олег Кочетков вступил в Союз писателей, переехал в Москву, но не забыл родной город: более десяти лет руководил в Коломне литобъединением «Зелёные цветы», названным так в честь своего любимого поэта — Николая Рубцова.

Автор многих книг поэзии. Лауреат Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Традиция» и Есенинской премии Московской городской организации Союза писателей России. Живёт в Москве.

БЕЛЫЙ СВЕТ — НА ЧЕТЫРЕ ИСХОДА

Незавидная местность:
Косогор, осокорь.
И я весь — бестелесность,
И желанная хворь...
В Лапотке поплецусь я —
Он почти ручеёк.
Он — душе моей устье,
Босоногий исток.
Подойду к осокорю
И щекою — к коре.
Я с шершавой корою —
В занебесной поре,
Где я жёгся крапивой —
Не тщетой бытовой...
Дед и бабушка — живы,
Где я — вровень с травой, —
Беспорточный, босой
И с такой же душой,
Окропленной росой...

* * *

Дух смирения веет над полем,
Над сквозящим духмяным привольем,
Оседая в траве и цветах...
И в твоих невозможных губах
Появляется тень откровенья...
Грешный вызов на это смиренье,
Где всё видится хрупким, простым,
Где ступням даже нашим босым
Васильки и ромашки покорны,
Где кузнечики скачут проворно
При одном приближении нас.
И стреножен мой верный Пегас,
И не бьёт вдохновенно копытом...
А глаза твои влажно открыты...
Нестерпимее всё, ещё чуть —
Как в последний раз в них утонуть...

ОСОКОРЬ

Хорошо на заре, да по росам
Обжигающим, да босиком!
Под родным осоком белёсым,
И в гортани — нетающий ком!
Босоногим ты и голоштаным
Этой Рязжской земле присягал,
И таким же вот утром туманным
Здесь на цыпочках лёгких порхал.
Шестьдесят пролетело, с лихвою,
Лет твоих, от тебя в стороне, —
Осокорь же густою листвою
Над тобой шелестит в вышине,
Как и в прежние годы, бывые,
Поросли что прогорклым быльём.
Ну, а листья, такие живые, —
О своём шелестят, о твоём...

* * *

Отгуляли мы красное лето,
Глядь — и осень сквозит на дворе.
И вокруг столько чистого света,
Золотая листва на траве.
Голубые просветы в деревьях,
И распахнуты в даль небеса,
И в глазах твоих — омутных, девьих, —

Отразилась вся эта краса.
Скоро серые тучи нагрянут,
Хрусталём заблажит с высоты,
И меня вконец будни заманут,
Где в сиреновой кофточке — ты!
Не успели друг в друга всмотреться —
На дворе уже белым-бело...
И куда ж друг от друга нам деться,
Когда весь белый свет замело,
Когда красное лето прошло?

ЗАВИСТЬ

Развиднеется... Даль всё далече,
Непорочны и чутки стога.
Немоты не хватает, ни речи —
Так бессильно здесь жизнь дорога!
Никакого не надо участия,
Ни касания. Дышит простор...
Здесь само первородное счастье
В естестве с незапамятных пор
Схоронилось от новой неволи,
От алкающих рук и очей...
Вот нам в жизни бы этакой доли —
Где ты сам по себе, и — ничей!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Тиходумная радость — брести босиком
По просёлочной, пыльной, родимой,
И соскучившимся, пытливым глазком
Примечать свет, едва уловимый,
От упругой, волной убегающей ржи,
Чуть разбавленной васильками,
Над которой стригут знойный воздух стрижи,
Прошивая косыми стежками.
Ни комбайн и ни трактор тебе на пути —
Никакая иная машина.
Вот бы так всю-то жизнь мне по жизни идти —
Не брала б никакая кручина!
В стороне от деньской суеты городской,
Где бытую, в заботы погрязнув
(Почему-то всегда их бывает с лихвой!),
В стороне от никчемных соблазнов.
Не колышется тень, убывает мой день,
Всё короче мой шаг (ведь не молод!).
Было в жизни плохого, хорошего — всклень,

Но опять приближается город.
Надвигается всею громадой своей
Всё отчётливей, неотвратимей.
Куда деться: жалей — не жалей,
Всё постылее и — необходимей...

* * *

Ум не внемлет, и ухо не слышит,
Только сердце, лишь только оно
Занебесною влагою дышит,
Пьёт её неземное вино.
Белый свет — на четыре исхода
Распахнулся... концов не видать.
Воля духу, а мыслям — свобода.
Остаётся тебе выбирать.
Занедужили дали родные,
Рассуропились — невоготу.
И заветы, и жесты чужие
От тебя уже — не за версту.
Только сердце хмелеет нездешним,
Грезит зыбким, невиданным днём
В совершенстве своём неутешном,
В непосильном значенье своём...

* * *

Преклоняю свои я колена
Перед днём, что так сладко горчит.
Платье твоё из кримплена,
Всю тебя обтянувши, — кричит,
Вызывающе так и упруго
Ароматом зовёт и кружит.
В моём горле мучительно-сухо,
И ладонь нестерпимо дрожит
На твоей невозможной ладони.
Под лопатками — колкий мороз.
Ты — в пушистой, душистой короне
Из своих занебесных волос.
Ты, конечно, не здешняя птица,
От каких-то дремучих кровей...
Этот день уже не повторится,
Но продлится он в нас, да святится,
Вечно будет мучительно сниться,
И чем далее — тем всё больней...
Но светлее, светлее, светлей!

* * *

Внучке Машеньке

Машенька, ангел, Мария, —
Вишенки — глазки твои —
Смотрят на дали родные,
Что в твоей детской крови
Нежно уже растворились,
Чтобы судьбой навсегда
Стать... что впервые родились
В эти глухие года...
Я на тебя уповаю,
Как на нательный свой крест,
Жертвенно благословляю,
Счастлив, едва не рыдаю,
В сердце своём и окрест.
Помни бедового деда,
Что на земле гомонил
Ради словесного бреда.
Вот — и тебе посвятил!

ВЫЗОВ

Бимки нет уже пятое лето...
Был он преданным другом моим!
Не почуяла это — планета,
Как он чуял всё нюхом своим!
Как по всей мы Лосиноостровской
Помотались с ним вдоль-поперёк!
Каждый кустик он знал и пенёк,
Перед каждой ёлкой, берёзкой
Останавливаясь на чуток...
Карим взглядом своим, нежнейшим,
Он мне в самую душу смотрел.
По движеньям моим по малейшим
Распознать настроенье умел!
Ах, какими мы были родными:
Ведь глядел же, все годы и дни,
Беспокойно глазами своими —
Он в такие же точно — мой!
Ускользает какая-то тайна
От меня... На душе нелегко...
Он глядел так тревожно, печально, —
Знать, была она — и у него!
Знать, была, но иная — собачья...
Но родная, такая же, зрячья,
И кричу я религии всей:
Верю, знаю, — была, хоть убей!..

* * *

Лишь однажды убил я змею,
На пеньке она грелась замшелом.
Как сейчас — перед нею стою,
Себя видя и ловким, и смелым.
На куски я её искромсал
Подвернувшемуся дрыном ольховым
И от радости чуть не плясал,
Возгордясь ощущением новым.
Не святая была простота —
До сих пор не прошу себя-гада:
Помню, сразу — в душе пустота,
Только горечь лишь в ней и досада...

* * *

Туман неподвижен в низине,
Роса на траве, будто град,
И дух невозможной польни.
Подошвы босые горят.
И воздух густой чуть клубится.
Душистый, бескрайний покой,
И мнится: здесь что-то случится —
Над чуткой недвижимой рекой.
Какое-то в сердце томленье,
Мерцание в смутной душе,
Родное, на грани моленья.
Всего-то одно лишь мгновенье —
И нет тебя в мире уже...

ПИОНЫ

Цветом розовым свет мне застлали
Шапку сбросившие пионы,
А какой аромат источали —
Хоть клади здесь земные поклоны!
А вчера лепестками своими
Нежно-трепетными, живыми, —
Оглушали моё обонянье,
Обволакивая сознание.
Ещё только вчера... ну, а ныне —
Стебельками качают сухими,
Словно не было их и в помине.
И я думами маюсь простыми:
Где теперь их душистое имя?..

МЕЖА

Пространство души невозможно
Без этой забытой межи,
Где так одиноко, тревожно.
Колосья засохшие ржи
У самого поля, по краю,
Качаются ветром степным
Навстречу грачиному граю,
Печальным просторам пустым
И этим неласковым думам
О ветрено прожитых лет,
Усталым, почти что угрюмым,
И нет им скончания, нет...

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЗОЛОТАЯ НИТЬ КОЧЕТКОВА

Олег Кочетков по праву считается ведущим профессиональным поэтом древней Коломны — города, который воспет им так ярко и мощно. Несомненно, многие строки поэта войдут в золотую книгу коломенской поэзии и будут повторяться потомками, пока стоит на просторах России наш древний город.

В этом русском январе нашему земляку исполнилось 70 лет... Будь всегда творчески сильным, дорогой Олег Владимирович, и пусть твоя поэзия остаётся необходимой, востребованной и любимой в твоём народе.

Коллектив редакции

Основоположник поэзии нонсенса, всемирно известный классик английского абсурда Эдвард Лир (1812—1888) до сих пор волнует умы читателей. В России возникла целая армия подражателей, которые сочиняют пятистишия — лимрики — в духе Лира, или строчат вольные переложения, которые почему-то называют «переводами». Хорошим тоном считается насобачить отсебятины. Так девочка из России становится мальчиком из Фермопил, который так вопил, что «глохли все тётки и дохли селёдки, и сыпалась пыль со стропил». Как уже догадался пронциательный читатель, никаких

мальчиков, тёток, селёдок и тем более стропил в подлиннике нету. А есть бесконечно родное, переданное коломенским стихотворцем Борисом Архипцевым:

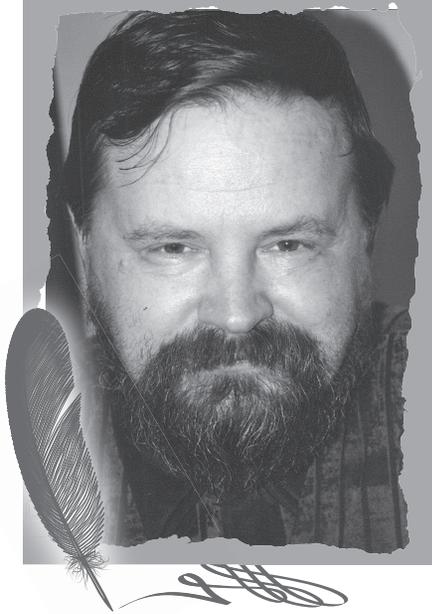
Голосила девица в России,
 Сколь умолкнуть её ни просили;
 Слушать не было сил,
 Сроду не горлосил
 Так никто, как девица в России.

Стих не только буквален по содержанию и блестяще оркестрован; здесь ещё с помощью поразительного «горлосил» переданы невероятные лировские словесные выкрутасы!

Наш земляк Борис Архипцев, потратив без малого четверть века упорных трудов, создал настоящие академические переводы — без всяких кавычек. Он открыл русскому читателю всю поэзию Лира, собрав не только лимрики и баллады, но вообще всё написанное чудаковатым британцем, вплоть до малейших отрывков. Нашлось место и лировской ироничной прозе.

Весь Лир, собранный в одном толстом томе, напечатан в Питере издательством «Геликон Плюс». Английский и русский тексты публикуются параллельно и сопровождаются авторскими рисунками великого англичанина. Переводы Архипцева уморительно смешны и точны до изумления.

Короче говоря: тема Лира «закрота». Вряд ли в ближайшие полтора года появится на Руси автор, который сможет предложить перевод лучше нашего, коломенского!

Роман Славацкий

Роман Вадимович Славацкий — потомственный коломенец, родился в 1957 году. Поэт, прозаик, журналист. Заместитель главного редактора «Коломенского альманаха», заведующий отделом православной газеты «Благовестник».

Автор многих книг стихов, художественной и документальной прозы. Удостоен церковных, общественных и муниципальных наград.

Коломенские читатели с нетерпением ждут выхода каждой новой книги Романа Славацкого. Публикуемый в этом выпуске цикл сонетов посвящён нашему прекрасному городу, его храмам, его замечательным людям.

КОЛОМЕНСКИЙ АРБАТ

Цикл сонетов

Людям коломенского Арбата посвящается

ВОКЗАЛ

Галине Матвеевой

Недаром возле станции «Коломна»
умелый мастер выстроил Вокзал,
возвёл портал и стройные колонки
витым чугунным кружевом связал.

И возле этих пышных римских арок
потёк волной коломенский народ.
...Но главный и загадочный подарок
приберегал Судьбы круговорот...

В палящий жар и зной тридцать шестого,
нежданна и проста — царица слова —
неузнанною Музою вошла,

не встречена ни славой, ни толпою...
Но с этих пор Ахматовской тропой
трепещут рифмы — звонкие крыла!

БОГОЯВЛЕНИЕ-В-ГОНЧАРАХ

Отцу Игорю Бычкову

Этой весною дружную
наперекор ветрам
кружевом, тонким кружевом
реет Гончарский храм.

Там, над стеной лазурною,
светят кресты ажурные,

там, по узору стен,
кружевами белёными,
всходами и колоннами
связан воздушный плен.

Кажется — ангел кружится...
И в облаках времён —
кружевом, звонким кружевом —
злато его корон!

УЛИЦЫ С ПРОЗОРАМИ

Ольге Бурлаковой

Путей посадских звонкие прозоры...
А в небе — меж купеческих дворов —
встают сады за гроздьями заборов,
да храмы — то Никола, то Покров.

И звонницы на пологе ветров
медовые псалмы выводят хором...
Здесь каждый дом надёжен и суров:
ворота и наличники — в узорах.

Здесь каждый день — серебряным рублём
ложится между бытом и быльём
в секретный плен — шкатулку-подголовник.

Но старые дворы встречают нас,
и шепчут свой загадочный рассказ
то вишни, то коломенский шиповник.

НИКИТА МУЧЕНИК

Сергею Прохорову

Упругой резьбой над цветной стеной
ласкают храм завитки барокко,
и шпиль колокольни звенит весной,
и облако вяжет роскошным клоком.

А в гулком храме стихает зной,
икон серебро восстаёт потоком,
и Голубь, неведомый, неземной,
летит под свод — высоко-высоко.

И око намоленных образов,
и Крест-моцдевик, и бронзовый зов,
и вышитых риз огневой стеклярус —

всё сказкою кажется ввечеру...
И весело бегают по двору
смешной попёнок — малыш Гиляров.

ПРОГУЛКА

Земная гостья — и мечта.

Шервинский

В Коломну от Песков — маршрут неблизкий,
а всё ж на Город надо бы взглянуть!
Два верных друга — Горнунг и Шервинский —
сопровождают гостью в долгий путь.

«Пойдём ли нынче к Дому воеводы?»,
а та в ответ сурово: «Ну уж нет!»
И верно: слишком жаркие погоды,
и слишком плотен зной, и ярк свет,

и хочется вздохнуть в тени под кровом...
Один лишь взгляд — фотограф очарован!

Мгновенье — и стеклянной тонкой рамой
Захвачены и Анна, и Арбат!
И этот миг сковал арбатский мрамор,
загадками и сказками богат...

АХМАТОВА. ПОСАД, 16 ИЮЛЯ 1936

Был вещим этот сон, или не вещим...

А. А.

Она одна. И город-призрак —
как будто сон далёких дней.
Безмолвье колокольни... Признак
грядущих казней и огней.

Июль... И зной — по всей Отчизне,
и небо — жарче и грозней.
Она одна. Посад — безжизнен,
и тень бессмертия — над ней.

Придёт венец её скитаний,
И эта тень — металлом станет,
чтобы уже не умереть.

Среди смятенья мирового
звучит ахматовское слово,
навек врезанное в медь.

МИХАИЛ МЕЩЕРЯКОВ

Мы одной с тобою школы...

М. М.

Сверкнёт в саду посадском клад укромный,
раскроется окованный ларец...
Идёт полузабытою Коломной
с мелодией волшебною певец.

И камни стародавнего Посада
хранят в тиши вечернюю усладу...

А в небе плещет золото заката
вином на зачарованном пиру,
когда пришедший к нам Орфей Арбата
касается своих нездешних струн.

И время растворяется... И мнится
в мерцанье этой медленной зари:
Коломна, словно каменная птица,
недвижно в тихом воздухе парит.

ШЕВЛЯГИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Аркадию Арзуманову

Под вечер — тише жизненная гонка,
и если на закат прийти сюда —
увидишь, будто в давние года,
храм Рождества, вонзённый в небо звонко,

усадеб старых грузные стада,
да стройную чугунную колонку,
откуда бьёт струёй алмазно-тонкой
шевлягинская лёгкая вода...

Цветущие сады, разливы детства,
и древний парк, и дремлющее Земство,
и тут же, снова — звонница и храм...

Как всё это назвать ясней и проще?
— Старинная Шевлягинская площадь,
от предков заповеданная нам!

ПИЛЬНЯК

Опять октябрь. И россыпи рябин
собрали горечь летнего угара.
Ты видишь дней библейскую отару,
ты снова здесь, на звоннице, один.

Ты снова вспоминаешь пыль равнин, —
как будто вновь идут Ордой татары;
а за Москва-рекой — огни пожара,
и в небе — Марса бешеный рубин.

Разруха. Тиф. И казни без закона.
Мешочники. Безумные вагоны,
седеющие страхом и мукой.

...Опять октябрь. И вновь с вершины этой
ты вспомнишь всё: и проклятое лето,
и зарево пожара за рекой.

СКАЗКИ АРБАТА

Татьяне Стукниной

Кружевница, насмешливый ангел!
Ну откуда ты знаешь секрет
оживлять золотые фаланги
позабывших арбатских побед?!

Только голос, улыбка, движение,
только трепетный флёр старины —
и толпой воскресают виденья,
вспоминаются сказки и сны.

Что же есть неземного такого
в этих ясных очах васильковых?

Кто поймёт!.. Кто поделится с нами?
Может, ветер загадочных троп,
что чуть слышно кружит лепестками —
лепестками ахматовских строк...

ПОДСВЕЧНИКИ

П. С.

Старинные покои, переходы —
куда же без свечей, любезный брат?
Как будто стражи комнат и комодов,
подсвечники надменные стоят.

Хранят они тепло прикосновений,
секреты писем и страницы книг,
и вешнее дыхание сирени,
и в зеркале седом — девичий лик.

На их броне — клеймо надёжной Тулы,
арбатских звонниц отзвуки и гулы,
и вечер, и коломенский июнь...

Мелодия простой и стройной прозы:
сверкающая золотом и бронзой
изысканная тульская латунь.

ДОМ ВОЕВОДЫ

Здесь от Николы — пять минут ходьбы,
и ты увидишь диво — Дом почтенный:
как будто крепость, рдеющие стены,
узоры белокаменной резьбы;

а рядом, у садовой городьбы —
цветущих вишен пепельная пена...
...Видать, хозяин дал большую цену
за этот знак купеческой судьбы!

И вот, под кровлей вычурно-высокой,
белеет снег московского барокко
и веет сонной негой тишина...

Но слышишь? — зазвонили у Никиты!
Вздохнули вишни, кипенью облиты...
Коломенское кружево... Весна.

КАБИНЕТ

*Фарфор и бронза на столе...
Пушкин*

Ковры пылливой мысли — клади книг,
парящие по стенам кабинета;
фарфор и бронза милых статуэток,
и на обоях — солнца медный блик...

Вот — мрамором белеет светлый лик.
Вот — старые картины и портреты,
миниатюры схвачены багетом;
не дом, а зашифрованный дневник!

И вот — заветный ключ к узорам шифра:
тугие строки пушкинского мифа,
звенящие в просторе голубом

над Святогорьем — тихо, отдалённо...
И силуэт их — словно листья клёна,
уложенные в пушкинский альбом.

АЛЕКСАНДР СВЕШНИКОВ

Такая в нём и грусть, и сила...

Константин Петросов

В коломенской весне — вечерний звон
повеял золотистым переливом,
цветами вишни, яблони и сливы
осыпал драгоценный горизонт.

Церквей посадских сладостный полон:
глаголет медь — тревожно и красиво,
как будто ледоход неторопливый,
как будто гроз волнующий озон!

И всё это запомнилось по-детски:
и этот цвет, и волн речные плески,
и слитный хор, что к небу вознесён...

Исчезло всё за глыбами разлуки...
Но старый дирижёр поднимет руки —
и снова зазвучит — «Вечерний звон»!

ПОСАД

Светел пятиглавый дом Николин...

Евгений Кузнецов

Посадский мир! — осанистый, богатый...
везде видна Николина глава:
от улицы Рождественской — к Арбату,
от Мученика — аж до Покрова.

И сколько здесь домов, и судеб сколько
поставлено заботой и трудом
вдоль бесконечной улицы Никольской,
чтобы сойтись в один Посадский дом!

И на углу Никольской и Арбата
в густой ночи таится, будто сон,
закованный в узорчатые латы
Николин страж — святой Сорокозвон...

И льёт, и копит бронзовые гимны
Посад Коломны — Дом странноприимный!

СТАТИСТИК НИКОЛАЙ ПЕТРОПАВЛОВ

Там тень его осталась...

Ахматова

Беседа увлечённая течёт —
посадский чай не знает слова «скука».
...Потом он Пильняку протянет руку
и с лёгкою усмешкой проречёт:

«Учёному за точность — и почёт,
(статистика — упорная наука!),
идёт от Вавилона и Урука
веками отчekanенный подсчёт».

А впереди — невидимые рифы...
Властитель ждёт не точности, а мифа,
к чему же тут — статистики поэт?

Простая правда цифр — такая малость!
...Лишь тень его на мраморе осталась —
прочерченный на камне силуэт.

ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ КОВАЛЬСКИЙ

Как на законченном эскизе,
высокой старческой порой
священник в драгоценной ризе —
на чёрном мраморе габбро.

Он принял мира страшный вызов,
стоял у лагерных ворот;
и вот — скупая плата жизни:
седин святое серебро.

Лишь тот постигнет смысл страданий,
кто побывал на той же грани
сгорающего бытия.

Что он тебе поведать хочет?
Зачем с такой печалью очи
сквозь мрамор смотрят на тебя?

ХИРУРГ ПЁТР САРАФЬЯН

Дух Армении — сладкий и пряный —
в этих бархатных тёмных очах,
в этих кратких речах Сарафьяна,
в этой мощи седого врача,

в этих пыльных солдатских колоннах,
в этих душах, на фронте спасённых,

в этой груди мудрёных наук,
в этом бурном и громком азарте,
в этом хохоте, хмеле и нардах,
в этой чуткости сердца и рук.

И смешной «умирающий лебедь»,
и геройство обыденных дней —
в нашей памяти, в нашей беседе,
в этом камне — на алой стене.

ЛЁТЧИК ВАСИЛИЙ ЗАЙЦЕВ

Так вот твоя последняя обитель:
арбатский полусказочный уют...
Рисковый вольтижёр воздушных пут,
гусар воздушный — лётчик-истребитель!

Что значит бой? Попробуйте, поймите,
как трассеры в мотор прицельно бьют!
Как жить потом — в «коломенском раю»,
в недвижимом, неподъёмном монолите?

И лишь во сне, слетающем нередко:
моторный рёв, нажатие гашетки,
и «мессер», догорающий в «петле»!

Воздушный всадник! Вот он, древний жребий:
ты выжил в обожжённом дымном небе
и был подбит без боя на земле!..

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

По Кирбатской — весна дотемна...

Е.К.

В дымке вечера серо-свинцовой
вьют сирени серебряный прах,
и мелодия Кузнецова
заплутала в узорных ветвях.

От оград, от Рязанской заставы
до резных москворецких святынь
льётся звон стихотворной забавы —
словно Майсена тонкая синь.

Ну так что ж! — приютимся за чаем,
этой странной услуде внимая...
Только порвано мастерство:

раскатилось жемчужное слово
вдоль по улице Кузнецова —
на Арбат заповедный его.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ АРБАТА И МОСКВОРЕЦКОЙ, ГДЕ СТОЯЛ ДОМ ПЕТРОСОВА

С Арбатской в институт пути ведут непрямо.
Неспешною стопой, Поэзии вослед,
Петросов, словно стяг, несёт свой силуэт,
бросая тень окрест: на стены, стёкла, рамы.

...Хотя и дом снесли, а всё ж остался там он,
где дремлющий Посад оцеплен сетью лет,
где делится стихом парнасский арбалет,
где колоколом рифм звенит арбатский мрамор.

Шервинский, Свешников, Ахматова, Пильняк...
их тени вешние не скрыл вечерний мрак,
и эхо здешних стен поёт их именами.

Армянский юноша с седою головой,
Арбата нашего бессменный домовый,
хранит в своём ларце их сладостную память.

УЛИЦА ПУШКИНА

Павлу Сигалу

Когда невзгод зловещие приметы
наспуются личиной чёрных дней,
из чутких книг — яснее и звучней —
мы слышим голос вещего Поэта.

Тем явственней в коломенской весне
Михайловского свежие рассветы.
Он сходит к нам — с альбомов и портретов,
сокрытых в кабинетной глубине!

Мы сбросим пепел вражьего дыхания
весенним ветром пушкинских собраний!
Так пусть царят любовь и Божество,

и пусть играет пунш в чеканной кружке!
Ведь мы не одиноки. С нами Пушкин,
и мы живём на улице его!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

«ПЛОДОНОСНАЯ ОСЕНЬ» РОМАНА СЛАВАЦКОГО

Дорогой Роман Вадимович!

60 лет — это та самая «плодоносная осень», о которой однажды сказала Ахматова. Трудно, да, пожалуй, и невозможно перечислить все твои поэтические книги, художественную прозу, исторические и литературоведческие очерки, все те плоды радостного творчества, которые уже навсегда вошли в копилку литературной истории Коломны.

Свидетельством тому — множество церковных, литературных, общественных и муниципальных наград, которых ты удостоен за свои опубликованные труды. Но многие твои книги ещё только ждут, чтобы отправиться в печать. И мы прежде всего желаем тебе завершить задуманные замыслы и увидеть свои сборники не только «виртуально», но и почувствовать в ладонях недавно вышедшие из типографии тома, пахнущие свежей краской.

Да благословит Господь новые работы твои!

Коллектив редакции

Валерий Хатюшин

Валерий Васильевич Хатюшин родился 13 ноября 1948 года в городе Ногинске (Богородске) Московской области. Там же окончил среднюю школу. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север — Центр», строил КАМАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 года — член Союза писателей СССР и России. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Слово», «Кубань», «Дон», «Аврора», в альманахе «Академия поэзии». Автор многих книг.

Я НА СВЕТЕ НЕ ОДИН...

ЦВЕТОК ЗВЕЗДЫ

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
её огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склоняясь над зыбкой глубиью
ночной воды,
ладони свёл я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме крошечной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

* * *

Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном, померкшим до рассвета,
унылый дождик будет моросить.

Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не растревожен взгляд.

Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнётся — тишина.

Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.

* * *

Вывусь я в своём пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — Матерь Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.
Есть мне с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет,
и полнится взгляд синево́й,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчёмным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

* * *

Пасмурный вечер, тяжёлые тучи,
трепет листвы на кустах...
Нет, мне уже никогда не наскучит
серая муть в небесах.
Ветер и дождь в среднерусской природе
грустному сердцу нужней,
в этой холодной ненастной погоде
легче ему и вольней.
Взгляд мой оживший спокоен и светел.
Сладостно дышится мне.
Скоро и сам я, как дождь и как ветер,
буду в родной стороне...

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вместо речки — ручеёк,
продан детства дом.
И в окошке огонёк
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пёс, рычащий у ворот,
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?
Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?

Ухожу, и боль тоски
сердце бередит,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

* * *

И сирень, и каштан расцвели под окном,
значит, жизнь повернулась на лето.
Я запью эту радость печальным вином
горьковато-усталого цвета.

Отчего же не радует больше весна?
Что случилось во мне и в природе?
На каштанах и вишнях цветов белизна —
весть о скорой ненастной погоде.

Обесцветит ненастье сиреневый куст,
лепестки разлетятся по свету.
Снова сердце сожмёт непонятная грусть —
значит, время приблизится к лету.

В тополиной метели осветится взгляд,
устремлённый в небесную просинь.
И глядишь — одуванчики вдруг отгорят...
Значит, жизнь повернётся на осень...

* * *

Не грусти, ты был поэтом.
Это что-то в мире значит.
Жизнь твоя надежды светом
для отверженных маячит.

Что с того, что небо хмуро
и деревья клонит ветер...
Не гляди на мир понуро,
всё познав на белом свете.

Было трудно. Было горько.
Одиноко. Ну так что же?
Ведь в окне — сияла зорька,
и тебя — любили тоже...

И в любимом, влажном взоре
ярких звёзд играли блики...
Видел ты закат над морем,
журавлей ты слышал клики.

Всё равно настанет лето.
Всадник ветра прочь ускачет.
Оглянись: ты был поэтом.
Это в мире что-то значит...

* * *

Мир земной до странности жестоко
отовсюду гнал меня, кляня.
Было горько мне и одиноко.
Это ангел мой хранил меня.

Чтобы в мире грешном стать счастливым,
не истрочу я остаток сил.
Да, он был ко мне несправедливым.
Это значит — Бог меня любил.

* * *

Тонок сердца прерывистый стук.
Выпить водки с отчаянья, что ли?
Жизнь моя — как натянутый лук,
ни покоя не знает, ни воли.

Так до самого, друг мой, креста
эта жизнь пронесётся, как ветер.
Но в бесшумном паденье листа
смысла вечного больше на свете.

* * *

Своей привычки старой не нарушу,
уйду от грусти в тихий листопад.
Мне лишь природа успокоит душу,
и незаметно посветлеет взгляд.

Один в прохладном опустевшем парке
присяду над озёрною водой.

Закат осенний в облаках неярких
заронит в сердце временный покой.

И словно скажут мне для утешенья
трава, деревья, тёмная вода:
«Смотри на эту жизнь без сожаленья,
её не будет больше никогда».

Вослед за тихим голосом природы
я повторю себе и не себе:
за все под солнцем прожитые годы
будь благодарен Богу и судьбе.

И сколько б слёз ни пролил ты на свете,
какой бы горький ни проделал путь, —
ты жил на этой сказочной планете,
ты видел мир, который не вернуть.

Твоя печаль восполнится с лихвою
иною платой и теплом другим...
И если мир жестоким был с тобою,
то этим миром будешь ты любим.

СИРЕНЬ

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истает
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

* * *

Как жалко летнего тепла!
Оно и коротко, и зыбко.
Июля яркая улыбка,
неторопливый плеск весла...

Цветы, цветы... Вечерний свет...
Высоких лип густые тени...
Влюблённых поцелуйный бред
и женщин смуглые колени...

Истает этот нежный день,
иссякнет трав благоуханье,
плаксивых туч немая тень
загасит озера сиянье.

И долгий холод, серый цвет
откроют нам свои объятия.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...

* * *

Осыпался жасмин, и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...
Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..
Мы со своей весной расстались насовсем...
Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

* * *

Снова сердце радо зареву заката
и лесной рябины перезревшим кистям.
И опять бесцельно я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям.

Дни уходят в вечность. Где-то ждёт расплата.
Кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьим.
Но всю жизнь с надеждой я бреду куда-то
по опавшим листьям, по опавшим листьям...

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвою
и лету сказал: «До свиданья».
В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой, и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслёзны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

* * *

Жёлтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

* * *

Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сторим.
В летящем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.

Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
её глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...

ПОЭТ

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёг в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

* * *

Покуда мать жива —
ты не один на свете,
и есть тебе к кому
приникнуть в горький час.
Пускай верны тебе
друзья, жена и дети,
но в жизни только мать
одна лишь не предаст.

Когда уходит мать,
душевного разлада
и с миром, и с собой
уже не избежать.
Слабеет свет в пуги,
и рушится преграда
меж смертью и тобой,
когда уходит мать.

* * *

Птичий гомон весеннего леса,
ароматы листвы молодой...

Мчится с рёвом и свистом железо,
раскаляя асфальт под собой.

Жрёт железо и воздух, и сушу,
убивая и слух наш, и взгляд.

А соловушка трогает душу,
и берёзы о прошлом шумят...

* * *

Любовь несчастная моя...
Другой не будет.
В сетях земного бытия
кто нас рассудит?

Моя любовь казалась мне
тоской поэта.
И всё ж в душевной глубине
я ждал ответа.

«Нет, со своей тоской души
ты просто скучен.
Во мраке хохота и лжи
кому ты нужен? —
Себе внушал я, говоря:
— Не жди признанья.
Ты отдаёшь себя зазя
ей на закланье.
И безответны будут вновь
слова живые...»

Моя несчастная любовь...
Любовь к России.

ГОЛОС МОИХ ПРЕДКОВ

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришёл в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.
Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал.
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгнули глухо во мгле.

* * *

Хмурое небо и смутное,
листьев летящая ржавь...
Горечь моя бесприютная,
ты уж приют мой оставь.

Нудная и неприветная —
наша сердечная связь.
Как сирота безответная,
слишком ты здесь прижилась...

Небо чужое и тёмное.
Долгие спазмы в груди...
И отвечает бездомная:
«Некуда больше идти...»

ПУШКИН

Летящий сквозь громады лет,
огнём небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальём по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блюде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течёт веков громада, —
останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

* * *

Свободу завоёвывают кровью.
Не признаёт она иных щедрот.
Она своей безжалостной любовью
на пьедестал ведёт и эшафот.

Свободу завоёвывают кровью.
Глуха к словам без жертвы и борьбы,
она, как смерть, не поведёт и бровью
на уговоры, просьбы и мольбы.

Свободу завоёвывают кровью.
Подкожный страх пред нею изживи.
Цхинвал, Донецк, Луганск и Приднестровье
познали яд и мёд её любви.

Свободу завоёвывают кровью.
Когда остры глаза, сердца и слух,
ни жалам пуль, ни чёрному злословью
не победить в крови свободный дух.

Жестокий мир овеян русской новью.
За русский новый мир идёт война.
Свободу завоёвывают кровью —
и лишь тогда навек она верна.

МЕЧ И КАМЕНЬ

Тротил джихада и Дары волхвов...
Две веры, две надежды, две стихии.
Явленья духа этих двух миров
слились в пространстве и в судьбе России.

Сошлись непримиримые миры,
как жизнь и ложь, как Истина и нежить.
Шахидки пояс и волхвов Дары...
И лишь одно из двух должно утешить...

Несовместимы пламя и вода.
Нас вновь столкнули и легко, и быстро.
Остра их вера, но у нас — тверда.
И меч о камень высекает искры...

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» — спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живьём стояла перед ним.

ПОБЕДИТЕЛЬ

...Дрожали языки огня,
и ночь застыла глухо.
«...Один из вас предаст Меня,
но вы крепитесь духом».

И было ждать совсем чуть-чуть
Земле, чтоб стать иною...
«...Я истина, и жизнь, и путь,
идите вслед за Мною».

Свет на лице. Чело в венце.
Веков минувших стержень.
«...Отец во Мне, и Я в Отце,
и Мною мир повержен».

Была святая ночь тиха.
Предатель время выждал.
Ещё до крика петуха
Пётр отречётся трижды.

Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.

СЕТИ

Да, уже случилось это —
как в капкан, попались в сети
в лабиринтах Интернета
потерявшиеся дети.
Жалко их, в экран глядящих,
отшвырнувших все препоны,
по мобильнику галдящих
и уткнувшихся в айфоны,
их, из жизни многоцветной
в виртуальный мир ушедших,
под рекламой несусветной
в гости к дьяволу забредших.
Там их главные заботы,
там их чувства и признанья,
и соблазны, и полёты
в звёздный хаос мироздания.
Этот век огнём окрашен,
век злословный, лжеобманный.
И уходят дети наши
в сон бездонно-заэкранный...

140

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

В ДЕНЬ АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ

Мороз пришёл и снег
в день Ангела-хранителя.
Холодный падал свет
с небес родной обители.

Мне было в нём тепло,
как под ладонью матери.
А время истекло
вином по белой скатерти...

Иссякли, пролились
деньки мои бедовые...
Душа взирает ввысь,
предвидя сны суровые.

И вот — холодный свет,
как шёпот Утешителя,
и этот поздний снег
в день Ангела-хранителя...

22 марта 2015

* * *

Каждый вечер яркая звезда
беспокойно светит мне в окно...
Лет моих минувших череда
предо мной промчалась, как в кино.

Я увидел всё, что позабыл,
не мечтая больше ни о чём.
Безвозвратно парус мой уплыл
за вечерний смутный окоём.

Вслед за ним уплыть я не смогу.
Здесь мой взгляд остался навсегда.
И на тёмном этом берегу
ярко светит мне в окно звезда...

* * *

То, что искал я везде безнадежно
с горечью наедине,
мне оказалось найти невозможно
в этой людской беготне.

Где-то бесстрастно, беззвучно осталось,
с кем-то сошлось и срослось
то, что мне снилось, о чём так мечталось,
то, что, увы, не сбылось.

Верен своей нерастраченной лире,
смертью печать разомкну.
То, что всю жизнь я искал в этом мире,
там ли найду?.. Тишину.

* * *

Сидим, как на диванчике,
с дружкой на бережку.
В гранёные стаканчики
плеснули коньячку.

Не пьём давно, а хочется
по малому глотку...
И вот душа-пророчица
развевала тоску.

И вот в кустах извивистых
защёлкал соловей.
И просит друг порывисто:
чуть-чуть ещё налей...

В глазах играют зайчики
у нас от коньяка.
Слепя, блестит мозаично
вечерняя река.

Не всё, мой друг, потеряно,
не всё у нас прошло...
Он смотрит неуверенно,
вздыхает тяжело...

Гранёные стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
осыпалась сирень...

ЖИЗНЬ

Я жил на белом свете
во времена лихие,
родившийся для смерти,
как многие другие.

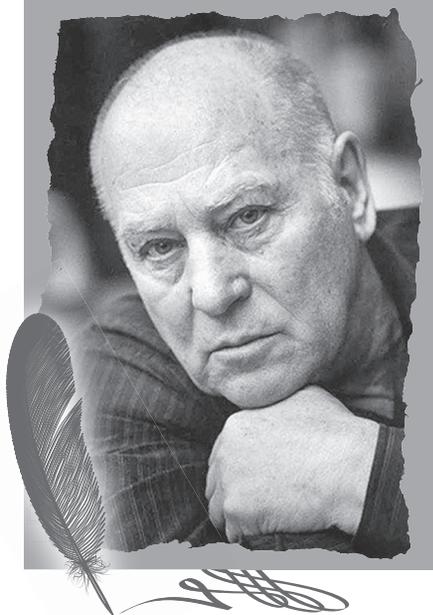
Пускай счастливым не был,
но был храним судьбою.
Что я искал под небом?
О чём мечтал с тоскою?

Искал любви высокой,
мечтал о русской силе
и с горечью глубокой
я думал о России.

В стихи, в дела и в мысли
уйдут земные годы,
на звёздном коромысле
души сомкнутся своды.

С бытийной круговерти
сойду без шумной тризны.
Родившийся для смерти,
умру для вечной жизни.

Константин Скворцов

Константин Васильевич Скворцов окончил Челябинский агроинженерный университет (бывший ЧИМЭСХ), а в 1975 году — Высшие литературные курсы при институте им. А. М. Горького.

С 1976 года по настоящее время — Секретарь Правления Союза писателей России.

Скворцов плодотворно сотрудничает с композиторами. Песни на стихи написаны Е. И. Птичкиным, В. А. Брусом и др. Его поэзия удивительно доходчива и мудра той народной мудростью, что не устаревает с годами. Истинно русская душа живёт в этих стихах.

Константин Васильевич Скворцов награждён многими большими премиями России.

Лауреат премии «Золотой Дельвиг» за книгу стихотворений «Чёлн для двоих» (2016).

Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПРОНЕСЛИСЬ МОИ ГОДЫ...

КАЗАРКА

На небе лебеди, иль мне мерещится?
Куда летят они? Куда — Бог весть...
А здесь, на озере, казарка плещется, —
Спасибо Господу за то, что есть.

И на ветвях берёз, моя хорошая,
Жемчужных бусинок не перечествь.
А на руке моей — росы горошина, —
Спасибо Господу за то, что есть.

Пусть о бессмертии хлопчут гении,
Влюблённым в вечности хвала и честь.
А нам с тобой дано Любви мгновение, —
Спасибо Господу за то, что есть.

На небе лебеди, иль мне мерещится?
Куда летят они? Куда — Бог весть...
А здесь, на озере, казарка плещется, —
Спасибо Господу за то, что есть.

СЕРАФИМ

Летит река по зарослям ольхи,
Промозглыми кувшинками бренча.
В гнезде едва притихшего ключа
Дерутся листья, словно петухи.
Развеяли мы юность на ветру
Безверия... Но в памяти храним,
Как по ночам к таёжному костру
Слетал с небес неслышный Серафим.

Он наклонялся бережно ко мне,
Горящим углем очищал уста.
Слова любви, как ягоды с куста,
Перекликались в звёздной тишине.
И, вековые ельники круша,
Я звонче пел, чем пели топоры...
Я потерял тебя, и с той поры,
Как филин днём, молчит моя душа.

Воистину не знаем, что творим,
Но всё на этом свете неспроста.
Забыл меня мой вещей Серафим,
И потому молчат мои уста.
Не шапка Мономаха тяжела,
А груз самодержавной немоты.
Мне знать бы только то, что ты жива.
Мне знать бы только, что любима ты.

* * *

Золотой зверобой
и горячее поле душицы,
и обвивший смородину сказочный алый цветок,
и родник под скалой,
тот, который доньше мне снится,
и сиреневый полог тумана вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
вся из солнца и трав,
из ручьёв, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венки из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зелёной травинке,
потому что в тумане
всё время мерещилось мне:
может быть, это ты
в серебристой, как сон, паутинке,
той, что ветер принёс,
словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
оставив и горы, и поле...
И в ущелье домов,
где не встретишь живого огня,

ты по улице шла
в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу.
Но как ты узнала меня?

* * *

А. С. Евтихиевой

Где же вы, золотые поля...
Где вы, волны бескрайнего хлеба?
Рожь не сеют. Одна конопля
Затуманила синее небо.

На меже одинокий репей
Распушился, как огненный кочет.
Эной речи горячих степей,
Как и я, он и слышать не хочет.

Он готов уже ринуться в бой,
Но и здешние гуси на речке
Объясняются между собой
На чужом, незнакомом наречье.

Он бросает растерянный взгляд
И кричит что есть силы и мочи,
Собирая бездомных цыплят,
Что отбились от выцветшей квочки.

Ах, репей — беспокойный петух!
Собираются грозные тучи!
Коль в тебе наш запал не потух —
Значит, выстоим, брат мой колючий!

Собирай задремавший народ
 В той деревне, где все эти годы
 Пахнет мёдом и липа цветёт,
 Несмотря на прогнозы погоды!

* * *

Осенний лес и неба синева.
 Огонь осин и вспышки дикой вишни.
 С деревьев тихо падает листва,
 В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
 Разлиты по земле, как Божья милость...
 И где-то хохотнула вдруг сова
 Среди бела дня... Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
 Вперяет глаз, прозорливый и меткий,
 Туда, где расписные лоскутки
 С девичьим страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
 Лишь этот удивительный гербарий.
 И пахло от дерев, лежащих ниц,
 Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг...
 И, к нам не проявляя интереса,
 Прошёл с корзиной полною грибник.
 Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною — вот счастья знак.
 Какого мы ещё искали знака?
 И никогда я не смеялся так...
 И никогда, друг мой, я так не плакал!

* * *

В глубинке русской посреди разрухи
 У нищих окон, как у царских врат,
 Сидели на завалинке старухи
 И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
 Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
 Остались только песни им... И это
 Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клетки сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живётся? —
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём,
Где б я ещё услышать мог такое? —
Чего не доедим, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.

Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли её лёгкое тело
 На вековечное поле-жильё.
 Всё мне казалось: матушка пела.
 Песней наполнено сердце моё.

АВАЛЛОН

Аваллон — город магов, друидов и жриц...

Из письма

Сегодня снился странный сон,
 Хотя я не увлекаюсь снами...
 Приснился остров Аваллон
 На бирюзовом океане.

Вдоль синей каменной гряды,
 Как память об усердных предках,
 Качались райские сады
 И яблоки на тонких ветках.

И в каплях утренней росы
 Туманы прятались в низинах.
 И нимфы яблоки несли
 Навстречу в ивовых корзинах.

Когда б не сон мой, как на грех,
 Я убежал бы опрометью,
 Поскольку знал: в корзинах тех
 Лежали яблоки бессмертья!

И некто, о любви трубя,
 Был довершеньем карнавала...
 И вдруг я узнаю тебя,
 Но ты меня не узнавала...

И я стоял, как в кандалах,
 Не в силах сдвинуться...
 Не скрою,
 Ты яблоко мне подала,
 Сказав: «Расплатишься Любовью!»

— Не надо вёсел кораблю! —
 Ответил я... — Будь трижды смертен,
 Я всё равно тебя люблю,
 И заberi своё бессмертье!

Да, смертен, и судьбы иной
Я не желаю! Верьте, люди!..

.....
И я проснулся...
Предо мной
Лежало яблоко на блюде!

* * *

Я в чудеса давно не верую,
Хоть верит им и стар, и мал.
Чтоб обратилась ты царевною,
Лягушку я не целовал.

А упираясь в небо посохом,
Что отражалось на воде,
Не зная брода, яко посуху,
Я шёл, любимая, к тебе.

Когда б, как все, глазами хлопая,
Я шёл дорогой столбовой,
А не заказанными тропами,
Мы разминулись бы с тобой.

И, понимая всё, как водится,
Туда — нельзя, сюда — не смей,
В том омуте, где черти водятся,
С тобой мы ловим голавлей!

Что параллельные не сходятся, —
Сказал какой-то хитрый лис,
Но по молитвам Богородицы
Они у нас пересеклись!

КОСТЁР

Я спал с любимой у костра,
Как после битвы рукопашной...
И было ей совсем не страшно,
Хоть это дикие места!

Медведь к огню не подойдёт,
И стороной промчатся волки!
Искали лоси тихий брод...
Кололись искры, как иголки...

И где-то, ветру в унисон,
Злой филин оглушал распадок,

Но так был крепок этот сон,
Так упоителен и сладок!..

Ни огонька и ни креста,
За то никто нас не осудит...
В такие дикие места
Ещё не забредали люди!

А речка медленно текла,
В берёзах бушевали соки...
И вдруг от нашего тепла
Зарделось солнце на востоке.

* * *

Со мной встречает радужный восход
На поплавке сидящая стрекозка.
Тревожусь я, что в воду упадёт
У кромки задремавшая берёзка.

Средь вечных ив она совсем одна,
И за характер, ветру непокорный,
Здесь, как бобёр, зубастая волна
Ей день и ночь подтачивает корни.

Доколе жить вот так вот, на весу,
Иной судьбы не ведая на свете?!
В надежде робкой, что её спасу,
Она ко мне протягивает ветви.

Я, как кулик, мечусь на берегу...
Да будь я Бог — что мог бы я исправить?
И взять её с собою не могу,
И не могу в беде одну оставить.

А стрекоза сидит на поплавке,
И новый день нас золотит рассветом...
Пока рука твоя в моей руке —
Давай не думать, милая, об этом.

* * *

Сегодня солнце не взошло —
Нелепый случай.
Мне объясняют, что оно
Зашло за тучи.

Подумаешь, что солнца нет,
Никто ж не ропщет.
Слепил глаза им белый свет.
Живи на ощупь!

Вокруг меня теней конвой.
О солнце, где ты?
Я ударяюсь головой
О все предметы.

Кошмарный сон!..
Сто тысяч бед,
Сто куролесиц!
Открыл глаза, а солнца нет...
Не будет — месяц!

Лишь угли, словно снегири,
В камине шаят.
Я разорвал календари
И бросил в пламя.

* * *

Это голос Любви или Господа глас?..
Я не знаю, что это, моя Всецарица.
На лебяжью перину метель улеглась,
А звезде неприкаянной в небе не спится.

Средь беспечных друзей и весёлой родни
Твоё сердце мятежное так одиноко...
И ложатся на снег золотые огни,
Золотые огни непогашенных окон.

Но свет в руки не взять, как его ни лови,
И не выпить до дна эти звуки рояля,
Что уносятся ввысь позывными Любви —
Нераскрытою тайною чаши Грааля.

Я на грешную землю с небес не вернусь
Ни восторженным криком, ни сладостным эхом...
Ты играй, дорогая, и я отзовусь...
И ударю по крыше маньчжурским орехом.

Это голос Любви или Господа глас?..
Я не знаю, что это, моя Всецарица.
На лебяжью перину метель улеглась,
А звезде неприкаянной в небе не спится.

* * *

Помолчим. И послушаем Жизнь.
 Блики солнца в воде отмерцали.
 Тихий сумрак стирает межи
 Меж стучащими робко сердцами.

Звёзды с ивы упали на дно
 Водоёма: ни всплеска, ни мути...
 И два сердца вдруг слились в одно,
 Как две капли дрожащие ртути.

В не прикрытое кем-то окно
 Залетела случайная птица.
 Больно бьётся она о стекло,
 А ты шепчешь, что сердце стучится.

Ей объятья рассвет распротёр,
 Манит пленницу небом напиться...
 Но не вырваться ей на простор.
 Бог не дай мне вот так же разбиться.

Помолчим. И послушаем Жизнь.

* * *

Не став избою, доживает сруб.
 Дымит полынь из выбитых окошек.
 Не пахнет хлебом из холодных труб.
 Нет ни мышей пронырливых, ни кошек.

Петух уже не сядет на плетень.
 Ворон, и тех не видно на деревьях.
 Старушка, словно собственная тень,
 Едва плывёт по вымершей деревне.

Берестяной пылится туюсок.
 Забыта прялка. Выброшены пядьцы.
 Не говорите мне: всему свой срок...
 Страна уходит, как песок сквозь пальцы!

* * *

Я думал, Русь, что ты моя броня.
 Но над полями выжженного хлеба
 Слепли, нас от недругов храня,
 Твои глаза, взирающие с неба!

Жара, жара. На маревых горах
Мох поседел и высохли истоки,
А по степям средь обнищавших трав
Мышкуют лисы, серые, как волки.

Грачи атаковали сокари,
Вьют нагло гнёзда в соловьиной роще.
Доколе это? Матушка, прозри!
И защити оплёванные мощи!

Я понимаю, что мой голос слаб,
Что лёгкий ветер листьев не колышет.
Но, Господи, я твой смиренный раб,
Так почему никто меня не слышит?

* * *

Пронеслись мои годы —
Столбы верстовые.
Забубённая молодость,
Ты не права.
Мы торопимся жить,
Забывая простые,
Голубые, как лён,
Белоснежные наши слова.

Словно память о детстве,
Висит моя зыбка,
Как пустое гнездо,
Где не стало птенца...
Не взойдёт надо мной
Моей мамы улыбка,
Не блеснёт, как росинка,
Хмельная слеза у отца.

Не вернуть ничего...
Словно нищий у храма,
Я, прощенья моля,
Со слезами шепчу:
— Не успел я сказать
Главных слов тебе, мама,
И во здравье твоё
Не успел я поставить свечу.

На холодной земле
Мы тобою согреты.
Я кричу
Через эти шальные года:

— Золотая моя
И любимая, где ты?
...Только ты этих слов
Не услышишь уже никогда.

Говорите слова!
Мы беду пересилим.
Пусть ложатся они,
Как на стол кружева...
Говорите слова,
Говорите России.
Говорите России:
— Да будет Россия жива!..

БИБЛИОТЕКА

НОВАЯ КНИГА ВАЛЕРИЯ КОРОЛЁВА

Его именем названа одна из коломенских библиотек. Недолгую жизнь прожил Валерий Васильевич Королёв, но удивительно ярко. Сначала жил в Москве, окончил музыкальное училище и институт культуры. Потом стал писать.

«Служенье муз не терпит суеты», и, покинув шумную многоликую столицу, писатель уезжает в Коломну.

Королёв органично включается в культурную жизнь города, во многом определяет его литературный процесс. Руководит литобъединением местных прозаиков и поэтов, помогает в издании газет «Грань» и «Благовестник».

Благодарные коломенцы не забыли своего писателя. В прошлом году издание «Коломенский альманах», выходящее в городе вот уже два десятка лет, выпустило в серии «Коломенский книгочей» сборник рассказов Валерия Королёва.

О чём они? В первую очередь о людях, труде, о рабочей чести и совести и, конечно, о нашей деревенской природе и о любви.

Более двадцати лет нет с нами писателя, но произведения его не устарели, как не устаревают, вечно живут в народе искони русские, глубинные основы нашей такой сложной сейчас, в двадцать первом веке, жизни.

Сергей Сергеевич Антипов родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И. А. Бунина. Автор девяти книг. Заместитель Председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России.

Лирический герой стихов Сергея Антипова живёт в нашем времени, говорит современным языком. Его чувства, боли и тревоги — не выдуманы: они близки нам. Поэзия Антипова озвучена современными реалиями. Это — стихи дня сегодняшнего, не уводящие в мир фантазий и иллюзий, а звучащие полнокровно, весомо.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

ОТЧИЗНА

Светло и тепло, если тихая радость
Легонько касается нашей души...
Уходит куда-то пустая усталость,
И свечка надежды мерцает в тиши.

И вспять её свет прогоняет сомненья,
Кошмарные мысли уносятся прочь,
Рождается в сердце поток вдохновенья,
И сдерживать чувства мне больше невмочь.

Возносишься сразу куда-то высоко,
Любовь изливаешь, уже не тая,
На всё, что мне близко, и всё, что далёко, —
На милые сердцу родные края.

На маленький домик в далёком селенье,
На тихую речку, на полдень полей,
На лес, что открыт для чудесных видений, —
На мир, что зовётся Отчиной моей.

ИСПОВЕДЬ

Я, мчась над морем суеты,
Вспорхну и снова утопаю,
Срывая кое-где цветы,
А сам душою погибаю.

Любовью ложной окружён,
Враньём да низменною лестью...
Но вот поступок совершён —
И я рванулся в поднебесье.

Увидев райскую красу
И ада мрачные глубины,
Взлетел, как ангел, в высоту
И вновь сорвался со стремнины.

И только свежий светлый ветер
Сумел один меня понять,
Что всё же счастье есть на свете...
Вопрос — лишь где его искать?

* * *

Иеромонаху отцу Роману

Поэт, творящий в суете,
Несчастен, словно птица в клетке.
Ему соблазны в нагоде
Видны за яркой этикеткой.

Оковы тьмы сдавили грудь,
А свет вдали едва мерцает...
Нелёгко праведника путь,
Поскольку зло не отступает.

Всю жизнь познавши изнутри,
Дано поэту ужаснуться,
Бежать, все двери затворив,
И через много лет вернуться.

Но не за тем, чтобы терзать
Свои расстроенные чувства,
А чтобы радость людям дать,
Явив бессмертное искусство.

Открыть глаза им широко
Своей божественною лирой...
Хотя ему и нелегко
Сражаться с дьявольскою силой.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я уйду поутру незаметно
В морозящий за окнами дождь,
Размечтавшись, что чувства бессмертны
И что правда сильнее, чем ложь.
Я уйду — и посыплется время,
Белым пеплом сжигая виски,
А вернувшись, останусь не с теми,
Кому раньше слагал я стихи.
Я уйду поутру безоглядно,
Отрубив, отболев, отлюбив,
Но когда возвращусь к вам обратно,
Вы с досадой воскликните: «Жив!»

УШЛО

Ушло печально бабье лето,
Ушли вчерашние мечты,
Любви мелодия допета,
И сердце радуешь не ты...

Не ты с предутренним туманом
В мои тихонько входишь сны,
Не ты... Немного даже странно...
И слишком долго до весны...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Судный день — обвал времён:
Словно тать из-за угла, —
Лишь тревожный перезвон
Принесут колокола.

Город болен и несвеж,
И больна моя душа:
Вдоль по кладбищу надежд
Мысли бродят, чуть дыша!

Люди мечутся в делах,
Но как роботы — мертвы,
Гонит в бездну липкий страх,
Страх небесной синевы...

Я пишу про эту боль,
Про цинизм и пустоту,
Но, помноженный на ноль,
Не ступаю за черту.

И, от горечи бескрыл,
Уповаю лишь на то,
Что любимую любил,
Как, наверное, никто!

АВТО - ЖИЗНЬ

Жарит дорогу дневное светило:
Нужно так много до ночи успеть,
Крутят мотор лошадиные силы,
Сгладить стараясь Судьбы круговерть...
Небо прозрачно-бездонной лазурью
Манит назад своего беглеца,
Что огрубел в человеческой шкуре,
Сник под пятой золотого тельца...
Там хорошо: ни гвоздя и ни жезла,
И никаких суетливых забот,
Но не всегда торопиться полезно
Даже туда, где комфорт круглый год...
Мне бы пока: чтобы кочек поменьше,
Видимость дальше и помощь в пути,
Чтоб, несмотря что наивен и грешен,
Фарами ярко по жизни светить!

ВРЕМЯ ЛЕТАЮЩИХ СТРОК

На ладошку присел мотылёк,
Словно горнего мира дыханье, —
Это время летающих строк,
Вдохновенья и светлых желаний!

Расширяется с небом душа,
Утопая в небесной лазури.
До чего ж наша жизнь хороша!
Передать эти чувства могу ли?

Отовсюду исходит любовь,
Проникая до самого сердца,
И ловец наших радостных снов
Открывает нам райские дверцы!

Я тебе эти сны подарю,
Волшебством наполняя реальность,
И поймёшь ты, что слово «люблю»
Для меня далеко не банальность!

ЛЕЛЕЯ ИДЕАЛ

Как часто мы в минуты скуки
Друзей пытаемся найти
И жмём кому попало руки,
Мечтая дружбу обрести.

Но днём с огнём её
не сыщешь, —
Корыстный всюду интерес...
Окрест — туманные глазищи,
В которых поселился бес.

Того найти бы, кто мне нужен,
Не ради денег или дел...
Но знаю: поиск чистой дружбы —
Одних мечтателей удел.

А может, то уже прекрасно,
Что я, лелея идеал,
Пусть и мучительно-напрасно,
Но всё-таки его искал.

УТРО

Заря сияет на востоке,
Мир заполняет света звон,
И вяло, с явной неохотой
Уходит восвояси сон.

Во имя — чтобы вновь родиться,
В надежде что-то отыскать
И снова чисто повториться,
И путь кому-то указать.

СЧАСТЬЕ МАРТА

Под солнцем ленивого марта
Тоскливо сереют сугробы,
Вчера превращается в завтра,
И тают ушедшие годы...

Хватаюсь за них оголтело, —
Вода ледяная сквозь пальцы,
Душа со стареющим телом
Озябли и снова скитальцы...

Но марта шальные дороги
Несут их к мечтам легкокрылым:
И пусть поджидают тревоги, —
Лицо не должно быть унылым!

Пока трепыхается сердце
И руки способны к объятьям,
Всегда есть надежда согреться
В простом человеческом счастье!

МЕЧТЫ МЕЖДУ СТРОК

Когда витаю между строк,
Уходят грешные волнения,
Остатки боли, сожаленья,
Что бесконечно одиноко...
И многомудрые друзья,
Слегка от времени сутулясь,
Меж фонарей, аптек и улиц
Чего-то ищут, как и я...
Сгорает в лени тоска,
А дым никто и не заметил,
И оседает серый пепел
На плохо выбритых висках...
Но лишь помашешь мне рукой,
Я побегу, хоть шансов мало,
К мечте наивно-запоздалой —
Найти нам Свет, а с ним покой...

Евгений Кирсанов

Евгений Александрович Кирсанов родился в декабре 1947 года в Коломне. Окончил аспирантуру по физике жидких кристаллов. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии и экологии Государственного социально-гуманитарного университета (бывшего КГПИ). Руководит поэтической мастерской «У Грановитой» при районной библиотеке имени И. И. Лажечникова. Автор восьми сборников стихов.

Поэзии Евгения Кирсанова чужда внешняя красивость. Его слово верно, ёмко, современно.

Член Союза писателей России.

НАД РЕКОЮ ВРЕМЕНИ

РАННЯЯ ЗИМА

Зима смешала снег с дождём.
Холодное лицо умыла.
Свой холод
временно забыла,
Но вспомнит вовремя о нём.
Когда наступит хладный час
И зеркалами встанут лужи,
Неважно, лучше или хуже,
Мы в новый мир
войдём
смеясь,

Перебежим,
скользя немножко,
Запахиваясь и спеша,
Холодным воздухом дыша,
Смотрясь в узорное окошко.

И пусть зима возьмёт права,
Автомобильные, конечно,
Её колёса крутят снежно,

И нас сквозь ночь
везёт зима
Под встречных фар
златые вспышки,
Шин встречных
шорох в тишине.
И столбовых огней ледышки
Стоят, как смотровые вышки,
Как встречный
памятник
зиме.

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать!
Борис Пастернак

Февраль.
Набрать чернил и плакать.
Подводный лёд.
Точнее, слякоть.
Ещё точнее, гололёд.
И, как всегда, спешит народ,
не смотрит вниз, себе под ноги,
душою к небу воспарив.
Февраль, весну опередив,
разводит лужи по дороге,
размазывает рыхлый снег,
что даже в бабу не годится.
И шёпот капель крышам снится...
Февраль. Зима. Подросток-век.
И всё пройдёт и повторится.

* * *

Осенние дожди, понятные вполне.
Заплакано окно в предчувствии зимы.
Естественный процесс снятия листьев
С широких плеч дубов и узких плеч берёз.

Естественный процесс понятен не вполне.
Неловко обнажать предчувствие беды,
И сны перелистав, истолковать в песок,
И серебром песка засыпать след дождя.

ОКНО

Вот мирная картина снегопада —
Мой взор на уровне тоскующих ворон.
Седьмой этаж — и лучшего не надо.
И домик пряничный — внизу. Со всех сторон
Осыпанный блестящим сладким снегом.
И повод вспомнить свой давнишний дом,
Что скрылся в прошлом, затонул в былом,
Но ель над головою поднял в небо,
Как флаг зелёный. Мы под ним плывём.
И вот доплыли.
Пристань высока,
Но есть девятый, выше — облака
И сбросившие сонный дух вороны.
Они кружат почти над головой.
Седьмой этаж.
Мне виден город мой,

Привычный, словно истина в конверте,
Что сотни лет таскает почтальон,
Он ношею своей не утомлён.
Забыл он адрес? Этому не верьте.
Он просто путь не хочет завершать,
Раскрыть конверт и разорвать печать.

* * *

Дышал тишиною вечер,
Горели в бокалах свечи.
Как будто в бокале спящем
Парит мотылёк горящий.
Бокалы согреет пламя.
И всё, что случится с нами,
Покажется вдруг неважным
Пред тем огоньком отважным.

ГОДЫ

*Сороковые-роковые
Давид Самойлов*

Восьмидесятые годы —
Годы прорыва свободы,
Точечного, пунктирного
И удивительно мирного...

Очереди нарастали,
Книжечки издавали
Полузабытых авторов,
Как оказалось, классиков...
С карточками на мыло,
С книгой макулатурной
Одновременно всплыли
Гумилёв, Мандельштам и Клюев,
Новый, однако, Слуцкий,
Новая Ольга Берггольц,
Солнце российской поэзии
или случайный гость...
Время оценок понятных
И запоздалых похвал...
Кто там стучался
в восьмидесятые?
Те, кто почти опоздал.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ СОЛДАТ

Вот, говорят, травой ничто не скрыто.
А я давно укрыт сухой травой.
Войною давней вроде бы убитый,
А для кого-то до сих пор живой.

Лишь фотографий пожелтевших листья
Лежат в альбоме, даже камня нет.
На небесах я с той войны прописан,
Лишь на земле мой пропадает след.

И памятник пропавшему без вести
Не установят, видно, никогда.
Вот до войны я пел такую песню.
Пусть сын поёт.
И горе — не беда!

ВОЙНА И ПАМЯТЬ

В старом веке была Война,
В новом веке хранится Память.
Эта Память нужна. Она
Позволяет себя представить
Гражданином своей страны,
Продолжателем тех традиций,
Той культуры, которой гордиться,
Как наследники, мы должны.

Пусть меняется цвет знамён,
Факты тонут или всплывают.
Подвиг был. Всенароден он.
Пусть живущий
не забывает!

НАД РЕКОЙ

Я стою над рекою Времени,
Не хватает мне груза-бремени,
Не хватает на плечах тяжести,
От которой легче жить в радости.
Надо бы нести,
чтобы пользе быть,
Надо бы простить,
да ещё забыть.
И определить
путь дальнейший свой,
Чтобы жизнь избыть,
не бранясь с судьбой.
Не браня судьбу, не твердя «не так»,
Не грызясь за кость, не дразня собак.
Быть самим собой, быть с людьми в ладу.
Может быть, тогда я к себе дойду.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ДОЛГОГО ПУТИ ТЕБЕ, ЕВГЕНИЙ!

Никак не верится, что поэту Евгению Александровичу Кирсанову — 70! Удивительно подвижный, всегда с приветливой улыбкой, а стихи у него рождаются моментально: только что-нибудь услышал — полез за ручкой — и готово! Вот бы так молодым!

Большую часть жизни преподавал в КАУ. А сейчас — в ГСГУ. Раньше была — физика, сейчас — химия. И не просто, а нанохимия. Освоил и это.

Невольно позавидуешь Евгению: всё ему даётся! Это, наверное, оттого, что счастливый у него характер. Потому любят его друзья и часто посещает Муза.

Долгого пути тебе, Евгений Александрович, и много-много стихов! А самое главное — пусть молодость никогда не покидает тебя!

Коллектив редакции

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ЛЕТОПИСЕЦ КОЛОМЕНСКОЙ СТАРИНЫ

(К 75-летию А. А. Фёдорова)

Россия пожары и войны прошла,
Вглядись в её смутные дали:
То падали наземь церковей купола,
А то, словно птицы, взлетали.

Те храмы спасали в великой беде
Своей благодатью Коломну.
Их облик любовно возвёл на холсте
Художник коломенский скромный.

Всем людям, приехавшим издалека,
Дано приобщиться к святыням.
Сияют картины — они на века —
И славят художника имя!

Татьяна Башкирова

Алексей Алексеевич Фёдоров — с первого номера вместе с нами. Художник-краевед, выросший в Коломне, он прекрасно знает её старину. С полотен Алексея Алексеевича смотрят на нас давно исчезнувшие уголки: тихие улицы, старые сараюшки и домишки. Всего этого нет теперь: осталось только на рисунках Фёдорова.

Коломенцы его любят и чтут.

Дорогой Алексей Алексеевич! Желаем тебе новых интересных находок, впечатляющих встреч и чтобы твоя творческая нить не погасла, а светилась чудным огнём вдохновения, расширяясь и радуя жителей города и его гостей.

Коллектив редакции

Наталья Красюкова

Наталья Николаевна Красюкова родилась в городе Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института (ныне ГСГУ — Государственный социально-гуманитарный университет). Она — поэт новых, неожиданных образов и сравнений. Её стих, изящный и интеллектуальный, звучит музыкой, которая идёт от самого сердца.

Наталья — дипломант Международного фестиваля им. М. Ю. Лермонтова «Осень в Тамани» (2010), лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни, прозы малых форм «Господин Ветер» (2010) и др.

Публиковалась в журналах «Москва», «Студенческий меридиан», «Коломенский альманах».

ВВЕРХ ЗА ГУСИНЫМ КРЫЛОМ

* * *

Что тебе вспомнится в день, когда высохший лист
С ветром отправится сквозь деревянные пальцы?
Как ни старался, а вещи сны не сбылись.
В дом возвращался — и снова тянуло скитаться.

Чья в тебе кровь, раз покоя нигде не достать,
Манит какая же неодолимая сила?
Переночуешь, а дальше — косая верста,
Путь для рождённого той, что всю жизнь колесила.

Где началось искажение звёздных путей
В липкую глуть межпланетного древнего мрака?
Плыл Одиссеем, Дедалом на крыльях летел
В мифологический эпос Коломна — Итака.

Пробовал вкус от распетых Граалевых слов
Первозычия ветра, воды или камня.
Я прорастала в тебе, бездорожье вспоров
Горькой полынью, что названа будет стихами.

* * *

Набухший в тополях апрель
Струится горечью из почек.
К шершавой выцветшей коре
Луна лучом скользит на ощупь.

И влажный глянцевый асфальт
Блестит серебряным копытцем.
И я могу ещё — спасать.
И я ещё могу — молиться.

Когда пролётится через край,
Завертит в бешеном потоке,
Мне часть воды своей отдай —
Наполнить синью кровотоки.

Как у Коцея жизнь в яйце,
Так я в воде черпаю силы.
Камлай, пока Луна в Тельце
Рассветом не заголосила.

До обезвоженной стерни,
Не снятой с поля суеверно,
Ты будешь помнить эти дни,
Как водянистое инферно.

Случайной встречи избежав,
Сверну во двор тягучим шагом,
Где трубный медленный удав
Струит под ноги ночь и влагу.

* * *

Приходи ко мне в снах белым лебедем,
Если слов обронить нельзя.
Наши встречи молвой изъедены,
С языка на язык скользя.

Разве встретиться было надобно
Нам под оком восьми ветров?
Я наряд подарила свадебный
Той, с которой ты стал здоров.

Пусть утешится, хоть на привязи
Не сдержат ей тебя вовек.
И нелёгкая снова вывезет
Из осенней распутицы в снег.

А по травам пройдёшь нескошенным
Босиком до речного песка,
Обернётся вдруг лебедь коршуном,
Улетая другую искать.

Только пёрышко и останется,
От лихого слетит крыла.
Воротись же домой, страдалица,
Словно с ним никогда не была.

Даже в сны не зови зловещие,
Дождаясь весенних стай.
Что во тьме тебе померещилось,
Ты текущей воде оставь.

* * *

Дождись, когда сомкнутся тополя
Горчащей кроной,
Зеленогубо о дожде моля
Серебровзвонном.

Тенистой синью я ходила тут
Июньским зноем.
В древесную глухую высоту
Шептала: «Мой он!
Он мой, и я крылата и легка!
Я с ним — как птица!»
А ты не замечал, просил пока
Не торопиться.

Твой дом забрал зимой моё тепло
И сны о лете:
Вьюнок затянут амфорным узлом
На бересклете.

Ушла дождём в пасхальный перезвон,
А он спокоен.
И шёпотом из тополиных крон
Горчит: не твой он.

* * *

Закрой глаза. Припоминай
Другие дни, другие вещи,
Где Чак Моль — вся глубина,
Где бездной каждый день отмечен,

Где ночь вползает внутрь зрачка,
Усталым оком укрываясь.
Доверься ей, она легка,
Пока приносят жертвы мая.

Ты будешь недвижим и глух
От скачущих конкистадоров.
Разбередив чужую тьму,
Их алчность станет их позором.

Но в здешнем мире нет святых,
И мрак поглотит их распятыя.
Смотри, беспомощны кресты —
Тласольтеотль срывает платье.

Непререкаем, как Тлалок,
Тебя коснётся голос дальний.
Проступит низкий потолок
Сквозь невесомость тёмной спальни.

Вся ненадёжность древних снов
Дневного страха тенью ляжет,
Где Мексика пускает кровь,
Змеёй ползти под камень влажный.

* * *

Пulsом шаманского бубна вибрирует степь,
Стелет ковыль до земли, да некому лечь.
В бешеной пляске мир так пронзительно слеп.
Клёкот и вой, и чужеземная речь.

Древней бурятской крови чувствуешь зов?
Ехор танцуют предки у первых костров.
Волчи клыки ожерельем бьют по груди,
Воздух гудит!

Белый табун догоняет седой жеребец.
Глаз человеческих больше не нужен прищур.
Где горизонт проступает сквозь мокрый чабрец,
Синее небо таит золотую парчу.

Время густеет, вращается лунный зрачок.
Духи паучьим молчаньем ползут из глубин.
Вещее знание млечной рекой истечёт,
Горечь впитает в жёсткие стебли полынь.

Есть неразрывная связь, и наследственный дар
Будет пульсировать в жилах твоих дочерей.
Слово — и встанет, запёкшись, на ране руда.
Слово — и яда змеиного нет уже в ней.

Что тебе земли вятичей и древлян,
Если твой прадед степью владел и мог
Слышать сквозь пыль, как ветру поёт бурьян
Песни далёких юго-восточных дорог.

Сменит свирепость забвение и хандра.
Каменный город со скуки задушит траву.
Только по-прежнему чудится: возле костра
Я в хороводе с предками ввысь плыву.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

СУДЬБА, КАК ПЕСНЯ

С первым юбилеем тебя, Наташа!

Наталью Красюкову коломенцы знают не только по стихам, но и по песням: часто видят её выступающей на эстрадных площадках города. А читатели «Коломенского альманаха» с нетерпением ждут её строк, всегда правдивых, интеллектуальных и искренних.

Пусть же и дальше тебе, Наташа, сопутствуют песня и стих! А судьба твоя будет интересной и неповторимой, как твои строки.

Новых встреч тебе, ярких и волнующих! И вечной молодости твоей душе и твоей песне!

Коллектив редакции

И СТИХИ, КАК ПЛОДЫ, СОЗРЕВАЮТ...

Поистине, осень щедра на поэтов: 1 октября родился Николай Гумилёв, 3 октября — Сергей Есенин, 8 октября — Марина Цветаева, 15 октября — Михаил Лермонтов...

На родину Есенина, во много раз воспетое им село Константиново, что на Рязанщине, 1 октября приехали поэты и писатели, да и просто почитатели его таланта. Обменивались книгами, читали стихи...

И у нас в Коломне, во Дворце культуры посёлка Кирова, в этот день собрались начинающие поэты из разных школ города.

В просторные окна гляделось по-весеннему юное, голубоглазое небо. Солнце щедро освещало нарядные столы, накрытые белыми скатертями. На каждом из них — букет хризантем. В уютном, празднично убранном зале звучали чистые, звонкие детские голоса. Строчки — пусть порой неумелые, наивные — дарили сидящим здесь родителям молодых поэтов и прозаиков, сотрудникам Дворца культуры и всем гостям этого праздника — радостное настроение. Пусть не всё так гладко получалось у начинающих авторов, но ведь это — только начало!

Приветствовать ребят пришли главный редактор «Коломенского альманаха» Виктор Семёнович Мельников, его заместитель Роман Вадимович Славацкий, заведомом поэзии этого издания Татьяна Фёдоровна Башкирова и поэт, член Союза писателей России, постоянный автор «Коломенского альманаха» Михаил Михайлович Болдырев (кстати, рождённый, как и Есенин, 3 октября).

Виктор Семёнович Мельников выступил с тёплым приветствием собравшихся, а победителям конкурса вручил награды — дипломы и книжные подарки.

Со своими пожеланиями обратился к ребятам заместитель главного редактора Роман Вадимович Славацкий. Кратко и точно сказал он о назначении поэзии, о её роли в сегодняшней жизни.

Татьяна Башкирова прочитала свои стихи, а также познакомила присутствующих с творчеством нашего земляка, поэта Олега Кочеткова. Сейчас Олег Владимирович живёт в столице, но часто навещает родной город.

Напутствовал пишущих и поэт Михаил Болдырев. Он моряк, недавно приехал с Сахалина, но быстро вжился в поэтическую атмосферу нашего города. Его стихи часто появляются на страницах «Коломенского альманаха», а в 2013 году в приложении к ежегоднику вышел поэтический сборник Михаила — «Тайный свиток».

Проведение таких конкурсов помогает выявить литературный резерв «Коломенского альманаха». Его молодые авторы Ксения Нагайцева, Алёся Глинка, Маргарита Луканичева — в недавнем прошлом участницы и победительницы нашего конкурса «Цветы Девичьего поля».

Пусть не все ребята станут в будущем профессиональными поэтами и писателями — жизнь вносит свои коррективы, — но им навсегда запомнится эта златоглавая осень, солнечный зал, напутствия старших. И нарядные деревья за окном, которые тоже приветствовали их, выстилая путь узорной листвой.

*Под этим творческим псевдонимом публикует стихи **Вячеслав Павлов** — коломенский поэт. Вячеслав Михайлович родился в 1963 году в посёлке Сельцо Брянской области. В 1986 году окончил Брянский институт транспортного машиностроения. После его окончания переехал жить и работать в Коломну. В настоящее время трудится начальником отдела информационных технологий в администрации городского округа Коломна.*

Стихи пишет с детства. Но только в 2014 году была опубликована его первая книга стихов «Монолог по душам».

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

КОЛОМНА

Забыв про дела и встречи,
Был мальчик мечтою болен:
Хотелось летать беспечно
С соборов и колоколен.
Развесив рябины гроздь,
Коломна прощалась с летом.
А в реках плескались звёзды,
Манили к чужим планетам.

В мой город зима однажды
Придёт незначай погреться.
Но это совсем неважно,
Купаюсь я в ней, как в детстве.
Вдоль улочек сонно старых
Уходят в весну трамваи.
И я вместе с птичьей стаей
За ними к весне летаю.

Мальчишка поднялся к звёздам,
Не зря их считал упрямо,

Коломну легко и просто
С небес он обнял, как маму.
И город, уснувший важно,
Туманом укрытый ватным,
Сигналил мальчишке с башни:
— Ты путь не забудь обратный!

В мой город зима однажды
Придёт незначай погреться.
Но это совсем неважно,
Купаюсь я в ней, как в детстве.
Вдоль улочек сонно старых
Уходят в весну трамваи.
И я вместе с птичьей стаей
За ними к весне летаю.

* * *

Дремлют зелёные дали,
Травы покрылись росой,
В облачно-светлой вуали
Месяц зевает босой.
Телом то грузен, то тонок,
Любит над лугом висеть:
Ветры гоняет спросонок,
Путает звёздную сеть...
За горизонтом, со страстью,
Гром прогремел и утих.
Это — рождается счастье
В зыбких покровах земных.
Дымкой белёсой безбрежность
Предвосхищает рассвет.
Это — рождается нежность,
Нежность на тысячи лет!
Миг — и безудержно брызнет.
Не потеряйся. Лови!
Здравствуй, рождение жизни.
Жизни, а значит — любви.

ГРУСТЬ

Ты на море купаешься в лете,
Собираешь там солнце по крохам.
А у нас — мелкий дождик и ветер.
Это, в сущности, тоже неплохо.

Это — норма, когда мы не рядом.
Дни и комнаты стали пустыми.
На стекле напишу слово «радость»,
Дождь добавит к нему твоё имя.

В бытовой обезличенной суете,
Пусть в художники так и не вышел,
Я усердно портрет твой рисую
Листопадом на сумрачных крышах.

Вдрызг ругаясь с рассеянным ветром,
Я черчу нотный стан в чистом поле,
Чтоб тобой, как мелодией светлой,
Зазвучали дизезы, бемоли.

Пробудившись отчаянно-рано,
Сновидений листая страницы,
Я ваяю твой лик из тумана,
Разбавляя его криком птицы.

День, который неспешно проснётся —
Провожая критическим взглядом.
Очень жаль. Недостаточно солнца.
Да и где его взять? Ты не рядом.

* * *

На границе огня и огня
Единение света со светом.
Это ты полюбила меня.
Это я для тебя стал поэтом.
Это ты отдавала тепло.
Это я целовал твои косы.
Это нам было вместе светло
В неге глаз твоих тёмно-раскосых.
Не приемля холодного «нет»,
Нелогично, не вовремя, странно —
Это мы зажигали рассвет
И купались в горячих вулканах.
Это мы со свинцовых вершин,
Как две молнии, прыгали в поле.
Подожди! Подожди, не спеши
Приближать обгоревшее «после»...
Остывая в объятиях вьюг,
Это мы — до последней страницы —
Долюбили. Сожгли всё вокруг,
Чтоб друг в друга с надеждой вцепиться.

Ляжет плотным туманом покой,
К ночи ветер две искры разыщет...
Это мы догораем с тобой.
Это — наше с тобой пепелище.

Я И ДОЖДЬ

Хочешь, в гости приду с дождём —
Серым призраком тихой грусти?..
С ним приятно бродить вдвоём,
Во вселенной дождливой пусто.
Мир заплачет, стемнеет вдруг,
Нарушая судьбы законы,
Постучимся к тебе, мой друг:
— Это — дождь! Вы теперь знакомы.
Ты вздохнёшь, и по телу дрожь
Протечёт неземным нектаром.
У камина светло уснёшь
Под аккорды его гитары.
Мы вернёмся назад зимой
Самой мягкой периной снега,
Чтоб на город притихший твой
Волшебством опуститься с неба.
Чтоб беречь и хранить твой сон
На пушистом волшебном ложе.
Не пугайся, мой свет: ведь он —
Тот же дождик... Знакомый тот же...
Для тебя на стекле цветы
Нарисует художник-ветер,
Чтобы самой счастливой ты
Просыпалась на белом свете.

ГРУСТНЫЙ ГОСТЬ

Сумрак ложится на плечи.
Здравствуй, мой гость, Скучный Вечер.
Вешай свой плащ чёрно-синий,
Точно фрегат парусину,
И, заполняя покои,
Милый, до боли знакомый,
Празднуй рождение грусти
В доме, где тихо и пусто...
В доме, где плакать прилично,
Здесь твоя скука привычна.
Клей на гардины из шёлка
Прошлого счастья осколки,
В дождь и унылую стужу

Будут они вместо кружев.
Ну, а пустыми ночами,
Сладко купаясь в печали,
Ближних, далёких и прочих
Быстро припомним... А впрочем,
Снова мой мир осязаем!
Вместе со смехом и лаем
Мир изменяется зримо,
Стоит услышать: «Любимый».
Вот что..., печали приятель,
Дорог ты мне и приятен,
Но не сегодня твой вечер...
Всё! До свиданья! До встречи!

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

Дождливо. Падает вода.
Скучает мир, и пёс скучает.
А кошка так собой горда,
Что пса совсем не замечает.

Она и так, и так спала,
Как буквы школьника в тетради,
А я, оставив все дела,
Её живот рукою гладил.

Пространство времени текло
В мурчаще-сказочном соседстве,
И стало на душе тепло,
Легко, спокойно, точно в детстве.

В мои ладони спрятав нос,
Она, по-моему, молилась...
Но тут пришёл ревнивый пёс!
Зачем рычишь? Скажи на милость.

Зачем на кошку «точишь зуб»,
Былой войны храня наследство?
Нет! Пёс — не зол. Мой пёс — не груб.
Он просто тоже хочет в детство.

ДОРОЖЕ СЛОВ...

Тот человек, что просто приласкал,
С кем рядом — не боишься темноты...
Кто брюки и рубашку постирал.
Дарил тебе подарки и цветы.

Кто кофе приготовил поутру.
Кто ради встречи — взял девятый вал.
Домой спешил и в стужу, и в пургу...
Да просто о тебе не забывал!

Кто детям на ночь сказку рассказал,
Лечил их, не жалея средств и сил...
Кто к поезду примчался на вокзал.
Рубил, крутил, паял, лудил, сверлил...

Кто стал надёжной бухтой кораблю.
К обеду приготовил щи и плов...
Тот сотни раз сказал тебе: «Люблю!» —
Ведь это всё дороже всяких слов.

ДОЖДЬ

Стелется горизонт.
Мы по нему идём.
Плачет промокший зонт,
Горбится под дождём.

Словно пугаясь тьмы,
Город притих, и всё ж...
Тайно следит, как мы
Падаем в сладкий дождь.

Город — смущённо-мил.
Не понимает: «Как?...»
Где прохутился мир,
Словно большой башмак?

Спрятав под листья дрожь —
Город не принял бой!
Вылился сладкий дождь
Только для нас с тобой.

Смяв водяной покров,
Ветер вздохнул и стих.
То ли от нежных слов,
То ли от губ твоих!

ПРИМЕТЫ

Чашка кофе на завтрак,
А к ней бутерброд.
Остальное — на завтра...
Ведь кто-то придёт?
Ветром сдуло газеты,
Просыпалась соль!
Знать бы, что за приметы!?
В приметах Он — ноль.
Обгорелые спички —
Возможно, к гостям!?
Варит суп по привычке
Заботливо сам.
Суп прокиснет натужно,
Так было не раз,
Но варить его нужно
Вот здесь и сейчас.
Мелом скатерть одета,
Как смокинг на стол.
Всем приметам примета —
Но гость не пришёл!
Снова день наизнанку,
А может быть, год...
Обманула цыганка!
Напрасно Он ждёт.
Лишь фонарь изумрудный
Сигналит: «Привет!»
Жить так грустно и трудно,
Не зная примет.

ПАМЯТИ НАТАЛИИ КОЧЕТКОВОЙ

Оставила нас Наталия Михайловна... Так умолкает музыка оркестра: мелодия отзвучала, кажется — она ещё вибрирует в наших душах, но её уже не вернуть. «И в этом — однократность бытия», — так заметил однажды Давид Самойлов...

Человек энциклопедических знаний, она связывала наш альманах с историей мировой музыкальной культуры; её очерки наполняли страницы ежегодника объёмным звуковым пространством!

За её плечами — огромная просветительская работа длиной в сорок пять лет, её помнят сотни выпускников нашего 1-го Московского областного музыкального училища... Да и не в формальном «стаже» дело! Кусочек солнца, который таился в её щедром сердце — вот что согревало людей и вот что мы потеряли!..

Вечная ей память!

Коллектив редакции

Евгений Захарченко

Евгений Владимирович Захарченко родился в городе Курске в 1960 году.

Первые поэтические пробы состоялись именно в это время. Затем на протяжении многих лет он периодически брался за перо, повинувшись неосознанному голосу внутри себя.

Сейчас Евгений Захарченко живёт в подмосковной Коломне. Именно здесь, в «Коломенском альманахе», состоялась его первая публикация в 2006 году. Позже печатался в журнале «Молодая гвардия». В 2016 году вышел первый сборник — «Рубеж атаки».

Награждён литературной медалью им. И. И. Лажечникова.

Член Союза писателей России.

Я СНОВА СОБЕРУ ДРУЗЕЙ

КАРДИОГРАММА ЛЮБВИ

Холодный ветер за окном,
свет фонарей.
Клочок бумаги — полотном
в руке моей.
На нём — пронзительней всего —
штрихом любви
дыханье сердца твоего
звучит: «Живи!»
Кардиограммы тонкой нить,
в глазах — печаль.
Ничто не может изменить
Судьбы печать.
И нам с тобой отпущен был
всего лишь год.
Его я в сердце сохранил —
во мне живёт!
И образ твой, и эти дни —
во мне навек.
Кардиограммы нервной нить...
Оборван бег...

ПРОГУЛКА

Снег пушистой периной баюкает город,
И порхают снежинки в огне фонарей.
Я иду с человеком, который мне дорог,
В этом снежном круженье раздумья вольней.

Заиграла позёмка серебряным бризом
И морозом подула в небесную синь.
Я иду с человеком, который мне близок,
Снег, любя, закрывает изгибы морщин.

А за окнами изб — жизнь струится приливом,
Приглашает и нас в хоровод суеты.
Одинокий прохожий промелькнёт торопливо —
Вслед метель пропоёт, заметая следы.

Снеговик на углу, подбоченься игриво,
Поприветствует нас черноуглем бровей,
Улыбнётся душа... И метель с переливом
Унесёт в небеса льдинки грусти моей.

ДОРОГА

Судьба вращает жернова —
Поёт огонь в ночи.
И сухо сыплется листва...
Ты только не молчи.

Слеза дыханьем восковым
Уносит думы прочь...
Стучат дожди по мостовым,
Слова пронзают ночь.

Солёный иней на губах,
Замёты деревень,
Владимирки застылый шлях
И горестная тень...

Остроги, пытки, боль потерь —
Железный перегон,
И ветра злая карусель,
И стон со всех сторон...

Но через горя горький груз,
Сквозь тяжкие пути —
В небесный край шагает Русь,
Сжимая крест в горсти!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Цветёт вишнёвый сад,
И майский жук хлопочет,
Уже крепчает хор
Лягушек у реки.
А юная заря
Едва протёрла очи,
И гасит бакенщик
Ночные фонари.
И пахнет от воды
И ряскою, и счастьем;
Неспешным говорком
Пчелиный рой гудёт...
Иду, задев листву
Своей рыбацкой снастью,
Где юности моей
Сокрыт старинный плот.

ПАМЯТЬ

*Моим друзьям,
безвременно ушедшим*

Я снова соберу своих друзей,
Присядем мы за стол, такой знакомый,
И разговор наш будет веселей,
А звон гитары — ровен и негромок.

Мы встретимся в таинственной тени
На грани всем отпущенного срока,
Чтоб снова вспоминать былые дни —
Осколки нашей юности далёкой.

Я снова соберу своих друзей,
Спрошу их не спеша, не слишком строго
О дружбе, что была невзгод сильней,
О верности, проверенной в дороге.

И вспыхнет ночь от песен и речей,
И небо станет звёздней и бездонней,
И лёд в бокале сквозь игру свечей
Растает, как снежинки на ладони.

Мы подведём итоги бытия
И снова дневники перелистаем.
А утром — замолчат мои друзья,
И тени их рассветные растают...

ВСТРЕЧА ПОЭТОВ

Природа человеческих страстей
Шумит листвою чувств неповторимых —
Так ледоход весенний на реке
Даёт надежду новой жизни зримо.

Два странника с мятущейся душой
На перекрёстке встретились случайно.
И строки, словно ветер верховой,
Продолжат путь со смыслом и звучаньем.

Ведь странный дар оставлен им Судьбой
И Провиденьем — грозным и тревожным:
Изведать как свою — чужую боль,
Тревожить словом души осторожно.

Взять серебро луны и тополей,
Медовый аромат ночного лога
И в тонкой сетке утренних лучей
Почуять Смысл: судьбы, любви и Бога.

РУБЕЖ АТАКИ

Спасителям Отечества

Рубеж атаки, жизни рубеж —
Немного дойти осталось...
Несётся в поле смерти кортеж,
Ему не грозит усталость.

Команда комбата! Пришла пора!
Рвёмся в чужие окопы.
Пьянем от боя, хрипим «ура!»,
Шрапнель раздаёт синкопы.

Душа уходит в пятки подчас,
Но глотки мы рвём друг другу.
Сошлись в рукопашной, рубим сплеча
Под страшную нашу ругань.

Штыки и лопатки — всё идёт в ход,
Зубы крошатся до корня,
И грохот разрывов толкает вперёд
Солдата, пропахшего кровью.

Рубеж атаки, жизни рубеж —
Немногим дойти осталось...
И вот — лишь ветер скупых надежд
Да спирта во фляге малость.

ПОТЕРЯННОЕ ОТЕЧЕСТВО

*Сен-Женевьев де Буа.
Русским по духу и по рождению*

Лежит ушедшая Россия,
Над золотом погон — земля.
Надгробий пыльных ностальгия,
Кресты, пронзившие поля...

Ряды имён — как на параде!..
И храм, как старый генерал,
В последний путь Отчизны ради
Свой полк невидимый собрал.

Не вам приветить май счастливый,
Не вам — рождественский мороз,
Не вам — серебряные ивы
И свечи белые берёз...

Вы за Россию ратью встали;
Не повезло — проигран бой...
И вы оставили в печали
Отчизну — с горестной судьбой.

Но отчий край свободы ищет
С печатью веры на челе!
...Прости нас, Русское кладбище
В чужой неласковой земле!..

ИСТОКИ

Мы чувствуем наши истоки,
Пока мы дыханьем полны,
И память потоком глубоким
Уносит нас в древние дни.

Как будто былые былины
Впитала славянская кровь:
Дыхание угров и финнов
И отсветы скифских костров.

И кроной Христовой просторной
Увенчанный висится ствол,
И через глубокие корни
Он в землю родную вошёл.

И что нам упрёки и ропот:
Мол, дики мы, дети орды.
Священным наследьем Европы
Мы нынче по праву горды.

На Западе брошенный светоч
В пыли и презренье угас,
Но древние корни и ветви
Лампаду скрывают — у нас!

ХРОНИКА

БЫТ ЛИТЕРАТОРА, ВОССОЗДАННЫЙ ЛЮБОВНО

**Первые Королёвские чтения прошли в Коломне в октябре 2015 года.
Подросло время вторых, переросших в традицию.**

Имя писателя **Валерия КОРОЛЁВА** привычно слуху людей, неравнодушных к печатному слову. Его произведения стали классикой и образчиком современного «коломенского текста». Проза Королёва, яркая и самобытная, изобилует знакомыми горожанам приметам, места, где происходит действие, легко узнаваемы. Впрочем, и сам писатель стал своеобразным коломенским топонимом: центральная городская библиотека, где прошли вторые Королёвские чтения, почти 21 год носит его имя.

Идея воссоздать в стенах библиотеки мемориальный кабинет писателя, его творческую лабораторию, появилась давно. Она не пропала втуне, и теперь каждый желающий может, виртуально переместившись в прошлое, увидеть и прикоснуться к вещам, которые окружали литератора.

— Вторые открытые Королёвские чтения «Литературные имена XX века» мы провели не просто в виде конференции, а презентовали мемориальную комнату писателя, — рассказала директор городской централизованной библиотечной системы **Елена ПАРАМОНОВА**. — Наши сотрудники собрали богатые материалы: фотографии, картины кисти Василины Королёвой, дочери Валерия Васильевича, книги, рукописи, личные вещи, номер газеты «Грань» с первой авторской публикацией. Самое главное, мы постарались воссоздать интерьер 70–80-х годов прошлого века, времени творческого расцвета писателя. Судя по высокой оценке его родных, это удалось блестяще. Хочу поблагодарить жителей города, подаривших нам мебель для экспозиции, и пригласить горожан окунуться в мир быта и прозы Валерия Королёва.

Галина Валентиновна Самусенко родилась 10 апреля 1958 года в Коломне. В 1980 году окончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Работала инженером ОГЭ Коломенского тепловозостроительного завода, преподавателем курсовой сети Монинского гарнизонного Дома офицеров, техником Коломенского УЭС. В настоящее время работает в «МАП № 2 Автоколонна 1417», филиал ГУП МО «Мострансавто» начальником колонны кондукторов автобусов городского и пригородного сообщения.

Увлекается живописью и изготовлением кукол в технике скульптурного текстиля.

Член Союза писателей России.

РЯБИНОВАЯ ВЕСНА

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Вы слышали? Сегодня первый гром
бродил по крышам.
Дождь принёс в корзине.
Спугнул кошачью банду за углом
и напугал старушку в магазине.

И молнией кому-то погрозил,
но как-то неуверенно, по-детски.
В конце концов он выбился из сил
и завернул, ворча, за дом соседский.
И солнце тут же бросилось сушить
слепым дождём наплаканные лужи.

Однако дождик не умерил прыть —
сильней заныл, заплакал, занедужил —
и спрятал солнце в куче облаков,
а сам, ещё поплакав, был таков.
День погрузнел, всем сразу стало скучно.
Всё, впрочем, кончилось благополучно.

Повеяло вдруг свежим ветерком.
Освободил он пленное светило.
И вскоре все забыли дождь и гром.

И только лужа у ворот грустила.

* * *

Вот уже отцвевает сирень.
Май дождями вливается в лето.
Шапка туч грозовых набекрень
на лесок придорожный надета.

И кокардой на чёрной тулье
сполох молнии золотом блещет.
Май грозой идёт по земле,
искажая привычные вещи.
В грозовой чехарде яркий день
на унылый меняется круто...

Напоследок духмянит сирень...
И до лета осталась минута.

ИЮЛЬСКОЕ ГАДАНИЕ

Сегодня июль ворожил до рассвета.
Как карты, кидал облака,
укутывал ночь ароматами лета
и свежестью ветерка.

А дождик о чём-то шептал мне на ушко,
рассказывал что-то взахлёб.
Тихонько вздыхая, дремала подушка,
белея, как снежный сугроб.

Гадали с июлем всю ночь неустанно.
Он — на облаках, я — меж строк.
И вот на рассвете, письмом долгожданным,
луч солнца скользнул на порог.

* * *

И в августе
черёмуха цветёт.
Такое чудо!
Ведь не весна,
совсем наоборот.

И вдруг...
Откуда
над гроздьё ягод
снежный перемёт?
Каприз природы.

Бывает так —
и женщина цветёт,
Забыв про годы.

Пришла любовь —
и вновь
в душе весна.
Понять не трудно.
Пусть на висках
белеет седина.
На сердце — утро.

ТИХИЙ ВЕЧЕР

Апельсинами рыжими
фонари над дорожкой.
Над покатыми крышами
месяц выставил рожки.
Ребятня самокатная
да влюблённые пары.
Тишина предзакатная.
Лишь тоскует гитара.
Тени серы, расплывчатые.
Шум стихает за речкой.
Вечер кошкою дымчатой
прикорнул на крылечке.
По-кошачьи он ластится.
Отступают заботы.
Ночь усталою странницей
тихо входит в ворота...

МИХАИЛУ АБАКУМОВУ

Над Коломной дожди золотые звенят.
И распахнуто в вечность окно.
Звонкий вечер. Рябиной горит палисад.
Утро солнечным светом полно.

Соловьиная ночь, тишина под луной
и кричащая птицей весна.
Мир, затерянный в гулкой чащобе лесной.
Свет желанный родного окна.

Май дождливый с этюдником, красным зонтом,
густо-синий февраль, Рождество...
Иван-чай на закате пылает костром...
Просто краски? Да нет — волшебство...
Точный взмах лёгкой кисти в умелой руке —
и на крыльях летит ветерок,
и ночные туманы крадутся к реке,
и небесный порядок высок.

Всё в гармонии. Радостно. Мощно. Вольно.
Идеально? Пусть так, не беда.
Лишь бы дольше светило родное окно,
да Россия стояла б всегда.

И пусть северный ветер не раз приносил
чёрных туч грозowych громадьё,
Мастер верил: достанет у Родины сил —
и писал возрожденье её.
Божий мир, солнца свет и к свободе полёт —
всё в созвучье мазка и холста...

Мастер — там, на дороге, что в вечность ведёт.
Здесь — воспетая им Красота.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЛАЖЕЧНИКОВА

**Редколлегия «Коломенского альманаха» учреждает
новый литературный конкурс на соискание
Премии им. И. И. Лажечникова.**

Премия будет вручаться раз в год лучшему автору альманаха, независимо от того, в каком жанре создано произведение. Иван Иванович Лажечников был одарён многими талантами. Он известен и как исторический романист, и как поэт, и как историк-краевед. Поэтому право быть удостоенными нашей награды имеют представители всех направлений.

В жюри входят члены редколлегии альманаха: они не могут претендовать на звание победителя.

Премия вручается только **единожды**.

Желаем успеха всем авторам «Коломенского альманаха»!

В 2016 году премия присуждена Владиславу Леонову за повесть «О войне, о родне, обо мне».

Редколлегия

Николай Артамонов

Николай Михайлович Артамонов родился в Башкирии, в городе Кумертау. В этом городе окончил общеобразовательную и музыкальную школы, горно-механический техникум. Армейскую службу проходил в Крыму, в ансамбле Крымского Краснознамённого пограничного отряда.

После службы в армии работал в родном городе — на Кумертауском авиационном производственном объединении в конструкторском отделе. В 1981 году переехал жить в башкирский город Белорецк.

Стихи пишет с юношеских лет. Печатался в республиканском журнале «Бельские просторы». Выпустил две книги стихов: «Исповедь» и «Грани». Сейчас готовится к печати третья книга. Лауреат литературной премии «Радуга над Агиделью».

Простота и непосредственность — основная черта поэтического языка автора.

НА ТОМ БЕРЕГУ

* * *

Унесётся мгла с рассветом
За просторные поля,
Где весёлым шумным летом
Наполняется земля.

Я проснусь. Я всё увижу —
Как уходит лунный след,
Как седые сосны лижут
Упоительный рассвет,

Как собаки лают резво,
Как в подойник бьёт струя,
И туман по краю леса
Проползает, как змея.

Я берёзе благородной
О погоде пошепчу
И глоток воды холодной
Из колодца проглочу.

Руки в стороны раскину:
— Здравствуй, ранняя зоря!
Здравствуй, чудная долина!
Здравствуй, Родина моя!

* * *

Где-то гармонь заливается звонко:
То засмеётся, а то загрустит.
Как поживаешь, родная сторонка? —
Сердце моё отчего-то болит.

Я соберусь, я смогу, я приеду,
Тихо пройдуся по знакомым местам.
Только найду ли друзей да соседей?
Только придётся ли встретиться нам?

Снег под ногой заскрипит, заискрится,
Ветер споёт немудрёный мотив,
Улица трубами в ночь задымится,
Будто бы что-то внутри утаив.

Кто-то пройдёт, да, увы, не узнает,
Спросит: «Ты что, заблудился, мужик?»
И, повернувшись, домой зашагает,
Пряча усы в меховой воротник.

Лица из окон мне вслед равнодушно
Будут смотреть: «Что ты, мол, потерял?»
И, натянув свою шапку на уши,
Вновь я отправлюсь пешком на вокзал.

* * *

У родительского дома
Всё иначе, по-другому:
Здесь улыбка — веселей,
А печаль-тоска — грустней.
Солнце ярче, снег белее,
Ветерок — и тот свежее,
Задушевней и родней
У родительских дверей.
Всё нежнее, всё милее:
Ночи тише, дни светлее.
Всё иначе, по-другому
У родительского дома.

* * *

Моё детство, далёкое детство,
Ты опять навеваешь мне грусть.
Я, наверно, с тобой по соседству
За околицей поселюсь.

Буду я заходить к тебе в гости,
Из рогатки палить в воробьёв
И кораблики строить, и мостики
Под апрельские трели ручьёв.

Буду снова играть в догонялки,
По мячу что есть мочи лупить,
Убегать по заре на рыбалку
Пескарей в перекатах ловить.

Я вернусь в то далёкое детство,
Где с сестрёнкою буду опять
По звенящему, знойному лету
За коровой на палке скакать.

Будет маятник тикать в подушку
И мурлыкать под мышкою кот,
Отмеряя часы, как осьмушки,
Жизни той, что уже не придёт.

* * *

193

НА ТОМ БЕРЕГУ

Мне на том берегу и светлей, и теплей
В перезвоне смеющейся рощи.
Мне б на тот бережок перебраться скорей,
Да куда-то ушёл перевозчик.

Самому мне преграду не преодолеть:
Глубоко, и течение быстро,
И грохочет гроза, и бурлит круговерть,
Закрывая тот берег лучистый.

Я смотрю на курлычущий клин журавлей —
Опуститесь, возьмите с собою! —
Но они улетают в просторы полей
Умываться прохладной росой.

Я простужен, я гол, я щетиной оброс,
И до крови разбиты колени.
Сильный ветер, прошу: ты меня перебрось
Через эту кипящую пену.

Нет, никто не поможет, и скалы молчат,
Меня в холод и дрожь одевая.
Только глупые чайки над речкой кричат,
Без труда на тот берег летая.

Вот хромой перевозчик. К нему я бегу:
«Где ж ты, милый мой, запропастился?»
Отвечает мне тихо: «Везти не могу,
Потому что мой чёлн прохудился».

* * *

Я куплю голубей.
Голубятню построю, как терем,
И с ладони своей
В облака полетать их пущу.
И, забросив дела,
Снова в счастье большое поверю
И кому-то покаюсь,
А быть может — кого-то прощу.
Вы взлетайте всё выше,
Парите над всей суетою,
Я ведь так же, как вы,
Это небо безумно люблю.
Я ведь так же, как вы,
Для кого-то чего-нибудь стою,
И на свадьбе смеюсь,
И на кладбище слёз не таю.
Пламенеет закат.
Гаснут дня уходящего свечи.
Вы частицу его
Положите себе на крыло:
Ведь так важно всегда
Опереться на чьи-нибудь плечи
И спасибо сказать,
И лететь всем невзгодам назло.

* * *

Вольётся солнце в перепляс капли,
Проталин запестреют острова,
А где вчера мели ещё метели —
Расстелется пушистая трава.

Деревья вспыхнут зеленью — отрада
Протягивать им ветки после сна.
И петухи, горланя серенады,
Напомнят нам, что за окном весна.

Весна, весна! Ты чувства пробуждаешь,
Ты манишь за собою и ведёшь,

Ты с нами, как и в юности, играешь
И песни задушевные поёшь.

Ты осеняешь нас своей улыбкой,
Ты селишься в дыхании души.
Пусть мы порою делаем ошибки —
Они весною тоже хороши!

* * *

Всё ж весна соблазнила погоду,
Расплескала капель по дворам
И беспечным мальчишкам в угоду
Льёт весёлые лужи к ногам.

На пушистую вербную россыпь
Сыплет блеск изумрудных перстней
И свою величавую поступь
Заплетает в колосья огней.

А мальчишки всё меряют лужи,
Отправляя кораблики в путь.
Дух весны — ах, ну как же ты нужен,
Чтобы счастье всей грудью вдохнуть!

* * *

Я, увы, плохой садовник —
Не идут мои дела:
Уколол меня шиповник,
И крапива обожгла.

Я серьёзен и потешен,
Я угрюм и я чужак,
Я и праведник, и грешник,
И смотрю на всё не так.

Голубое вижу в сером,
Слышу, как смеётся лес,
И ловлю Амура стрелы,
Что летят ко мне с небес.

Степь целую, как невесту,
Облакам дарю цветы,
И свой взгляд привычным жестом
Рассыпаю под кусты.

На морозе сладко таю,
Из колодца небо пью,
И куда-то улетаю,
Распевая песнь свою.

И одет я не по моде,
И за всё себя корю.
Я кому-то неугоден —
Будто спятил и дурю.

Я к берёзке и к рябине
Набиваюсь в женихи,
Нежусь в запахе полыни
И пишу свои стихи.

Всё вдохнуть пытаюсь грудью
И молю: была бы честь,
Ну, простите меня, люди,
Если в чём неправда есть!

* * *

Два лебедя летают над водой,
Как две души, покинувшие клетку,
Как две судьбы, расставшись с суетой,
Спешат успеть на зов далёких предков.

Их тень скользит по голубым волнам,
Густой упругий воздух крылья режут,
И лишь догадки остаются нам —
Куда они свой путь нелёгкий держат?

За ними не угнаться, не узнать,
Что там вдали и чья там воля правит.
Вот если б крылья у кого-то взять
Да унести, куда душа поманит.

Прохладой ветра опоясать грудь —
Ведь рано ещё в тихие покои.
Потом уж, помолвившись, отдохнуть
Под скромною плакучею ветлою.

* * *

Далёкая слышится песня,
Касаются клавиши нот.
Про маленький скромный крестик
Нам девушка что-то поёт.

Аккорды минором вздыхают,
Басы устремляются вдаль,
И кто там поёт, я не знаю,
Но слышу — на сердце печаль.

Я слышу, что голос тот тонкий
О чём-то ушедшем грустит —
Совсем на другую девчонку
Любимый, желанный глядит.

А может быть — вспомнила детство,
Где аист гнездо своё вил,
И мальчика, что по-соседски
Ей спелые вишни носил.

Летит, разливается песня
Над лунною гладью пруда,
И кажется, что с поднебесья
Все звёзды спустились сюда.

Душе моей стало так тесно,
Её мне никак не унять —
Ведь эту волшебную песню
Я буду всю ночь вспоминать.

* * *

Ты можешь не простить всё то, что не по нраву,
Что я порой не тот и делаю не так.
Ты можешь не простить по совести и праву,
Что я из года в год по-прежнему протак.

Ты можешь не простить, что я неидеальный,
Что я порой хмельной, что я табак курю.
Ты можешь не простить, что иногда печальный
И не на ту с тобою тему говорю.

Ты можешь не простить нечаянных ошибок,
Несдержанности слов, желанья добрым быть,
Но золотую нить объятий и улыбок,
Мою к тебе любовь — не можешь не простить.

* * *

По тропе бегу — не споткнуться бы,
Впереди шумят вязы да дубы
И спросить меня всё пытаются:
«Ты куда спешишь? Аль покаяться?»

Что же, кайся нам, есть здесь Божий свет,
В наших он ветвях, хоть и храма нет.
Хочешь — в прозу слог, хочешь — и в стихи:
Здесь не тот порог, чтоб копить грехи.
Ты шагай смелей в наш парадный вход,
С куполами сшит крепко небосвод.
Будет всё тебе, как у алтаря, —
В сто свечей горит алая заря!»
Но споткнулся я на своём пути —
Не попал на гать, не сумел дойти.
Веткой не помог мне ни дуб, ни вяз,
И в болоте я, как в грехах, увяз.

* * *

Пишите письма матерям
И приезжайте чаще в гости.
Всё отложите, всё забросьте, —
Они так рады будут вам.

Коль виноваты вы чуть-чуть,
Они простят вас, без сомненья.
Вы дайте им к себе прильнуть,
Чтоб попросить у них прощенья.

Как мало надо им от вас —
Немного доброго вниманья,
Да торопливый ваш рассказ
Дослушать с чутким пониманьем.

В глаза взглянуть — года, года
Летят... Но что же с ними делать?
Настанет время — и тогда
Вам будет некуда приехать.

Пишите письма матерям
И приезжайте в гости чаще.
Они так рады будут вам,
Они так рады будут счастьем.

* * *

Не придумали диету,
Чтобы сбросить вес годов.
За зимой шагает лето
Под ритмичный стук подков.

И листаются страницы
Всё быстрее и быстрее,
Ну, а жизнь ещё клубится
В жёлтом свете фонарей.

И смеётся, и сердает —
Ведь она всегда в пути.
На вопросы отвечает:
Как нам, с кем, куда идти?

Поднимает нас с постели,
Колокольчиком звенит
И своею канителью
Всё кружит, кружит, кружит.

Душу светом наполняет,
Песни новые поёт
И оценки выставляет,
И уроки задаёт.

Не придумали диету,
Чтобы сбросить вес годов.
Ну, так что ж, забудем это —
Лишь бы дух наш был здоров!

* * *

Я спешу, спешу к тебе навстречу
И надежды тоненькой не рву.
Я приду, приду к тебе под вечер,
Если дотяну и доживу.

Мы с тобою убежим от края
И умчимся в розовую грусть,
И любви рапсодию сыграем,
Если я до клавиш дотянусь.

Улетим под крылья поднебесья,
Заплетёмся в тонкую канву,
Насладимся звонами полей,
Если это всё переживу.

Землю я потрогаю руками
И ручья лесного бахрому,
И рябину ту, что рядом с нами,
Как сестру родную обниму.

Всё, как обруч, снова к нам вернётся,
Всё нырнёт в зелёную траву,
И душа уснувшая проснётся,
Если я, конечно, доживу.

* * *

Мысли, как нитки, порву на кусочки,
Выстрою столбиком скромные строчки,
Солнечный лучик в ладони поймаю,
Вместе со снегом весенним растаю.
Белым туманом окутаю горы,
Тёплым дождём упаду на просторы,
Радужным светом в полях поиграю,
Ветром промчусь, облака разгоняя.
Мёдом прольюсь на леса голубые,
Взглядом зажгу купола золотые,
Душу взахлёб напою небом синим
И растворю своё сердце в России.

ХРОНИКА

АЛЛЕЯ «КОЛОМЕНСКОГО АЛЬМАНАХА»

На просторных площадках парка Мира стало традицией проводить летом в конце месяца поэтические вечера.

...Шум прохладных струй фонтана сливается с шёпотом предосенней, зелёной ещё листвы. Возвращаясь с работы, жители Коломны, радуясь хорошей погоде, не спеша проходят по аллеям своего любимого парка. Малыши бегут к ярким аттракционам, а более старшие спешат на звуки музыки.

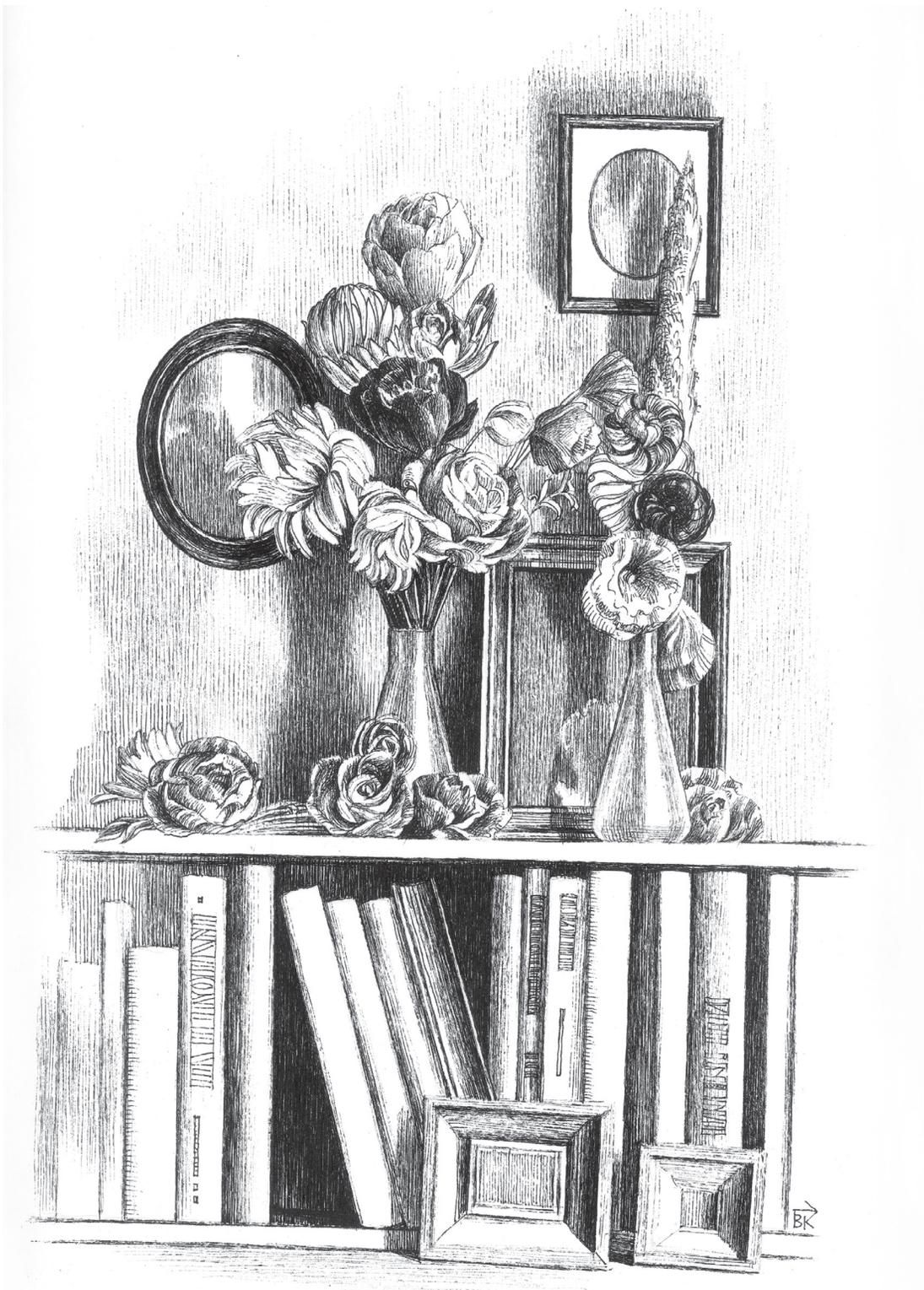
На одной из площадок выступают коломенские певцы. Прекрасно поёт Юлия Панская, библиотекарь пединститута: закроешь глаза — кажется, что ты попал в оперный зал.

Коломенские поэты читают свои стихи. Михаил Прохоров — молодой, а произведения вполне зрелые. Имя Романа Славацкого хорошо известно читающей публике. Алевтина Бондаренко — из старшего поколения, школы Александра Фёдоровича Кирсанова. Свои стихи читает и редактор «Коломенского альманаха» Виктор Семёнович Мельников. А член редколлегии этого издания Татьяна Башкирова посвятила своё небольшое выступление детям. Они — самые благодарные слушатели на этой площадке.

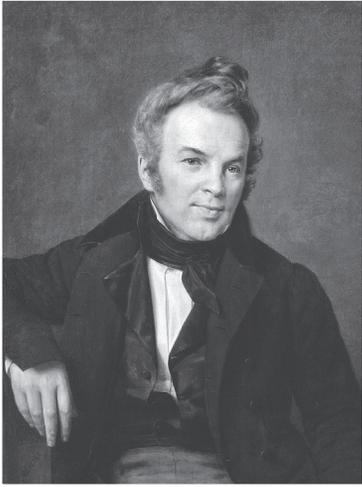

Писатель
о писателе

Графика Василины Королёвой

Иван Иванович Лажечников родился в Коломне в 1790 году.

Во многих произведениях он обращается к Коломне. Здесь воспитывался главный герой «Последнего Новика». Упоминается Коломна и в «Ледяном доме», и в «Басурмане». Живой образ города возникает и в других его (особенно автобиографических) произведениях.

Коломенцы хранят память о земляке; его именем названа первая общественная библиотека, основанная в 1899 году, и одна из улиц Коломенского кремля; отреставрирован дом, где жил писатель.

Публикуемые в этом номере мемуары Лажечникова о Белинском несут в себе ценный фактический материал, проливая свет на годы учения и московский период жизни критика, на его отношения с семейством Бакуниных, фамилию которых Лажечников не назвал, но изображению которых уделено значительное место в очерке.

Скончался И. И. Лажечников в 1869 году, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Воспоминания

ЗАМЕТКИ ДЛЯ БИОГРАФИИ БЕЛИНСКОГО

Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Посвящая несколько страниц памяти одного из самых замечательных деятелей в нашей литературе, я должен оговориться, почему в длинном вступлении к моей статье я говорю о многом, что попало мне в цепи моих воспоминаний, и почти ничего о Белинском. Причина этому следующая: статья эта извлечена из моих памятных записок, и в каком виде в них находилась, в таком её представляю, исключая дополнения, необходимо требовавшие себе места в ней, когда я её переписывал, и неминуемые обрезки, которые по многим причинам не могут ещё увидеть свет (например, описание состояния Казанского университета в 1820–25 годах). Я пожалел исключить длинное вступление, потому что оно обрисовывает время, когда ум и сердце Белинского начало тревожить всё, что он видел, слышал и читал. Это время было оселком для врождённого критического такта его, развившегося впоследствии так художественно.

I.

В конце 1820 года был я определён директором училищ Пензенской губернии.

Я приехал в Пензу поздно вечером и остановился на постоялом дворе. Же-

лая застать училище без приготовления, я никому не дал знать о своём приезде. Хозяин двора не понимал даже, что такое за лицо директор училищ. Обыкновенно, как въезжает в заставу вновь определённая власть, управляющая или ревизирующая, например, председатель какой-нибудь палаты, обер-форштмейстер (я разумею тогдашних, которые в два, три года никакими себе большие состояния, находя готовыеклады, не охраняемые никакими духами, в лесах, преимущественно корабельных), чиновник особых поручений из Петербурга, не говорю уж о губернаторе, — когда въезжает в заставу такая власть, даже за несколько станций от города, уже в городе чутьём слышат персону. Всё там, от мала до велика, приходит тогда в неописанное волнение, как бы в муравейник ткнули палкой. Немудрено: с этими властями связаны жители видимыми и невидимыми нитями интереса. Но начальник училищ чужд этих интересов. В нём не имеют нужды ни полиция, ни откупщик, ни тяжущиеся за твоё и моё, ни подсудимые, ни даже члены общества, играющие по большой. А в провинции и эта последняя несостоятельность шибко роняет человека! Кому до него дело, кроме бедных учителей, да разве двух-трёх чадолюбивых родителей из числа сотен, отдающих своё детище на выучку в училище...¹

Спустясь на более низшую ступень, расскажу ещё один случай, приблизительно выражающий почёт, каким пользовались тогда *наставники юношества*. Извините, и тут не минуя отступлений.

В 1822 г. возвращался я в Пензу из Саратовской губернии, куда послан был визитатором тамошних училищ. В голове и сердце моём толпились ещё свежие, отрадные воспоминания о Сарепте и вообще о колониях тамошнего края, попадавших мне на пути. Везде видел я поля, прекрасно обработанные, леса, не только сбережённые, но и выхоленные, опрятность в домах, храмы Божии и училища в каждой колонии, грамотность, ремесленность, сильно развитую, трудолюбие, строгую нравственность в семействах. Едешь на почтовых, сейчас угадаешь, кто тебя везёт, колонист или русский мужичок. У первого лошади сыты и сбережены, сбруя на них кожаная, хорошо смазана; сам возчик в чистом, крепком кафтане, едет доброй, законной рысью, которую не прибавит ни за угрозы, ни за деньги. У другого лошади сбиты, иногда в язвах, по которым, он, для поощрения своего живота, а иногда для собственной потехи, метко бьёт кнутом; сбруя в узлах; иногда он едет так тихо, как будто ждёт русского словца с подзатыльником, или за водку готов уморить лошадей. В колониях на праздник слышны духовные песни, стариков и молодых застаёшь за чтением священных книг, на вечеринках соблюдается приличие; девушка зарделась бы от стыда, если бы повеса осмелился сказать при ней непристойное слово, да и отец и родственники явились бы перед судом пастора грозными обличителями в оскорблении её стыдливости. Что ж видел я в наших русских деревнях? Курные избы, в них свиньи и бараны сбивают вас с ног, нечистота, грязь, рядом с иконами безобразные картинки с Спасского моста, всё это облепленное тараканами, загаженное мухами; перед избой тощая хворостина под именем берёзки, посаженная по приказанию. Во время богослужения в церкви бабы, сидя на паперти, *гуторят* про житейское, если ещё не бранятся; что ни речь между мужика-

¹ Здесь автором выпущено несколько строк.

ми, то сквернословие, которого не услышишь ни у какого народа, в избе валяются кое-как вместе и женатая чета, и девки, и малолетки, не думая ограждать чувство стыдливости хоть холщовым пологом. Хороводы дико горланят до полуночи, парни с девками обнимаются при всех; приезжего на сельский праздник городского молодца девки, увидевшие его в первый раз, зазывают на тайное свидание, свекровь за деньги сама приведёт свою невестку, племянник и вместе крёстный сын проучивает кулаками *по рылу* своего дядю, бывшего воспитанником его от святой купели... Правда, ныне в богатых великорусских оброчных и казённых селениях, особенно в губерниях, близких к столицам, стали чище и даже богаче одеваться. В праздники на улицах увидите много женщин в малиновых штофных *обжимцах*, с куньими под соболь воротниками, и *корсетках*, в кринолинах своего рода, в башмаках и серых тонких чулках с красными стрелками (а женская щеголеватая обувь есть уже признак цивилизации), мужчин в нанковых или суконных полушубках, обшитых котиками, в плисовых шароварах и козловых сапогах. На окошках стоят самовары, песни в хороводах поются более нежными голосами. Но в избах та же нечистота, нравственность едва ли не прежней ступени. Спросите у любого крестьянина или крестьянки, знают ли они заповеди Божии, понимают ли они молитвы, если и выучили какую молитву; знает ли большая часть из них другой грех, кроме нарушения поста. Не говорю о белорусах². Перед нами великорус и малорус смотрят барином. Зато кем не загнан был белорусский мужичок? и войной, и арендаторами, и жидами, и всем, кто его окружает. Он ест обыкновенно хлеб, который великорусский крестьянин, тем менее малорус, не станет ни за что есть, разве в величайший голод (кроме псковитян, на границе Витебской, перенявших эту скудную яству от своих соседей). Это какая-то смесь из одной трети муки и двух третей мякины, род кирпича, которым в степи топят избы. Один помещик, говоря со мною об этом предмете, весьма наивно уверял меня, что если дадут белорусу хлеб, вкушаемый другою породю людей, он будет болен. Это напомнило мне французов, взятых в плен в зиму 1812 г.; привыкшие питаться палюю кониною, они вскоре умирали, как только их насыщали здоровою пищею. В Белоруссии многие владельцы прямо с полей свозят крестьянский хлеб к себе на гумно, будто бы для того, чтобы он не был пропит в корчмах (между тем, заботятся об устройстве в своих имениях таких увеселительных домов), а потом выдают в месячину вышеречённую смесь. Поверите ли, что один чиновник, ездивший по делам службы в ближайший от Витебска уезд, среди 600 душ одного помещика не нашёл куса чистого русского хлеба, чтоб утолить свой голод. Бывши несколько раз по должности моей в рекрутском присутствии, я видел, с каким удовольствием поставляемый в рекруты слышал над собою отрядный возглас: «Лоб!» Он чуял уже в солдатской артели запах чистого

² В № 3 «Русского Вестника» нынешнего года в статье «Помещики и крестьяне» П. Э. весьма верно списан быт белорусских крестьян. Надо прибавить, что те крестьяне Витебской губернии, которые живут в большом довольстве, великорусские переселенцы, засевшие на границах Лифляндии и Курляндии. И крестьяне в этом углу более довольны помещиками, и помещики более довольны крестьянами. Хозяйство тут стройнее и гуманнее. Довольство обоюдное.

русского хлеба. Белорусские крестьяне не считают великим бедствием холеру в сравнении с другим, постоянно их сокрушающим — голодом. Я замечал во время пути моего через Белоруссию, что даже собаки в деревнях не лают на проезжих, а, увидав экипаж или холщовую еврейскую фуру, бегут под заворотню. Аминь. Будем надеяться, что, с благотворным изменением общественного быта наших крестьян, примутся деятельные меры и к нравственно-религиозному их воспитанию. Об этом воспитании писал я ещё в 1837 году к Пушкину по случаю его замечания в письме ко мне, будто «тиранское управление Бирона было в духе его времени и во нравах народа». Натура русского человека не хуже других народов. Известны его сметливость, отвага, твёрдость. В нынешнем году я имел случай убедиться, как животворно действуют на крестьян внушения доброго и умного пастыря. С какою жадностью грамотные из них выпрашивали у меня *книжечки* почитать! Не вина этой натуры, если она окружена была враждующими с нею обстоятельствами, от которых осталась в загрубелом состоянии. Зачем же клеветать на неё? Почва недурна, только она была долго и долго в залежи и заросла разными плевелами. Расчистите её, дайте свободным струям воздуха обдуть её, лучу света проникнуть в её пласты, бросьте в неё добрые семена, и вы увидите, какую благодарною жатвою она покроется. Скоро ли это сделается, как знать; но мы благословляем судьбу, что дожили до того времени, когда могучая и благодетельная рука взялась уже за плуг... Да подаст Господь Царственному деятелю силы, долгие и славные дни на совершение им начатого!

В одной из колоний остановился я для перемены лошадей. Это было в понедельник, на первой неделе великого поста. В одно время со мною приехала туда же одна помещица. Мы вошли в большую, светлую, опрятную комнату. К одной стороне стан с основой серпанки, к другой — шкаф с сияющей посудой; за перегородкой виднелась кровать с чисто прибранною постелью и занавесками. Из внутренней стенки выдвинулась невысокая, в уровень человека печь со вделанным в неё котлом, дном вверх, на котором молодая женщина, весьма опрятно одетая, готовила пшеничные блины (печь у колонистов топится из сеней, так что в жиле нет ни угару, ни дыму). Молодица приветствовала нас с добрым днём и потом предложила моей временной спутнице блинков её изделия со свежим сливочным маслом. Помещица, поблагодарив её, сказала, что теперь грех есть скоромное, потому что у нас пост. На это молодичка отвчала текстом из св. писания.

В доме не было видно никакого зрителя; лошадей запрягли в несколько минут.

На другой день, то есть во вторник на первой неделе великого поста, ожидала меня другая картина; я приехал на русскую станцию. Станционный дом был двухэтажный. На ступенях лестницыросло грязи на вершок, паутина окружала вас со всех сторон. В комнате зрителя та же нечистота. Стёкла с оранжевыми и фиолетовыми отливами и струями сырости, по запёкшейся на них пыли свидетельствовали, что они несколько лет немыты; на столе, среди лужи вина, стоял опорожненный штоф. На лавке лежала в безобразном виде пьяная жена зрителя, ещё молодая женщина, с распущенною, длинною косою, сметавшей пыль при малейшем её движении. Зритель был тоже порядком нагружен. Съжившись,

с подбобстрастием принял он от меня подорожную, но лишь только блуждающими глазами поймал в ней начало слова: «училищ», как вырос целою головою. Гневно и презрительно взглянул на меня, повелительно вытянул свою могучую жилистую руку, будто превратился в трагического героя и хотел сказать: *Qu' il mourut* (на станции)!» — и закричал хриплым, гробовым голосом: «Учитель? — Не давать ему лошадей!»

Едва ли не подобный почёт, только проявлявшийся не так гласно и в более мягких формах, приходился на долю тогдашних наставников юношества и от трезвых, более развитых членов общества. Бедность учителей, особенно уездных, оттого отчуждение их от этого общества, оттого дикость и странности их характера, иногда уклонения от порядочной жизни, оттого ещё большее разбегание с обществом — вот причины и последствия того состояния, в каком находились в моё время наставники юношества. В каком состоянии они и теперь, можете видеть из художественного описания членов уездного училища в I части «Тысячи душ» Писемского.

Но возвратимся к осмотру пензенских училищ.

В гимназию пришёл я в 10 часов утра. Ещё в передней послышались мне дикие голоса и между ними крики: ура! Только что я хотел войти в классную комнату, как перед моим носом распахнулась дверь; ватага гимназистов хлынула через неё и едва не сшибла меня с ног. Школьники несли на руках учителя русской словесности, в каком положении — можете догадаться. «Что это вы делаете?» — спросил я их. «Мыши кота погребают», — отвечали они. Какие меры ни употреблял я, чтобы привести этого господина на правый путь, а по своим способностям он это заслуживал — поселил его подле себя, пригласил разделять со мною хлеб-соль, старался ввести в свой кружок — ничто не помогло. Бывало, чем свет, накинет на себя свой дырявый ситцевый халат и в туфлях на босую ногу бежит к струям российской отуманивающей иппокрены и потом заедает их солёными огурцами. В других классах ни одного учителя, ни одного ученика.

В уездном училище, при моём посещении, тоже ни одного учителя. Был класс русской истории. Преподаватель её, задав на выучку, слово в слово, целого удельного князя и отметив в книге задачу, ушёл куда-то по своим домашним надобностям. Учеников застал я в самом разгаре гимнастических упражнений, так что в комнате стояла пыль столбом.

На место кота, которого погребали мыши, поступил школяр и педант в высшей степени. Он твёрдо зазубрил всевозможные риторические, русские и латинские, и даже вздумал было преподавать одну из них по иезуитскому руководству Лежая. Большею частью забивал он учеников хитрыми упражнениями на фигурах и тропах, как будто учил выделывать из слов разные фокусы. Разумеется, по-тогдашнему он учил и изобретать по известным вопросам: кто, что и т.д. Белинский был долго под ферулой его, как учителя русской словесности и исправлявшего некоторое время, по старшинству, должность директора училищ, но, с врождённой ему энергией, не поддался ей. Вероятно, что с того времени риторика ему и опротивела. Преподавателей других предметов или не было, или были они вроде кота и ратора. Не говорю уж о жалких учителях французского и немецкого языков того времени.

Да из кого ж было набрать их?.. Помнится, вскоре после моего прибытия в Пензу, вышло постановление, чтобы желающие поступить в домашние учителя иностранных языков были экзаменуемы в гимназиях. Каких претендентов не являлось на эту должность: и солдаты великой наполеоновской армии, оставшиеся в России после 12-го года, и красильщики, ткачи, не находившие у нас работы рукам своим! Бывало, напишут ко мне на своём родном языке просительное письмо о желании их держать экзамен, а я на этом же письме, в каких-нибудь десяти строчках, подчеркну до двадцати грубых ошибок против грамматики и, без всяких дальнейших объяснений, отошлю письмо назад к просителю. Тем нередко и кончался экзамен. Один из этих господ, бывший лионский красильщик, которому я таким образом забрил затылок, увидав меня лет через восемь в Москве, с бесстыдством сказал мне: «О! я теперь хорошо знаю грамматику: вы бы теперь меня не узнали!» То есть он, уча детей, на помещичьи деньги сам учился и практиковался. Из этой-то когорты передовые люди определялись в учителя гимназии.

В скором, однако ж, времени поступило в неё несколько более образованных и надёжных учителей из воспитанников университета. Между ними был один, М. М. П — в, настоящий клад для гимназии. С любовью к науке, особенно к литературе, с светлым умом и основательным образованием, он соединял тёплое сердце и душу поэтическую. Я приобрёл его дружбу³. Ученики любили его и никого не слушали с таким удовольствием и пользой. Счастлив был Белинский, что попал в его школу; под тёплым крылом его он развил в себе любовь к литературе и ко всему прекрасному.

Удивительно ли, что я застал почти за 40 лет назад пензенскую гимназию в таком состоянии, когда я, 12 лет позднее, нашёл одну из гимназий московского учебного округа, именно тверскую, едва ли в лучшем. Учителя беспрестанно занимались в ней сутяжничеством и доносами друг на друга, вмешательством в самую мелкую экономию заведения. Поверят ли теперь, что один из них, вскоре после моего определения в директоры, подал мне рапорт с приложением клочков бумаги, найденных им в каком-то секретном месте, о котором приличие не дозволяет говорить? В этом донесении изъяснял он, что подозревает в бумажных лоскутках экономические счёты гимназии, и потому, как верный подданный, радея о казённом интересе, просит строжайше исследовать дело... Был учитель старичок, настоящий заплесневший сухарь по наружности и по познаниям, который всегда, по выбытии из гимназии кого-либо из учителей — выходил ли преподаватель естественной истории, так называемой политической латыни, французского языка и прочее и прочее — сейчас предлагал себя для замещения его, разумеется, с прибавочным жалованьем. По его мнению, чтобы быть преподавателем, стоило только взять любое руководство, задавать из него уроки, отмечать их карандашом, или, что дешевле, ногтем, спрашивать эти уроки слово в слово или возлагать эту обязанность на старших учеников, за незнание ставить детей на коле-

³ Не знаю, как благодарить моего почтенного друга за драгоценные сведения, доставленные им о Белинском: я извлёк из письма его только то, что приходилось по рамке моей статьи и мною заданной задачи, в оглавлении её оставя в стороне всё, что касалось того критического разбора, который не входил в мою программу.

ни, а иногда попросту высечь их — и вот вам готов учитель. Был учитель латыни, тоже вроде кота, который, по выходе из гимназии, не нашёл для себя лучшей карьеры, как сельского заседателя, и впоследствии из этой должности порывался на прежнюю. Был преподаватель из наполеоновских тамбурмажоров, который пять дней в неделю чадолюбиво откармливал на своей ферме индеек и поросят, или шнырял в присутственных местах по своим и соседским тяжёлым делам, а два дня, на скорую руку, упитывал чужих детей задачами из французских диалогов и грамматики, чтобы скорее возвратиться к своим четвероногим и двуногим пенатам, или к весам Фемиды. И так далее, и так далее.

Каково было мне возиться с этими господами, особенно с теми, которые имели сватов, кумов и покровителей в Москве!.. Виноват перед латинской поговоркой — покойников добром помянуть нечем.

Но и здесь (не всё ж говорить о подвигах высоких особ; почему ж и не почтить память бедного труженика учителя? достойно нести 25 лет, да ещё на одном месте, эту должность, нелёгкий подвиг — стоит 25 лет походов!) долгом почитаю оговорить, что полезнейшим, образованнейшим из членов гимназии, украшением её был, в моё время и долго-долго после меня, учитель математики Будревич, товарищ Мицкевича и Ковалевского⁴ по Виленскому университету.

Можно сказать, что благодатной эрой обновления гимназий московского учебного округа было то время, когда дирекция их перешла из-под заведывания советов и правлений университета в непосредственное управление попечителей или, лучше сказать, со времени попечителя графа С. Г. Строганова. Сильною, незыблущею рукою выкинул он из этих заведений всю ветошь и гниль и заменил их свежими, разумными силами из московского университета. Многие сделал он для университета, многое совершил и для гимназий. С благодарностью отметит потомство имя этого государственного человека, обновителя московского учебного округа.

II.

В 1823 году ревизовал я чембарское училище. Новый дом был только что для него построен. (В этом ли доме или во вновь построенном после бывшего пожара, не знаю хорошо, жил несколько времени император Николай Павлович по случаю болезни своей от падения из экипажа на пути близ Чембара). Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною между прочими учениками мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла моё внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он, между тем, на лицо казался старее, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьёзно. Таким вообразил бы я себе учёного доктора между поздней-

⁴ Ковалевский, ныне столь известный ориенталист, прибыл с двумя новыми товарищами в казанский университет во время четырёхмесячного исправления мною в нём должности инспектора студентов. Всегда светлела душа моя, когда я по служебным обязанностям сближался с этою прекрасною, благородною личностью.

шими нашими потомками, когда, по предсказаниям науки, измельчает род человеческий. На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казённом руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книжке (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью, как будто он видел в этом торжестве собственное своё. Я спросил его, кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря», — сказал он мне. Я поцеловал Белинского в лоб, с душевною теплотой приветствовал его, тут же потребовал из продажной библиотеки какую-то книжонку, на заглавном листе которой подписал: «Виссариону Белинскому за прекрасные успехи в учении» (или что-то подобное) от такого-то, тогда-то. Мальчик принял от меня книгу без особенного радостного увлечения, как должную себе дань, без низких поклонов, которым учат бедняков с малолетства. Чембар — маленький уездный городок, не лучше посредственного села. Местоположение его и окрестностей довольно живописны.

Как говорил мне смотритель, Белинский гулял часто один, не был общителен с товарищами по училищу, не вмешивался в их игры и находил особенное удовольствие за книжками, которые доставал, где только мог. Отец его, уроженец Польши или западных губерний, был очень беден и неизвестен дальше своего околотка⁵. Сын его Виссарион родился в наших степях, в нашей вере, и был вполне русским. Общество, которое дитя встречало у отца, были городские чиновники, большею частью члены полиции, с которыми уездный лекарь имел дело по своей должности (от которой ничего не наживал). Общество это видел он нараспашку, часто за ерофеичем и пуншем, слышал речи, враждавшие более всего около частных интересов, приправленные цинизмом взяточничества и мерзких гласности, видел воочию неправду и черноту, незамаскированные боязнью гласности, незакрашенные лоском образованности, видел и купленное за ведёрку крестное целование понятых и свидетельствование разного рода побоев и пр. и пр... Душа его, в которую пала с малолетства искра Божия, не могла не возмущаться при слушании этих речей, при виде разного рода отвратительных сцен. С ранних лет накопилась в ней ненависть к обскурантизму, ко всякой неправде, ко всему ложному, в чём бы они ни проявлялись, в обществе или в литературе. Оттого-то его убеждения перешли в его плоть и кровь, слились с его жизнью. Только с жизнью он и покинул их. Прибавьте к безотрадному зрелищу гнилого общества,

⁵ Семейство его, сколько я знаю, состояло из трёх сыновей и одной дочери. Некоторые члены из этого семейства были живы не так давно. Один из братьев его в 1857 году служил корректором во 2-м отделе Е. В. канцелярии; сестра его Александра замужем за штатным смотрителем Нижнеломовских училищ Кузьминым.

которое окружало его в малолетстве, домашнее горе, бедность, нужды, вечно его преследовавшие, вечную борьбу с ними, и вы поймёте, отчего произведения его иногда переполнялись желчью, отчего, в откровенной беседе с ним, из наболевшей груди его вырывались грознообличительные речи, которые, казалось, душили его. Он действовал на общество и литературу, как врач на больного, у которого прижигает и вырезывает язвы: можно ли сказать, что этот врач не любит человечество?.. Менее страстная и энергичская натура уступила бы обстоятельствам и не совершила бы того, что он совершил в такую короткую жизнь.

По случаю перевода моего в Казань я потерял было Белинского из виду. Знал я только, что он перешёл в пензенскую гимназию в августе 1825 года (из просьбы отца его начальству гимназии о приёме его в это учебное заведение видно, что ему было тогда 14 лет). По сведениям, почерпнутым из гимназических ведомостей, видно, что Белинскому в 3-м классе отмечено: из алгебры и геометрии 2, из истории, статистики и географии 4, из латинского языка 2, из естественной истории 4, из русской словесности и славянского языка 4, во французском и немецком языках отмечен, что не учился⁶. В январе 1829 года в ведомостях показано, что за нехождение в класс не рекомендуется, а в феврале вычеркнут из списков и рукою директора означено: «За нехождение в класс». Что ж можно вывести из всех этих отметок? Что он был нерадив к учению? Мы могли бы указать на примеры некоторых великих писателей, в том числе нашего Пушкина, которые не считались в школе отличными учениками. Но мы найдём объяснение официальной аттестации Белинского в следующем интересном свидетельстве любимого, уважаемого им учителя о любимом своём ученике.

211

«В гимназии, по возрасту и возмужалости, он во всех классах был старше многих сотоварищей. Наружность его мало изменилась впоследствии: он и тогда был неуклюж, угловат в движениях. Неправильные черты лица его между хорошенькими личиками других детей казались суровыми и старыми. На вакации он ездил в Чембар, но не помню, чтобы отец его приезжал к нему в Пензу, не помню, чтобы кто-нибудь принимал в нём участие. Он, видимо, был без женского призора, носил платье кое-какое, иногда с непочиненными прорехами. Другой на его месте смотрел бы жалким, заброшенным мальчиком, а у него взгляд и поступки были смелые, как бы говорившие, что он не нуждается ни в чьей помощи, ни в чьём покровительстве. Таков он был и после, таким и пошёл в могилу.

...Впрочем, зачем перечислять учителей? Некоторые из них были учёные люди, с познаниями, да ум-то Белинского мало выносил познаний из школьного учения. К математике он не чувствовал никакой склонности, иностранные языки, география, грамматика и всё, что передавалось по системе заучиванья, не шли ему в голову⁷, он не был отличным учеником и в одном, котором-то, классе просидел два года.

⁶ Высший балл в то время был — 4.

⁷ Из того, что он составил русскую грамматику, бывши ещё в гимназии, можно заключить, что Белинский ни одним учебником по этому предмету не удовлетворялся: учась, он не подчинялся авторитетам, соображал, делал свои выводы; и там он был уж критик.

Надобно, однако ж, сказать, что Белинский, несмотря на малые успехи в науках и языках, не считался плохим мальчиком. Многое мимоходом западало в его крепкую память, многое он понимал сам, своим пылким умом; ещё больше в нём набиралось сведений из книг, которые он читал вне гимназии. Бывало, поэкзаменуйте его, как обыкновенно экзаменуют детей — он из последних, а поговорите с ним дома, по-дружески, даже о точных науках, — он первый ученик. Учителя словесности были не совсем довольны его успехами, но сказывали, что он лучше всех товарищей своих писал сочинения на заданные темы.

Во время бытности Белинского в пензенской гимназии преподавал я естественную историю, которая начиналась уже в 3-м классе (Тогдашний курс гимназический состоял из четырёх классов). Поэтому он учился у меня только в двух высших классах. Но я знал его с первых, потому что он дружен был с соучеником своим, моим родным племянником, и иногда бывал в нашем доме. Он брал у меня книги и журналы, пересказывал мне прочитанное, судил и рядил обо всём, задавал мне вопрос за вопросом. Скоро я полюбил его. По летам и тогдашним отношениям нашим он был неравный мне, но не помню, чтоб в Пензе с кем-нибудь другим я так душевно разговаривал, как с ним, о науках и литературе.

Домашние беседы наши продолжались и после того, как Белинский поступил в высшие классы гимназии. Дома мы толковали о словесности: в гимназии он, с другими учениками, слушал у меня естественную историю. Но в казанском университете я шёл по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себе, что иногда происходило в классе естественной истории, где перед страстным, ещё молодым в то время, учителем сидел такой же страстный к словесности ученик. Разумеется, начинал я с зоологии, ботаники или ориктогнозии и старался держаться этого берега, но с середины, а случалось и с начала лекции, от меня ли, от Белинского ли, Бог знает, только естественные науки превращались у нас в теорию или историю литературы. От Бюффона-натуралиста я переходил к Бюффону-писателю, от Гумбольтовой географии растений к его «Картинам природы», от них — к поэзии разных стран, потом — к целому миру, к сочинениям Тацита и Шекспира, к поэзии в сочинениях Шиллера и Жуковского... А гербаризации? Бывало, когда отправлюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдём до засеки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рекой Пензой, Белинский пристаёт ко мне с вопросами о Гёте, Вальтере Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всём, что волновало в то доброе время наши молодые сердца.

Тогда Белинский, по летам своим, ещё не мог отрешиться от обаяния первых пушкинских поэм и мелких стихов. Неприветно встретил он сцену: «Келья в Чудовом монастыре». Он и в то время нескоро поддавался на чужое мнение. Когда я объяснил ему высокую прелесть в простоте, поворот к самобытности и возрастание таланта Пушкина, он качал головой, отмалчивался или говорил: «Дайте, подумаю; ещё прочту». Если же с чем он соглашался, то, бывало, отвечал с страшной уверенностью: «Совершенно справедливо!»

Журналистика наша в двадцатых годах выходила из детства. Полевой передавал по «Телеграфу» идеи запада, всё, что являлось там нового

в области философии, истории, литературы и критики. Надоумко смотрел исподлобья, но глубже Полевого, и знакомил русских с германской философией. Оба они снимали маски со старых и новых наших писателей и приучали судить о них, не покоряясь авторитетам. Белинский читал с жадностью тогдашние журналы и всасывал в себя дух Полевого и Надеждина.

Он уехал в Москву в августе 1829 г.»

Это свидетельство неофициальное, не требует комментариев. Скажу только, что в школе любимого своего учителя гениальная натура Белинского начала своё настоящее образование; здесь была его гимназия.

В 1829 г. жил я в Москве. В этот и следующий год являлись ко мне молодые люди, исчерпавшие глубину премудрости пензенской гимназии и переходившие в московский университет, который, преимущественно перед другими университетами, обаятельно привлекал к себе юношей из всех мест. Они являлись ко мне или по старой памяти, или с рекомендательными письмами доброго М. М. П., который заботился об них, как самый близкий родной, и за пределами гимназии. Моё дело было приютить их на первых порах в Москве, казавшейся этим дальним странникам из степей каким-то Вавилоном, похлопотать скорее пристроить бедняков в университет, и, если можно, на казённый кошт, руководить их советами, пригреть их в сиротстве добрым, ласковым словом, помочь им, чем и как позволяли мои скудные средства. Эти обязанности считал я самыми приятными; в числе этих молодых людей был и Белинский.

В 1830 году задумали мы с М. М. П. альманах «Пожинки» и вербовали из пензенцев более даровитых молодых людей себе в сотрудники. Издание этого альманаха не удалось. Вот письмо, писанное по этому случаю 19-летним Белинским своему бывшему наставнику; оно интересно выражениями гордого, благородного характера юноши, никогда неизменявшегося и впоследствии, несмотря ни на какие обстоятельства, и процесса, каким вырабатывалось в его душе истинное его призвание.

«Москва, 1830 года, апреля 30 дня.»

Милостивый государь М. М.!

В чрезвычайное затруднение привело меня письмо моего родственника: «М. М., пишет он, издаёт с И. И. Л. альманах и через меня просил вас прислать ему ваших стихотворений, самых лучших». Не могу вам описать, какое действие произвели на меня эти строки: мысль, что вы ещё меня не забыли, что вы ещё так же ко мне благосклонны, как и прежде; ваше желание, которого я, несмотря на пламенное усердие, не могу исполнить — всё это привело меня в необыкновенное состояние радости, горести и замешательства. Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского, но времена переменились. Вы знаете, что в жизни юноши всякий час важен: чему он верил вчера, над тем смеётся завтра. Я увидел, что не рождён быть стихотворцем и, не хотя идти наперекор природе, давно уже оставил писать стихи. В сердце моём часто происходят движения необыкновенные, душа часто

полна чувствами и впечатлениями сильными, в уме рождаются мысли высокие, благородные — хочу их выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, с досадою бросаю перо. Имею пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имею душу полную и, при всём том, не имею таланта выражать свои чувства и мысли лёгкими, гармоническими стихами. Рифма мне не даётся и, не покоряясь, смеётся над моими усилиями; выражения не улаживаются в стопы, и я нашёлся принуждённым приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатого — и ничего оконченного и обработанного, даже такого, что могло поместиться не только в альманахе, где собирается всё отличное, но даже и в «*Далёком журнале*!» В первый ещё раз я с горестию проклиная свою неспособность писать стихами и леность писать прозою.

Мне давно нужно было писать к вам, но я не могу сам понять, что меня от сего удерживало, и в сём случае столько перед вами виноват, что не смею и оправдываться.

Вы писали обо мне И. И. Лаж. Я это как бы предчувствовал в то время, как вы вручали мне письмо. Благородный человек, скажите: чем я могу вам заслужить за это? Столько ласк, столько внимания и наконец такое одолжение! Ищу слов для моей признательности и не нахожу ни одного, которое было могло выразить онаю, Вы доставили мне случай видеть человека, которого я всегда любил, уважал, — видеть и говорить с ним. Он принял меня очень ласково и, исполняя ваше желание, просил обо мне некоторых из гг. профессоров, но просьбы его и намерение оказать мне одолжение не имели успеха: ибо я, по стечению некоторых неблагоприятных для меня обстоятельств, не мог ими пользоваться.

Я не из числа тех низких людей, которые тогда только чувствуют благодарность за прилагаемые об них старания, когда оные бывают не тщетны. Хотя моим поступлением в университет я никому не обязан, однако, навсегда останусь благодарным вам и И. И. Если ваше желание споспешествовать устройению моего счастья не имело успеха, то этому причиною не вы, а посторонние обстоятельства.

Так, милостивый государь, если моя к вам признательность, моё беспредельное уважение, искреннее чувство любви имеют в глазах ваших хотя некоторую цену, то позвольте уверить вас, что я оные буду вечно хранить в душе моей, буду ими гордиться. Уметь ценить и уважать такого человека как вы — есть достоинство, заслужить от вас внимание — есть счастье.

Но, может быть, я утомял вас изъяснением моей благодарности. Извините меня: строки сии не суть следствие лести; нет — это изливание души тронутой, сердца, исполненного благодарности; чувства мои неподдельные: они чисты и благородны, как мысль о том, кому посвящаются. Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо: вы делаете из сего исключение, и для меня ничего нет приятнее, как извлекать вам мою благодарность.

Извините меня, если я продолжительным письмом моим отвлек вас от ваших занятий и похитил у них несколько минут. Итак, вторично прося у вас извинения за то, что я не засвидетельствовал прежде вам моей благодарности, остаюсь с чувством глубочайшего уважения и готовностью к услугам вашим,

ученик ваш *Виссарион Белинский*.

Пока я жил в Москве, он нередко посещал меня; мы сблизились, несмотря на расстояние лет; не было заботы и надежды, не было юношеского увлечения, которых он не поверял бы мне; случалось мне и отечески пожуричь его. По моему совету, он обещал мне заняться французским и немецким языками, тогда ему малодоступными.

«Через полтора года, — пишет ко мне М. М. П., — как после отъезда Белинского из Пензы я отправился в Петербург, на пути, в Москве, пробыл дня три: это было во время масленицы 1831 года. Каждое утро приходили ко мне племянник мой и Белинский. Потом, возвращаясь от вас или из театра, я опять встречал их в моей квартире. Прежние разговоры у нас возобновились. Тут я увидел большую перемену в Белинском. Ум его возмужал, в замечаниях его проявлялось много истины. Там прочли мы только что вышедшего тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья в Чудовом монастыре» на своём месте, при чтении всей драмы, показалась мне ещё лучше. Белинский с удивлением замечал в этой драме верность изображений времени, жизни и людей; чувствовал поэзию в пятистопных безрифменных стихах, которые прежде называл прозаическими, чувствовал поэзию и в самой прозе Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границе». Прочитав разговор хозяйки корчмы с собравшимися у неё бродягами, улики против Григория и бегство его через окно, Белинский выронил книгу из рук, чуть не сломал стула, на котором сидел, и восторженно закричал: «Да, это живые; я видел, я вижу, как он бросился в окно!..» В нём уже проявился тот критический взгляд, который впоследствии руководил им при оценке сочинений Гоголя.

После того между мною и Белинским не было сношений до переезда его в Петербург. В этот промежуток он выступил в московских журналах на литературное поприще.

Из первой же критической статьи его (1834) «Литературные мечтания» видно было, что он угадал талант свой. Тогда вспомнил я, что и в годы ученья он обнаруживал больше всего способность к критике; что душою его мыслей, разговоров его всегда были суждения о писателях. Ещё в гимназии он пробовал писать стихи, повести прозой — шло туго, не клеилось, написал грамматику — не годилось. Принялся за критику — и пошло писать... После того ни грамматика, ни служба, ни общественные развлечения, ни жажда денег, ни слава быть стихотворцем или беллетристом, ничто уж не совлекало его с избранного пути... Он родился, жил и умер критиком».

М. М. П. в этом письме прибавляет:

«Белинского я так долго и коротко знал, что могу рассказать весь тайный процесс его умственного развития.

Прежде, говорил я, что в гимназии учился он не столько в классах, сколько из книг и разговоров. Так было и в университете. Все познания его сложились из русских журналов, не старше двадцатых годов, и из русских же книг. Недостающее в том пополнилось тем, что он слышал в беседах с друзьями. Верно, что в Москве умный Станкевич имел сильное влияние на своих товарищей. Думаю, что для Белинского он был полезнее университета. Сделавшись литератором, Белинский постоянно находился между небольшим кружком людей, если не глубоко учёных, то таких, в кругу которых обращались все современные, живые и любопытные сведения.

Эти люди, большею частью молодые, кипели жаждою познаний, добра и чести. Почти все они, зная иностранные языки, читали столько же иностранные, сколько и русские книги и журналы. Каждый из них не был профессор, но все вместе по части философии, истории и литературы постояли бы против целой Сорбонны. В этой-то школе Белинский оказал огромные успехи. Друзья и не замечали, что были его учителями, а он, вводя их в споры, горячась с ними, заставлял их выкладывать перед ним все свои познания, глубоко вбирал в себя слова их, на лету схватывал замечательные мысли, развивал их далее и объёмистей, чем те, которые их высказывали. Таким образом, не погружаясь в бездну русских старых книг, не читая ничего на иностранных языках, он знал всё замечательное в русской и иностранных литературах. В этой-то школе вырос талант его и возмужало его русское слово».

В 1832 году, бывши уже на втором университетском курсе, он написал драму, в которой живо затронул крепостной вопрос. Я предсказал ему судьбу его; действительность оправдала моё предсказание. Это его очень огорчило. С того времени стал он нерадиво посещать лекции и вскоре перестал ходить на них. Жизнь его помутилась... Но дремота его духовных сил была не долговременна; ни люди, ни обстоятельства не могли их подавить в этой юной, но уже непреклонной натуре. Дары от Бога, не от людей, не пропадают. В 1834 году появилась в нескольких номерах «Молвы» блистательная статья его под названием «Литературные мечтания, элегия в прозе». Мало кому из молодых писателей случалось начинать своё поприще так смело, сильно и самостоятельно. Белинский выступил в ней во всеоружии даровитого иноватора. Изумление читателей было общее. Кто был от неё в восторге, кто вознегодовал, что дерзкою рукой юноши, недоучившегося студента (как узнали вскоре), семинариста (как называли его иные), одним словом, человека без роду-племени, кумиры их сбиты с пьедестала, на котором они, казалось, стояли так твёрдо. Поклонники этих кумиров, провожая их по течению Леты, как ни кричали им: «Батюшка, выдыбай!», сколько ни делали усилий пригнать их к вожделенному берегу, — не многие из них спаслись от потопления. С этой поры Белинский угадал своё призвание и не ошибся в нём. Критик, какого мы до него не имели, он до сих пор ждёт себе преемника. Что бы ни говорили об его ошибках (не моё дело здесь защищать его: я не пишу критического разбора), за ним навсегда останется слава, что он сокрушил риторичку, всё натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру, и на место их стал проповедовать правду в искусстве (разумея тут и правду художественную). Рядом с его теорией шли Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Кольцов, Даль, артисты Мочалов и Щепкин; за нею следовала целая плеяда высокодаровитых писателей, и во главе их Тургенев — высокий поэт и в самых мелких из своих произведений. И теперь вновь выдвинувшиеся из литературных рядов деятели вышли из его школы. Артисты Мартынов и Садовский принадлежат к ней. Лучшие критики нашего времени живут её началами. Те из них, которые фантазируют свои новые туманные теории, ими самими непонятые, тем более другими, еле-еле дышат.

Никто, как Белинский, не сокрушал так сильно ложных знаменитостей, никто, как он, так зорко не угадывал в первых опытах молодых писателей будущего замечательного таланта, не упрочивал так твёрдо славы за

теми, кому она, по его убеждению, следовала. Убеждения были в нём так сильны, он так строго, так свято берёг их от старых литературных уставщиков, что был сурово-неумолим для всего, в чём видел даже малейшее уклонение от правды в искусстве, неумолим для всех дальних и близких, в которых замечал это уклонение, принадлежали ли они к временам Августа, Людовика XIV, Екатерины II или к его времени. Став на страже у алтаря правды, он готов был поднять камень и против друга, который осмелился бы обратиться спиной к его богине.

Писал ли он об учебной книге, о воспитании, о художественном произведении, об игре актёра в «Гамлете», каждая статья, хотя и писанная на срок, для журнала, заключала в себе целую теорию искусства, воспитания, общественной и личной нравственности. Откладывать написанное для просмотра, очищать, обтачивать было некогда и не по нём; тут все правила Буало (которого он и терпеть не мог) — за окошко. Пуризм был для него своего рода риторика. Между тем язык его прост, ясен, энергичен, вычеканивает мысль верно, чётко, в образе, как мастер выбивает из слитка благородного металла, только что вынутого из горнила, крупные монеты с новым художественным штемпелем, которые ложатся одна за другою, как жар горящими рядами.

«Перечтите, — говорит М. М. П., — статьи Белинского, написанные превосходным русским языком, — сколько в них мыслей, высокого ума, сколько одушевления!.. Это не сухие разборы, не повторения избитого, не журнальный балласт, но сочинения, дышащие жизнью, самобытные и увлекательные! Он был столько же замечательный литератор, сколько замечательный критик. По таланту критика, у нас до сих пор никто не превосходил Белинского; как литератор — он один из лучших писателей сороковых годов».

Приехав однажды в первых тридцатых годах из Твери в Москву, я хотел посетить Белинского и узнать его домашнее житьё-бытьё. Он квартировал в бельэтаже (слово было подчёркнуто в его адресе), в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бельэтаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его камеркой была прачешная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла. Каково было дышать этим воздухом, особенно ему, с слабой грудью! Каково было слышать за дверьми упоительную беседу прачек и под собой стукотню от молотов русских циклопов, если не подземных, то подпольных! Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть. Прислуги никакой; он ел, вероятно, то, что ели его соседки. Сердце моё облилось кровью... я спешил бежать от смрада испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут моё платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я прочувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже своё имя!

Между разными средствами, которые мы отыскивали с Белинским, чтобы вывести его из этого ужасного положения, придуман был один и одобрен нами: идти ему в домашние секретари к одному богатому аристократу, страшному охотнику писать и печататься. Он известен в литературе под именем, помнится, Прутикова. Обязанности секретаря со-

стояли так же, как и прачек, в том, чтобы чистить, штопать и выглаживать чёрное литературное бельё его превосходительства. Зато стол, квартира, прислуга в богатом доме и небольшое жалованье, чего же лучше! Дело было легко уладить. Прутиков не раз обращался ко мне с просьбой, по дружбе, взглянуть на его творения и, если мне не в тягость, поправить кое-где грамматические и другие погрешности. Но когда догадался, что это занятие не по мне, стал уже просить меня приискать ему в помощники надёжного студента. Под этот случай попался Белинский.

Вскоре он водворён в аристократическом доме, пользуется не только чистым, но даже ароматическим воздухом, имеет прислугу, которая летает по его мановению, имеет хороший стол, отличные вина, слушает музыку разных европейских знаменитостей (одна дочь его прев-ва музыкантша), располагает огромной библиотекой, будто собственной, одним словом — катался, как сыр в масле. Но вскоре заходят тучи над этой блаженной жизнью. Оказывается, что за неё надо подчас жертвовать своими убеждениями, собственной рукой писать им приговоры, действовать против совести. И вот, в одно прекрасное утро Белинский исчезает из дома, начинённого всеми житейскими благами, исчезает с своим добром, завязанным в носовой платок, и с сокровищем, которое он носил в груди своей. Его превосходительству оставлена записка с извинением нижеподписавшегося покорного слуги, что он не сроден к должности домашнего секретаря. Шаги его направлены к такой же убогой квартирке, в какой он жил прежде. Голова его высоко поднята, глаза его смело смотрят в небо; ни разу они, так же как и сердце, не обратились назад к великолепным палатам, им оставленным. Он чувствует, что исполнил *долг* свой.

В одном из уездов Тверской губернии есть уголок (Пушкин некоторое время жил близ этих мест, у помещика Вульфа, на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов). Кажется, на этой живописной местности река течёт игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нём сердцу, как ум и талант в нём разыгрывались, как было в нём привольно всему доброму и благородному! Художник, музыкант, писатель, учитель, студент, или просто добрый и честный человек, были в нём обласканы равно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нём первое место. Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нём не гостями, а принадлежащими к семейству. Душою дома был глава его, патриарх округа. Как хорош был этот величавый, с лишком семидесятилетний старец, с непокидающею его улыбкой, с белыми, падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, не видящими, как у Гомера, но с душою, глубоко зрящею, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться и которых не тревожил своим присутствием. Ни одна свободная речь не останавливалась от его прихода. В нём забывали лета, свыкнувшись только с его добротой и умом.

Он учился в одном из знаменитых в своё время итальянских университетов, служил недолго, не гонялся за почестями, доступными ему по рождению и связям его, дослужился до неважного чина и с молодых лет

поселился в своей деревне, под сень посаженных его собственною рукою кедров. Только два раза вырывали его из сельского убежища обязанности губернского предводителя дворянства и почётного попечителя гимназии. Он любил всё прекрасное, природу, особенно цветы, литературу, музыку и лепет младенца в колыбели, и пожатие нежной руки женщины, и красноречивую тишину могилы. Что любил он, то любила его жена и приятная женщина, любили дети, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнее.

Откуда, с каких концов России, не стекались к нему посетители! Сюда, вместе с Станкевичем, Боткиным и многими другими даровитыми молодыми людьми (имена их смешались в моей памяти), не мог не попасть и Белинский. В один из последних тридцатых годов общество молодых людей (в том числе и Белинский), гостивших у моего соседа, в уголку, мною описанном, посетило и меня на берегах Волги. Говорю об этом случае, потому что он, по многим причинам, оставил навсегда в душе моей приятное воспоминание. Это было то время, когда учение Гегеля сильно у нас разгоралось, когда адепты его ходили в каком-то восторженном от него упоении до того, что вербовали в его школу и стариков, и юношей, и девиц. Один из них даже писал к молодой, прекрасной особе, к которой был очень равнодушен, послания по эстетике Гегеля. Он сам гораздо позже над этим смеялся. Сомневаться в каком-нибудь начале учителя было преступлением, тупоумием; на профана смотрели с каким-то сожалением, если не с пренебрежением. Это юношеское увлечение было, однако ж, бесполезно; оно много содействовало развитию умственной деятельности молодого поколения. Мог ли Белинский, попав в это общество, оставаться чуждым его разумному движению? Но как он нетвёрд был в немецком языке, то взялись посвящать его в начала Гегеля молодые гегелисты, в том числе Станкевич, изучивший глубже других знаменитого немецкого философа. За что брался с охотой Белинский, за то принимался он с жаром и всегда с успехом. Так и в настоящем случае. Статьи его сороковых годов, проникнутые философией Гегеля, это свидетельствуют.

«По переезде в Петербург, — говорит М. М. П., — Белинский тотчас отыскал меня. Тогдашние петербургские журналисты сами страшно ругались, но проповедовали о приличиях и умеренности. Задетые, едва ли не все, молодым бойцом, они находили особенное удовольствие называть его недоучившимся студентом. Приятель наш, А. Ф. Воейков, в знаменитой своей сатире, угощая тем и другим барона Брамбеуса, сказал, что этот писатель:

И Белинского нахальство
Совместил себе в позор!

В первые пять или шесть лет жизни Белинского в Петербурге он посещал меня довольно часто. Споры у нас случались беспрестанные. Он сам любил поспорить. К знакомым ходил он собственно для того, чтоб отвести душу в разговорах о литературе. Когда с ним никто не спорил, ему было скучно. Только во время споров он был в своей тарелке, настоящим Белинским, вторым томом своих сочинений. При возражениях, или даже слушаая разговоры, не к нему обращённые, но несогласные с его убежде-

ниями, он скоро приходил в состояние кипятка. Сначала говорил своим решительным, как бы рассерженным тоном, чем дальше, тем более, горячился, почти выходил из себя, будто дело шло о жизни или смерти! Лицо его подёргивалось судорогами... И всегда подверженный одышке, он тут начинал каждый период всхлипыванием: в жарких же спорах случалось, что одышка или кашель совсем прерывали его разговоры. Собираясь после того с силами, он то вставал и ходил по комнате, то останавливался, скрестив руки на груди и устремив глаза в того, с кем говорил; потом опять раздражался громовой речью. Он не был ни шутилив, ни остёр в смысле весёлости, но был жестоко-колок и грубо-правдив. Надобно признаться, что в эти минуты он был хорош. Это был факир, или нет, лучше того: это был жрец своего искусства! Обаятельное влияние его на других было тем сильнее, что в нём не проглядывало ничего искусственного: всё было одна натура, душа открытая, сердце, чуждое всякого лукавства.

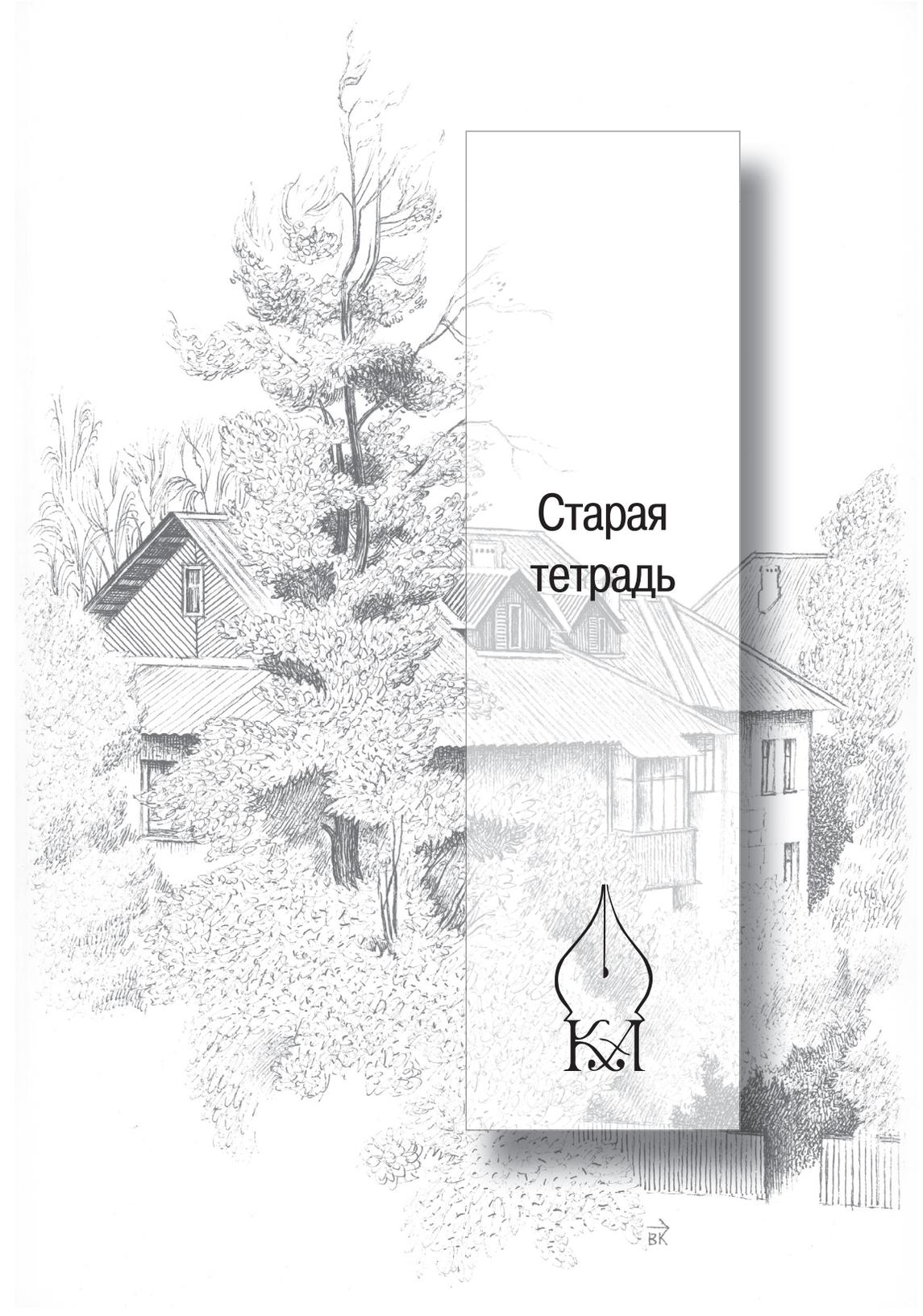
Споры литературные, в которых вольному воля, никогда не оканчивались у нас размовками. Иногда мы расставались, я нахмуренный, он вполне взволнованный, но через месяц, через два опять он звонил у моих дверей, и я опять встречал его как гостя, по которому соскучился.

Белинский умер в бедности. Во всё время литературного поприща он был подёнщиком у журналистов. Нужда не даёт соков, а высасывает их, и человек горячий — недолго прогорит. В Белинском развилась злейшая чахотка»...

М. В. О., по выходе своём из А. московского института одною из лучших его учениц, украшенная дарами природы и образования, страстно любившая литературу, жила несколько времени у меня в доме в Твери в 1832 году, занимаясь воспитанием моих племянниц. Она носит имя Белинского и может гордиться им.

Вот всё, что я мог, с помощью моего почтенного друга, собрать для биографии Белинского. Не моё дело критически разбирать произведения его как литератора, критика и публициста: другие сделают это лучше меня и, вероятно, тем скорее, что не замедлится выход полного издания его сочинений. Если я в этой статье и говорил об его литературных заслугах, то делал это мимоходом, невольно платя им дань от сердца, всегда любившего Белинского, — говорил только то, что служит ореолом его памяти, а другого я не находил что сказать.

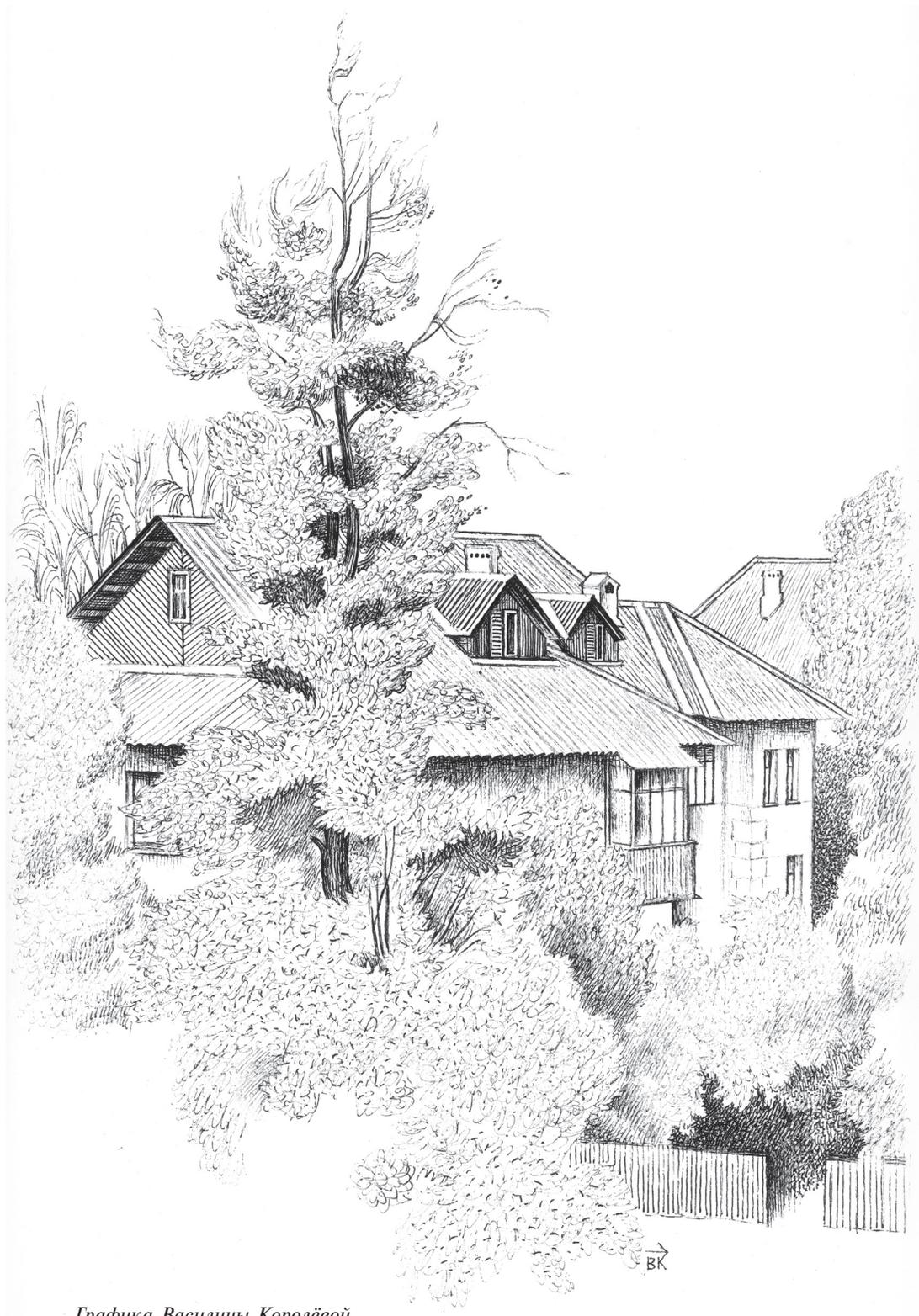
*Красное село.
Март 1859 г.*

Старая
тетрадь

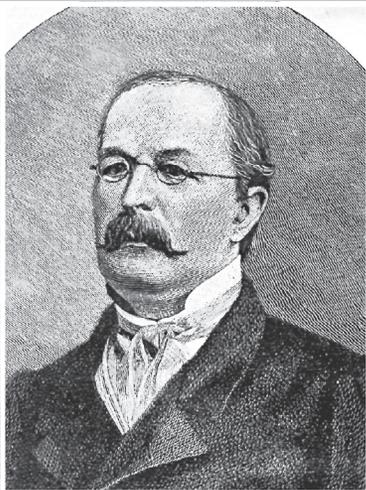
ВК →

Графика Василины Королёвой

ЗАПИСКИ

Коломна. 1830-е годы

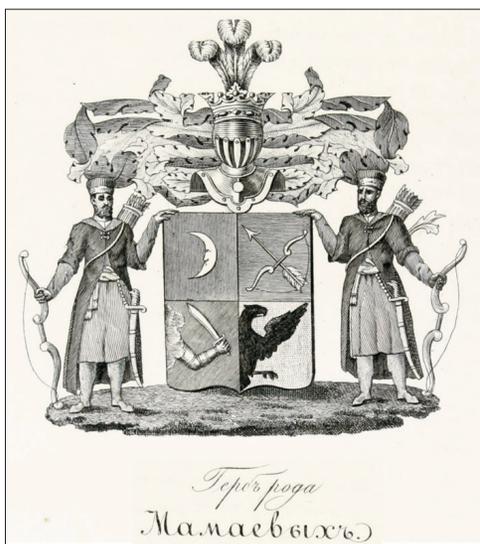
Николай Иванович Мамаев (1815–1885) — офицер, юрист, земский деятель, автор обширных мемуаров («Записки Н. И. Мамаева»). В 1831–1833 гг. обучался на отделении нравственно-политических наук Казанского университета. В 1834 году вступил в дислоцированный в Московской губернии (Подольский и Коломенский уезды) Оренбургский уланский полк, где прослужил четыре года. В 1838–1846 гг. занимал адъютантские должности при волынских губернаторах А. П. Маслове и Г. С. Лашкарёве и казанском губернаторе С. П. Шипове. Выйдя в отставку, проживал в Казанской губернии. В 1879 году был выбран в гласные от Казанского уезда, а позднее в губернские гласные; состоял членом казанской губернской земской управы и заведовал отделом общественного призрения.

Воспоминания

Предисловие

Предлагаемые читателю малоизвестные воспоминания о Коломне и Коломенском уезде 1830-х годов являются частью обширных мемуаров Николая Ивановича Мамаева, опубликованных в 1901 году под названием «Записки Н. И. Мамаева» в историко-литературном журнале «Исторический вестник» (т. 83–86). Не переиздававшиеся более ста лет, они неизбежно нуждаются в самом общем представлении, равно как и их автор.

По сведениям профессора Казанского университета Д. А. Корсакова, публикатора «Записок» и автора предисловия к ним, Николай Иванович Мамаев (1815–1885) происходил из дворян Новгородской губернии — потомков служилого татарского князя Кингильдея Камая Маматова (его род посёлён Иваном IV в Новгородской земле в XVI веке). Отец Н. И. Мамаева, Иван Данилович (1781–1864), моряк, служил в казанском Адмиралтействе; женившись в Казани на дочери местного помещика, он вошёл в число дворян Казанской губернии. Николай Мамаев получил домашнее образование, пробыв короткое время в Санкт-Петербургском горном кадетском корпусе, и в возрасте 16-ти лет поступил на отделение нравственно-политических наук (позднее — юридический факультет) Казанского университета, курс наук которого окончил с серебряной медалью в 1833 году. По совету старшего брата он предпочёл военную службу статской

и в 1834 году стал юнкером Оренбургского уланского полка; со временем был произведён в корнеты, а через три года — в поручики. В 1838 году Мамаев получил назначение адъютантом к волыньскому губернатору А. П. Масло-ву (приятелю отца), сохранил он эту должность и при новом губернаторе — Г. С. Лашкарёве. В 1842 году назначен старшим адъютантом казанского военного губернатора С. П. Шипова, одновременно получив чин штаб-ротмистра. В возрасте 28 лет Мамаев женился в Казани на дочери генерал-майора Дурасова. В 1846 году вышел в отставку

с чином майора и с этого времени жил в Казани и в своём нижегородском имении в сельце Ледыри. Некоторое время он принимал участие в деятельности Казанского губернского земства в качестве гласного и члена губернской земской управы.

Сложно определить, когда были составлены мемуары — профессор Д. А. Корсаков датирует черновые наброски «Записок» началом 1840-х годов, т.е. временем службы Мамаева в Житомире. В 1871 году они окончательно редактируются и получают авторское заглавие «Моя жизнь перед лицом потомства, написанная мной самим».

Текст «Записок» (к сожалению, неоконченных) охватывает жизнь Мамаева с 1815 по 1842 год, т.е. от раннего детства и вплоть до отъезда из Житомира в Казань. Несомненный писательский талант Мамаева позволил ему избежать опасности изложения событий далёкой молодости в виде скупой, в лучшем случае — комментируемой, хроники. Его мемуары имеют выраженный беллетристический характер и, не теряя жанровой специфики, являются полноценным литературным произведением. Сильная, а для историков весьма важная сторона «Записок» — чрезвычайное внимание автора к повседневности, деталям быта, взаимоотношениям с людьми разного социального положения, нравам «николаевской эпохи» в целом.

Что касается интересующих нас коломенских сюжетов, то они представлены в разделе о четырёхлетнем пребывании Мамаева в Оренбургском уланском полку, расквартированном в Коломне и Коломенском уезде. Здесь придётся предупредить взыскательного коломенского читателя — он не обнаружит в «Записках» картин городской жизни, перечня занятий жителей или впечатлений от памятников старины (исключением являются слова о «парчёвых фабриках», яблочной пастиле и местах заработка молодых мужчин села Мячково). Это и неудивительно: ведь автор, погружённый в армейскую среду и стремящийся быстрее овладеть навыками кавалериста-улана, основное внимание уделяет перипетиям военной службы — манёврам, конным переходам, урокам верховой езды, так-

тическим занятиям на местности, отношениям внутри офицерской корпорации, а также развлечениям в свободное от служебных обязанностей время. Справедливости ради заметим, что на страницах, посвящённых «уланскому периоду», Коломна и коломенские приметы упомянуты довольно часто — это и полковые объекты в городе (гауптвахта), и места дислокации эскадронов в уезде (Бачманово, Мячково, Кривякино).

Другой значимой для Мамаева темой является свободное времяпрепровождение офицеров-сослуживцев. И мемуарист исторически точно увязывает её не только с карточными играми на служебных квартирах, но и с описанием развлечений коломенских помещиков, которые в силу общего дворянского происхождения

поддерживали тесные личные и семейные связи с бравыми уланами. Это были как устраиваемые хлебосольными владельцами имений праздники с приглашением соседей-помещиков, офицеров и юнкеров, так и «танцевальные собрания» в Коломне, организуемые офицерами Оренбургского полка «по подписке». Приводимые автором подробности увеселительных мероприятий уникальны применительно к Коломне — из «Записок» мы узнаём о статусе присутствовавших лиц, обязательном осмотре хозяйства помещика (псарня, конюшня, скотный двор), церемониях обеда и послеобеденных танцев, кулуарных разговорах, музыкальном сопровождении (роговая музыка), названиях и порядке объявления танцев («танцы начинались неизменным польским, сменялись вальсами и кадриями и оканчивались мазуркой и котильоном»), мастерстве танцоров, предлагаемых напитках (шампанское). И если нам заранее неизвестно, что всё происходит в провинции, то принципиальных отличий от аналогичных праздников в губернских городах мы не обнаружим.

Будучи в описываемое время двадцатилетним молодым человеком, Мамаев пережил в Коломне серьёзное увлечение дочерью местного помещика П. А. Павлова. Этой интриге в сочинении уделено довольно много места, и мемуарист весьма откровенен в описании как своих чувств, так и обстоятельство юношеского романа.

Давая самую общую оценку «Запискам» Н. И. Мамаева, подчеркнём, что в них присутствует весьма ценная информация, далеко выходящая за пределы традиционных описаний Коломны. Если же определить публи-

куемые мемуары в контексте источниковой базы по истории Коломны первой половины XIX века, то, во-первых, они несомненно послужат серьёзным подспорьем в изучении коломенского социума дореформенного времени и существенно дополнят произведения таких общепризнанных авторов, как И. И. Лажечников и Н. П. Гиляров-Платонов. А во-вторых, ещё раз подтверждена перспективность поиска новых источников (даже условно новых, позабытых), введение которых в научный оборот всегда способствует открытию неизвестного или переосмыслению устоявшихся взглядов на историю родного края.

Публикуемый фрагмент «Записок» Н. И. Мамаева охватывает довольно краткий период его службы в Коломне — с февраля по май 1834 года. Такого рода хронологическое ограничение вполне оправданно — основные характеристики Коломны и коломенского общества приведены автором именно здесь, а последующие воспоминания о его службе в полку избылуют описаниями дальних и ближних манёвров, деталями семейных отношений, критическими оценками различных персон, размышлениями о времени и о себе. Исключением является сюжет о развитии романтических отношений Николая Мамаева с Верой Павловой, который в кратком виде приведён в «Послесловии».

При воспроизведении текста «Записок», для удобства читателей, было опущено деление по главам. Публикация выполнена с учётом действующих правил издания и правописания; датировки приведены по старому стилю. Устаревшие и специальные термины, малоизвестные имена, географические пункты и исторические обстоятельства прокомментированы в примечаниях.

...Вскоре был получен приказ — выступать на новые зимние квартиры¹: штаб полка переводился в город Коломну Московской губернии, а эскадроны располагались в уезде города. По составленной дислокации, нашему второму взводу пришлось стоять в селе Луково-Мячково, названном так в отличие от другого села Каменного Мячкова, находящегося в Бронницком уезде, недалеко от Боровского перевоза, при котором французы, при выступлении своём из Москвы в 1812 году, имели первую упорную стычку с нашими войсками. Село Каменное Мячково славится своими каменоломнями, из которых добываются мельничные жернова, известные во всей России.

Перед отправлением нашим в Коломенский уезд, мы съездили в Москву проститься с матерью. Расстояние, теперь нас разделяющее, должно было увеличиться и лишить возможности частых свиданий.

Нашему взводу велено было собираться на эскадронном дворе, т.е. где жил Кондратенко², как в селении, лежащем на пути следования. Мне же, как «новичку», дозволено было следовать при обозе, со своими

¹ До середины февраля 1834 года штаб и часть эскадронов Оренбургского уланского полка располагались в селе Красная Пахра Подольского уезда Московской губернии (ныне — село в составе Троицкого административного округа Москвы).

² Кондратенко Карп Захарович — ротмистр, командир эскадрона Оренбургского уланского полка.

Штандарты Оренбургского уланского полка

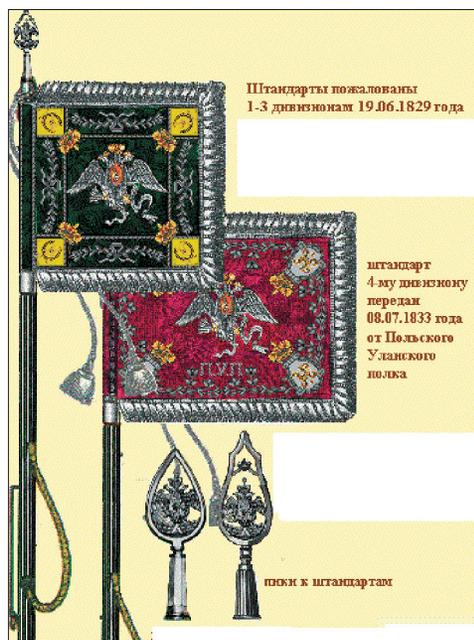
вещами, а Брильянта моего тоже, как новичка по службе, повели «в поводу» при взводе³.

На эскадронном дворе я встретил и других наших офицеров: командира 1-го взвода Фаминцына, которого я уже видел у Стойделя⁴, и 4-го — Троядия Карачарова. 8-й взвод, не имея офицера, управлялся вахмистром. Тут же я встретил и других юнкеров, моих товарищей, с которыми тотчас и познакомился. Когда всё было готово к выступлению, вышел Кондратенко, скомандовал: «Садись!» — и эскадрон, по два в ряд, тронулся в путь. Впереди

его шли два крестьянина-проводника до большой дороги: то были колонновожатые. За эскадронном тронулся и я.

Выйдя на большую дорогу, эскадрон остановился, пропустил обоз вперёд, чтобы мы могли заранее прийти на ночлег и приготовить пищу. Где рысцой, а где и шагом, весь наш вагенбург⁵ двигался под моим непосредственным начальством. Дойдя до селений, назначенных для ночлега, мы при въезде были встречены квартирьерами, указывавшими наши временные помещения. Через час времени пришёл и эскадрон. Пообедали, отдохнули и вечером все собрались у Кондратенко «играть в муху»⁶.

На другой день, рано, до выступления эскадрона, отправился обоз. Так как нам следовало идти всё по большой почтовой дороге⁷, то мы и не могли сбиться со своего пути. Прежним порядком были встречены

Штандарты пожалованы
1-3 дивизионам 19.06.1829 года

штандарт
4-му дивизиону
передан
08.07.1833 года
от Польского
Уланского
полка

шпалы к штандартам

³ При поступлении в полк юнкер Н. И. Мамаев купил, по рекомендации командира полка, молодую необъезженную лошадь Брильянт, но для обучения верховой езде ему предоставили казённую лошадь Мамонт.

⁴ Квартирмейстер Орловского уланского полка.

⁵ Вагенбургом мемуарист называет походную колонну своего полка, включавшую не только собственно конницу, но и множество крытых повозок. В военном деле XV–XVIII веков под вагенбургом понималось подвижное полевое укрепление из повозок, занимавших круговую оборону для отражения атак кавалерии противника.

⁶ «Муха», «мушка» (от фр. *mouche*) — карточная игра, модная в дворянской и военной среде первой половины XIX века; сопровождалась обычно выпивкой (отсюда известное выражение быть «под мухой» — т.е. нетрезвым).

⁷ Речь идёт об Астраханском тракте, связывавшем Москву с Астраханью и проходившем через Коломну.

квартирьерами, отправленными ещё накануне, и расположились на «дневку», т.е. провели на месте весь следующий день, что, по положению, предписывалось для сбережения лошадей и сохранения их в «теле».

На четвёртый день выступили тем же порядком, имели ночлег и на следующее утро, на повороте с большой дороги в назначенные нам постоянные квартиры, встретили ожидавших нас квартирьеров.

Один из них, отделившись от прочих, шёл с нами, указывая дорогу. Таким образом, на пятый день нашего выступления пришли в Луково-Мячково, сделав всего около 90 вёрст.

В селе Луково-Мячкове, принадлежавшем, кажется, графине Литта, считалось до тысячи душ⁸. На такое количество обывателей разместились: эскадронный двор и 2-й взвод, всего в количестве не более 40 человек. Такое обширное помещение доставило всем роскошь, редкую в военном быту: каждый из офицеров и юнкеров имели по две квартиры (избы), одну занимали сами, в другой рядом помещались прислуга и кухня. Солдаты расставлены были на 6–7 дворов по одному, и они, по очереди, переходили из одной избы в другую. Для помещения лошадей вотчинная контора уступила длинный деревянный сарай, в котором прежде помещалось сено. В сарае этом прорубили, где было нужно, окна, поделали стойла, и вышла отличная тёплая конюшня. Для манежа был огорожен соломенными щитами довольно значительный четырёхугольник земли. В нём люди обучались одиночной верховой езде и выезжали молодых лошадей.

Из этого видно, что помещение, как для людей, так и для лошадей, было более чем роскошное, тем более ощутительное, что прежде в Московском уезде при тесном помещении терпели много неудобств.

Квартира наша помещалась наверху двухэтажной избы (низ занимали хозяева) и состояла из двух комнат: прихожей, в одно окно, и большой — в два окна; голландская печь в изразцах лежанкой и топкой выходила в прихожую, а стенкой — в наше помещение. Кухня и люди помещались рядом, в другой избе, на дворе, где в тёплом омшанике⁹ стояли наши упряжные лошади, а под навесом экипажи.

По прибытии в Мячково я занялся серьёзно службой, чтобы быть вполне готовым к шестимесячному сроку производства в офицеры, по праву, предоставленному университетским аттестатом. Остальное время я посвящал изучению верховой езды.

В одно из моих учений верховой езды был со мной случай, могший кончиться для меня очень дурно.

⁸ Мемуарист обоснованно не уверен в принадлежности села графине Е. В. Литта (урождённой Скавронской). В описываемое время графини уже не было в живых (скончалась в 1829 году), а её коломенские имения, в том числе Мячково (село 1-го стана Коломенского уезда в 12 верстах от Коломны), перешли к наследникам; в начале 1840-х годов селом владела княгиня Е. П. Багратион, вдова знаменитого генерала П. И. Багратиона. Затем оно было куплено казной и с 1847 года находилось в ведении Министерства государственных имуществ. В середине XIX века Мячково насчитывало 190 дворов, 575 душ мужского и 706 душ женского пола, здесь имелись сельское правление, церковь, церковно-приходское училище (ныне село находится в составе сельского поселения Радужное Коломенского района).

⁹ Омшаник — небольшое утеплённое помещение для зимовки пчёл.

*Флюгеры Оренбургского
уланского полка. 1812–1851.*

Раз, вскоре после обеда, мне пришло желание ездить верхом. Узнав, что вахмистр Ильин, которому я был специально поручен, отдыхает, я разбудил его. С недовольным видом, что потревожили его сон, он пришёл в манеж и при одном повороте во время езды бичом ударил меня по спине, сказав: «Ах, извините! Нечаянно! Я хотел по лошади!»

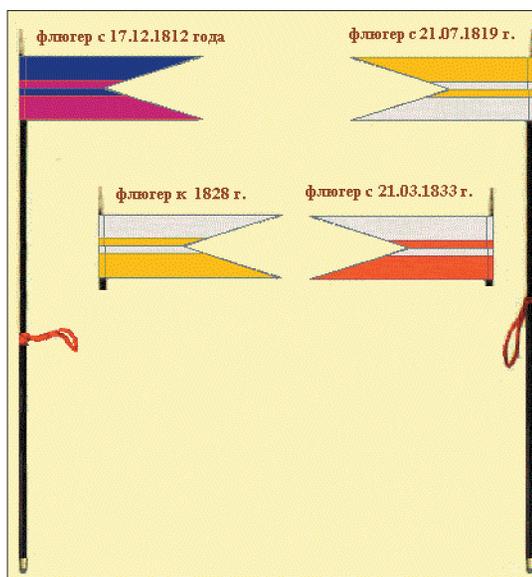
Поняв очень хорошо, что удар этот не был следствием неловкости, а прямо предназначался мне, чтобы выместить досаду прерванного сна, да и лошадь Муромец — умная и послушная, понимавшая даже слова команды, исполняя своё дело, никак не заслуживала наказания.

От боли и стыда я остановил лошадь, быстро соскочил с неё и, подбежав к Ильину, со всего размаха ударил его по щеке, проговорив: «Ах, извините! Я тоже нечаянно!»

Такая моя выходка, вполне нарушавшая военную дисциплину, — взводный вахмистр был некоторым образом всё-таки мой непосредственный начальник, — в те времена строгости могла кончиться для меня очень дурно, если бы Ильин вздумал «пожаловаться». Но, сознавая, может быть, и свою вину, он забыл мой удар, — я простил ему его. Но случай этот для нас обоих послужил уроком — в столкновениях наших быть благоразумнее. По крайней мере, с его стороны не было более попыток возобновлять что-либо подобное.

Искусство верховой езды вначале доставалось мне с трудом и большой болью. От усилия держаться крепко на лошади ляжками я постоянно стирал их. К крови, сочившейся из стёртых мест, присыхало бельё; чтобы отделить его без большой боли, нужно было прибегать к помощи тёплой воды и смачивать. Такое мучение продолжалось довольно долго, пока я не выучился твёрдо держаться на седле, без особых усилий ляжек, а только одним равновесием.

В то же время, когда я обучался верховой езде, и моя лошадь Брильянт подвергалась мучениям выездки. Говорю — мучениям, потому что тогда был принят метод обучения, состоящий в траверзах, ранверзах, разных боковых движениях, сильной на курц-галопе¹⁰ осадке назад,

¹⁰ Траверз (траверс) — боковое движение лошади головой к стенке манежа; ранверз или ранверс (в противоположность траверзу) — боковое движение лошади головой от стенки манежа; курц-галоп (курцгалоп) — дословно *короткий галоп*, т.е. ход лошади, при котором она скачет галопом, делая мелкие шаги.

отчего лошади слабели задними ногами, и т.п. Обучением Брильянта занимался тот же Ильин, и — надо отдать ему справедливость — выездил его прекрасно. Часто впоследствии, сидя на Брильянте верхом, я брал поводья в зубы, руки складывал на спину, и одними шенкелями заставлял его «писать вензеля» в манеж. Брильянт имел «высокий» ход, но был невыразимо трясок на ходу. На «церемониальных» маршах было ещё сносно, но на полковых ученьях, продолжавшихся, обыкновенно, довольно долго, трясость его была мучительна; с таких учений я всегда возвращался весь разломанный. Брильянт знал мой голос, обыкновенно откликался ржанием, когда я звал его. Я часто ходил к нему в стойло и кормил хлебом. После этого он морду свою совал ко мне в карман, заранее уверенный, что там найдёт себе лакомство — сахар. Вообще был послушен, но получил одну скверную привычку, от которой я, при всём старании, не мог отучить его никогда. Раз, в начале своего обучения выездке, он как-то зубами развязал повод. Почувствовав свободу, вырвался из конюшни и выбежал на улицу. Навстречу ему попалась крестьянская лошадь, серой масти, мирно щипавшая траву. Вмиг он бросился на неё и вцепился зубами; сбежавшиеся уланы с трудом оттащили его от лошади и привели обратно в конюшню. С того времени Брильянт не мог видеть равнодушно лошадей серой масти. Бывало, во время «церемониальных» маршей, как только поравняется с трубачами, которые сидели на серых лошадях, так и норовит направиться к ним: чуть оплошал, он уже «цапнул» крайнюю лошадь.

В свободное от служебных занятий время я ходил к Кондратенко играть в «муху»; ездил с братом¹¹ к другим офицерам, те, в свою очередь, приезжали к нам; таким образом шло у меня время.

В Луково-Мячково, как и во многих селениях России, существовал обычай: в зимние вечера составлять посиденки, или, как мы их сокращённо называли, поседки. Посиденки для прекрасного крестьянского пола были то же, что наши дамские клубы, только с разными оттенками.

Обыкновенно, для посиденок избиралась просторная изба, преимущественно какой-либо вдовы, ещё лучше бездетной. В такую избу зимними вечерами собираются из соседних домов крестьянские девки, со льном и гребнями, и, распевая песни, прядут. Но это составляет наружную сторону посиденок. Настоящая причина заключалась в том, что к девкам присоединялись парни, приносившие лакомства, начинались угощения и разные игры.

В Луково-Мячкове, как и в других местностях Коломенского уезда, по малоземелью все взрослые парни уходили на «заработки» — или в Коломну на «парчѣвые фабрики», которыми славился город (да ещё яблочной пастилой), или в Москву, и возвращались в свои дома на непродолжительное время на масленой неделе, Пасхе, к уборке сена и на Святках. В прочее время в селениях оставались только стар да млад. Поэтому посиденки в Луково-Мячкове носили свой особый

¹¹ Мамаев Пётр Иванович (род. в 1813 г.) в описываемое время служил в Образцовом кавалеристском полку, один из взводов которого был расквартирован в деревне Андреевка, в 40 вестах от Москвы; это позволяло П. И. Мамаеву время от времени приезжать в Коломну, в Оренбургский уланский полк, к брату Николаю.

характер: на них было отсутствие мужчин. Такое состояние — лафа для военных.

Скоро по нашем приходе юнкера, этот «тонкий» народ, чутьём отыскивающий подобные «увеселительные» сборища, открыли один из таких домов с посиденками и повадились похаживать туда каждый вечер. Солдаты, сунувшиеся было туда же, увидя, что место занято «дворянчиками», отхлынули дальше искать таких же вечеринок. Таким образом, мы остались одни полными хозяевами избранных нами посиденок.

Прочие юнкера, чтобы лучше и скорее прельстить своих Дульциней, одевались франтами, в «тонкий» мундир, распутывали на груди свои витешкеты¹². Я же принял совершенно противоположную систему: на подобные вечера всегда надевал солдатскую шинель в рукава. В такой одежде я возбуждал в прекрасном деревенском поле большую жалость к себе. Видя меня в шинели, с волосами на голове, остриженными под гребёнку, с едва пробивающимися усами, девки принимали меня за простого солдата и говорили:

— Ах, касатик наш! Такой молоденький и отдан в солдаты! Как нам жаль тебя! Чай, тебе очень трудно?

Наступила весна, в поле места возвышенные пообсохли, на них начали производиться эскадронные учения, и конные, и пешие.

В конце апреля получен был приказ собираться полку на «кампанмент», т.е. все эскадроны должны были сгруппироваться около штаба полка и разместиться вблизи города Коломны на «тесных» квартирах. Нашему восьмому эскадрону, по расписанию, досталось стоять в деревне Бачманове, верстах в шести от Коломны, при впадении реки Москвы в Оку и не в дальнем расстоянии от Голутвина — мужского монастыря. Местность была живописная!

Мы расстались с Луково-Мячковым — и навсегда. По приходе на новую квартиру начались «полковые» ученья. <...>

День 15-го апреля 1834 года памятен для меня по моей, по счёту, пятой любви.

Коломенский помещик С. В. Крюков праздновал день именин своей жены, для чего пригласил офицеров и юнкеров в своё имение, отстоящее на несколько вёрст от города¹³.

Я отправился к нему с братом. Подъехав к крыльцу дома, мы увидали, что весь почти двор был заставлен экипажами всевозможных видов и размеров, начиная каретой и кончая простой троичной телегой, на

¹² Витешкет — золотой или серебряный шнурок у кавалеристов, прикрепляемый к киверу (головному убору) и обвивающий шею.

¹³ Мемуарист неточен в передаче инициалов помещика Крюкова (С. В.). На самом деле речь идёт о мичмане Василии Сергеевиче Крюкове, имение которого находилась в 10 верстах от Коломны в сельце Павлево 1-го стана Федосьинской волости Коломенского уезда (ныне в составе Проводниковского сельского поселения Коломенского района); в середине XIX века здесь насчитывалось 36 дворов с проживающими 144 душами мужского пола и 135 — женского пола.

*А.И. Геббенс. Группы военных чинов лейб-гвардии уланского полка.
Холст, масло. 1853 г.*

каковой и мы сами приехали¹⁴. То были экипажи гостей, предупредивших нас своим приездом.

Войдя в залу, я встретил трёх-четырёх барышень, чинно расхаживавших в ряд, взявшись под руку. Одна из них при виде меня вскрикнула: «Ах!» и выступила было вперёд, как бы идя навстречу, но тотчас же остановилась, вспыхнув ярким румянцем и устремив на меня изумлённые глаза. Тут я мог вполне рассмотреть её. То была «сильная» брюнетка, лет семнадцати, с большими выразительными чёрными глазами и, — что удивительно у брюнетов, — имела необыкновенную белизну лица с живым нежным румянцем на щеках. Высокого роста, необыкновенно стройна и тонка в талии.

Впоследствии талию её я сжимал обеими руками, и концы моих пальцев едва-едва не сходились вместе. При всём этом она имела прекрасный бюст с малоразвитыми формами. Портила её несколько нижняя часть лица: она имела острый подбородок.

Поняв своё неловкое положение при виде незнакомого мужчины, моя красивая брюнеточка быстро скрылась в гостиную, где я увидел её сидящую рядом с дамой, которую, по фамильному сходству лица, я принял за её мать, в чём и не ошибся, как оказалось впоследствии.

При моём появлении для приветствия хозяйки дома обе они не спустили с меня своих удивлённых взоров и о чём-то перешёптывались между собою. Брюнетка, сколько своей красивой наружностью, столько же и самой странностью нашей встречи, как и следовало ожидать, произвела на меня сильное впечатление, и постоянно устремлённые на меня её глаза льстили моему самолюбию, обещая впереди много наслаждений... Только я никак не мог объяснить себе: отчего она при виде меня ахнула? И почему я служу ей и матери её предметом заметного удивления? Впоследствии всё мне стало ясным; теперь же я узнал, что она дочь коломенского помещика П-ва¹⁵ и что зовут её Верой.

После сытного завтрака, залитого порядочным количеством вин и домашних наливок, настоянных на разных ягодах, хозяин, страстный собачий охотник, повёл мужчин на псарню показывать своих гончих и борзых.

Мне очень хотелось остаться в доме, подойти к Верочке, заговорить с ней; в голове моей вертелась и вступительная для того фраза; но здесь я должен упомянуть о странном свойстве моего характера, не покидавшем меня никогда: как я был смел и находчив с женщинами, к которым был равнодушен, так, напротив, робел и терялся на первых порах в присутствии тех, которые мне нравились. Подчинившись и на этот раз своему недостатку воли и видя, что все товарищи мои уходят, я поплёлся за всеми со скрытой досадой выслушивать похвалы хозяина той или той собаке, подробное исчисление свойств и достоинств такой суки или такого кобеля. При моём душевном настроении, казалось, не предвиделось конца осмотра всех заведений нашего причудливого хозяина...

¹⁴ Троичная телега — рыдван, большая или троичная извозная телега грузоподъёмностью до ста пудов; приезд братьев Мамаевых в имение Крюкова на такой телеге был связан со строгим запретом юнкерам пользоваться любыми экипажами (т.е. колясками, каретами, дрожками и др.).

¹⁵ Речь идёт о подполковнике Павле Артёмовиче Павлове.

Наконец, осмотрев конюшни, скотный двор и другие постройки, столь необходимые в сельском хозяйстве, но в то время казавшиеся мне совершенно излишними, мы вернулись в дом.

Думая беспрестанно о Верочке, я не на шутку влюбился в неё и, таким образом, вступив мысленно в фазис сердечных отношений с любимой мной женщиной, я, по выше объяснённому свойству моего характера, впал в своё обычное положение, т.е. сделался робок и не имел настолько мужества, чтобы выполнить своё прежнее предположение — подойти к Верочке и заговорить с ней; забыл даже заранее приготовленную фразу для начала нашего разговора. Таким дураком просидел я молча всё время до обеда, не смея долго останавливать своих глаз на Верочке, когда встречал её устремлённый на меня взгляд. За обедом случай — этот божок всех влюблённых — выпал на мою долю сидеть против Верочки и её матери. Обе они почти не спускали с меня глаз и вели тихо разговор явно обо мне.

Во время разных тостов за здоровье именинницы и хозяина дома я с умыслом выпил лишний бокал шампанского, чтобы в нём почерпнуть смелость, столь мне нужную для ожидаемого объяснения с Верочкой во время предстоящих танцев...

После обеда, как только очистили зал от столов, явились наши трубачи.

Роговая музыка¹⁶ очень хороша на открытом воздухе, но в комнате она резка, сильна для уха. Однако ко всему можно привыкнуть, и наши дамы легко переносили зычные звуки наших труб.

Зато роговая музыка в комнатах для влюблённых имеет особенность, ей только одной присущую, которую никакая другая музыка представить не может. Я хочу сказать, что трубы, оглушая своими звуками, позволяют в то же время очень хорошо слышать разговор сидящих друг к другу близко особ; но решительно делают это невозможным для тех, которые помещаются хотя бы и в небольшом отдалении. Этой-то особенностью роговой музыки мы умели превосходно пользоваться в танцах. Бывало, нашёптываешь своей даме разные любезности, а матушка, сидящая тут же, но несколько поодаль, как ни напрягает слуха, не может услышать ни одного слова, сказанного её дочке: всё покрывается гулом труб.

Танцы в то время начинались неизменным польским, сменялись вальсами и кадрилиями и оканчивались мазуркой и котильоном.

Пока все, и старые и молодые, тянулись длинной вереницей в польском, я напяливал на руки перчатки и, выждав, когда Верочка поравнялась со мной, идя в паре с каким-то старикашкой, пригласил её на первую кадрили. Находясь под влиянием выпитого мною лишнего бокала шампанского, я смело сделал своё приглашение. На моё счастье, она не была ангажирована и потому, кивнув мне слегка головой, очень мило, лаконически ответила: «Ваша!»

¹⁶ Роговая музыка — популярное в России в середине XVIII — первой половине XIX в. музыкальное исполнение на охотничьих рогах. Известны роговые оркестры при дворе Александра I, дворах видных сановников (Нарышкиных, Строгановых, Шереметевых и др.), в некоторых воинских частях.

По окончании польского, сделав один-два тура вальса с другими девицами, я выбрал себе место, уселся на стул, приготовив другой для своей дамы. Вот трубачи заиграли ритурнель французской кадрили. С сильно бьющимся сердцем я подошёл к Верочке, взял её за руку и привёл на приготовленное место.

Торжественная минута наступила. Когда мы уселись, Верочка первая начала говорить:

— Вам, я думаю, должно было показаться очень странным, чтобы не сказать более, и моё глупое, невольное вырвавшееся «ах!», и то, что мы с мамашей не могли первое время оторвать от вас своих глаз?

— Да! Не скрою от вас. Вы сильно меня поразили.

Слово «сильно» я произнёс с особым ударением голоса, как бы подчёркивая, давая тем понять сказанный мной экивок. Можно было понять двояко: был ли я сильно поражён её невольным вырвавшимся восклицанием или её пышной, красивой наружностью?.. Я желал, чтобы ответ мой поняли в последнем смысле, и, кажется, достиг своего, потому что Верочка улыбнулась самодовольно и очень мило; но при этом, увы, показала свои не совсем ровные зубы. Полное совершенство не есть удел человека! Затем продолжала:

— Я вам объясню всё. Вы поразили меня необыкновенным сходством с моим старшим братом, Костей, который тоже служит юнкером, только в пехотном полку.

— Если природа была ко мне так милостива, что наградила меня счастливым сходством с вашим братом, то позвольте мне навсегда остаться им в вашей памяти.

Вот что иногда значит лишне выпитый бокал вина: без его посредничества я никогда не имел бы смелости высказать подобную мысль! Верочка, сделав вид, как будто не поняла моего намёка, продолжала:

— Когда вы вошли, первой моей мыслью было, что Костя сюрпризом приехал к нам, и потому бросилась было к вам навстречу; но, к счастью, скоро опомнилась, сообразив, что только одно сходство ваше могло меня ввести в такую ошибку. Сознайтесь, вы, я думаю, приняли меня за дурочку?

— Напротив, — за ангела!

— Да не только я одна, но и папа, и мама тоже были поражены этим сходством. Посмотрите! Они и теперь не спускают с вас своих глаз.

— Какое мне дело до других! Я желаю только в одних ваших глазах сохранить это сходство со всеми преимуществами брата...

Шампанское, как видите, придало мне и смелость, и разговорчивость.

На этот раз намёк мой сделан был слишком ясно, чтоб не понять его. Посмотрев на меня удивлёнными глазами, Верочка, не знаю, с какой целью, сделала мне вопрос:

— Который вам год?

— Двадцать второй, — бухнул я, не задумавшись и не краснея от лжи, хотя, по правде, мне шёл только двадцатый год. Но я прибавил себе лета с целью показать ей, что зародившееся во мне чувство к ней не есть порыв юноши, но зрелое сознание молодого человека.

Верочка продолжала:

— Не может быть! Судя по вашему лицу, вы должны быть очень ещё молоды, причем у вас усы начинают только пробиваться.

— В этом я совершенно похож на вашего брата, — ответил я наугад, не зная даже, есть ли усы у её брата и сколько ему лет. — Только с сегодняшнего дня я начинаю благословлять судьбу за то, что она дала мне мою наружность, и я мог тем возбудить внимание такой прелестной особы, как вы!

Верочка снова посмотрела на меня удивлёнными глазами и сказала:

— Странно, очень странно! А жаль, так молоды и так уже испорчены светом!

— Как это?

— Видя меня в первый раз, вы знакомство наше начинаете тем, что говорите мне такие пустые фразы.

— О, верьте! Всевозможные фразы, обращённые к вам, будут лишь слабым изображением истины!

Покачив головой, Верочка сказала:

— А меня ещё уверяют, что молодость искренна.

— И вас не обманывают.

В таком роде продолжался разговор наш во время кадрили, прерываемый только фигурами танца. Находясь под влиянием шампанского и обаятельной красоты Верочки, я делался всё смелее и смелее, прямо намекая на возбуждённое ею во мне чувство, и вёл живой разговор, подстрекаемый её находчивым, гибким умом.

К концу кадрили я просил её на мазурку и котильон.

— Как? На оба танца? — ответила она, лукаво улыбаясь.

— Брату, не выдавшему так давно своей любимой сестры, извинительно желать — быть вместе с нею сколько возможно дольше.

— Разве что так? Извольте! Оба танца я танцую с вами!

На этом слове последняя нота кадрили замерла в воздухе, и я, счастливый и довольный, пожал её руку и, положив её на свою, просил представить меня матери.

Подойдя вместе к последней, Верочка сказала: — Вот вам, мамаша, двойник Кости; он желает познакомиться с вами, — и, отняв свою руку, отошла к другим девицам.

Отрекомендовавшись её матери, я уселся около неё. Начался обыкновенный в таких случаях разговор. Посыпались расспросы: откуда я? живы ли отец и мать? и т.п. С неба мечтаний и восторгов я опустился на землю житейской действительности и заговорил обыкновенным языком гостиных. Вскоре подошёл к нам отец Верочки, отставной, видный собой кирасир, делавший кампанию 1812 года. Оба они подтвердили сходство моё с их сыном. Откланиваясь, я получил ласковое приглашение посещать их, что я и обещал с радостью исполнить при первой к тому возможности.

Во время мазурки, ещё более котильона, Верочка, видимо, подчинялась новому, не испытанному ею ещё, как впоследствии оказалось, чувству любви... Постепенно стряхивая с себя осторожность, которой она, видимо, вооружилась против меня, сделалась ласковее, доступнее моим излияниям чувств... Я получил право называть её «сестрицей» по праву сходства с её братом. К концу вечера отношения наши ещё более выяснились; я видел, что на мою привязанность отвечают взаимностью, но прикрытой родственным чувством, и мы друг друга называли не

иначе, как брат и сестра; я, со своей стороны, к слову «сестра» всегда прилагал эпитет «милая». За ужином мы сидели рядом и весело болтали, довольные друг другом.

Так прошёл для меня первый день моего знакомства с Верочкой, начатый так оригинально и кончившийся счастливой взаимностью.

Почти все гости остались ночевать у Крюкова. Для нас, мужчин, очистили флигель дома, настлали на полу сена, покрыли его коврами, из экипажей снесли все, какие нашлись, подушки¹⁷, и мы, вповалку расположившись на нашем импровизированном ложе, уснули крепким безмятежным сном счастливой молодости...

На другой день после завтрака все разъехались. Перед расставаньем я улучил минуту переговоров с Верочкой и спросить, когда же брат увидит свою милую сестру, которую он так сильно любит. Мне весело улыбнулись и обещали переехать из деревни в Коломну на время танцевальных собраний, устраиваемых офицерами по подписке, и которые продолжались, впрочем, недолго, окончившись скандальной историей для полка, как о том сказано будет в своём месте.

Наши танцевальные вечера устроились: Верочка переехала в город. В свободное от службы время я часто посещал её семейство. Тут я открыл в Верочке новые достоинства: она была хорошая музыкантша, играла на фортепиано и обладала приятным голосом меццо-сопрано, которому недоставало только обработанности.

Семейство её состояло из отца, матери¹⁸ и двух меньших братьев: Владимира и Николая. Старший — Константин, мой двойник, служил в каком-то пехотном полку нашего же корпуса и находился в Тульской губернии. Отец, ветеран 1812 года, был ещё бодрый, видный собой мужчина. Служил в кирасирах и, женившись, вышел в отставку и поселился в своём коломенском имении «Юренёво»¹⁹, предавшись всецело сельскому хозяйству.

Мать была женщина бойкая, сохранившая ещё следы своей красоты, но сварливая и жёлчная. Впоследствии, сделавшись коротким в их семействе, я понял эту женщину и возненавидел её за пустые, мелочные придирки к своей дочери, вина которой состояла в том, что она была молода и красивее её лицом.

На наших танцевальных вечерах первую кадрили и мазурку, эти альфы и омеги танцев, я всегда танцевал с Верочкой. Взаимность наша была замечена всеми и дала повод, как всегда бывает в подобных случаях, разным предположениям на наш счёт. Мы же, оба молодые, счастливые

¹⁷ Пассажиры экипажей обкладывались подушками для смягчения тряски на ухабах, рытвинах или ямах, которыми изобиловали тогдашние просёлочные (и не только просёлочные) дороги.

¹⁸ Варвара Ивановна Павлова, урожд. княгиня Хованская (выпускница Смольнинского института благородных девиц, 1809 г.).

¹⁹ Юренёво — сельцо 2-го стана Бояркинской волости Коломенского уезда в 22 верстах от Коломны (с 1929 года — в составе Озёрского района, в настоящее время не существует); в середине XIX века насчитывало 5 дворов с проживающими 17 душами мужского пола и 16 — женского пола. Подполковник П. А. Павлов владел этим сельцом наряду с домом в Коломне.

своей любовью, блаженствовали, не обращая внимания ни на мир, нас окружающий, ни на пустые толки праздных людей. Слово «люблю» давно было произнесено между нами, и мы, продолжая называть друг друга братом и сестрой, очень хорошо понимали, что узы, нас связывающие, были не родственные.

Так мы блаженствовали, как вдруг и неожиданно последовал удар грома, от которого собрания наши распались... В нашем полку был поручик Н. П. Колюбакин²⁰, молодой человек с прекрасным образованием, обширным умом, но горячего, вспыльчивого характера и неблагоразумного в минуты своей «вспышки». Он служил в лейб-уланах, но за дуэль, которой, впрочем, не допустили совершиться, из гвардии был переведён в наш полк тем же чином. Этот-то Колюбакин и произвёл гром, разрушивший наши танцевальные собрания.

В бытность свою в Москве, Колюбакин в театре за что-то повздорил с гвардии конно-артиллеристом-ремонтёром Ватковским. Условились о месте свидания, но плац-майор²¹, присутствовавший в театре, развёл «наших петухов». Оба они, арестованные, были разведены по своим полкам. Вследствие этой истории Колюбакин содержался на нашей гауптвахте в Коломне под арестом.

Жена Крюкова, о которой я говорил прежде, была женщина разбитная. Проезжая мимо гауптвахты и видя Колюбакина, расхаживающего

²⁰ Колюбакин Николай Петрович (1811/1810/ — 1868) — генерал-майор, писатель, воспитанник Царскосельского лицея (1829); с 1830 года на военной службе. Участник подавления восстания в Польше 1831 года. За дерзость по отношению к командиру Оренбургского уланского полка в 1834 году осуждён, разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ; в боях был несколько раз ранен. С 1856 года на военно-административных должностях на Кавказе — в Кутаиси, Мингрелии, Эривани (Ереване); с 1863 года — сенатор. По словам военного историка В. А. Потто, «везде, где появлялся Колюбакин, он вносил с собой неподкупную честность, неутомимое преследование лихоимства, взяток и всяческих несправедливостей. Бешеной вспыльчивостью своего характера, 3 раза доводившей его до дуэли, он был известен самому императору Николаю Павловичу, который называл его “немирным Колюбакиным” в отличие от брата его, Михаила Петровича, называвшегося “мирным”».

²¹ Конно-артиллерист-ремонтёр — офицер, занимавшийся конным ремонтом, т.е. пополнением и заменой конского состава воинских частей (в данном случае — артиллерии); плац-майор — помощник коменданта (иногда комендант) гарнизона крепости.

по платформе, она приказала остановить свой экипаж и рукой подождала его к себе.

В разговоре она, между прочим, сказала:

— Как жаль, что вас сегодня не будет в собрании!

— Почему вы так думаете?

— Вы арестованы, вам нельзя!

— А вы желали бы видеть меня в собрании?

— Да!

— В таком случае я докажу вам, что для Колюбакина нет ничего невозможного. Я буду в собрании и заранее прошу вас на мазурку.

Вместо того, чтобы постараться отговорить Колюбакина от его столь безрассудного намерения, новая сирена с очаровательной улыбкой, пожимая руку на прощанье, сказала:

— С удовольствием. Смотрите же, не обманите. Я всем буду отказывать.

Этих так легко, так безрассудно сказанных слов было слишком достаточно, чтобы погубить Колюбакина. Никто ничего не знал тогда об этом разговоре: он происходил в присутствии единственного свидетеля — часового, и на французском языке.

Настал вечер. Ничего не предчувствуя, мы весело танцуем. Перед началом мазурки дверь в зал отворилась... вошёл Колюбакин. Все переполошились. Дамы, зная его горячий характер и предчувствуя «скандал», бросились разбегаться, и первая Крюкова, виновница всего происшедшего.

Полковой адъютант Бурков, при виде вошедшего Колюбакина, отправился в другую комнату, где играл в карты полковой командир²², и шепнул ему на ухо о случившемся. Евреинов, оставив игру и войдя в залу, где офицеры тщетно упрасивали Колюбакина возвратиться на гауптвахту, остановился против одного и строгим голосом спросил:

— Вы как сюда попали?

— Очень просто, полковник: пришёл ногами и вошёл в дверь.

Полковник, в свою очередь, тоже не последний «горячка», взбешённый таким неуважительно-насмешливым ответом, произнесённым притом весьма хладнокровным тоном, потерял чувство самосознания. Обратившись к музыкантам, он закричал:

— Тг' убачи! Взять его!

Военная дисциплина в то время соблюдалась очень строго и была развита до степени, не допускающей никаких рассуждений. Если бы полковой командир приказал изрубить офицера, и тогда солдаты ни на минуту не поколебались бы исполнить отданное приказание, несмотря на всё его безрассудство.

Трубачи, окружив Колюбакина, взяли его за руки. Полковник, подойдя к Колюбакину, сорвал с него эполеты, говоря:

— Вы остг'амили мундиг' пг' икосновешем к нему солдатских г'ук! Вы недостойны носить эполеты!

Колюбакин, мужчина высокого роста и сильный, одним движением плеч высвободился из рук трубачей и, прежде чем те вновь успели схва-

²² Речь идёт о командире Оренбургского уланского полка полковнике Илье Алексеевиче Евреинове.

тить его, взял полковника за лацканы и, прижав к стене, задыхающимся от злости голосом проговорил:

— Мерзавец! Ты не стоишь того, чтобы я ударил тебя. Не хочу марать рук о такую гадину!

Вся эта прискорбная сцена происходила так быстро, так неожиданно, что все окружающие, ошеломлённые ею, стояли как бы окаменелые, не двигаясь и не стараясь оказать помощи тому или другому, и молча смотрели на происходившее...

Полковник «подал рапорт» по команде о случившемся. Началось следствие. Колюбакин был отправлен в Москву, где при ордонанс-гаузе²³ наряжена над ним военно-судная комиссия. Все мы были в тревожном ожидании последствий, которые, во всяком случае, должны были иметь печальный исход. В таком настроении духа, конечно, нам было не до вечерних собраний, и они прекратились. По тогдашней строгости, с какою смотрели на всякое нарушение дисциплины, думали, что вина одного падёт на всех, тем более что большинство офицеров полка явно выказывали своё сочувствие Колюбакину. Думали даже, что раскassiруют весь полк. Но туча пронеслась мимо и разразилась в следующем году над корпусным командиром, князем Хилковым. Державный юпитер удержал на этот раз свои громы, чтобы тем сильнее направить их на князя²⁴.

По тогдашним порядкам, суд над Колюбакиным был продолжителен. Находясь под арестом, Колюбакин написал письмо государю, в котором, чистосердечно сознавая всю важность своей вины, умолял, как о милости, назначить его на Кавказ, чтобы кровью смыть с себя позор, нанесённый ему рукою полкового командира... Письмо это в списках ходило по рукам московской публики. По силе выражений и прекрасному слогу, оно извлекало невольные слезы... Наконец последовала конфирмация: Колюбакин разжалован в солдаты, но без лишения дворянского достоинства, в уважение заслуг и ран отца его, генерала, тогда уже умершего, и назначен на Кавказ, кажется, в Кабардинский полк²⁵, а полковник Евреинов за самовольный поступок — срывание эполета, дарованного высочайшей властью, лишается полка и переводится в Мариупольский гусарский полк, под команду младшего²⁶. Помню, тогда говорили, что такое лёгкое наказание Евреинову последовало вследствие ходатайства о нём фельдмаршала князя Паскевича, которому он как-то приходился сродни. Евреинов вышел в отставку, а Колюбакин на Кавказе дослу-

²³ Ордонанс-гауз — название комендантского управления, при котором действовали военные суды.

²⁴ Мемуарист намекает на увольнение в 1835 году командира 6-го корпуса Степана Александровича Хилкова, которое современники увязывали с резко негативным отношением князя к скандальному увлечению императора Николая I его сестрой Любовью Александровной (фрейлиной, женой флигель-адъютанта С. Д. Безобразова).

²⁵ Сомнения мемуариста справедливы — Н. П. Колюбакин был сначала отправлен в Нижегородский драгунский полк, из которого переведён в Тенгинский пехотный полк.

²⁶ В Мариупольский гусарский полк полковник И. А. Евреинов был назначен с понижением, т.е. под командование офицера, младшего его по званию.

жился до чина генерал-лейтенанта и умер в 1868 году в Москве, в звании сенатора межевого департамента.

Так разыгралась драма, началом которой послужили пустые слова пустой женщины... <...>

К нам назначен был полковым командиром флигель-адъютант, полковник, светлейший князь А. К. Ливен²⁷, до прибытия которого командовал старший в полку, полковник Я. Я. Воробьёв.

Служба наша, между тем, шла обычным порядком. По окончании ученья всем полком в сбор, в котором и я участвовал, но только на казённой лошади Муромец, — мой Брильянт не был ещё вполне объезжен, — в конце мая нас распустили на «траву».

Эскадронные командиры заблаговременно рассылают расторопных и доверенных солдат приискать и нанять сенокосные луга, с правом квартировать в тех селениях, коим те луга принадлежат. По приходе в такие селения, тотчас же расковыывают лошадей, прекращают дачу овса, а довольствуют их одной скошенной травой. Это-то и называется «стоять на траве». От корма одной травой лошади поправляются в теле, но теряют силу.

Наш эскадрон нанял луга Бронницкого уезда, в селении Старая деревня, принадлежащем г-же Наумовой. Сама помещица, вдова с тремя взрослыми дочерьми, довольно красивыми наружностью (в особенности средняя), жила в имении. Мы нашли у неё радушный приём и весело проводили время. Юнкер нашего эскадрона, Вараксин, поступивший в наш полк из пажеского корпуса, влюбился в старшую дочь Наумовой и сделал предложение. Мать приняла, и наш Вараксин катался, как сыр в масле, только что не ночевал у своей невесты. В коляске будущей тёщи, запряжённой четвернёй лошадей, приезжает на ученье, и т.п.

С уходом нашим из имения и свадьба расстроилась. Причины тому — не знаю. Может быть, родители Вараксина не дали на то своего согласия, или сам жених разочаровался в своей невесте.

Во время стоянки на «траве» получены были правила новых построений полка, называемых: первый, второй и третий боевые порядки, и фланкерского ученья, причём вся команда вообще на словах заменялась сигналами на трубах. Расскажу оригинальный и вместе с тем самый действительный случай изучения солдатами сигналов. На каждый сигнал отдельно были подобраны слова, иногда в рифму, на склад песни. При утренней и вечерней уборках лошадей, когда все люди бывают в сборе, трубач играл сигналы; все словами соответствующей песни хором повторяли за звуком трубы.

Таким образом, солдаты прекрасно заучивали значение всех сигналов, и часто случалось, что на ученьях подсказывали своим офицерам что какой сигнал означает.

В то же время мне доставлены были первые пять книжек только что начавшегося тогда известного журнала «Библиотека для чтения», на который я подписался в бытность мою в последний раз в Москве у книгопродавца А. С. Ширяева. С жадностью я бросился на чтение

²⁷ Полковник Андрей Карлович Ливен (1798–1856) был назначен командиром Оренбургского уланского полка 6 декабря 1834 года.

книжек: мне уже стала надоедать пустая, бездеятельная для ума жизнь, которую я вёл дотолё. В то время «Библиотека для чтения» была единственным журналом, по обилию и достоинству своих статей обращавших на себя внимание человека, мало-мальски получившего образование и развитого.

Таким образом, я получил возможность коротать своё однообразное время: службой, чтением и воспоминаниями «о Богом мне данной сестре», Верочке, которая, казалось, крепко засела в моём сердце. Тогда разлука действовала на меня в обратном порядке, т.е. не ослабляла, а, напротив, усиливала во мне память об обожаемом предмете.

Прошло шесть недель — термин, определённый для продовольствия лошадей травой.

Как кочующие цыганы, мы сложили свои пожитки и в половине июля выступили в Москву, на общие манёвры всего корпуса. Шли обыкновенным порядком, как я уже описал, при переходе нашего полка в Коломну.

Послесловие

Романтические отношения с Верочкой Павловой развивались следующим образом. После возвращения поздней осенью 1834 года с общих манёвров под Москвой 2-й взвод корнета Н. И. Мамаева был размещён в сельце Кривякино в 25 верстах от Коломны. Всю зиму влюблённые встречались на танцевальных вечерах, которые возобновились с назначением князя А. К. Ливена командиром полка. И хотя Верочка была «постоянно окружена толпой поклонников», сам Николай был совершенно спокоен, зная, что сердце её нераздельно принадлежит ему. Идиллия эта продолжалась недолго. Верочка пригласилась ротмистру Носовичу, который начал ухаживать за хорошенькой девушкой. Не встретив взаимности, он, уязвлённый, стал «дурно отзываться» о предмете недавнего обожания. Дело дошло до дуэли между Мамаевым и Носовичем (стрелялись в доме Носовича «с восьми шагов на пистолетах»). Во время дуэли ротмистр, получив по жребию право первого выстрела, промахнулся. Мамаев же отказался стрелять, заявив: «По праву условия нашей дуэли, выстрел оставляю за собой!» Происшествие это осталось в тайне и не имело последствий ни для дуэлянтов, ни для секундантов, чему способствовал и срочный вызов полка в Москву на царский смотр (предписано следовать в «боевом порядке, усиленным маршем, без дневки»).

По окончании смотра и прибытии полка «на зимние квартиры» в Коломну свидания Верочки и Николая продолжались и в городе, и в Юренёво. Счастливые в своих чувствах молодые люди не задумывались о будущем (спустя десятилетия Мамаев признавал, что он, двадцатилетний, и «в самые упоительные минуты» свиданий не мечтал о женитьбе). Однако мать Верочки имела на Николая свои виды и желала определённости. Будучи в Москве, где Мамаев гостил у деда, она письмом пригласила его поговорить «о серьёзном деле». Во время разговора один на один (Верочке было предложено погулять в отдалении) «мамаша», выяснив, что, хотя Николай и «испытывает привязанность» к её дочери, но не собирается в скором времени связать себя женитьбой, обвинила возможного жениха

в бесчестии: «Вы завлекли девушку. Рассчитывая на вас, Вера отказывается от блестящих для неё партий». После такого объяснения отношения с Верочкой были прерваны и более не возобновлялись. А вскоре Мамаев познал страстную взаимную любовь с Alexandrine N. — молодой женщиной, выданной отцом по выгоде за жившего в Москве престарелого сенатора князя N. (их имена мемуарист оставил нераскрытыми). И скоро в «милом, умном, очаровательном» разговоре с Alexandrine юноша забыл и недавнее свидание с Верочкой, и «всю свою на неё досаду». К несчастью, «глубокую любовь» Николая и Alexandrine прервала трагедия: через год после начала тайных встреч 24-летняя княгиня N., простудившись, умерла.

*Подготовка текста, предисловие, послесловие
и примечания Нисона ВАТНИКА*

КУЛЬТУРНЫЕ НОВОСТИ

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ

В Звенигороде вручили литературные премии имени Р. Рождественского и М. Пришвина.

В Культурном центре имени Любви Орловой в Звенигороде состоялось награждение лауреатов и дипломантов ежегодных областных литературных премий Роберта Рождественского и Михаила Пришвина, учреждённых губернатором Московской области.

В этом году на церемонию награждения лауреатов приехала внучка Михаила Пришвина — Наталья Бирюкова. Она выразила особую благодарность организаторам и участникам литературного конкурса за сохранение и любовь к родному языку и литературе.

За годы существования премий в конкурсе приняли участие более 650 подмосковных поэтов, прозаиков и краеведов. В 2016 году на премии номинировано 115 человек.

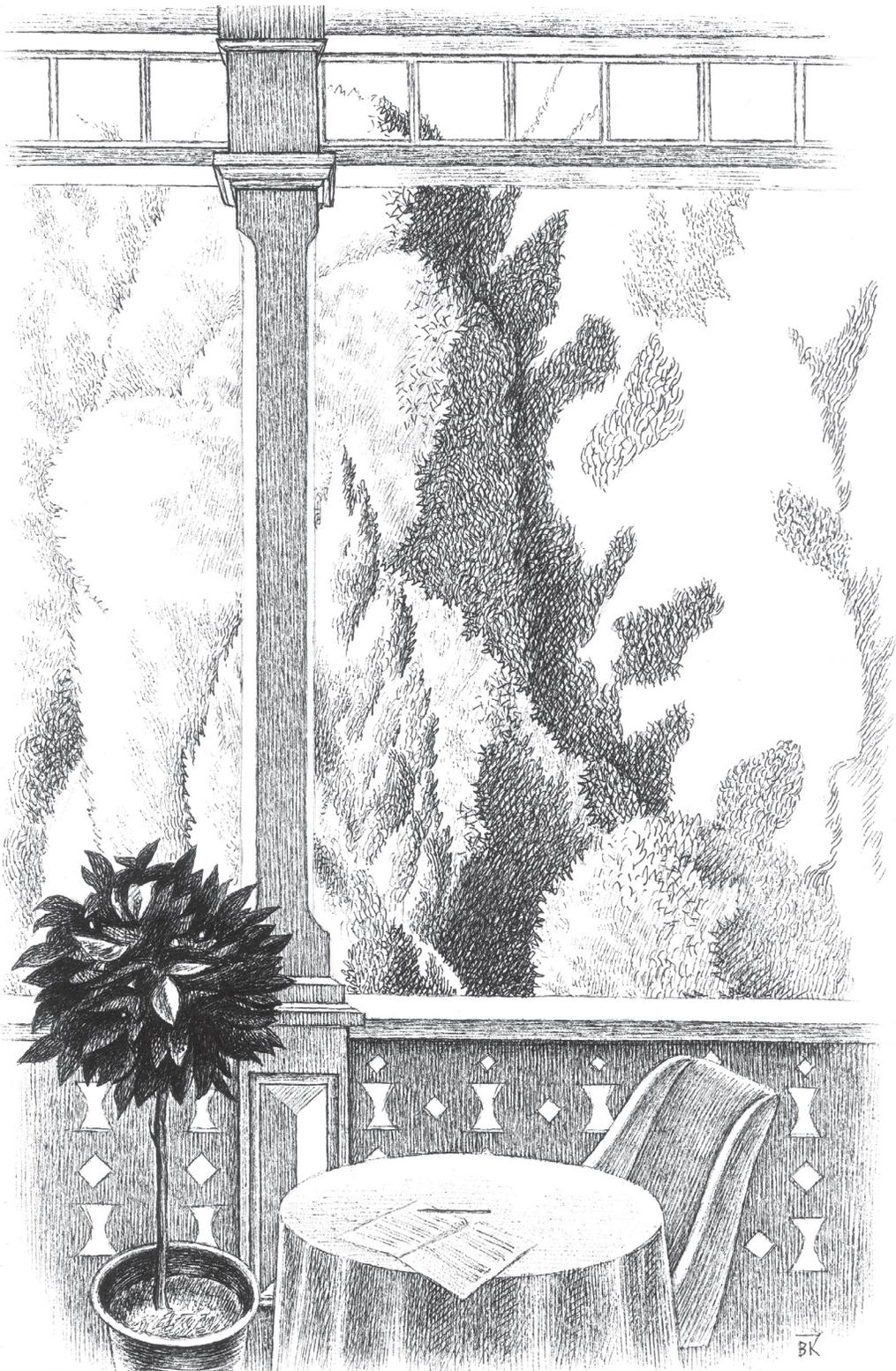
Лауреатами областной литературной премии им. Р. Рождественского в 2016 году признаны в номинации «Зрелое перо» Владимир Зайцев (Раменский район) за книгу «Птица загадка», в номинации «Поэтический дебют» — Анастасия Блинова (Ступинский район), за книгу «Жизнь № ».

Областная литературная премия им. М. Пришвина вручена в номинации «Художественные произведения» Лидии Жаровой (Шатурский район) за книги «Подмосковные вечера», «В памяти вечно живой...», и в номинации «Краеведческо-публицистические произведения» — Татьяне Бабуровой (Волоколамский район) за книги «И не было судьбы у нас другой», «И не было судьбы у нас другой — 2».

Революция...
Год 1917...

Графика Василины Королёвой

Валерий Ярхо

ОКТАБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В КОЛОМНЕ

(События, восстановленные по газетным хроникам, мемуарам участников, сборникам документов комиссии Истпрата)

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Окончил среднюю школу № 4. Его юмористические и детективные рассказы печатались в газетах «Российские вести», «Московский комсомолец», «Коломенская правда». В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Широко известен блестящими историко-краеведческими очерками.

В 2008 году опубликована его монография «Три времени Щурова».

Награждён литературной медалью имени И. И. Лажечникова.

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Исторический очерк

Трескучее слово «революция» у многих порождает ассоциации, навеянные кинематографом советской поры: толпы с транспарантами, вкривь и вкось белым по красному исписанными корявыми буквами, митинги, шествия, свержение старой власти. Всё это и впрямь имело место, но происходило совсем не «как в кино».

К началу мировой войны российские революционные партии переживали глубокий кризис. Нелегальные структуры революционеров на территории империи были разгромлены. Сотни боевиков — осуждены и казнены по «упрощённой процедуре» военно-полевыми судами, тысячи сосланы в каторжные работы и заключены в тюрьмы. Уцелевшие от арестов бежали за границу или притаились, отказавшись от активной политической деятельности. Остатки подпольных групп взяла под контроль полицейская агентура, и большей их частью управляли провокаторы.

Поражение революции 1905–1907 годов, скандалы, возникшие после раскрытия роли провокаторов в революционном движении, разочаровали многих сочувствовавших освободительному движению. Суровые меры, предпринятые властями, напугали обывателей. В то же время в обществе происходили важные процессы, точкой отсчёта ко-

торых стал Манифест от 17 октября 1905 года, которым гарантировались свобода слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности и ряд других гражданских прав и свобод. В России возникли легальные партии, представители которых заседали в Государственной думе. Поддерживаемые крупным капиталом «Конституционные демократы» (кадеты), «Союз 17 октября» (октябристы), «Трудовая группа» (трудовики) и ряд других издавали свои газеты, завязывали связи в высших сферах бюрократии, проникая к самой сердцевине управления государственной машиной.

Была разрешена легальная деятельность Российской социал-демократической рабочей партии РСДРП и социалистов-революционеров (эсеров), выступавших под революционными лозунгами. Они даже имели свои фракции в Государственной думе! Но центральные комитеты этих партий, состоявшие из лиц, обвинявшихся в целом ряде политических и уголовных преступлений, вынужденно пребывали в эмиграции. Лишённые финансовой поддержки, не имея лидеров, участвующих в реальных политических процессах, радикальные социалистические партии не оказывали значительного влияния на события, разворачивавшиеся в Российской империи.

Реальная власть постепенно переходила от высшего чиновничества из числа родовитой аристократии в руки управлявших обезличенным капиталом столичных финансистов, представители которых заседали в Думе.

При заметном общем экономическом росте стремительно сокращалось число предприятий, принадлежавших семейным фирмам или отдельным лицам. Акционирование создавало коллективных владельцев, часто являвшихся иностранными промышленно-финансовыми обществами.

Яркий тому пример — Коломенский машиностроительный завод, основанный братьями Струве, который ещё в XIX веке перешёл в руки акционерного общества. Заводом управляла дирекция, члены которой, помимо жалованья, получали дивиденды как держатели акций, но хозяевами дела не были. Контрольный пакет акций завода принадлежал франко-бельгийской банковской группе, инвестировавшей в период 1907–1910 годов в предприятие крупные средства. Совет директоров этой финансовой группы и был коллективным хозяином Коломзавода. Представителями иностранных инвесторов в России были столичные банки, опять же принадлежавшие коллективным владельцам. Решения советов директоров банков, в сущности, и определяли течение жизни предприятий, распоряжаясь судьбами тысяч рабочих и инженеров.

Перед самой мировой войной, летом 1914 года, в результате соглашения петербургских банков: Международного, Учётного и Ссудного — «Общество коломенского завода» было объединено с другой акционерной компанией — «Сормовские заводы». Юридически сохранив самостоятельность, фирмы имели единую администрацию и совместно исполняли заказы.

С началом мировой войны немецким предпринимателям, а также русским подданным немецкого происхождения было запрещено принимать подряды на исполнение оборонных заказов. А какие ещё могли быть заказы в это время? Немцев выдавливали из множества сфер бизнеса, вынуждая по смешным ценам продавать вставшие предприятия.

Образовавшийся коломенско-сормовский промышленный гигант, воспользовавшись ситуацией, принялся поглощать одно предприятие за другим. В том числе «Общество Коломзавода» отхватило настоящую

жемчужину — Бочмановскую фабрику земледельческих орудий компании «Липгарт и К^о», принадлежавшей предпринимателям немецкого происхождения. Ею владели члены семей Липгарт и Рингель, имевшие вблизи Коломны ещё несколько промышленных предприятий.

Противостоять монстру коллективного капитала у владельцев Бочмановской фабрики не было никакой возможности. Дирекция Коломенского машиностроительного завода просто известила сформированный летом 1915 года Центральный военно-промышленный комитет, что для производства снарядов требуется особый отдел, указав, что лучше всего для этого подходит фабрика земледельческих орудий в Бочманове. Мнения владельцев не спрашивали. Имена Липгартов и Рингелей в документах вовсе не упоминались. При содействии Комитета решение прошло через правительство, и — вуаля! — фабрика обратилась в снарядный отдел Коломзавода. Бывшим владельцам кинули подачку в 135 тысяч рублей. Такова была довоенная цена предприятия, которое, превратившись в снарядную фабрику, стало приносить миллионные прибыли.

* * *

С началом войны жизнь в Коломне и окрестностях здорово поменялась. Поначалу-то многие были в патриотическом восторге от перспектив «накідать немчуре». Но быстрой победы не произошло, война затянулась, и нужно было как-то приспособливаться к дальнейшей жизни.

Пользуясь тем, что загруженному военными заказами Коломенскому машиностроительному заводу требовалось всё больше и больше рабочих рук, попасть туда на работу стремились даже те, кто прежде обходил завод за версту. Привлекали не столько большие заработки рабочих, сколько возможность уклониться от военного призыва. Рабочие заводов, выполнявших оборонные заказы, считались «призванными в армию, но оставленными в тылу». Это соблазнительное обстоятельство притягивало даже детей коломенского купечества, которым светила перспектива попасть в окопы. По знакомству и за хорошие деньги их стали устраивать в цеха, и они по двенадцать часов в день усердно обдирали шрапнель — начинку для снарядов — в ряд с теми, кого прежде и знать не желали.

Однако рабочие весьма ревниво отнеслись к «чужакам», и не без их кляуз дело о купеческих сыновьях попало на страницы газет. Разгорелся скандал. Власти были вынуждены начать следствие. В 1915 году всех устроившихся на завод после начала войны, подпадавших под категорию «ратников 1-го разряда», по требованию полиции уволили, и призывная кампания поставила их под ружьё.

Для большей эффективности производства многие технологические процессы на Коломзаводе разбили на отдельные упрощённые операции, производить которые могли работники, не имевшие высокой квалификации. Это позволило нанимать неграмотных, необученных людей, в том числе, чего совсем не бывало прежде, женщин, крестьянок из окрестных деревень. Возможность зарабатывать вровень с мужчинами изменила их статус в семье. Женщина-добытчица, кормилец — это была настоящая революция в быту.

Политической подоплёки в изменениях жизни военной поры было совсем мало. Главным образом, все сводилось к экономике.

К весне 1915-го значительно подскочили цены на продовольствие. Прошёл слух, что в Москве, Петрограде, Ревеле и иных местах рабочим механических заводов, выполняющим оборонные заказы, подняли заработную плату. Тогда на Коломенском заводе объявили забастовку, потребовав пересмотреть расценки.

Буза началась 7 апреля (по старому стилю). Рано утром мастер Рыбаков увидел, что рабочие его цеха «разгуливают, сложа руки».

— Почему не хотите работать? — попенял он. — Вас же специально для этого в тылу оставили.

В ответ посыпались угрозы. Кто-то крикнул:

— Бейте его, ребята!

Мастер был не лыком шит. Выхватив из кармана складной нож, он пригрозил:

— Не троньте! Живым не дамся!

В него вцепились, стали крутить руки, повалили на пол.

Кто знает, чем бы всё закончилось, если бы не вмешался инженер Линд, пользовавшийся на заводе большим авторитетом. Он пробрался сквозь толпу, приказал передать ему мастера и вывел из цеха. Собственно, этим инцидентом события первого дня и исчерпались.

В течение последующих нескольких дней рабочие то начинали работать, то бросали. Иные «крутили итальянку» — так назывался способ отлынивать от работы, изобретённый итальянскими рабочими. Это когда все суетятся, вроде бы работают, а на самом деле саботируют и ни черта не делают.

К десятому числу завод встал полностью.

В подоплёке событий лежала не столько солидарность трудящихся и даже не желание увеличить заработка.

Забастовка была чистым проявлением крестьянской хитрости. Стояла весна, самое время копать огороды и сажать картошку. Прежде рабочие тоже занимались огородами, но в мирное время это было лишь дополнительным занятием, не главным. Теперь, живо смекнув, что война затягивается и продукты дорожают, имевшие в деревнях земельные наделы, чтобы обеспечить семьи и подзаработать, решили заняться своими хозяйствами всерьёз. В мирное время рабочих, имевших земельные наделы, по традиции, на несколько дней освобождали от обязанностей на заводе, без сохранения оплаты. Весной 1915 года из-за обилия срочных заказов дирекция отказалась отпустить работников, получив в ответ забастовку «по экономическому поводу».

Несколько дней, без шума и беспорядков, рабочие проволынили, под флагом забастовки вспахали огороды, а когда дирекция сдалась и согласилась на прибавку подённой расценки из расчёта 10 копеек холостым и 15 копеек женатым, возобновили работу.

Руководство завода, понеся определённые убытки, выяснило имена зачинщиков и призвало их к ответу. Дело рассмотрели в военно-окружном суде почти год спустя, 25 февраля 1916 года. На скамье подсудимых оказались В. Л. Бычков, И. В. Зотов, В. Н. Шондров (по прозвищу Собакин), Н. А. Малкин, М. В. Щёлоков (по прозвищу Савельев), И. С. Дорофеев и С. И. Лаврентьев, обвинявшиеся в подстрекательстве к забастовке. В качестве одного из свидетелей выступил фабричный инспектор 3-го участка

Московской губернии, в ведении которого находился Коломзавод. Он-то и растолковал сущность истинной причины забастовки.

Поскольку конфликт был улажен ещё в прошедшем году и с тех пор администрация и рабочие взаимно «приспособились» к новым условиям, суд не стал никого наказывать и оправдал подстрекателей.

* * *

В это же время коломенский священник Владимир Востоков, пастырь, не лишённый литературного и организационного дара, развил весьма бурную издательскую деятельность, выпуская журнал «Отклики на жизнь», который расходился по всей России и вызывал определённый резонанс общественного мнения. Печатались в журнале главным образом сам батюшка да представители его паствы. Среди них были и рабочие Коломенского завода. Самым «писучим» автором «Откликов...» оказался рабочий-металлист Владимир Фильчугин. Его статьи грешили «языковыми излишествами», но в них оказались запечатлены реалии военной поры, любопытные свидетельства времени, о котором мы парадоксально мало знаем.

Из публикаций Фильчугина можно узнать, как в обход «сухого закона», введённого летом 1914 года, корыстные людишки фабриковали «ханжу» — водку из суррогатных спиртов. В деревнях наладили торговлю брагой и самогоном, запрашивая за бутылку неперегонявшейся браги 30–50 копеек, смотря по тому, как она «заиграла», а за самогонку — до полутора рублей. Новое применение нашли одеколону, который выучились очищать через матерчатые фильтры. Впрочем, пили одеколон и так, платя по 2 рубля за флакон, как за хороший коньяк в довоенное время.

Автор оставил нам замечательную бытовую зарисовочку той поры: «Сидит компания в тракторе и «гоняет пустой чай». Разговор не клеится. Один из собеседников ёрзает на стуле и нетерпеливо поглядывает в окошко. По лицу видно, что он уже хватил «отравки» и никак не может прийти в себя. Но вдруг он оживляется и почти кричит: «Едет, едет!» Все сразу повеселели, и вскоре, как бомба, в трактор влетает «посланец», который достаёт из кармана свёрток, передавая его «мученику». В свёртке оказывается флакон «шерлаку» [чёрного лака на спиртовой основе, которым покрывали корпус паровозов]. Один из компании — за химика: он очищает спирт, и эта процедура занимает минут десять. [Делалось это просто — в лак сыпали горсть соли. Растворившись в смеси, она осаживала фракции красителя на дно. Оставалась спиртовая основа, которую осторожноенько сцеживали.] После очистки «страдальцу» налили полстакана полученного продукта, и тот хлопнул его залпом...». Потом, как рассказывал сам «мученик», описывая ощущения товарищам, по его телу пошли судороги, а левую ногу начало гнуть в дугу. В желудке же происходило такое, что «избави Бог лихого лиходея».

Полиция арестовывала пьяных за нарушение закона, искала продавцов. Но поди поймай их всех! Да и сами-то ловцы были далеко не ангелы, в большинстве своём «мимо рта в темноте не проносили». А коли так, то и договориться с ними всегда было можно.

Осенью 1915 года в городе ощущалась острая нехватка муки и сахара. Это был ещё не голод, но в стране были вынуждены ввести нормирование продаж основных продуктов. Впервые в истории русские люди столкнулись с такой штукой, как продовольственные карточки. Купцов обязали продавать в лавках продукты по нормам, определённым карточной системой. Однако контроль за исполнением обязанности был довольно слабым. Сובлазн «погреть руки» всегда пересиливал, а потому при торговле продуктами повсеместно совершались самые разнообразные злоупотребления.

Распространённым был простой, но эффективный трюк с заказом товара «на предъявителя». Суть аферы заключалась в том, что адресованные «на предъявителя» товары не спешили получаться. Прибывшие вагоны ставили на запасные пути. Купец тянул время, объясняя отсутствие продуктов в лавке тем, что «подвела железная дорога». Звучало вполне правдоподобно, потому что дороги и впрямь были чудовищно перегружены военными перевозками и заторов на них хватало. Проверить, пришёл ли вагон, если груз адресован анонимному получателю, было невозможно. За каждый день простоя железная дорога начисляла штраф и в убытке не оставалась. Хозяин забирал товары только тогда, когда цены взлетали, да ещё закладывая в них при розничной продаже расходы, понесённые на штрафах, лицемерно поясняя рост дороговизны трудностями военного времени.

В журнале «Отклики на жизнь» от 8 ноября появилась статья Фильчугина «Что сказал бы Кузьма Минин нынешним купцам», в которой автор описывал случай, ставший широко известным. На запасных путях в Голутвине стояло 26 вагонов с продовольствием, в то время как в городе невозможно было купить муку. Как только «цены скакнули», мука и сахар появились в изобилии. Всем, кроме покупателей, было хорошо: торговец нажил втрое больше закупочной цены, железная дорога тоже получила своё.

Вместе с тем, отмечал автор, далеко не все торговцы так хищнически относятся к землякам, стремясь «зашибить деньгу»: «Резкий контраст с действиями лихоимцев являет купец Иван Лежнёв, состоящий в правлении одного из местных потребительских обществ. Как только обнаруживается спекуляция, Лежнёв, не считаясь с личными делами по лесоторговле, едет разыскивать муку и прочие товары. Благодаря его энергичности это часто удаётся. Кооперативы, созданные Лежнёвым в Коломенском уезде, помогают удовлетворить потребности рабочих и крестьян».

Усилиями одиночек противостоят вакханалии с провизией не удавалось. Множество организаций создали структуры по обеспечению рабочих и служащих продовольствием. В выгодном положении оказались рабочие Коломзавода, дирекция которого часть зарплаты стала выдавать продуктами. Кроме того, потребительское общество завода, созданное ещё при первом хозяине, Аманде Егоровиче Струве, проводило распродажи продуктов по «некоммерческой цене», так называемые «дешёвки». По меркам того времени это считалось очень большой выгодой. Хотя, конечно, с довоенной жизнью такое «благополучие» не шло ни в какое сравнение.

Доискиваясь глубинных причин продовольственного кризиса, Фильчугин приводил цитаты из интервью депутатов Государственной думы,

данного газете «Русское слово». Вину за продовольственный кризис господу депутаты возлагали на крестьян, укрывавших продовольствие. По их словам, крестьяне саботировали казённые закупки. Имея запас прошлого года урожая, в 1915 году они отказались продавать хлеб, ссылая его в ямы. Мужики тоже ждали «подходящую цену».

Но даже те продукты, которые попадали на рынок, нуждались в переработке, а сделать это было негде — с началом войны закрылось множество пекарен, кондитерских, колбасных, скотобоен, мельниц, молочных лавок. Во-первых, скачки цен и инфляция подорвали финансовую основу существования этих предприятий. Во-вторых, большинство работавших на этих предприятиях специалистов забрали в армию, а замены не было — ремеслу учились с детства. Те работники перерабатывающих предприятий, кого ещё не призвали на военную службу, подались на заводы, где производили оружие и военное снаряжение. Там и платили больше, и отправка в действующую армию была менее вероятной.

Несколько наивные, излишне многословные писания провинциального рабочего сильны не столько мастерством публициста, сколь духом истинного переживания и житейской правды. В них представлено множество непривычных большинству россиян фактов, изучение которых приводит к мысли о том, что трёхсотлетнюю Российскую империю погубили люди, не имевшие к революционному движению никакого отношения.

У истоков катастрофы громадного государства стояли крестьяне, прятавшие хлеб, порождая дефицит продовольствия, купцы, превращавшие трудности военного времени в золотую жилу, наживая спекуляциями на полушку вложения рубль прибили, развращённые коррупцией чиновники, чья доля увеличивала стоимость всего, — все они были причастны к разрушению экономики и эрозии государственной системы воевавшего государства.

Свои ручки к приближению политической катастрофы приложили господа промышленники, которым война была — что мать родна! Финансовые воротилы, державшие пакет акций «Общества Коломенского завода», покупали уже не отдельные предприятия, а целые концерны, промышленные группы, превратившись в финансово-промышленное княжество, разбросанное по всей европейской части России, вплоть до Уральских гор. Военно-промышленные комитеты становились более реальной властью, чем царская, государственная, чем власть администрации.

Каждый день войны обходился России в 40 млн. рублей. Ни царская семья, глава которой, император Николай, на вопрос переписи населения о роде занятий гордо написал «Хозяин земли русской», ни родовая аристократия, владевшая колоссальными состояниями, в финансировании военных расходов личными средствами не участвовали. Неся огромные расходы, государство прибегало к многочисленным займам как внешним, так и внутренним. Банки Англии, Франции, Италии и Америки предоставили России более 8 млрд. рублей. Внутренние займы были в несколько раз больше. Всего же к исходу 1917 года государственный долг достиг 60 млрд. рублей. Этими деньгами государство оплачивало военные заказы.

Производившие вооружение, снаряжение и амуницию предприятия принадлежали обезличенному акционерному интернациональному капиталу. Часто акции предприятий, выполнявших военные заказы, принадлежали тем же банкам, которые предоставляли займы Российскому

государству. Деньги банкиров, держателей акций предприятий, производивших вооружение, став займом, потом средством расчёта за военные заказы возвращались обратно в виде прибылей и дивидендов. Империя получала средства для ведения войны и всё увеличивающийся долг. Оружие и боеприпасы перемальвались молохом войны, их производили заново, делая для этого новые займы.

С 1914 года был прекращён размен ассигнаций на золото, и необеспеченные бумажные деньги стали жертвой инфляции, обесценивавшей рубль всё больше. В 1917 году иностранные банкиры отказались кредитовать Россию, уже неспособную обслуживать долги, выплачивая проценты. Российские власти предержавшие попали в прямую зависимость от владельцев российских банков и заводов, уже заседавших в военно-промышленных комитетах, приобретающих политическую силу. Члены этих комитетов входили в центральные комитеты легальных партий, заседавших в Думе, и таким образом реальная власть оказывалась в руках финансово-промышленной элиты, представленной политиками в Думе, менеджментом в военно-промышленных комитетах. И упускать эту власть они совсем не хотели. Оставалось только сменить форму правления, к чему дело и велось.

Из статей Фильчугина ясно видно, что как таковые государственные нужды большинству россиян были глубоко безразличны. Веками их приучали: «Всяк сверчок знай свой шесток», они и относились к внешнеполитическим событиям со стоическим безразличием, твердя: «Не нашего ума дело!» По-настоящему простой люд беспокоили только трудности с покупкой продовольствия, отсутствие качественной водки и опасность «загреть» на фронт.

* * *

Армия перестала быть опорой власти. Большая часть её кадрового состава полегла в первые годы войны. К 1917 году большинство воевавших солдат были призванными из запаса, а офицерами по необходимости военного времени становились фронтовики из простолюдинов, окончившие офицерские школы гимназисты и студенты, молодые чиновники и прочие. Понятия «офицерская честь», «долг перед Родиной» и иные основы сознательной дисциплины постепенно утратили смысл, перестали быть руководством к действию, правилами жизни. В тогдашней армии служило немало людей, полагавших, что главное — выйти из военной передраги живым и по возможности здоровым. Дальше уж как-нибудь само собой всё наладится.

Постепенно в армии вызревали всё более грозные процессы. Гибнуть «невесть за что» на фронте, в то время как в тылу «жируют», воевавшим солдатам и офицерам казалось верхом несправедливости. Того пуще — крамола расцветала в тыловых казармах, где призванные из запаса меньше всего желали идти воевать и ради этого были готовы ввязаться в любую политическую авантюру. Дело усугублялось ещё и тем, что обеспечение армии было поставлено из рук вон плохо. Вернее, поставлено таким образом, чтобы интенданты и поставщики замечательно удобно «грели руки», а воинам доставались жалкие крохи и дрянь, проведённые по отчётам как отличные продукты и снаряжение.

Те, кто видел это своими глазами, так описывают ситуацию: «В сравнении с общим положением в городе особо остро стоял вопрос с продовольствием в войсках Коломенского гарнизона. Солдаты вынуждены были буквально выпрашивать питание под окнами. От нехватки товаров и продуктов во всех копилось недовольство, всюду росло возмущение».

Даже генералы из потомственной аристократии, столкнувшись с поставщиками, членами военно-промышленных комитетов, ощутив вкус больших денег, которыми с ними «делились», и те уже были «не за царя». Более того, многие из военных, у кого «рыло в пуху», как огня боялись окончания войны, подсчётов и выяснений: кому, куда, чего и сколько. По этой причине они «стали склоняться к демократическим преобразованиям», которые, погубив «старый строй», оставили бы их при больших деньгах и отвели топор правосудия. Девизом стало «чем хуже, тем лучше»: чем запутаннее ситуация, тем труднее их будет поймать. Страна неслась под горку, словно на салазках тёмной ночью, и так, вслепую, со всего маху въехала в грозный 1917 год.

Ни у кого не было ни охоты, ни возможности противодействовать всеобщему и постепенному разложению страны, каждый день по чуть-чуть слабевшей. Всем, кто не ловил рыбку в мутной воде, не делал деньги, а отоваривал карточки, «доставал» штаны да ботинки, ставшие страшным дефицитом, такая жизнь надоела. Они мечтали жить, а не выживать. Ждали событий, которые встряхнут всех и исправят ситуацию. И дождались: трягнуло, да так, что только зубы клацнули.

* * *

Зимой 1917 года в Коломне царил «перманентный продовольственный кризис». Все попытки преодолеть его ни к чему путному не привели. Во второй половине февраля в город перестали приходить газеты. В то же время из Петрограда доносились слухи о падении доверия к правительству и Думе. В среде городской интеллигенции по рукам передавали обращение к царю князя Львова и председателя Государственной думы Родзянко с предупреждением о грядущей катастрофе в случае дальнейшего разложения государственной власти.

Известный в Коломенском уезде врач и общественный деятель Борис Афиногенович Брушлинский состоял членом продовольственного комитета земской управы. Он присутствовал на заседании 28 февраля 1917 года, в ходе которого комитет искал способы улучшить снабжение города. В перерыве председатель земской управы Лунин отозвал Бориса Афиногеновича в сторону и тихо сообщил, что «циркулируют слухи об отречении Николая Второго». Это казалось невероятным: царь отрёкся от престола! Но 1 марта коломенские земцы получили телеграмму, разосланную по всем железнодорожным линиям, в которой сообщалось, что самодержавное правительство свергнуто и власть в свои руки взял Временный комитет Государственной думы во главе с Родзянко. Подписана телеграмма была временным комиссаром путей сообщения.

* * *

По свидетельству рабочего Владимира Фильчугина, с утра 1 марта рабочие Коломенского завода явились на работу «по гудку», ещё затемно. Как водится, перед работой сели покурить, разговаривали. Из уст в уста передавали слух: «Что-то случилось!» Но никто не знал, что именно. После начала работы по цехам пошли телефонные звонки, которыми вызывали на собрание уполномоченных больничной кассы. Это была выборная структура рабочих представителей, зачаток профсоюза металлистов. Собравшись представитель дирекции прочитал телефонограмму из Петербурга, сообщавшую об отречении царя и переходе власти к Комитету Госдумы. Обсудив ситуацию, уполномоченные решили собрать заводской митинг. Но сначала разошлись по цехам и провели летучие митинги, сообщив товарищам о полученных известиях. Рабочие слушали сосредоточенно, недоверчиво, долго обсуждали новости.

Перед обедом заводчане потянулись в цех паровозной сборки, огромное помещение которого едва всех вместило. Люди облепили паровозы, краны, любые возвышенности.

На штабель рельсов взобрался рабочий В. Г. Чиркин и, от волнения и восторга срываясь на крик, прочитал сообщение о свержении царской власти, отречении царя и переходе власти в руки Временного комитета. Последние слова Чиркина потонули в приветственных криках и аплодисментах.

В тот день у главной заводской конторы собрался ещё один митинг. По его завершении огромная масса народа с красными знамёнами двинулась по Бобровскому шоссе к городу. В толпе демонстрантов перемешались рабочие, служащие, инженеры, торговцы, интеллигенты. У всех на груди были красные розетки, и даже полицейский пристав, ехавший впереди на лошади, украсил свою грудь этим революционным символом. Около городского кладбища шествие встретил священник кладбищенской Петропавловской церкви с причтом. Благословляя, он осенял шествие крестом, время от времени восклицая: «Христос воскрес!»

* * *

Тем же вечером домой к Брушлинскому зашёл член земской управы Н. В. Кашперов, предложивший собрать экстренное совещание общественных деятелей Коломны. Обратились к тем, кого считали дельными и способными к действиям людьми, приглашая к десяти вечера явиться в здание управы.

Собрались главным образом земские служащие и члены правления Коломсоюза — организации, управлявшей деятельностью и представлявшей интересы торгово-закупочных кооперативов, созданных во время войны для обеспечения уезда продовольствием.

Резонно предположив, что дальнейший ход событий во многом зависит от позиции, которую займут военные, решили выяснить настроение гарнизона. С этой целью пригласили командира 198-го запасного пехотного полка полковника Маянского и нескольких старших офицеров.

Командующий гарнизоном Василий Иванович Маянский был типичным армейским служакой, карьера которого во многом сложилась благодаря войне и личной отваге. Родился он в 1871 году в Костроме, там же окончил гимназию, после чего поступил в Казанское юнкерское училище. После училища служил в пехоте. Первый офицерский чин подпоручика получил 14 мая 1896 года, в день коронации императора Николая Второго. Не имея иных доходов, кроме жалованья, женился, когда перевалило уже за тридцать, — до этого возраста неимущие офицеры должны были подавать начальству рапорт, испрашивая разрешение на брак. В 1905 году у Маянского родился сын Авенир, в 1912 году — дочь.

В полку Василий Иванович слыл лучшим стрелком, и именно его в апреле 1910 года делегировали на соревнования в столицу, куда съехались лучшие армейские снайперы. Лучшим среди лучших стал именно поручик Маянский, завоевавший приз, учреждённый императором. Вскоре после этого последовало повышение в чине.

С началом мировой войны командовавший 9-й ротой 181-го Остроленского полка штабс-капитан Маянский отправился на фронт. В июле 1915 года во время боёв под деревней Майдан-Скржинецкий получил сквозное пулевое ранение. После госпиталя уже подполковником вернулся в полк, приняв под команду 3-й батальон. Новый бой — и новое ранение, шрапнельное, в голову. Снова госпиталь, и опять возвращение в полк. В 1916 году подполковник командовал 4-м батальоном Остроленского полка и в ходе боёв за Кутовщинский лес во время наступления под Барановичами 20 июня 1916 года в третий раз был ранен — пулей навывлет.

Из госпиталя выписался 23 ноября 1916 года и на фронт больше не попал. Ему присвоили чин полковника и отправили командовать 198-м запасным полком, расквартированным в Коломне. По старшинству чина он стал командиром местного гарнизона.

Революция не удивила и не испугала Маянского, ибо лично ему терять было особенно нечего. В 12-й графе послужного списка об имущественном положении по состоянию на 27 ноября 1916 года указывалось: «Родового или благоприобретённого имущества не имеет ни он, ни жена». Семь боевых орденов, в том числе орден св. Георгия IV степени, шашка с орденским знаком св. Анны IV степени, как казалось Василию Ивановичу, обеспечивали ему гарантии неприкосновенности и уважение любой власти.

Вечером 1 марта 1917 года в земской управе полковник быстро согласился «встать на сторону новой власти» и отправился в городское офицерское собрание, чтобы переговорить с подчинёнными. Вернувшись, сообщил, что командный состав гарнизона признаёт власть Временного комитета.

* * *

Хлопотным выдался третий день новой эры, выпавший на 2 марта 1917 года от Рождества Христова — в Коломенском уезде спешно формировали органы нового управления. Было созвано широкое собрание с представительством рабочих. По сути, это был аналог новгородского вече, которым ловко манипулировали коломенские общественные деятели, большей частью служившие в земстве. Ничего удивительного в этом нет.

Земство было наиболее самостоятельной, не государственной, а общественной структурой, способной к самоорганизации. В сложившейся ситуации оно оказалось наиболее готовым к соответствующим действиям.

Путём простого голосования сформировали Исполнительный комитет, в состав которого вошли представители земства, городской управы, кооперативов, рабочих и военных. Комиссаром и представителем Временного правительства в Коломне избрали доктора Брушлинского. Сразу же после собрания Исполком отдал приказ разоружить полицию, арестовать жандармов и высших чинов полиции. Так прекратили своё существование остатки царской административной системы, на смену которой пришли выборные органы.

На другой день Исполнительный комитет принимал военный парад. Председатель обратился к частям гарнизона с речью, по окончании которой вместо царского гимна впервые прозвучала революционная «Марсельеза». В тот же день Исполком написал первое обращение: «Граждане! Свершилось великое дело — рухнул старый строй, приведший страну в такое ужасное положение. Представители народа в лице Государственной думы и армии взяли власть в свои руки. Разруха государственной жизни так велика, что лишь при дружной, полной, беззаветной любви к Родине, работе всего населения возможно вывести нашу Родину на новый, светлый путь. Граждане! Сохраняйте полное спокойствие, продолжайте свой мирный созидательный труд, относитесь с доверием к новой власти в лице Исполнительного комитета и его избранника. Помните, что сейчас от нас самих зависит вопрос — быть или не быть свободной России».

Больше всего времени для выработки позиции потребовалось духовному ведомству. Пауза затянулась аж до 12 марта, но ничего контрреволюционного и от коломенского священства не последовало. Судя по отчёту, опубликованному в «Московских церковных ведомостях», 12 марта 1917 года в здании Троицкой церковноприходской школы состоялось собрание коломенского духовенства, учителей духовного училища и церковноприходских школ «для свободного обмена мнениями в связи с обновлением государственного строя в России». Всего пришло 60 человек. Председательствовал на собрании священник Озерецковецкий, который позволил высказаться каждому из присутствовавших. Как отмечено в протоколе, «обмен мнениями прошёл оживлённо».

Для разработки вопросов организационного, идейного и программного характера прямым, тайным и равным для всех присутствовавших голосованием выбрали Исполнительный комитет духовного ведомства в числе одиннадцати человек (девяти членов и двух кандидатов). Из них было трое священников, два диакона, псаломщик, два учителя Духовного училища и три учительницы церковноприходских школ. В финале постановили приветствовать Временное правительство в лице представляющего его в Коломне комиссара Б. А. Брушлинского и передать ему следующую резолюцию: «Собрание духовенства, учителей Духовного училища и церковно-приходских школ г. Коломны, выражая полную преданность новому правительству державы Российской и свою душевную готовность служить обновлённому государственному строю, искренно моля Господа: да благословит Он промыслительно правительству нашему в настоящий великий исторический момент в многотрудном деле устройства нашего отечества

на пороге его новой жизни, да исполнит Он всех сынов нашей великой Родины братской любовью и общим воодушевлением к единому сердцу и мирной работе на общегосударственное благо и наше общее счастье. Да поможет Всевышний нашему доблестному воинству и его военачальникам достичь славной и решительной победы над грозным и опасным врагом, при общем содействии им в этом деле всего русского народа утвердить Россию на пути истинной свободы, могущества и силы. И да воссияет Он, Милосердный, лучом свободы над матерью нашей — Церковью Православной, которую так долго держал в узех и гнёте рабства прежний государственный строй, и даст ей возможность при новом правительстве и обновлённом государственном строе быть в полном смысле живой и животворной Церковью живого Бога, неколебимым столпом Христовой истины и нелицемерной провозвестницей возвышенных начал мира, любви и правды между людьми».

Это послание было утверждено и 14 марта 1917 года вручено Брушлинскому. Таким образом, церковь — последний оплот империи — и та приветствовала новый строй. Решительно никому в эти дни было ни чуточки не жаль рухнувшей империи и отрёкшегося императора.

* * *

В марте–апреле 1917 года из эмиграции вернулись центральные комитеты революционных партий, а из тюрем и с каторги были освобождены все политические заключённые. После амнистии, объявленной Временным правительством, в Коломне высадился целый десант опытных деятелей революционной борьбы.

Центральной фигурой в этой когорте, вне всякого сомнения, был Василий Егорович Левшин. Ему исполнилось только 27 лет, но это был уже весьма опытный руководитель и организатор политической работы, с большим тюремным стажем. Он примкнул к движению в 1905 году, в возрасте 15 лет, когда был учеником рабочего на Коломзаводе. После разгрома организации и серии провалов 1906–1907 годов Василий, которому едва исполнилось восемнадцать, возглавил подпольную организацию, называвшуюся «Коломенский район окружной организации РСДРП». Его делегировали в партийную школу на Капри, куда он добирался, нелегально перейдя границу с контрабандистами. В Италии он слушал лекции Луначарского, Горького и других весьма известных деятелей социал-демократии. С Капри перебрался в Париж, где встречался с Лениным и людьми из его окружения, выслушав несколько лекций по тактике нелегальной работы.

Применить эти знания на практике почти не удалось, потому что вернувшиеся в Россию выпускники партийной школы стали жертвой полицейской агентуры, внедрённой в их ряды. После двух месяцев работы Левшин провалился, и в 1911 году его приговорили к четырём годам каторги, заменённой тюремным содержанием. Наказание он отбывал в Бутырской тюрьме, а в 1914-м его выслали в Восточную Сибирь, в город Киренск.

В тюрьме и ссылке Василий Левшин усиленно занимался самообразованием, выучив три иностранных языка, чтобы в подлиннике читать работы по теории марксизма.

В Коломну вернулась и супруга Левшина — также «проверенный партийный товарищ» Ираида Ульяновна Карасёва, потомственная, можно сказать, революционерка. Её отца Ульяна Карасёва, рабочего петербургского завода «Леснер», посадили за участие в революционном движении, а потом выслали из Петербурга, запретив проживать в Москве и губернских городах. Карасёвы осели в Коломне и, едва обнаружили в окрестностях зачатки революционной организации, примкнули к ней. Старший Карасёв, его сын Александр, дочь Мария стали членами подполья, а Ираида, тогда совсем ещё девчонка, помогала, чем могла. Стояла караульщицей, когда собирались сходки, бегала с записками, исполняла другие мелкие поручения. Во время демонстрации 11 декабря 1905 года, когда колонна революционеров в надежде захватить власть в Коломне шла от завода в город и напоролась на заставу казаков и горожан, четырнадцатилетней Ираиде крепко досталось в драке. Спустя неделю после побоища у Петропавловского кладбища в руки отряда Римана попал её отец, которого расстреляли в числе 24 человек, арестованных в Голутвине и Боброве 18 декабря 1905 года. Так, по крайней мере, она говорила. (Однако, как ни покажется странным, факты этого не подтверждают.) Как бы то ни было, но гибель отца лишь прибавила молоденькой девице твёрдости, а путь борьбы с самодержавием она выбрала для себя уже давно.

Дальше было, как у многих других: подпольная работа, аресты, три отсидки в тюрьме, высылка в Сибирь к мужу.

* * *

Несмотря на то, что безусловным харизматическим лидером рабочих был Левшин, имевший огромный опыт подпольной работы, образованный, учившийся в партийной школе, официальным представителем Московского окружного комитета РСДРП(б) стал вовсе не он. Дело в том, что товарищ Левшин выступал за тесное сотрудничество с меньшевиками, а большевистская «окружка» настаивала на создании собственной обособленной организации. Её поручили создать Яну Яновичу Грунту, специально с этой целью отправленному в Коломну.

Этот посланец окружной организации РСДРП(б) был также очень молод — на два года младше Левшина. Имел похожую биографию, с той лишь разницей, что уроженцу Риги Яну Яновичу удалось поучиться в гимназии. Но в том же возрасте, что и Левшин, старшеклассник Грунт примкнул к социал-демократической организации, следствием чего стал его арест в 1907 году и суд. Приговорили его к пяти годам каторжных работ, но так как Ян ещё был несовершеннолетним, каторгу ему заменили тюремным заключением. Свой срок он отбывал в Бутырской тюрьме, выйдя на волю в 1912 году.

Вернувшись в Ригу, Ян Грунт снова погрузился в пучину революционной борьбы, став журналистом подпольной прессы, агитатором и организатором подполья. В 1913-м его снова арестовали и по приговору суда сослали в Нарымский край. Сбежав с места ссылки и проживая на нелегальном положении, Ян Грунт создал в Москве социал-демократическую организацию, связанную с Московской окружной организацией РСДРП.

В 1915-м эсдековское подполье в Москве провалилось, его участников судили, и среди прочих Грунт получил четыре года каторги.

После амнистии Временного правительства Ян Янович приехал в Москву и, по его собственному признанию, «случайно» был командирован в Коломну в качестве партийного организатора от московского окружного комитета.

Несмотря на то, что Комитет РСДРП был ещё общим, большевику Грунту было приказано сформировать в Коломне отдельную от меньшевиков большевистскую организацию — РСДРП(б). Денег у Московской окружной организации не имелось, а потому ставка делалась на энтузиазм. Приехавший на работу в Коломну товарищ Грунт жил за свой счёт. Его поддержали товарищи-социалисты, устроив на службу инструктором по кооперации в Коломсоюз, где служили многие члены партии социалистов-революционеров.

* * *

Самые сильные на тот момент позиции в городе и уезде были у партий конституционных демократов (кадетов) и социалистов-революционеров (эсеров). Первых поддерживали горожане, а за эсеров горой стояло уездное крестьянство, ибо эта партия предлагала самую соблазнительную для мужичков программу земельной реформы. Социал-демократы имели традиционно сильные позиции на машиностроительном заводе и в посёлках, выросших вокруг него.

На Коломенском и Бочмановском заводах работало около 500 латышей, эвакуированных из Прибалтики, когда туда пришли немцы. Живя в Боброве, они объединились в землячество, в котором зародилась некая инициативная группа, ставившая любительские спектакли. Таким образом собирали деньги в пользу арестованных по политическим делам. Ещё в 1916 году лидеры латышей Румба и Якобсон познакомились с эсдеками Семячкиным, который руководил щуровским драмкружком, и Бессоновым, выборным больничной кассы на Коломзаводе. Те помогали актёрам-любителям получать помещения для спектаклей.

В марте 1917-го культурно-просветительские кружки Щурова, и латышский в том числе, объединились в клуб под названием «Вперёд». Большинство членов клуба были рабочими, но к ним примкнули и все жившие в Щурове интеллигенты: врачи, учителя, заводские служащие и учащаяся молодёжь. При столь разнородном составе участников политические предпочтения членов клуба охватывали весь партийный спектр. Когда на первом организационном собрании встал вопрос о создании ячейки политической партии, врач Крафт предлагал примкнуть к кадетам, вернувшийся с военной службы матрос С. Ф. Истомин агитировал за эсеров, а Бессонов объединил вокруг себя эсдеков.

На базе клубной фракции к концу марта 1917 года в Щурове была создана ячейка РСДРП, в которую, кроме Бессонова, вошли П. И. Шарпов, К. и Ф. Зеленцовы, Н. А. Пантелеев, Н. А. Семячкин, Н. Т. Чулин, М. Н. Цыплаков, Август Недрит и Филин по прозвищу Самойлыч, в саду которого проводились партийные собрания. Латыши создали свою социал-демократическую организацию и избрали комитет в составе Румбы,

Крутины, Якобсона, Янерсона и Кумпэ. Первое время вся организация состояла из десяти человек, но к лету увеличилась до 87 членов и превратилась в довольно значительную партийную силу, с которой следовало считаться.

На Коломзаводе вожаком социал-демократов был Василий Егорович Левшин, пользовавшийся большим авторитетом. На тот момент он не желал строить отдельную большевистскую организацию. «К сожалению, тов. Левшин был увлечён строительством объединённой организации, — впоследствии писал Грунт в своих мемуарах. — Без Левшина организационная работа на заводе была почти невозможна, а потому до времени пришлось оставить завод в покое, дожидаясь, когда Левшин перейдёт к нам».

В том, что это произойдёт, Грунт не сомневался — рано или поздно раскол у «беков» и «меков» должен был оформиться из-за слишком большой разницы в оценке событий и методах работы.

В апреле 1917-го все политические силы стремились «набрать вес» накануне созыва Учредительного собрания, которое должно было определить дальнейшую судьбу страны, дать ей парламент, сформировать правительство. От количества членов партии и их возможности влиять на избирателей зависело представительство на Учредительном собрании. В уезде шла отчаянная борьба за политическое лидерство, добиться которого можно было, только опираясь на большую по численности, разветвлённую организацию.

К апрелю 1917 года в городской социал-демократической организации большевиков состояли Ян Грунт, его жена Софья, Н. А. Смоленский, В. И. Болонников, товарищ Дерчанская, товарищи Гусев и Панин. Составлявшие костяк группы супруги Грунт, Дерчанская и Смоленский были людьми приезжими, неместными. Их мало кто знал, и влияния они не имели.

Чтобы увеличить число членов группы за счёт местных товарищей, Грунт организовал кампанию по приёму в партию. Над своим столом в инструкторском отделе Коломсоюза Ян Янович повесил объявление: «Здесь происходит запись желающих в партийную организацию РСДРП(б)». Объявления аналогичного содержания он разослал во все учреждения Коломны.

Эти призывы были услышаны. Спустя несколько дней в организацию записались бухгалтер земской управы А. Тулинов, рабочие Бочмановского завода Бурмистров и Белов, а за ними — ещё несколько человек.

Первое общее собрание городских большевиков состоялось в апреле 1917 года в беседке сада Коломсоюза. Тогда выбрали бюро из трёх товарищей. Постановили открыть книжный склад «Социал-демократ» для торговли партийной литературой и чтобы иметь место для сбора и работы бюро. Заведовать складом поставили исполнительного земца Тулинова, который отвёл для нужд организации свой личный сарай при доме на Алексеевской улице.

Из заводской организации к городским большевикам «перебежали» лишь несколько человек. В массе своей рабочие-партийцы шли за Левшиным, а он продолжал выступать за сотрудничество с меньшевиками. Хитроумный Грунт, выждав некоторое время, пошёл на конфликт

с меньшевиками, обострив ситуацию до такого состояния, когда Василию Егоровичу нужно было сделать решительный выбор — с кем он? Это был риск, но он того стоил.

* * *

В конце мая, дождавшись собрания объединённой организации, состоявшегося в бобровском рабочем театре, Ян Грунт прибыл к месту действия вместе с частью своей городской группы большевиков. На повестке дня стоял вопрос о противоречиях между разными социалистическими партиями. По свидетельству А. Тулинова, собрание проходило бурно. Лидер меньшевистской группы Чиркин (тот самый, который прочитал сообщение об отречении царя на заводском митинге) энергично нападал на большевиков. В самый разгар полемики Грунт взял слово «в порядке обсуждения вопроса». Он поднялся на трибуну и, заявив, что коломёнская организация большевиков ничего не имеет общего с объединённой организацией, призвал всех настоящих большевиков немедленно покинуть зал. С пением «Интернационала» Грунт демонстративно пошёл к дверям в фойе. За ним потянулись немногочисленные сторонники.

Выйдя в фойе, осмотрелись и поняли, что зал покинули только городские большевики и несколько членов заводской организации. Чтобы подбодрить расстроенных неудачей товарищей, Ян Янович пытался шутить, говорил: дескать, не беда, не вышло сегодня, глядишь, в другой раз получится. Тем временем за дверями зала нарастал шум. В зале явно что-то происходило...

Вдруг двери распахнулись, и в фойе быстрым шагом вышли Левшин, Карасёва, Шкаликов, Румба, Соболев, Большев, Панин, Королёв, Антонов, Крылов, Астахов. За ними повалили другие большевики, и вскоре вокруг Грунта и его товарищей уже собралось более четырёх десятков человек из заводской партийной организации. Так партийный раскол оформился окончательно.

Обособившись в отдельную группу, большевики избрали первый комитет, в который вошли Левшин, Грунт, Карасёва, Петухов, Лазарев и некоторые другие.

Тогда же, в мае, возникла большевистская ячейка в старой вотчине социал-демократов в Сергиевских Выселках, где опытный подпольщик Максимовский создал партийную группу в составе И. П. Соловьёва, М. П. Соловьёва, А. Шкаликова, В. В. Соловьёва, А. И. Червова, И. Д. Червова и И. М. Романова.

* * *

Грунт и Левшин довольно удачно поделили власть. Авторитет Василия Егоровича среди рабочих позволял активно действовать на заводе — главном объекте приложения сил большевиков. Изворотливый и бойкий на всякие придумки, Ян Янович, являясь главой организации, разработывал и осуществлял различные акции, дававшие возможность стремительно набирать очки, завоёвывать симпатии и укреплять авторитет среди политически активной части населения.

Разделавшись с объединённой социал-демократической организацией на заводе, Грунт, используя своё положение «засланного казачка», принялся за главных политических конкурентов. Он по-прежнему числился служащим инструкторского отдела Коломсоюза, а этот отдел являлся гнездом эсеровской организации — там сконцентрировались главные деятели. Как заправский секретный агент, Ян Янович активно собирал информацию и не упускал случая ею воспользоваться.

Как-то раз ему в руки попала записка от администрации Щуровского цементного завода, просившей прислать кого-нибудь из эсеров ораторов на собрание рабочих, конфликтовавших по экономическим вопросам. Никому ничего не сказав, Грунт бумажечку припрятал.

В назначенный день вместе с товарищем Сарычевым на велосипедах они поехали на Щуровский цементный завод. Не подозревавшая подвоха дирекция встретила представителей инструкторского отдела очень радушно, предложил по окончании собрания поужинать «в тесном кругу».

Рабочие-цементники, ожидая, что сейчас их будут уговаривать подчиниться требованиям администрации, встретили ораторов неприветливо, даже агрессивно. Но по мере того, как Грунт и Сарычев, сменяя друг друга, говорили, настроение менялось, и финал выступления потонул в овациях. Рабочим понравилось, что оба выступают «против господ», а за что именно ратовали, никто особенно не задумался.

Ужин с администрацией, разумеется, не состоялся. Но агитаторам было гораздо важнее, что рабочие Щуровского цементного завода, и без того весьма боевито настроенные в отношении к Временному правительству и партиям, которые его поддерживали, отныне стали надёжной опорой большевистской организации.

Окончательно рассорился с приютившими его на первых порах эсерами Ян Янович после того, как «увёл» у них газету. Не разобравшись ещё, что за фрукт окопался в инструкторском отделе, считая его социалистом, только немного другого направления, эсеры попросили Грунта помочь организовать печатный орган. Точнее, газета должна была выходить на деньги партии эсеров, но от имени Коломенского союза кооператоров. По задумке организаторов, газета должна была получиться «трёхцветной»: в равных долях отражать позиции социалистических организаций, став совместным органом эсеров, меньшевиков и большевиков, которые выступали единым фронтом против кадетов, октябристов и монархистов разной формации.

У самих коломенских эсеров не было человека с достаточным журналистским и редакторским опытом, а Ян Грунт как-никак и сам писал, и подпольную типографию организовывал, и распространением литературы занимался. Мигом оценив открывавшиеся возможности, Грунт согласился, но ни о какой «трёхцветности» при этом и не помышлял.

Первый номер он выпустил сам, без всякого участия братьев-социалистов. Для второго номера большую статью, посвящённую аграрному вопросу, дал лидер эсеров товарищ Комиссаров, который совершил непростительную для политика даже уездного масштаба ошибку. «То ли по простоте, то ли по глупости, — писал Грунт в своих мемуарах, — но Комиссаров допустил в своей статье большевистский подход к решению земельного вопроса».

Тут бы и порадоваться, что товарищ-социалист сходитя с мнением твоей партии. Ан нет! Товарищ Грунт увидал в этом лишь отличный повод нанести удар по позициям эсеров. Он поместил статью Комиссарова целиком и присовокупил собственный комментарий, в котором обвинил эсеров... в воровстве большевистской программы и указал на идейное бессилие. Возмущению эсеров не было предела. Деньги на газету они больше не дали, а самого товарища Грунта попросили выйти из Коломсоюза вон.

Но Ян Янович по этому поводу не больно-то тужил. Большевики в Москве и Подмоскovie значительно окрепли и уже могли позволить себе содержать партийных работников за собственный счёт, чтобы те целиком отдались организационной работе.

* * *

В июне 1917-го большевики добились разрешения открыть в городе собственный клуб. Им было необходимо место для собраний. Не век же сходитья в сарае Тулинова на Алексеевской улице! Организацию клуба комитет поручил комиссии в составе Бушуева, Н. Крылова и В. Аксёнова. Свободные и вполне подходящие помещения имелись, но они принадлежали частным лицам, по большей части купцам, которые нипочём не желали связываться с большевиками. После долгих поисков присмотрели пустующий, требующий ремонта двухэтажный домик на перекрёстке улиц Поповской и Каширской. Место удобное — почти центр города. Домовладелец Егоров сдавал дом в аренду военному ведомству, которое зданием не пользовалось. Когда члены клубной комиссии пришли в штаб гарнизона, чтобы обсудить вопрос о субаренде дома с полковником Маянским, им сказали, что тот живёт на даче в Подлипках. Комиссия в полном составе пошла пешком в Подлипки и по дороге встретила ехавшего навстречу в пролётке Маянского. Остановив коляску прямо на дороге, большевики завели разговор о клубе. Они обещали отремонтировать дом за свой счёт, а формально он оставался бы всё ещё принадлежащим военным. Больше из-за напора «уговаривавших» на пустынной загородной дороге, нежели соблазнившись экономическими выкладками, Маянский согласился и выдал записку домовладельцу, в которой извещал, что препятствий для организации в помещении, находящемся в его ведении, политического клуба не видит.

В городском Совете рабочих и солдатских депутатов, где в то время распоряжались меньшевики, большевикам, обратившимся за помощью, в средствах на ремонт отказали. Тогда пустили подписку среди партийцев и рабочих, собрали кое-какие деньги и материалы. Ремонт сделали своими руками Крылов, Буханов, Соболев, Петухов, Аксёнов, Крылов, Панин, Астахов, Лазарев и другие. Через неделю в клубе уже кипела жизнь.

Каждую неделю по пятницам собиралось общее собрание всех членов коломенской районной организации. По субботам сходиля теоретический кружок, по вторникам заседал районный комитет большевиков. По понедельникам читали лекции для «сочувствующих».

Расколов заводскую партийную организацию, большевики, используя авторитет Левшина и поддержку партийцев, которых хорошо знали на заводе, прибегли к тактике «выдавливания» меньшевиков и эсеров из органов заводского самоуправления.

Их политические конкуренты сосредоточили основные силы в правлении профсоюза и Совете рабочих депутатов, мало обращая внимания на низовую структуру — комитет цеховых старост, казавшийся им не таким и важным. Но именно цеховые старосты стояли ближе всех к рабочей массе, и атака большевиков началась именно оттуда, хотя и в этом комитете большевики были в меньшинстве — из девяти членов лишь трое: Урываев, Мурин и Петухов. В качестве главного оружия избрали проверенную систему натравливания рабочих. В прежние времена их наускивали на мастеров, теперь стали твердить, что меньшевики в заводском Совете рабочих депутатов и Комитете профсоюза являются «соглашателями», объясняя сложный термин просто — «они за начальство и во всём поддерживают его интересы».

Чем упрощённая форма агитации, тем эффективнее — это было открыто задолго до того, как на свет появились большевики и меньшевики. Старый рецепт не подвёл, и постепенно большевикам удалось вытеснить меньшевиков из комитета старост, заменив однопартийцами. Уже при поддержке комитета старост, имевшего большое влияние на рабочую массу, большевики провели на ключевые посты правления профсоюза своих представителей. Председателем правления стал Левшин, а членами — Бессонов, Урываев, Лактанов, Карасёва и Петухов.

Теперь большевики нацелились на Совет рабочих депутатов. Чтобы проникнуть туда, они попытались организовать отзывы депутатов-меньшевиков избравшими их рабочими. Но в заводском Совете позиции меньшевиков были гораздо прочнее, захватить структуру с налёту не удалось. Пришлось как-то приспосабливаться, и, не имея возможности действовать явно, большевики не упускали случая использовать в собственных целях разные ситуации.

Так, в июне 1917 года они приняли участие в демонстрации, организованной Советом «для подъёма энтузиазма трудящихся, занятых производством оружия, боеприпасов и снаряжения для фронта». Собравшись у проходных Коломзавода, демонстранты направились в Бочманово, к снарядному отделу. Перевалив через железнодорожные пути, от голутвинского вокзала зашагали по новенькому шоссе, проложенному в 1916 году, неся над головами транспаранты: «Война до победного конца!», «Все к станку!», «Поднимайте производительность труда!». Большевики подняли над головами свой транспарант — «Долой войну — вся власть Советам!», но их попросили его убрать, и они подчинились.

У ворот снарядного отдела шествие остановилось. Начался митинг. Дальнейшее член правления профсоюза товарищ Петухов в своих мемуарах описал так: «Работу на заводе по такому случаю остановили. Стали говорить речи. Сначала выступали меньшевики, потом наши товарищи: председатель профсоюза Левшин, а после него говорила товарищ Карасёва. Она звонким голосом обратилась к женщинам, составлявшим

большинство работавших на заводе, и в краткой, но содержательной речи разъяснила им, что предатели народа призывают их к усиленному труду над снарядами, которые будут направлены против их же сыновей, мужей и братьев, увеличивая число вдов и сирот. Потом говорил Лазарев, один из наиболее авторитетных рабочих Бочмановского завода, член заводской ячейки большевиков. Он призвал рабочих вместо того, чтобы усилить работу, как призывает Временное правительство, совсем её прекратить. После этих речей весь завод, до того момента и не помышлявший о забастовке, остановился в знак протеста против войны. Большевики метали громы и молнии по нашему адресу. Через свои уездные органы власти они пытались даже арестовать товарищей Левшина и Лазарева, но не смогли их разыскать».

Это утверждение не совсем верно. Большевиков хотели не арестовать, а призвать в армию и отправить на фронт. Через присутствие воинского начальника (аналог современного военкомата) Левшин и Антонов получили повестки о призыве. Левшин отказался категорически, а авторитет его среди рабочих был столь велик, что его не рискнули тронуть. Антонов же, напротив, посчитал, что выпал отличный шанс проникнуть в солдатскую среду. Явившись на призыв, он оказался в казармах среди солдат и начал активную агитацию и пропаганду в Коломенском гарнизоне.

* * *

Первое время серьёзную работу в казармах наладить не удавалось из-за постоянной ротации личного состава. На базе запасных полков Коломенского гарнизона формировали маршевые роты и отправляли их на фронт. С солдатами просто не успевали завести надёжные контакты. Но каждая новая партия призванных прибывала со всё более усугубляющимся отрицательным настроением к войне, подчинению, соблюдению элементарной дисциплины. На волне таких настроений пропаганда давала всё больший эффект. Агитаторы большевиков смогли наладить хорошие связи с нижними чинами 196-го, 21-го и 84-го запасных пехотных полков. Им удалось распропагандировать 6-ю роту 196-го полка до такой степени, что 9 июля 1917 года она вышла на митинг, к которому присоединились ещё две-три сотни солдат. Выступавшие на митинге протестовали против травли и шельмования большевиков в буржуазных газетах и приняли следующую резолюцию: «Обсудив вопрос о травле буржуазных газет, направленной против большевиков, в частности Ленина и Зиновьева, мы горячо протестуем против гнусной клеветы на наших товарищей и выражаем им полное сочувствие, обещаем им полную нашу поддержку в их борьбе».

Резолюция имела известный резонанс. О ротном митинге и его резолюции доложили военному министру Керенскому, и тот приказал отправить 196-й полк на фронт. Подчиняясь приказу министра, начальник гарнизона Маянский отдал приказ о передислокации полка в район боевых действий. Но не тут-то было! Митинговать в тылу — это одно, а воевать с немцами — это уж... извините! Гарнизон забузил.

Тут же подключился комитет большевиков и на заседании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 10 июля принял резолюцию, осуждавшую приказ Керенского. На следующий день в бо-

бровском театре, выступая на общем собрании Совета, Левшин говорил о наступлении контрреволюции на завоевания рабочих и крестьян, о том, что планируются закрытие завода и массовые увольнения. По словам оратора, местный гарнизон является горячим участником в общем деле, и потому следует исследовать источники и мотивы приказа об его отправке из города.

Слово взял товарищ Антонов, призвавший, как он сказал, «осмотреться», обратив внимание на ингушей, служивших в заводской охране. «Вспомните историю ингушей, — призывал Антонов, — они находились в услужении помещиков для расстрела рабочих и крестьян. Зачем же они теперь на заводе? Обратите внимание. Увод солдат вызывает серьёзные размышления при сопоставлении с фактом наличия ингушей».

Надо сказать, Антонов угодил в точку. Во время смуты 1905–1907 годов черкесы и ингуши, целыми отрядами нанимаемые владельцами предприятий, в особенности сельских поместий, показали себя отменными бойцами и охранниками. Именно эти частные вооружённые отряды весьма успешно боролись с «аграрными беспорядками», «сельским террором» и прочими проявлениями народного гнева, вылившимися в погромы, поджоги и грабежи. Таких историй была не одна и не две, а потому революционеры вполне резонно опасались, что и в 1917-м боевитые кавказцы в решающий момент пустят кровь активистам. Солдаты же были вооружённым противовесом, придававшим уверенность.

Горячась, товарищ Антонов говорил, что солдаты должны стоять на страже интересов революции, иначе буржуазия победит и повторится история с Парижской коммуной, когда революционным пленникам выкалывали глаза.

Ораторы, правда, забыли упомянуть, что ингушей на заводе было... десять человек во главе с их начальником Циевым. Это было неважно, сколько их. Главное — найден отличный повод, чтобы удержать распропагандированных военных в городе.

Подлинная причина бузы заключалась в том, что летом 1917 года военное командование по приказу Временного правительства предприняло попытку наступления. На юго-западном фронте развернулись тяжёлые бои, войска несли тяжёлые потери. Обитателям тыловых казарм вовсе не хотелось лезть под пули. Им годился любой повод, чтобы уклониться от отправки на фронт. Не было бы ингушей, придумали бы ещё что-нибудь.

Подогрев собственные страхи рассказами о коварстве и лютости буржуазии, скорой на расправу с пролетариями, на собрании приняли резолюцию, осуждающую политику Временного правительства. Депутат Шубинский от имени 196-го полка заявил: «Пока не будет обеспечена безопасность рабочих, мы на фронт не уйдём». Выполнить приказа военного министра отказались. Сформировали делегацию коломенского Совета для переговоров со штабом округа и Временным правительством, чтобы «расследовать источники причин приказа по уводу 196-го полка».

Перед таким напором наглости правительство спасовало, и полк остался в Коломне. Это был полный крах дисциплины, сопровождавшийся ростом авторитета большевиков среди так называемых солдат, по сути, являвшихся дезертирами. Большевики наглядно доказали, что могут «по нахалке», без всяких на то причин «отмазать» от фронта.

Неделей позже того в Коломне получили известие, что в Петрограде большевики предприняли попытку государственного переворота. Тулинов описывал события так: «Около двух часов ночи ко мне на квартиру постучал товарищ Петухов и предложил сейчас же идти в магазин, ключи от которого были у меня. Я оделся и вышел отпереть магазин, возле которого уже собрались Левшин, Карасёва, Лазарев, Грунт и другие товарищи. Когда мы вошли в помещение, Левшин сообщил, что получена телеграмма о восстании в Петрограде — кажется, это было 23 июля, — и предложил обсудить вопрос о тактике нашей организации. Решено было впредь, до получения дополнительных сведений из Петрограда, никаких реальных мероприятий не проводить, но предупредить рабочих, а также членов партии быть готовыми по первому требованию комитета партии явиться, куда следует».

Коломенский Совет, состоявшийся из представителей разных партий, решил удерживать возбуждённые массы рабочих от действий и выступлений «помимо Совета». Когда члены Исполнительного комитета, принадлежавшие к другим фракциям, обратились к большевикам с предложением совместно действовать в столь сложной ситуации, те отказались, заявив, что у них пока нет фракционного решения. Это была неправда — они уже получили от окружной организации телеграмму, призывавшую выводить народ на улицы, фактически провоцируя выступление, аналогичное петроградскому.

Исполком Совета созвал совместное с правлением профсоюза и заводским комитетом старост собрание. После яростных прений с большевиками 74 голосами против 17-ти было принято решение призвать рабочих от имени Совета в течение трёх дней не прерывать работ, не устраивать демонстраций и собраний, внимательно прислушиваясь к голосу своих организаций.

Большевики воспротивились, заявив, что не могут нарушать постановления своего центра и будут от его имени призывать к прекращению работ и демонстрациям. Но рабочие на их призывы не откликнулись, подчинившись Совету.

Ситуация для большевиков сложилась крайне опасная. Восстание в Петрограде подавили силами Преображенского и Семёновского гвардейских полков. Организаторов путча арестовали, а их лидер Ульянов (Ленин), скрывавшийся где-то в окрестностях столицы, был объявлен в розыск. Правительство опубликовало в прессе свидетельство того, что деятельность большевиков финансировали немцы. Всплыла история с plombированным вагоном, в котором верхушка большевистской партии проехала из Швейцарии через Германию, добираясь до нейтральной Швеции, откуда через Финляндию они попали в Россию. Писали об организации большевиками забастовок на предприятиях, выпускающих вооружение для армии, и много ещё кое-чего открылось неприглядного.

На Коломенском заводе начались конфликты. Казначей большевистской парторганизации товарищ Мурин вспоминал: «Ленина коломзаводцы первое время не знали. Колебался низ рабочей массы с того времени, когда в ход была пущена известная провокация о Ленине как о герман-

ской креатуре и запломбированном вагоне. Рядовой беспартийный рабочий спрашивал товарищей-меньшевиков: «Правда ли это?» В ответ те двусмысленно отмахивались, пожимали плечами, как бы давая понять: не повезут немцы ненужного им человека».

Куда как более откровенен И. И. Комиссаров: «В июле 1917 года в Петрограде рабочий класс вышел на улицы. Большевистской партии пришлось взять руководство им в свои руки. Мы в это время собрались по сигналу и ждали из центральных городов указаний. Но это движение было подавлено соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров. Нас было мало, но продолжали своё дело, хотя после июльской неудачи некоторые рабочие делали выкрики: «Большевики продались иностранному капиталу!»

В некоторых цехах введённые в заблуждение меньшевиками и эсерами накидывались на большевиков со стамесками в руках, кричали: «Мы вас в окно выбросим!» От слов нередко переходили к делу: ораторов-большевиков забрасывали болтами и гайками».

Совершенно развалилась организация РСДРП(б) в Озёрах, где Ян Грунт, приехав на разведку положения дел, с трудом отыскал несколько прежних членов партии. Он обещал вернуться, чтобы «информировать о текущем моменте». Послушать его народу собралось больше, но ненадолго, так что местных сил не хватило для организации озёрского районного партийного комитета. Пришлось туда посылать людей из Коломны.

В сёлах, как отмечал Грунт, ведению агитации очень мешали полевые работы. Из-за них не удалось собрать людей в Щурове и Полянах. Вместе с тем секретарь партийного комитета не скрывал, что там, где собрать людей удавалось, узнав, что он большевистский агитатор, его пытались бить. Так было в Хорлове, где он читал лекцию рабочим Дёминского завода, и на них напали местные милиционеры вместе с заведующим заводом. Собрание разогнали, «и только благодаря части рабочих, вставших на мою сторону, мне удалось уйти без побоев». В Ёлкино компанию большевиков разметали «несколько хулиганов и женщины». В Троицких Озёрках, куда Грунт явился на митинг, ему вообще не дали говорить. В Выселках — старой революционной вотчине коломенских социал-демократов — настроение оказалось «погромное». После 3–4 июля организация там распалась, и даже нескольких товарищей собрать не удалось.

Произошёл раскол в латышской секции, из которой несколько человек перешли к меньшевикам. Вместе с тем Грунт отмечал, что положение дел вполне утешительное: «Ушли ненадёжные товарищи, а на их место приходят более сознательные и верные идеям революционной социал-демократии. Произошло сортирование само собой полезных и неполезных членов. Намечаются наши группы в Протопопове, Васильеве и других местах. Скверно то, что совершенно нет интеллигентных работников на местах, а сами рабочие и крестьяне не имеют никакого опыта. Масса колеблется между нами и меньшевиками, эсеры начинают недолюбливать, и вот тут-то нужно как можно чаще нам говорить о себе, а говорить-то почти никому».

Секретарь районного комитета РСДРП(б) докладывал в Московский окружной комитет партии, что после событий в Петрограде наблюдалось «смятение даже среди организованных товарищей, были уходы из организации», но вместе с тем ничего катастрофического не случилось,

и объединённая организация Российской социал-демократической партии несколько раз предлагала большевикам консолидироваться перед выборами в городскую Думу. Большевики на это не пошли принципиально.

* * *

На 20 августа 1917 года в Коломне были назначены выборы в городскую Думу. Большой вес могли иметь голоса солдат, расквартированных в городских казармах. Согласно постановлению Временного правительства от 15 апреля 1917 года «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», лица, состоящие на военной службе, принимали участие в выборах на общих основаниях, как горожане. Понимая это, среди военных активно работали пропагандисты левых партий.

Побочным эффектом предвыборной агитации стало заметное падение дисциплины. Чтобы прекратить процессы разложения армейского порядка, начальник гарнизона Маянский приказал не допускать в расположение посторонних лиц.

В казармах находился один из руководителей коломенской большевистской организации, Антонов, призванный несколькими неделями ранее и имевший связь с товарищами в городе. После приказа Маянского опытный большевистский агитатор начал внушать, что командиры «зажимают свободу», не дают солдатам в полной мере осуществлять свои политические права.

Его призывы подействовали, и в воскресенье 19 августа, ближе к вечеру, третья рота устроила сходку, на которой выбрала ротный комитет и председателя — рядового Никифора Нестерова, новобранца, бывшего чернорабочего. С первых дней службы Нестеров выделялся дерзостью, отказывался выполнять элементарные требования армейской дисциплины, утверждая, что при новой власти ему как мобилизованному это обязательно. Такое поведение сослуживцы расценивали как удаль и молодечество, а командиры на подобные выходки предпочитали «не обращать внимания».

Расценив выступление 3-й роты как проявление прямого неподчинения командованию, полковник Маянский отдал приказ не выпускать солдат из казарм и уехал за город, в Подлипки, на дачу, где квартировал тем летом.

С самого утра 20 августа солдаты 3-й роты вели себя вызывающе. Собираясь группами, они задирали офицеров и, не получая должного отпора, распоясывались всё больше и больше. Дело дошло до того, что Нестеров потребовал на собрание роты полкового командира, которому от имени солдат намеревался предъявить некие требования.

Ничего не подозревавший Маянский, вернувшись утром из Подлипок, прошёл в солдатскую столовую, чтобы проверить закладку продуктов. В честь выборов личный состав решили кормить по воскресным нормам, и, удостоверившись, что рационы выданы в полной мере, полковник собирался уже ехать на станцию Голутвин, где ждала отправки на фронт ударная рота. Когда он вышел из столовой, его окружила толпа возбуждённых солдат 3-й роты. Из-за их спин выдвинулся рядовой Нестеров, который заговорил с полковником на «ты» и потребовал присутствия на собрании.

Начальник гарнизона ответил, что должен ехать, и сел в пролётку. Вернее, попытался сесть... В этот момент на него набросились и стали избивать.

Досталось и солдату-кучеру, но главным образом зло вымещали на полковнике. Заслуженного офицера, трижды раненного кавалера боевых орденов тыловые шкуры избивали, сорвали погоны, кокарду с фуражки, отняли орденскую шапку. С ног Маянского стащили сапоги и обули его в лапти. В головах бузотёров возникла блестящая мысль, реализация которой сулила массу грандиозных ощущений! Они захотели прогнать оборванного и обутого в лапти полковника по улицам Коломны. Пойти на этот шаг всё же не рискнули, испугавшись, что в соседнем, 80-м, полку, где дисциплина была покрепче, найдутся солдаты, которые отобьют начальника гарнизона и самим им по шеям навешают.

В толпу сунулись было штабс-капитан Беньковский и фельдфебель Бутов, попросившие отправить истерзанного полковника в лазарет. Их самих за это чуть не прикончили. Окровавленного Маянского отволокли на гауптвахту и заперли в камере.

Про голосование солдаты позабыли, весь день решая на митингах, что делать далее. Тем временем кто-то дал знать о событиях в Коломенском гарнизоне в штаб округа, и из Москвы экстренным поездом спешно выехала рота юнкеров во главе с помощником командующего Московским военным округом полковником Георгием Кравчуком. По прибытии в Коломну юнкера освободили Маянского, поместив на гауптвахту арестованного Нестерова и пятерых других нижних чинов, замеченных в особенной активности. Напуганные солдаты притихли и беспрекословно подчинялись офицерам.

Утром 21 августа арестованных под конвоем юнкеров отправили в Москву и отдали под трибунал. Сам же полк, признав «ненадёжной частью, потерявшей боеспособность», разоружили.

Из-за беспорядков солдаты так и не приняли участия в голосовании. Без их голосов в новой городской думе блок меньшевиков и «объединённой организации РСДРП» получил 19 мест, эсеры — 13, домовладельцы (это была организация кадетов) — 12, большевики — 9, блок демократических организаций — 3 и организация квартиронанимателей — 1.

* * *

В конце июля в Петрограде собрался VI съезд РСДРП(б), на который от Коломны делегировали Левшина. Вернувшись из столицы, Василий Егорович сообщил коломенским товарищам, что на съезде партии было принято решение взять власть в стране силой вооружённого восстания, и все местные партийные организации должны готовиться к действиям именно в этом направлении.

Параллельно с официальными воинскими частями в августе Временное правительство начало формировать вооружённые отряды левых политических партий — Красную гвардию. Поводом стала попытка группы высших военных чинов после июльских выступлений большевиков совершить собственный путч. В Петроград намеревались ввести части фронтовиков, люто ненавидевших «окопавшихся в тылу», и прихлопнуть революционную лавочку.

Лидером военных был заслуженный генерал Лавр Корнилов, занимавший должность верховного главнокомандующего. Временному правительству предъявили ультиматум: премьер Керенский должен прибыть в ставку в Могилёв, возглавляемое им правительство — уйти с политической арены. Вместе с тем по приказу Корнилова на Петроград двинулся корпус генерала Крымова.

На стороне правительства Керенского выступила коалиция левых сил, и путч, продолжавшийся с 25 по 31 августа, провалился. Железнодорожники отказались вести эшелоны с войсками, направленными на Петроград. К застрывшим на станциях солдатам послали ловких агитаторов, убедивших «не душить революцию в её колыбели». Люди в серых шинелях, у которых от калейдоскопических перемен политических событий и без того голова шла кругом, отказались выполнять приказания своих командиров.

Осознав невозможность исполнить приказ, генерал Крымов застрелился. В ставке и штабах активные участники заговора во главе с отрешённым от должности командующего Корниловым были арестованы. Их отправили в тюрьму белорусского города Быхова.

С переворотом было покончено, но распускать Красную гвардию не стали. В Коломне, где никаким путчем и не пахло, также сформировали Красную гвардию, правда, безоружную. Городской СЗвет отказался вооружать большевиков. Во время переговоров в доме Шанина на Астраханской улице большевикам прямо сказали, что опасаются, как бы выданное для защиты от контрреволюционеров оружие они потом не повернули против соратников.

Мера была здравая, но запоздалая. Будучи секретарём городского Совета рабочих и солдатских депутатов, предусмотрительный Левшин ещё в начале июля в компании с товарищем Румбой тайком вынес из здания Совета 17 старых винтовок системы «Бердан» и патроны к ним. Оружие поделили между собой: часть раздали входившим в Совет большевикам, а несколько винтовок досталось латышским товарищам из числа «вполне надёжных».

Председатель Совета меньшевик Чиркин тогда ругался, грозил арестовать Левшина и Румбу, но не рискнул. Латыши были тесно связаны с щуровскими организациями, где под руководством большевика Бессонова собралось человек восемьдесят членов социал-демократической партии. Теперь они были ещё и вооружены. В противовес им не имелось никакой организованной силы.

Заокское село Щурово входило в состав Рязанской губернии. Это была самая окраина Зарайского уезда, куда редко добирались представители власти. Большевики же, не признавая «территориального деления», подерживали своих однопартийцев.

Щуровский отряд Красной гвардии имел собственное оружие, реквизированное у местной полиции и фабричных стражников. Его хватало, чтобы вооружить уличные патрули. Любая сила, претендующая на власть, непременно демонстрирует желание, а главное, возможность «наводить порядок». На улицах в Щурове появились красногвардейцы с красными повязками на руках, вооружённые отнятыми у полицейских револьверами и шашками, предъявлявшие себя представителями власти. Вооружённое формирование было разбито на «десятки», село разделено на районы, и за порядок отвечал командир того «десятка», которому поручалось патрулирование.

Эти отряды оказались реальной силой против воцарившегося в округе беззакония, и красногвардейцы старались, как могли. Им даже удалось предотвратить несколько краж, а случилось и разыскать краденое, к чему неожиданно-негаданно открылся талант у товарища Чулина.

* * *

По мере приближения Учредительного собрания межпартийная борьба разгоралась. Фактически власть в городе принадлежала партии эсеров, имевших свою газету и связи во властных структурах. Однако же летом 1917-го настроения рабочих колебались, словно маятник. Едва минул месяц после того, как большевиков повсюду били и гнали, как к их речам стали прислушиваться.

В середине сентября в Петрограде состоялось Демократическое совещание представителей советов, профсоюзов, армии и флота, коопераций и прочих организаций. На нём по численности представительства большевики оказались третьими. Они выступали против коалиции с буржуазией, требовали созыва Всероссийского съезда Советов, передачи власти, вооружения рабочих, отмены частной собственности на землю, заключения сепаратного мира с Германией, прекращения войны, национализации важнейших отраслей промышленности. Эти призывы были отвергнуты, что вызвало протесты сторонников большевиков.

В маленькой Коломне кипевшие в столице споры о дальнейшей судьбе России отозвались громким эхом. Большевики призывали к забастовке протеста, и им удалось добиться остановки сталелитейного и судостроительного цехов. Следом забастовали и остальные. На волне забастовочных настроений большевики организовали демонстрацию под лозунгами, обвинявшими Демократическое собрание в предательстве интересов рабочих.

Эсеры и меньшевики выступили против забастовок, обещая рабочим обсудить все вопросы на собрании заводского Совета, в котором у них было большинство. Но незадолго перед этим во время спора рабочих с администрацией по вопросам расценок и выплат Совет взял сторону администрации, и в рабочих ещё не перекипела обида. Большевики тут же воспользовались ситуацией, скрытно подготовив атаку.

Хитроумный Ян Грунт явился в бобровский театр на собрание Совета с двумя сотнями представителей цехов, занявших места на галёрке. Действуя по заранее разработанному плану, Грунт взял слово и предложил устроить на заводе забастовку протеста. Не чуя подвоха, Совет большинством голосов отклонил предложение. Тогда Грунт прокричал роковые слова:

— Совет не выражает настроения рабочих масс. Рабочие, я уверен, недовольны вашим решением, и я требую перенесения этого вопроса на общее собрание!

Заметим, что товарищ Ян Янович Грунт к заводу и Совету заводских рабочих ровным счётом никакого отношения не имел. Только несколько десятков из семи тысяч работников завода состояли членами городской ячейки РСДРП(б), которую он возглавлял. Поэтому требовать что-либо из того, что Грунт требовал, он не имел никакого права. Так, наверное, думали члены Совета — и просчитались, крепко просчитались!

Выступление Грунта было хорошо отрепетировано. Не успел никто из членов Совета и рта раскрыть, как во всю мощь двухсот тренированных цеховыми митингами глоток на галёрке заорали люди, пришедшие с Грунтом:

— Пра-ильна-а-а говорит!

Переносить вопрос на общее собрание Совет отказался, но его согласия уже никто не спрашивал. Грунт хорошо подготовил своих ребят. Всё шло как по писаному:

— Долой меньшевистский Совет! — кричали цеховые. — Идём на завод, переизберём подхалимов!

Городские большевики спешно покинули собрание и направились к заводу, до которого от театра было менее версты. У заводских ворот стояла охрана, получившая приказ не пускать большевиков, но удержать двести распалённых рабочих охранники не смогли — их просто отбросили в сторону.

На заводе Грунта со товарищи уже ждали.

Пока Ян Янович воевал с Советом в театре, Василий Левшин, употребив всё влияние и авторитет, в столовой завода, вмещавшей 500 человек, разом собрал общее собрание. Поджидая Грунта, несколько часов кряду вёл разговор «о текущем моменте». На этом марафонском собрании он сам буквально выбился из сил, и слушатели его также притомились. Когда пришли Грунт и его люди, ситуация была накалена до предела.

Приняв вахту от отбившего язык Левшина, Грунт заговорил:

— Совет в данном составе не выражает физиономии(!) рабочей массы, его решения идут вразрез с интересами рабочих. Такой Совет необходимо переизбрать немедленно!

Последние слова перекрыл гул одобрения. Представители эсеров и меньшевиков тоже попытались выступить, но их согнали с трибуны.

Чтобы возмущение не вылилось в обычные беспорядки, предводители большевиков тут же предложили перейти к голосованию. За переизбрание и забастовку высказалось подавляющее большинство. В следующий состав Совета, за небольшим исключением, избрали большевиков.

* * *

В сентябре большевики одержали на заводе новую победу, добившись перевыборов в профсоюзе металлистов. Имевшие до того большинство в Союзе меньшевики и эсеры сдались почти без боя.

Всё началось с очередной забастовки. Пытаясь в условиях продолжавшейся войны спасти разваливавшееся на глазах производство, Временное правительство приняло несколько жёстких законов, названных «скобелевскими», по фамилии тогдашнего министра труда Скобелева.

Тариф сдельной и подённой оплаты замер, а цены всё росли. На этой почве в сентябре забастовал сталелитейный цех. Когда представители профсоюза пытались уговорить сталеваров продолжить работу, их под оглушительный свист выперли из цеха. После случившейся обструкции профсоюзные деятели допустили непоправимую для политиков ошибку — они позволили себе роскошь обидеться. Комитет, сплошь состоявший из меньшевиков и эсеров, подал в отставку, после чего, естественно, были объявлены перевыборы. Лучше организованные большевики сумели провести в новый состав профсоюзного комитета только своих соратников.

Сразу же после превращения профсоюзного комитета в большевистский орган была объявлена забастовка с требованием повысить заработную плату, установить восьмичасовой рабочий день, улучшить материальное обеспечение. В условиях тогдашней экономической ситуации исполнить все эти требования было заведомо невозможно.

Через забастовок окончательно доконала завод, и в конце сентября производство почти встало. Пошёл разговор о локауте — массовом увольнении работников или закрытии предприятия. Такую меру владельцы заводов применяли в ответ на забастовки или непомерно высокие требования работников.

Всё это чрезвычайно накалило ситуацию, и конфликты поддерживаемых профсоюзом рабочих с администрацией вышли за рамки производственных проблем. Как писал в своих мемуарах товарищ Мурин, «в судостроительной мастерской выведенный из себя небрежным тоном инженера рабочий товарищ Д. взялся за револьвер». Но это версия товарища Мурина, который не то чтобы соврал, но легонько передёрнул фактики.

Совсем иную картину рисует заметка в газете «Московский листок», в которой рассказывается, что товарищ Д. (председатель цехового комитета судостроительного отделения 27-летний Дарыкин) взялся за револьвер вовсе не из-за небрежного тона заместителя заведующего отделением, а из-за того, что последний отказался подписать расценки на работы, предложенный цехомом.

Когда в дело вступило огнестрельное оружие, весь инженерно-административный состав отделения в знак протеста покинул рабочие места. Инженеры не вышли на службу и на следующий день, а дирекция потребовала от заводского комитета, чтобы цехом судостроительного отделения переизбрали. Его удалого председателя товарища Дарыкина собрались увольнять, но завком упёрся, не давая согласия. Руководство судостроительного отделения не появилось на работе и 29 сентября, а комитет продолжал стоять на своём.

Тогда дирекция завода вывесила возле главной конторы два объявления. Первое было адресовано служащим: «Прекратить выдачу нарядов на работы. Приступить к подсчёту заработка рабочих и мастеровых. Во всех отделах конторы судостроительного отделения произвести работы по ликвидации дел». Второе извещало рабочих: «Ввиду несогласия заводского комитета на отставку цехового комитета судостроительного отдела и увольнение старосты Дарыкина, позволившего себе обнажить оружие при переговорах с помощником заведующего судостроительным отделом, следствием чего явилось прекращение посещения старшими лицами администрации, настоящим объявляется, что отдел (судостроительный) без начальствующих лиц работать не может и подлежит закрытию».

Ситуация не изменилась ни 30 сентября, ни 1 октября. Как ни крутился заводской комитет, но на общем собрании всех рабочих организаций завода решено было переизбрать-таки цеховой комитет и уволить Дарыкина. Таким образом, конфликт был исчерпан, и 6 октября 1917 года в связи с принятием резолюции, отвечающей желаниям администрации, судостроительный отдел вновь открыли.

В этой нервной ситуации произошло событие почти анекдотическое. «Фотографий Ильича коломенцы долго не видели, — пишет Мурин. — Не

только рядовые, но и партийцы. Однажды, в первых числах октября 1917 года, на заводе появился какой-то тип, продававший открытки с изображением Ленина. На открытке в полный рост был изображён какой-то цветущего вида мужчина средних лет, среднего роста, одетый в короткое пальто, со шляпой-панамой на голове. В профиль он сильно смахивал на писателя Леонида Андреева. Под этим фото красовалась подпись: «Ленин». Эти открытки охотно покупали, буквально брали нарасхват. Предприимчивый торговец так бы и уехал с хорошей прибылью, но вовремя дали знать Левшину. Через полчаса продавца «ленинских портретов» арестовали и отвезли в коломенскую тюрьму». Забавнее всего, что торговец не врал — на портретах действительно был изображён Ленин, Михаил Францевич, актёр московского Малого театра, который не раз выступал на подмостках бобровского театра «Общества народных развлечений при Коломенском машиностроительном заводе».

* * *

Усиленная пропаганда большевиков среди солдат частей Коломенского гарнизона постепенно начала приносить плоды. Ещё с весны, когда в армии начались революционные изменения, в гарнизоне создали Совет солдатских депутатов. Туда вошли по два рядовых от каждой роты и автоматически весь офицерский состав. Соотношение оказалось таково: выбранных рядовых — 60 человек, офицеров — 120.

Постепенное падение дисциплины и степени управляемости солдатской массой вылились в резолюцию, принятую 26 сентября 1917 года на общем собрании 81-го запасного полка: «Продолжение войны грозит голодом, расстройством всего народного хозяйства, бесконечным расходом денежных средств и людских сил, полной гибелью русской революции. Только прекращение мировой бойни может вывести страну и всё человечество из ужасающего состояния озверения. Вышеизложенное заставляет потребовать от Временного правительства:

1). Немедленно передать революционно-демократическую власть во всей её полноте в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Новая власть должна выделить из своей среды правительство, состоящее исключительно из трудящихся классов, и не допускать туда никаких соглашателей с кадетами и другими буржуазными партиями.

2). Окончания войны, для чего немедленно заключить с противниками перемирие на всех фронтах и начать мирные переговоры.

3). Отменить смертную казнь в тылу.

Для проведения в жизнь данного постановления общее собрание полка поручает Совету:

А). Послать во все полки нашей бригады делегатов, которые должны сообщить им настоящую резолюцию и просить присоединиться к ней, после чего будет возможно приступить к дальнейшим действиям в этом направлении.

Б). Отправить копию резолюции в солдатские организации всех частей третьей пехотной дивизии, Демократическому совещанию и Центральному исполнительному комитету РСДРП.

В). Предложить Рязанскому Совету рабочих и солдатских депутатов безотлагательно созвать совещание представителей Советов всех частей бригады для дальнейшего согласования действий в борьбе за мир.

Г). Поставить вопрос о немедленной подготовке демобилизации».

Надо сказать, что такие резолюции тыловиков вызвали бешеную ненависть у фронтовиков, читавших опусы подобного рода в многочисленных левых газетах.

Такой газетой был большевистский «Социал-демократ», выпускавшийся в противовес эсеровской «Земле и Воле» и меньшевистской газете «Вперёд» Московским окружным комитетом РСДРП. Главным распространителем «Социал-демократа» в Коломне была товарищ Ираида Карасёва, супруга Василия Егоровича Левшина, привозившая эту большевистскую газету из Москвы.

В 62-м номере «Социал-демократ» опубликовал письмо рядового Бусарова из 250-го запасного полка: «Товарищи солдаты! Мы часто встречаем в газетах статьи под заглавием «Борьба с дезертирством». Я считаю, что с нашей стороны нет никакого дезертирства, и не может с ним быть никакой борьбы, если бы на наши просьбы откликнулись с сочувствием. Мы просимся не то чтобы в отпуск, а всецело пособить своим старым отцам и матерям распахать и засеять родные поля, о которых нельзя вспомнить без душевного вздоха.

Каждый защитник дорогой нашей родины готов оберегать её от приверженцев старого режима, стремящихся похитить дорогую для нас и ещё неокрепшую свободу, но ещё каждый из нас стремится спасти родину от наступающего голода. Товарищи! Разве справедливо, что мы без дела лежим на нарах в казарме и доедаем последние запасы хлеба, а на обработку родных полей мы оставили малоспособных работников, которые только себя могут прокормить своими трудами! У нас не столько взято работников с фабрик и заводов, сколько от сохи-кормилицы, а кушать хотят все, и буржуи и пролетарии! Кто же для нас будет заготавливать, если мы об этом не позаботимся сами? Буржуй не пойдёт — ему и так хорошо жить и драть последнюю копейку с наших семейств. Цеховой работает на оборону. Учащиеся стремятся к науке. Солдат не пускают. А хлеб все едим! Товарищи! Солдат в тылу, можно сказать, только и делает — обучается «раз-два-левой», и всё это бесполезное ему надоело. Он решает сделать самовольную отлучку, чтобы отпихнуть нужду, надвигающуюся на нашу дорогую родину. Нас не отпускают по доброй воле, считают дезертирами и изменниками. Отпускайте по доброй воле — будет доброе дело, а дезертирства не будет».

Письмецо Бусарова задело за живое многие души, и в следующих номерах издатели опубликовали подборку ответов. Разведчики 670-го пехотного полка Ф. Соколов, Д. Холоденко и А. Амчиславский возмущались: «Мы тоже не можем без вздоха вспомнить о полевых работах, но есть люди, которые уже три года страдают в окопах, но всё же не оставляют своих постов в виде дезертирства на полевые работы. Прежде чем дезертировать, должны побывать на фронте и сменить своих товарищей, многие из которых были по несколько раз ранены. Гражданский долг — не удирать для обработки полей, а с первой же маршевой ротой отправляться на фронт».

Гренадер М. Ширяев писал: «Почему дезертиры не «делают отлучек» на фронт? Здесь есть солдаты, которые за всю войну ни разу не были в отпуске. Не в деревню надо отлучки делать, а на позиции, чтобы сменить товарищей».

Солдаты 168-го полка были солидарны: «Мы сидим в окопах, голодные, холодные, грязные, но мы строго стоим на страже свободы и не решаемся

«делать отлучки». Если считаете, что житьё в казарме бесполезно, то запишитесь на фронт, чтобы пополнить наши рedeющие ряды».

То же мнение высказал рядовой Тихомиров из 674-го полка: «Очень хорошо — сидеть в тылу да пописывать в газетку жалостливые слова! Но знаете, как мы, окопные жители, называем такие писательства? Мы называем их изменой и громко говорим об этом!»

Редакция «Социал-демократа», в явном смущении от такой реакции, растерянно комментировала резкие высказывания фронтовиков, уверяя читателей, что «окопникам» всё неправильно объясняют офицеры.

* * *

Представителем большевистской организации в солдатской среде стал рядовой Горный, который повёл агитацию в пользу перевыборов Совета. В результате 1 октября 1917 года прошёл пленум, на котором депутаты проголосовали за перевыборы и тут же предложили всем, не имеющим выборных мандатов, покинуть зал заседания. «Узнав о таком решении Совета, — пишет Горный в своих воспоминаниях, — на заседании прибежал помощник начальника гарнизона, старый уже полковник. Не спросив разрешения президиума, он обратился к Совету, но был лишён слова, а затем и вовсе удалён из зала. На этом собрании я был избран председателем Совета».

Следствием этих решений стало объявление, опубликованное в газете «Русская правда», издаваемой коломенскими эсерами (тогда это была единственная общегородская газета). В номере 2 от 4 октября 1917 года сообщалось: «Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов Коломенского гарнизона сим объявляет:

1). С 1 октября начал функционировать Совет солдатских депутатов в новом составе.

2). Действительными мандатами членов Совета считаются только те, которые выданы 1 октября и позднее.

3). Членам Совета старого состава предлагается сдать в Совет имеющиеся у них членские мандаты не позднее 5 октября».

Деятельность Горного вызвала переполох в офицерской среде. Он вёл большевистскую пропаганду в тот момент, когда большевики были объявлены немецкими пособниками, а их лидеры — прямыми агентами кайзера Германии. Чтобы пресечь безобразие, агитатора попытались судить, но под арест взять не решились. Рядового Горного вызвали вестовым в военный суд гарнизона, а он, чуя недоброе, перед уходом приказал товарищам «поднимать людей».

На заседании суда председательствовал помощник начальника гарнизона. В качестве обвинителя выступил полковник Маянский. В роли секретаря — адъютант полка, имевший юридическое образование. Суть обвинения, предъявленного рядовому Горному, сводилась к единственному пункту: «Написание и распространение большевистских лозунгов».

Полковник Маянский заявил, что обвиняемый каждый день по 6–8 часов ведёт разговоры с солдатами, подрывая дисциплину. Свидетели из числа офицеров это подтвердили. Председатель и обвинитель несколько раз спрашивали самого Горного, но тот отмалчивался.

Тем временем в дверях судебного зала стали появляться фигуры в солдатских шинелях. Их становилось всё больше. По мере того как число солдат увеличивалось, подсудимый всё более нагелл, на вопросы решительно не желал отвечать, а потом и вовсе начал требовать «последнего слова», на что полковник Маянский заметил:

— Это ещё неизвестно, кто будет иметь последнее слово!

Горный запротестовал. Его поддержали солдаты. Тогда секретарь суда слово Горному предоставил, и подсудимый понёс демагогическую око-лесицу. По сути дела он не сказал ничего, а всё требовал разъяснить ему и всем собравшимся, «кому и для чего нужна была эта война».

— А что делали господа офицеры? — ловко свернул Горный в свой сумбур выпад против судей. — Как они использовали революцию? Много ли они дали знаний солдату? Они даже скрывали известие о свержении самодержавия!

И понёс, и понёс дальше, всё круче влево, всё бессвязнее, но азартнее! Полковник Маянский стал возражать, потом оправдываться, что «тоже за народ».

Пока они препирались, в зал прибежал офицер, что-то шепнул секретарю, тот передал председателю. Было видно — что-то произошло. Тон суда переменялся. Разошедшегося большевистского витию принялись унимать да уговаривать, суля только объявить выговор за неосторожные лозунги. Но солдаты возмущённо загалдели, и секретарь предложил ограничиться решением «поставить на вид». Но и этот номер не прошёл. «Дело пошло так, что решал уже не суд, а солдаты», — наслаждался воспоминаниями Горский десять лет спустя.

Кончалась судебная комедия признанием суда, что «произошло недоразумение».

Оказалось, офицеры приняли позорное решение под угрозой смерти. Когда Горный ушёл в гарнизонный суд, солдаты схватили из ружейной пирамиды винтовки и пошли следом. Окружили здание суда и заявили, что ежели председатель Совета будет осуждён, ни одного офицера живым не выпустят.

С этого дня всё в гарнизоне перевернулось с ног на голову. Офицеры полностью утратили контроль над личным составом. «Полковник Маянский стал угодлив до приторности, — пишет Горный. — Ежедневно он являлся в 6 часов утра, когда я ещё ворочался на столе, заменявшем мне кровать(!). Осторожным кашлем он напоминал о своём прибытии, а затем, вытянувшись в струнку, рапортовал: «Во вверенном мне гарнизоне всё обстоит благополучно»».

Солдаты запасных полков ни в коем случае не желали отправляться на фронт и для того, кто «отменит идти на войну», были готовы зарезать любого, на кого он укажет.

Весьма характерный эпизод произошёл на станции Голутвин, когда на фронт отправляли очередную маршевую роту. «На станцию явилась депутация учителей города, — пишет Горный. — Один из них влез на насыпь и повёл речь, призывая солдат воевать до победного конца и мир заключить в Берлине. Солдаты заволновались:

— А-а-а! Мать твою так и разэдак! До победного, говоришь, конца? Мы тебе покажем мир в Берлине!

Учителя стащили с насыпи и стали избивать, а вместе с ним и какую-то женщину из той же учительской делегации. Возникла свалка. Я уговаривал солдат, но было бесполезно.

— Они же тебя оскорбили! — кричали мне в ответ. — Шпионом назвали!

— Меня оскорбили, я их под суд и отдам! Сейчас же арестую, и потом будем судить их солдатским судом.

И приказал двум вооружённым солдатам отконвоировать учителей в город. Но солдаты из маршевой роты не соглашались ехать на фронт, пока не узнают, что учитель осуждён».

Таковы на тот момент были накал страстей и положение дел в воинских частях.

* * *

Для эффективного противодействия политическим противникам коломенским большевикам до крайности не хватало в городе собственного печатного органа. Общесоциалистическую газету, издавать которую попытались эсеры, Ян Грунт загубил. Ещё в середине мая Исполком Совета рабочих депутатов принял решение выпускать «Известия Коломенского Совета рабочих депутатов». Но оказалось, что писать-то готовы многие, а вот типографских наборщиков нет! Чтобы овладеть этой специальностью, нужно долго практиковаться.

Тогда Исполком написал прошение в Московский союз печатников: «Товарищи! Одно из самых сильных орудий борьбы рабочего класса и революционной демократии за лучшее будущее и свои идеалы — печатное слово. Оно переносит идею борьбы в самые глухие места, будит мысль, объединяет силы. Оно разрушает гнилое прошлое и строит лучшее будущее.

Буржуазия в борьбе против нас тоже пользуется этим мощным средством. К её услугам прекрасный технический аппарат, имена писателей, запасы бумаги и бесконечные денежные средства. Они наводняют мир своими произведениями, затемняют и отравляют ими сознание масс. Нам нужно, и даже необходимо, противопоставить им своё оружие, своё печатное слово».

После возвышенного вступления просили прислать двух опытных наборщиков.

Через какое-то время получили ответ: «Товарищи! Прежде всего приветствуем ваше решение издавать свой орган, настоящий проводник демократических принципов. При всём нашем желании всегда оказывать всяческое содействие революционным органам в настоящий момент, за неимением наборщиков, мы не имеем возможности рекомендовать вам кого-нибудь в этом качестве. Как организация Союз печатников будет возбуждать ходатайство о возвращении специалистов-наборщиков из армии.

Соблаговолите выслать 1-й номер «Известий Коломенского Совета рабочих депутатов» в одном экземпляре».

Подписал это послание секретарь Московского союза печатников В. Каиров 3 августа 1917 года.

Изучая перипетии политической борьбы за власть недавних союзников в борьбе с царизмом и самодержавием, следует помнить, что вовлечённых в эту борьбу людей в уезде насчитывалось лишь по несколько десятков в каж-

дом местном отделении. Чем же и как жили остальные тысячи жителей, обитавших в пределах Коломенского уезда той поры? Попробуем вспомнить и это.

Конечно, партийная газета — совсем не тот материал, по которому можно судить о положении вещей, ибо взгляд на предметы у такого органа совпадает с политическими воззрениями тех, кто его выпускает. Но, как говорилось при старом режиме, «за неимением гербовой пишут и на простой».

Вот и мы за неимением других печатных органов в Коломне попробуем заглянуть в лето и осень 1917-го при помощи выдержек из газеты «Русская правда». Именно на её страницах появился рассказ о недовольстве жителей Коломны, измученных перебоями в поставках продовольствия.

Весной 1917 года сбывлась давняя мечта многих: «купчишек» прижали, запретив торговать и поставлять продовольствие частным лицам, по вине которых якобы и происходили всякого рода безобразия. Но продовольственного изобилия почему-то не наступило, даже, наоборот, дело пошло ещё хуже. Размер хлебной пайки на осень 1917-го равнялся фунту в сутки, т.е. чуть более 400 граммов. При нерегулярности выдачи этой нормы уже можно было говорить о голоде.

В тот день, когда на заводе кипели страсти вокруг профсоюза и забастовок — 25 сентября, — городские обыватели, возмущённые задержкой выдачи пайкового сахара, пошли громить городской продовольственный комитет, ведавший делами снабжения. Огромная толпа самого разнобразного люда ворвалась в здание, и всем, кого погромщики застали, крепко «перепало по шее».

Газета не могла не откликнуться на это событие, но не будем забывать, что «Русская правда» — эсеровская газета, орган революционной партии, хоть и конкурировавшей с большевиками, но также социалистической. Мудрено ли, что в заметке эсеровской газеты, посвящённой погрому, виноватыми во всём были признаны... ну правильно, конечно же, коломенские купцы! Они, они, окаянные, всегда виноваты в неудачах коломенских революционеров!

Нельзя же было просто написать, что этот, ну, как там его, чёрта, народ-то этот самый только и заботится, чтобы брюхо своё ненасытное набить жратвой. Не-е-ет. Так писать было нельзя! Куда как политичнее и удобнее свалить вину на проклятых торгашей: «Купечество до сих пор не теряет надежды на то, что всё дело продовольствия, приносившее им такие крупные барыши, перейдёт к ним в руки. В этом направлении они работают не покладая рук — наши ухари-купцы. Не желая сами показываться в толпе, негодовавшей у комитета по поводу раздачи сахара, послали туда своих лучших сыновей».

По словам «Русской правды», в толпе шныряли гимназисты, которым там и делать-то было нечего, а они вот были и вели пропаганду, провоцируя толпу фразами:

— Видите, что наделали Советы да комитеты? Скоро с голоду будем пухнуть. Было бы дело в руках купцов, то и всё бы было!

Вот ведь в чём вся штука-то! Кабы не сыновья купеческие, постояли бы люди возле дома, урча голодными животами, поскребли в затылках и бородах да и разбрелись бы себе по домам дожидаться Учредительного собрания. Автор заметки тов. Мельниченко вполне логично рассуждал: «Если сегодня арестовать одних, завтра — других, то сахару от этого не прибавится». По

его мнению, эти выступления лишь демонстрировали «нашу слабость и неорганизованность, что даёт повод для торжества буржуям и капиталистам».

Оказывается, главное в революции — чтобы капиталисты с буржуями не торжествовали. А сахар, мука там всякая с постным маслом — это дело обывательское, не революционное, тянущее назад, отвлекающее от высоких помыслов о грядущем благоденствии не каких-то там отдельно взятых людишек, а вообще, в мировом, значит, масштабе масс, чтоб дух зашибало от восторга необъятности!

Но в том же номере газеты было помещено гораздо более взвешенное рассуждение на ту же тему, в котором отсутствие продуктов объяснялось безобразиями на железнодорожном транспорте. Автор полагал, что во время войны в ряды железнодорожников затесалось множество людей, спасавшихся от призыва в армию, и некомпетентность уклонистов привела к неразберихе. Правда, он не пояснил, куда же подевались кадровые железнодорожники, те самые, которые при царе-батюшке работали вполне исправно. Вместе с тем автор смутно как-то догадывался, что не в одной некомпетентности дело.

В то же самое время, когда нечем было выдавать паёк хлеба, прилавки городских рынков ломились от изобилия арбузов, яблок, винограда, которые в Коломенском уезде никогда не произрастали. Ведь их же откуда-то издалека привезли по железной же дороге! «Не лучше ли, — интересовался вышеуказанный товарищ, — привозить не арбузы и яблоки, а хлеб?»

Ну это как посмотреть! Кому лучше? Тому, кто за предоставление «под фрукту» вагончиков «хорошо имел на лапу», наверное, этот тезис показался бы спорным. Но деловые люди того времени газет не читали — все было по горло заняты, а о том, что в мире делается «по жизни», очень даже хорошо знали и без газет. Если прежде все связанные с транспортом и любыми поставками считали военной пору «золотым временем», то революционный экономический хаос нужно уже было назвать «бриллиантовой порой». Всё стало дефицитом, и каждый, кто имел возможность, пользовался ситуацией. Понять, что происходило на железных дорогах, было совершенно невозможно. Фактически ими уже никто не управлял, и работали они, можно сказать, по инерции.

На станции Воскресенск, что в тридцати верстах от Коломны, 8 октября, чтобы пропустить скорый поезд, воинский эшелон загнали на запасной путь. Возмущённые остановкой солдаты повыскакивали из вагонов и стали требовать от машиниста немедленно продолжить движение. Попытки объяснить, что главный путь занят, ни к чему не привели — поездную бригаду избili. Начальника станции Вернера, прибывшего к месту событий, треснули рукоятью револьвера по голове, проломив череп. Не добились только потому, что наконец-то открыли выпускной семафор, паровоз загудел, и солдаты бросились по теплушкам. Эшелон стал потихоньку набирать ход, увозя опасную публику со станции, а окровавленного Вернера станционные служащие потащили в больницу.

* * *

Писавший о продовольственной проблеме, сопряжённой с транспортным хаосом, автор «Русской правды», наверное, имел весьма приблизительные

представления о реалиях своего времени и предлагал направлять «куда следует деятельных работников», которые контролировали бы отправки провизии в Коломну. Но если из этого идейного «полуфабриката» сделать вытяжку рациональности, то окажется, что журналист уездной эсеровской газеты осенью 1917 года, собственно говоря, предлагал ввести систему так называемых «толкачей». Его фантазия подошла как никогда близко к идее создания продотрядов или чего-то похожего. По крайней мере, в той поражённой коррупцией системе только вооружённые, наделённые чрезвычайными полномочиями «энергичные работники» могли бы «там, где надо», добыть продукты, а главное — доставить их к месту выдачи. Если, конечно, по пути сами не соблазнились бы часть из них обменять на спирт-сырец и кокаин — самые ходовые натуральные валюты того смутного времени России.

Стоит ли удивляться, что через несколько месяцев до подобной системы додумались большевики, когда пришёл их черёд ломать головы, где взять провиант — идеяка парила в революционной атмосфере. Нужно было только решиться тряхнуть крестьян, ещё с 1915 года взявших моду прятать продукты, меняя их на вещи или продавая за золотишко.

* * *

До Октябрьского переворота оставалось совсем недолго, а город жил своей обыденной жизнью, озабоченный местными проблемами. В Коломне и округе основательно пошаливали уголовники, выпущенные из тюрем по большой амнистии Временного правительства. «Птенцы Керенского», как называли «раскаявшихся и давших слово не грешить» преступников, упорхнув из «родного дома», взялись за старое, и по измученной войной и голодом стране в момент крайнего ослабления власти прокатилось цунами уголовщины.

Коломне в этом отношении относительно повезло: авторитетные «блатари-Иваны», «деловые ребята» и прочая опасная публика осела в больших городах, а до уезда добрались не столь опасные мазурики, промышленявшие главным образом кражами.

«Русская правда» опубликовала подборку уголовной хроники, начав её сообщением о том, что бобровский аптекарь Кисин получил от неизвестных злоумышленников письмо с требованием 750 рублей. Эту сумму аптекарю было велено положить в пакет и 17 октября в 11 часов вечера поехать в своей повозке по шоссе в сторону Коломны. Ехать он должен был, пока не услышит сигнальный свисток, после чего надлежало выбросить пакет на дорогу и как можно быстрее убираться с этого места. В случае неисполнения неизвестные лица грозили поджогом дома и убийством. Страшное письмо было подписано: «Максималисты». Так в 1905–1907 годах называлась боевая террористическая группа эсеровских радикалов, прославившаяся на весь мир вооружёнными грабежами и вымогательствами.

Перепуганный аптекарь принёс послание «максималистов» начальнику городской милиции. Решено было устроить на дороге засаду. Согласно плану операции, аптекарь должен был всем своим видом показывать, что готов выполнить условия вымогателей.

Вечером 17 октября он запряг лошадку и поехал по шоссе. Доцекал до самой заставы, но никаких знаков ему не подали. У Петропавловского кладбища Кисин повернул обратно и, когда проезжал мимо заводского

театра, услышал, как кто-то свистнул. Перепуганный аптекарь швырнул на дорогу пакет, в котором была резаная газетная бумага, и погнался на лошадку. Когда он отъехал подальше, к пакету подбежал парень, но едва наклонился, как на него набросился помощник начальника милиции В. С. Прилуцкий, следовавший за повозкой во тьме октябрьской ночи. К месту схватки прибежали ещё несколько человек и набросились на Прилуцкого, и тут в драку ввязался выскочивший из кювета второй милиционер — Т. Я. Слегин.

Позже оказалось, что драку завязали представители Совета рабочих депутатов, которых по просьбе начальника милиции командировали для усиления засады. По неопытности и в потёмках они приняли хранителей порядка, одетых в штатское, за преступников и хотели скрутить. В результате неразберихи один из вымогателей успел сбежать, и в руках милиции оказался только некий гражданин Бадиков, 22 лет, уроженец Рязанской губернии. Назвать напарника он категорически отказался.

Счастье, что устроившие засаду не нарвались на настоящих бандитов — те поубивали бы этих охотников за ворами, да ещё, пожалуй, и Кисину перепало за донос. Но Бог миловал, и, можно сказать, захват почти удался.

На следующий день, 18 октября, около 7 часов утра из деревни Хлопны на станцию Голутвин доставили четверых воров, среди которых был мальчик лет двенадцати. Их вели по платформе, когда подошёл один из рабочих поездов, на котором из пригородных деревень прибыла заводская смена. Узнав, что ведут пойманных с поличным, рабочие набросились на арестованных. Двоих избили до полусмерти, один, воспользовавшись суматохой, сбежал. Мальчика не тронули — его увели в управление милиции. Избитых мазуриков доставили в больницу, но откачать не сумели, и оба к вечеру померли. Виновных в их смерти даже не искали. По тем временам подобные расправы были самым обычным делом: в газетах, что ни день, сообщалось о трёх-четырёх случаях самосудов.

Это очень ясно характеризует период абсолютного беззакония и бесилия властей: ситуацию фактически никто не контролировал. То есть, прежней власти как таковой уже не было, а новая пока не наступила — до её прихода оставалась последняя неделя. Владимир Ильич уже, наверное, собрался покинуть свой шалаш в Разливе, а в Смольном волновались матросы, опутанные пулемётными лентами.

* * *

В день большевистского переворота, свергнувшего Временный комитет Государственной думы, открылся Всероссийский съезд Советов. Делегат от Коломны товарищ Сарычев выехал в Петроград ещё 19 октября с наказом от депутатов Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов: «В связи с докладами губернского и областного съездов Советов Коломенский Совет рабочих и солдатских депутатов, приступая к своей очередной деятельности, глубоко сознаёт и чувствует, в каких ненормальных условиях ему приходится работать, когда на пути к проведению в жизнь демократических мероприятий приходится наталкиваться на старые законы и вступать в контраст с организованным захватным путём Временным правительством помещиков и капиталистов. Делегируя своего

представителя — тов. Сарычева — на II Всероссийский съезд Советов, наш Совет преследует ясную и определённую цель спасти гибнущий трудовой народ Российского государства от войны, голода и безработицы. Нашему делегату мы поручаем:

1). Принять участие в составлении манифеста ко всем народам воюющих стран с предложениями демократического мира и остановить военные операции на фронте.

2). Принять участие в создании закона о конфискации хлеба у помещиков и крупных хлебных торговцев и передаче его вместе со складами и элеваторами в распоряжение местных, переизбранных, демократических продовольственных комитетов в центрах.

3). Принять участие в издании закона о распределении хлеба по дешёвым ценам и вкладе денежных сумм, вырученных за хлеб, в Общественный государственный фонд, образуемый Центральным исполнительным комитетом Советов.

4). Принять участие в создании закона о бесплатном переходе земель в руки крестьянских комитетов и об отмене всех арендных плат с крестьянских общин, которые взимаются помещиками и арендаторами.

5). Принять участие в издании закона об организации демократического контроля над банками — центральным и местными.

6). Принять участие в издании закона о рабочем контроле и о новом фабрично-заводском законодательстве, ограждающем все завоевания великой русской революции.

7). Передать исполнительную власть в государстве избранному на II съезде Советов Всероссийскому исполнительному комитету, ответственному в своих работах перед съездом до созыва Учредительного собрания.

8). Со своей стороны, Коломенский совет в согласии с районными объединениями Советов будет поддерживать, вплоть до вооружённой силы, все шаги Всероссийского съезда Советов и проводить в жизнь постановления, направленные к спасению русской революции и голодающего безработного населения».

В Коломне ничего такого особенного в те дни не происходило. Вышел очередной, 11-й, номер газеты «Русская правда» с занятой статейкой нашего знакомого Владимира Фильчугина. Называлась она «А Васька слушает, да ест» и содержала жёсткую, нелюбезную критику рабочих клубов. Как обычно, автор горячился, но схватывал ситуацию, словно фотоаппарат. Он побывал 18 октября на открытии клуба металлистов и вот какие впечатления вынес: «В Коломне открылись три клуба: эсеров, большевиков и теперь металлистов. По идее, в этих клубах рабочий имеет возможность сходиться для обсуждения вопросов, слушать лекции по всем отраслям политики, экономики и общественной жизни. На деле же в клубе большевиков лекции читают лишь изредка, а у металлистов на ораторов вообще мало обращают внимания — рабочие заняты бутербродами и чаепитием. Этот клуб несёт исключительно питательную функцию и, по сути, является просто трактиром.

В клуб большевиков явился сильно пьяный рабочий и, еле ворочая языком, сказал: “Меньшевики кормят хлебом-соломой, поэтому я перехожу в большевики — давай, записывай! Но если и вы будете кормить таким хлебом, берегитесь — всё разнесу!”». В завершение Фильчугин советовал

заведующим клубами проявлять больше энергии, стараясь поднять работу «на должную высоту».

Вполне может быть, что товарищ Левшин, заступивший в ночь с 25 на 26 октября 1917 года дежурным по городскому Совету, коротая ночное время, читал именно эту заметку, когда ему позвонили из Москвы, сообщив о перевороте и переходе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Несколько дней накануне Левшину было не до газет — хватало забот и хлопот, когда тайно передали, чтобы большевики были готовы к ожидаемому захвату власти в Петрограде и поддержали его активными действиями — всяк на своём месте.

Опыта переворотов ни у кого не имелось, техническое обеспечение организации было слабеньким, а делать всё нужно было в глубокой тайне.

Как ни странно, всё упёрлось в такую вещь, как пишущая машинка. Писать распоряжения от руки было несолидно, и пришлось после завершения рабочего дня одолжить машинку в Совете. Ни одной надёжной машинистки, которой можно было бы доверить столь деликатное дельце, не нашли, а потому Левшин и Грунт уселись печатать сами, фабрикуя мандаты новой власти впрок, на все возможные случаи и потребности. С этим делом провозились всю ночь с 24 на 25 октября, а утром пошли к солдатам.

В казармах Левшин и Грунт натолкнулись на агитаторов эсеров и меньшевиков. После яростных споров с политическими конкурентами они ушли, заручившись уверением солдат, что те пойдут за большевиками.

Лишь убедившись, что всё в порядке, дело готово и только нужен сигнал, Василий Егорович ушёл дежурить в Совет. В четыре часа утра от Московского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов в Коломну пришла циркулярная телеграмма, аналогичной поступили во все уезды губернии: «Сегодня ночью петроградские рабочие и солдаты заняли все государственные учреждения, вокзалы, Зимний дворец. Временное правительство будет низложено. Порядок в Петрограде полный. Кровавопролития не было. Московский совет принимает меры к взятию всей власти. Губернский совет предлагает вам осуществить эти меры:

- 1) создать на местах «пятёрки», обладающие всей полнотой власти,
- 2) образовать Красную гвардию, реквизировать всё частное оружие под расписку Совета и автомобили,
- 3) поставить охрану на телеграф, телефон, в казначейство, установить цензуру телеграфа и телефона,
- 4) подчинить себе милицию,
- 5) войти в сношение с окружающими вас воинскими частями и известить губернский Совет о тех из них, что ненадёжны,
- 6) установить слежку за местами торговли спиртными напитками,
- 7) установить дежурства членов исполкома,
- 8) предложить фабрикам и заводам работать нормально,
- 9) сохранять порядок и спокойствие,
- 10) выпустить воззвание к населению,
- 11) выслать представителей на экстренное заседание Исполнительного комитета губернского Совета 26 октября к 10 утра».

Утром 26 октября на заводе ничего особенного не происходило. Все находились на рабочих местах. Никто толком ничего не знал. Обсуждали слухи, что в Москве что-то происходит. Завкомовская будка была заперта, и Левшину пришлось ждать, нервно расхаживая взад-вперёд перед закрытой дверью. Подошёл товарищ Шкалик, предложивший выбить окно и забраться внутрь. Но тут подоспел секретарь завкома Мурин с ключами. В завкомовской будке под диктовку Левшина Мурин написал письмо в дирекцию, требуя предоставить два автомобиля, а также пишущие машинки. В дирекцию отправили бедового Шкалика, но там выдать авто категорически отказались. Тянуть было нельзя, а потому решили действовать, применяя «революционный метод». Зайдя в заводской гараж, завкомовцы «для острастки» несколько раз выстрелили вверх. Предупредив охоту им перечить, они приказали шофёрам выгонять автомобили и готовить к поездке. Тем временем товарищ Шкалик, забрав из заводской конторы пишущую машинку, отбиваясь на ходу от конторских служащих, принёс её прямо в завкомовскую будку.

Около 8 утра по всем цехам протелефонировали, вызывая членов заводского Совета. Собрались, расселись по машинам, поехали в город, к дому Шанина на Астраханской улице, где располагался Коломенский городской Совет. Из-за разных задержек собрание открыли только в 11 часов утра. Сохранился протокол этого заседания, на котором председательствовал Левшин. Он и взял слово первым.

Все отметили крайне взвинченное состояние Василия Егоровича, который взволнованным голосом объявил о перевороте в Петрограде и о том, что власть в городе переходит в руки Советов. Далее оратор огласил предложение солдат захватить на станционных складах оружие, предназначавшееся для формирующихся маршевых рот. То оружие, которое хранилось в казармах, Левшин предложил собрать в один барак, пересчитать, разобрать по системам, переписать, учесть все боеприпасы и выставить караул под начальством одного из рабочих. Совет согласился большинством голосов.

Следующим выступил товарищ Иосиф Антонов — тот самый, ещё летом засланный в казармы, который предложил немедленно объявить военному командованию, что оно обязано подчиняться распоряжениям Совета. Это поручение возложили на самого Антонова, и он немедленно отправился его исполнять.

На том же собрании избрали Революционный комитет. На должность уездного комиссара выбрали Яна Грунта. Представителями Ревкома на станциях Голутвин и Коломна — Бушуева, Печникова и Киселёва. Комиссаром почтовых отделений и телеграфов — Лобахина. Комиссарами по обыскам и разоружению (хороша должность!) — Грунта, Шкалика и Захарова. Членами Революционного суда — Соловьёва, Тулинова, Болонникова, Левшина, солдат Краснопёрова и Шибаева. Главным военным комиссаром Коломенского гарнизона — бывшего официанта Мочалина, перешедшего к большевикам от эсеров, его помощником — товарища Шишко.

Первым своим постановлением Ревком объявил любое неподчинение власти Советов проявлением контрреволюции и обещал карать за это беспощадно.

Объединённая социал-демократическая организация сделала заявление: «Ввиду того что партия — против захвата власти в руки Советов, считая таковой захват гибельным для России и дела революции, приводящим к изоляции пролетариата, и что партия за передачу власти в руки демократии, а потому фракция против участия в организации новой власти и предлагает своим членам покинуть заседание». Приведено дословно, как написано в протоколе.

Эсеры заявили о солидарности с меньшевиками и единой РСДРП, отказавшись принять участие в формировании органов новой власти. «Мы думаем, эта игра недолгая, — сказали они. — Посмотрим, что скажут рабочие».

Представители эсеров и меньшевиков демонстративно ушли с собрания, но этот демарш не произвёл на большевиков никакого впечатления. Они действовали!

Не тратя золотое время, Левшин связался по телефону с казармами и вызвал солдат 6-й роты, у которых был накануне переворота. Те вскоре прибыли на автомобилях и оцепили дом Шанина, где заседал Ревком.

К гарнизонному арсеналу отправились Левшин, Мешков и Семячкин. Часовой узнал Левшина и подпустил к складу. Услышав, чего хотят товарищи, сказал, что ключ у офицера, заведующего оружейной мастерской. Посланный за ключом Семячкин вернулся ни с чем. Тогда при содействии часового ворота просто взломали. Винтовки и патроны вывезли в дом Егорова, в клуб большевиков, и там начали вооружать рабочих, формируя Красную гвардию. Её отряды, усиленные солдатами, под командой уполномоченных членов Совета разошлись по намеченным объектам.

Часть оружия отправили в разные места уезда. В Щурово товарищ Семячкин повёз 62 трёхлинейные винтовки Мосина и патроны. Их разделили между отрядом Красной гвардии, которому отдали 30 винтовок, и военной охраной окского железнодорожного моста. Также вооружили отряд большевиков в Сергиевских Выселках, где имелась крепкая партийная ячейка. Совету в Озёрах выдали 26 винтовок и по 400 патронов на каждую — этому оружию предстояло стать главным «инструментом власти» в большом селе. Товарищ Локтанов вместе с Ираидой Карасёвой, которой поручили поддерживать связь между московским и коломенским революционными комитетами, повезли захваченное в Коломне оружие в Москву для передачи Московскому ревкому.

Сам Левшин на автомобиле привёз 87 винтовок и патроны в Боброво, передав их товарищу Румбе, чтобы тот вооружил латышей, состоявших в партии. В латышской организации числилось 87 человек, но часть её членов не пожелали взять в руки оружие. Их тут же исключили из партии, а из оставшихся 55-ти составили особый отряд Красной гвардии, занявший весь Бобровский район, станцию Голутвин, почту и Коломзавод. Расчёт был точен: латыши — чужие, и поблажек бобровцам и заводчанам «в случае чего» не дадут. В это же время красногвардейцы родом из Боброва действовали в Коломне и других местах.

Товарищам Купецкому, Панину и Большову было приказано взять под контроль городскую тюрьму и удерживать уголовников. Начальник тюрьмы в тот день уехал по делам службы в Москву. На месте остались его помощник и надзиратели, по словам Купецкого, «здоровенные такие

хохлы». Не без доли иронии Купецкой описывает свою встречу с надзирателями: «Приезжаем на автомобиле мы, трое плюгавеньких, маленьких большевиков, и заявляем большим верзилам:

— Власть как в Москве, так и в Коломне перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Предлагаем вам подчиниться!

Тюремные служители ответили:

— Нам всё равно, кто бы у власти ни был.

Нам пришлось строго следить за ними день и ночь, чтобы они не подготовили побег уголовникам, которые думали, что их выпустят, но они ошиблись. Мне пришлось с неделю дежурить в тюрьме, а потом Ревком меня отозвал и направил обратно в профсоюз, так как я занимал должность казначея Совета».

В земской управе тоже обошлось без затруднений. Утром 27 октября туда явился товарищ Смолянский с отрядом красногвардейцев и спросил председателя управы Комиссарова. Ему ответили, что Комиссаров, взяв с собой печати и деньги земства, скрылся в неизвестном направлении. Служащим объявили о переходе власти в руки Советов и предложили заниматься прежними обязанностями. Некоторые заявили, что с большевиками работать не будут. Им велели сдать должности, а за жалованьем обратиться в Совет. На размышления предоставили два часа. В полдень, когда срок истёк, все сотрудники приступили к работе.

На почте Лазарев, Лобахин и Соболев столкнулись с саботажем. Служащие испортили телефонный коммутатор и отказывались чинить. С завода привели специалиста, и тот кое-как отремонтировал технику. Комиссарам пришлось учиться соединять абонентов.

Неприятный сюрприз ожидал представителей Ревкома в городском общественном банке имени Шевлягиной. Директор этого учреждения 26 октября 1917 года, едва услышал о захвате городских учреждений отрядами Красной гвардии, скрылся в неизвестном направлении. С собой он прихватил всю наличность, оставив в наследство новой власти только сейф, набитый облигациями военного «займа Свободы», выпущенного Временным правительством. После переворота номинал этих ценных бумаг стал равен цене конфетных фантиков.

* * *

В конце недели новая власть выпустила первый манифест: «25 октября, в первый день открытия Всероссийского съезда Советов, согласно телеграмме Московского губернского Совета, Временное правительство помещиков и капиталистов низложено. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов занял все общественные и государственные учреждения, организовал новую власть. Губернский Совет издал постановление, согласно которому надлежит незамедлительно принять следующие неотложные меры:

- 1). Организовать новую власть.
- 2). Захватить оружие.
- 3). Реквизировать автомобили.
- 4). Наладить широкий контроль учреждений.
- 5). Принять серьёзные меры против контрреволюции.

Коломенский Совет рабочих и солдатских депутатов произвёл все необходимые распоряжения и предлагает всем жителям сохранять полное спокойствие и производить обычную работу.

Все граждане России поддерживают Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и задача нашего Коломенского уезда — встать на защиту новой революционной власти Совета рабочих и солдатских депутатов.

Первое слово Всероссийского съезда должно быть — немедленное перемирие на всех фронтах. Второе — передача земли и хлеба в руки крестьян и продовольственных комитетов.

Неподчинение Совету будет рассматриваться как контрреволюционное действие.

Председатель Совета Левшин.
За секретаря — Москвин».

* * *

Газета «Русская правда» после переворота вышла ещё разок: на первой странице 12-го номера от 27 октября опубликовала воззвание новой власти, но комментариями не сопровождала. Набранное мелким шрифтом, оно было почти незаметно. Центральным материалом номера явилось описание амурно-криминальных приключений, развернувшихся на фоне исторических событий. В те дни объявлены были в розыск исчезнувшие из села Троицкие Озёрки молоденькая кассирша потребительского общества А. Коновалова и начальник тамошней милиции Митрофанов. Вместе с ними пропали деньги из кассы общества потребителей.

Во время облавы на уголовных элементов, проводившейся коломенской милицией 24 октября, Коновалову и Митрофанова обнаружили в номере одной из коломенских гостиниц. На первом же допросе выяснилось, что девица была в связи с главным милиционером и на пару они растратили из кассы 5 100 рублей. Подсчитав недостачу, Коновалова обратилась к приятелю за помощью. До того гражданин Митрофанов считался образцовым милиционером, в сентябре при облаве на воров проявил себя как герой, лично пристрелив одного из преступников. Но в октябре, видя, как рушатся последние институты власти Временного правительства, он предложил Коноваловой скрыться, чтобы переждать смутное время. Далеко уйти не захотели и, добравшись до Коломны, засели в гостиничном номере. Дождаясь разрешения политического кризиса власти, беглецы-любовники не скучали. Деньги у них были — при обыске нашли 150 рублей у Коноваловой и 400 у Митрофанова. Ещё 400 рублей они спрятали под комодом в гостиничном номере.

Дело парочки в самый день Октябрьского переворота переправили судебному следователю. Тот распорядился передать несовершеннолетнюю кассиршу на поруки отцу. Дезертировавшего с поста начальника милиции Митрофанова отстранили от должности, отобрав удостоверение. Но на том всё и окончилось. Той власти, законы которой они нарушили, уже не было, а перед новой властью они были совсем чисты. Да и не до того было Советам.

* * *

Если абстрагироваться от знания того, что произошло в те дни, и просто обратиться к документам эпохи, то практически никаких зримых следов перехода власти в руки большевиков заметить не удаётся. Переворот не произвёл большого впечатления не только на мало что смысливших в политике обывателей, но и на искушённых дельцов, ворочавших большими делами в сфере финансов и промышленности. Яркий тому пример — действия банковской группы, владевшей «Обществом Коломенского машиностроительного завода».

Находясь буквально в эпицентре событий, в Петрограде, банкиры судили о происходящем точно так же, как коломенские меньшевики и эсеры, полагавшие, что «игра большевиков» — это ненадолго. Или, может, думали, что любой власти будут нужны деловые люди, способные наладить финансы и производство. Многие тогда были готовы поддержать «сильную и решительную власть» при условии, что та будет считаться с интересами деловых людей. Неизвестно, что именно там ещё грезилось петроградским воротилам производства, но эти очень неглупые люди решились совершить весьма рискованную сделку. Согласно сведениям «Справочника акционерных обществ Российской империи», владельцы Общества весной 1918 года прикупили у князя Белосельско-Белозёрского Горно-Акатуйский рудный округ, а также приобрели в Нижегородской губернии Кулебакские заводы, производившие чугунное и стальное литьё. Очевидно, они хотели в суматохе по дешёвке скупить собственность, как это делали в 1914–1915 годах, накладывая руку на собственность немецких фирм и частных владельцев.

* * *

Относительное спокойствие первых послереволюционных дней было обманчивым. Люди строили планы на будущее, исходя из своего житейского опыта, не осознавая, что этот опыт уже никуда не годится. Те, кто непосредственно совершил революционный захват власти в Коломне, никак не чаяли, что большинству из них осталось жить считанные месяцы. Председатель Ревкома Левшин безвестно исчезнет в Москве зимой 1918 года. Большая часть красногвардейцев найдёт гибель на фронтах Гражданской войны. Множество народу в ближайшие год-два перемрут от голода, тифа и во время пандемии гриппа-испанки. Прошедших испытаний революции и Гражданской войны ветеранов партии выкосит репрессии конца 30-х годов. Настанут времена, когда саму память о них и их делах будут стараться скрывать. Как сказала незадолго до смерти коломенская большевичка Ираида Ульяновна Карасёва, когда её попросили поделиться воспоминаниями, «рассказывать, как было на самом деле, я не могу, а врать не хочу».

Но тогда, в конце октября 1917-го, никто из тех, кто совершал вооружённый переворот или был свидетелем этих событий, ничего не знал о грядущем. В этом незнании и заключается высшее милосердие судьбы.

КАНДАЛЬНЫЙ ЗВОН

Вадим Юрьевич Кириченко родился 4 июля 1970 года в Коломне, в семье учителей. Дед по линии матери приехал в Коломну в 1959 году по совету дяди, который был преподавателем в ремесленном училище города с начала революции 1917 года. Своё родословие Вадим изучил до середины XVII века. Он происходит из касимовских ямщиков, мещан и купцов, тверских и костромских крестьян, польских однодворцев, белгородских казаков.

В 1992 году Кириченко окончил исторический факультет Коломенского педагогического института (ныне — ГСГУ). С 2016 года — аспирант истфака.

Автор книги «Коломна: история в именах» и ряда статей в газетах, журналах и научных сборниках.

Увлекается музыкой. Считается лучшим саксофонистом Коломны. Выступал с ансамблями во многих городах на различных фестивалях и конкурсах.

Биографический очерк

Если задать вопрос коломятинам (так называли жителей города Коломны в документах середины XVIII века): «Кто такой Ян Грунт?», то в лучшем случае услышим: «Есть же улица Яна Грунта в Старом городе!» В редких случаях люди вспомнят про **первого комиссара города Коломны Яна Яновича Грунта**. И совсем никто не скажет, что был такой революционный поэт-любитель Ян Грунт.

Название статьи в точности повторяет название книжки стихов Грунта. Она была издана в Коломне Кооперативным книжным и писчебумажным магазином (бывший «Социал-Демократ») и напечатана в типографии Советской Республики № 1 в 1918 году. Книжка небольшого формата А6 (половина формата А5, то есть в половину обычной школьной тетради). Обложка из твёрдого картона розового цвета с подзаголовком: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Цена книжки — 1 рубль. Количество страниц — 96.

Прежде, чем мы начнём знакомиться со стихами Грунта, необходимо рассказать о жизни их автора до 1918 года. Дело в том, что в его сборнике имеются опечатки и неточности в датировках стихов. Две ошибки в датировке выявляются сразу: вместо «15 июня 1917 года Моск. центр. перес. тюрьма» и «6 ноября 1917 года Моск. центр. перес. тюрьма» следует читать «1916 года». И вот почему. 1 марта 1917 года Грунт был освобождён из Московского каторжно-го централа (Бутырки, Московская центральная пересыльная тюрьма). 11 мар-

та получил справку об освобождении, а 22 апреля — 75 рублей дорожных денег¹. И сразу же послан в Коломну от Московского Окружного комитета РСДРП(б) для организации в нашем городе и уезде (по современному значению — районе) коммунистической ячейки². В тюрьму в 1917 году он больше не попадал. 25 октября 1917 года Грунт как Председатель Коломенского уездного комитета партии провозгласил победу Советской власти в Коломне и был избран комиссаром города и уезда.

В целом биографией видного революционера никто не занимался по объективным причинам. Семья неохотно рассказывала о нём. А архивы засекретили личные дела комиссара. Сегодня с большей частью архивных материалов можно ознакомиться, но только по 1940 год. Наш читатель имеет уникальный случай впервые увидеть фотографии 21-летнего революционера и впервые прочитать неизвестные факты из биографии Грунта.

Ян-Альфред Янов Грундт (так писалась первоначально его фамилия) родился 15 апреля 1892 года по старому стилю в семье крестьянина в Кокенской волости Вольмарского уезда³ или в самом городе Вольмаре⁴. Теперь это город Валмиера в Латвии. Население Вольмарского уезда составляли в то время практически одни латыши-крестьяне. Поэтому и Грунт — латыш по национальности. В одной из автобиографий писал про отца, что тот арендовал казённое помещение⁵, в другой — уточнял, что отец занимался торговлей и был арендатором крупного казённого имения⁶. С отцом и мачехой Ян порвал всякие отношения в 1907 году из-за «своей работы в партии» (Латвийской социал-демократической рабочей партии). Переломное время в судьбе Грунта — 14–15-летний возраст. В семье он прожил до 15-ти лет⁷. Тогда же поступил учиться в Вольмарское городское училище и гимназию⁸. По другим данным, учился только в Вольмарском городском училище⁹. Экзамены на аттестат зрелости сдал в 1914 году, то есть среднее образование получил в 22 года. Чтобы понять, как он учился, обратимся к архивным справкам:

«7 июля 1907 года начальник Лифляндского Губернского Жандармского Управления уведомил Департамент полиции, что 14 июня 1907 года в городе Вольмаре городским задержан 14-летний Грундт Ян Янович, у которого в кармане найдено 3 экземпляра журналов на латинском [латышском — В. К.] языке «ЦИНЯ» («Борьба»), за что и отдан под особый надзор полиции в городе Вольмаре.

¹ ГА РФ Ф. 539 «Комиссия по установлению персональных пенсий при Союзе Министров РСФСР», оп. 4, д. 7976 «Грунт Ян Янович», л. 71.

² ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, лл. 69, 69 об, 76, 76 об, 77.

³ ГА РФ ф. 533 «Архив Всесоюзного Общества бывших политкаторжан», оп. 2, д. 539 «Грунт Ян Янович», л. 7.

⁴ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 58.

⁵ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76.

⁶ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 3.

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 3.

⁹ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76.

10 августа 1907 года начальник Лифляндского ГЖУ сообщил Департаменту полиции, что 28 июля 1907 года в городе Вольмаре арестован Грунт Я. Я., обыском обнаружено 5 экземпляров прокламаций «Латышской социал-демократии», преступного содержания, возбуждающих к ниспровержению существующего строя в России, за что и привлечён к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном по статье 126 Уголовного Уложения»¹⁰.

Имел в то время партийную кличку **Мазайс**¹¹. Провёл год в вольмарской уездной тюрьме. После этого в сентябре 1908 года Военно-окружной суд в городе Ревеле признал Грунта виновным за принадлежность к ЛСДРП(б) и приговорил к пяти годам каторги. Ввиду малолетства приговор ему был смягчён, и вместо каторги юный бунтарь отправился в «воспитательно-исправительное заведение до достижения 21 года, либо в особо приспособленное для несовершеннолетних помещение при тюрьме, или арестном доме»¹². *Вместе с ним по делу проходили Я. Калнин, Элиас, брат Феодор, Цалит и другие. «Брат Феодор» — это родной брат Яна Грунта Фёдор Янович, старше его на 4 года. Расстрелян в Хабаровске в 1939 году.*

Во время суда Ян Грунт «отрицал свою принадлежность к партии и знакомство с другими обвиняемыми и о найденных у него прокламациях показывал, что он их часть нашёл, частью получил от неизвестного лица, поручившего передать их тому, кто их спросит»¹³. Находясь в тюрьме, Грунт 25 августа 1909 года обращался с прошением к военному министру о пересмотре его дела. Но прошение было проигнорировано. Чему свидетельством — отсутствие в архивах каких-либо Всеподданейших прошений в отношении нашего арестанта, проходивших через Главное Военно-Судное Управление¹⁴.

В последних числах декабря 1911 года Грунт отбыл наказание в одиночном корпусе Бутырской тюрьмы в Москве. Вновь оказался в родном Вольмаре, откуда, навсегда оставив родительский дом, в апреле уехал в Ригу. За короткое время нахождения на воле успел поработать в ЛСДРП(б) в качестве агитатора-организатора и имел новую партийную кличку — **Погис**. Состоял членом общества трезвости и членом профсоюза строителей рабочих, устроился работать маляром. 9 января 1913 года в Риге была запланирована демонстрация по случаю очередной годовщины памяти расстрела рабочих у Зимнего дворца в Санкт-Петербурге (в 1905 году). Прямо на улице его вновь арестовали и административным порядком, то есть без решения суда, что было в то время очень распространено, выслали на 3 года в Нарымский край¹⁵. Читатель имеет уникальную возможность впервые посмотреть на фото молодого Грунта из дела № 17/1913 Рижского Губернского Жандармского Управления и узнать его дактилоскопические и антропометрические

¹⁰ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 58–58 об.

¹¹ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 1.

¹² ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ ГА РФ ф. 533, оп. 2, д. 539, л. 7.

¹⁵ ГА РФ ф. 539, оп. 4, д. 7976, л. 76, 76 об.

*Арестованный Ян Грунт в Лифляндском губернском жандармском управлении.
Профиль и анфас. 12 января 1913 г.*

показатели. Одежда на Грунте та же, что была при аресте. Свои грязные и рваные ботинки он успел привести в порядок у чистильщика сапог на улице, чтобы отвлечь от себя внимание охранки. Но не помогло.

В ссылке Грунт познакомился с социал-демократкой, политической ссыльной Зелювинской (Зелевинской) Софьей Абрамовной, которая стала его женой. В 1914 году они вместе бежали из Нарымского края в Москву. В Прибалтике им было опасно появляться. Там, наверное, уже все полицейские знали революционера в лицо. В Москве он жил под ложными фамилиями В. С. Тимошенко, М. Е. Шефлера, М. И. Шерера. В Москве несложно было затеряться. Он поступил учиться в Петровскую сельхозакадемию (не окончил), организовал там при столовой студенческий кооператив. Создал так называемую «Тверскую группу РСДРП(б)», состоявшую из земляков Грунта. Почему «Тверскую»? Чтобы думали, будто именно там живут революционеры, и не искали их в Москве. «У себя на даче» в Петровско-Разумовском в августе или сентябре (данные разнятся по автобиографиям самого Грунта) 1915 года Грунт был арестован вместе с другими подпольщиками-революционерами. При аресте они попались с поличным. На даче нашли типографию с только что отпечатанными несколькими тысячами экземпляров воззваний по поводу расстрела рабочих в Иваново-Вознесенске. 16 декабря 1915 года приговором Московской судебной палаты был осуждён по 1 части статьи 102 Уголовного Уложения на 4 года каторжных работ. Приговор вступил в силу 18 апреля 1916 года. Освободили из тюрьмы Грунта 1 марта 1917 года. Сидел он в основном в Бутырках, в Москве. Там познакомился с Рудзутаком Яном Эрнестовичем, латышом, осуждённым на 10 лет каторги (расстрелян в 1937 году). Надо отметить, что со многими революционерами-латышами, с которыми Ян Янович участвовал в противоправной политической деятельности или познакомился в тюрьме, он поддерживал отношения и в дальнейшем. Более того, эти люди были поручителями при общественных проверках 20-х–30-х годов.

*Ян Грунт во дворе жандармского Управления в Риге.
12 января 1913 г.*

В тюрьме, занимаясь самообразованием, Ян Янович увлёкся писанием стихов. Переосмысливая свою жизнь, тайком, соблюдая все правила конспирации, писал огрызками карандашей на клочках бумажек. Видимо, тогда пробудилась творческая составляющая натуры Грунта, которая не оставила его до конца дней. В Коломне он создал и редактировал журнал «Большевик», хотя журналом его назвать очень сложно. Газетного формата, в 4 страницы (!). В Российской Государственной библиотеке (им. Ленина), в отделе редкой книги хранится несколько номеров журнала, и любой желающий может с ними ознакомиться. Редактировал первый комиссар Коломны и местную газету «Известия».

Теперь, имея представление о том, как складывалась жизнь Грунта до выхода сборника его стихов, можно перейти к собственному творчеству Яна Яновича.

Сборник делится на 4 части, каждая из которых имеет свой заголовок: «Отчаяние», «Тоска», «Надежда», «Буря», «Каторга». Несмотря на существующие общие положения содержания заключённых, в каждом каторжном центре устанавливало своё порядки. Вот примерный распорядок дня по инструкции: «День арестанта начинался в 6 часов утра с поверки по камерам. После этого следовал утренний туалет, а затем «поочерёдно небольшими партиями» заключённых выпускали «в отхожие места». Утренний чай с ржаным хлебом пили в 8 часов утра, после чего каторжан вводили на работу. Свободные от работы возвращались в камеры и до утренней прогулки занимались своими делами. Расписание прогулок составлялось непосредственно тюремной администрацией с таким расчётом, чтобы все заключённые могли пользоваться ими ежедневно в пределах от 10 минут до получаса. Обед начинался в 12 часов, ужин — в 6 часов вечера, затем следовала уборка камер, после которой непосредственно в камеры приносили кипяток. По окончании вечерней поверки и предусматриваемого инструкциями ежедневного обыска, в 9 часов, арестанты ложились спать. «Общая тюремная инструкция» на сон отводила арестантам от 7 до 8 часов в сутки». «В целом, тюремный быт отличался однообразием, что тяжело сказывалось на психическом состоянии заключённых»¹⁶.

* * *

Вокруг тюрьмы горят огни,
Шагает часовой...
Невесело горят они.
Как мне и им со мной

¹⁶ http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1031.

Сгореть до утренней зари...
 Жизнь тусклая моя,
 До утра раннего сгори,
 А там угасну я,
 Как ты, огонь, вокруг тюрьмы.

Слегли волнении
 Среди туманной ночи тьмы.
 Хожу в унынии
 Средь тишины тюрьмы ночной.

Мне ничего не жаль,
 Мне хорошо с тоской моей;
 Я вижу смерти даль.

Горю я медленно... Скорей
 Сгореть хочу я лишь;
 Холодный мрак, сжимай сильней,
 Зачем со мной стоишь?

В тюрьме царит тяжёлый сон!
 Лишь изредка средь тьмы
 Я слышу тяжкий горя стон,
 Он нарушает тишь тюрьмы.

Бледней кругом тюрьмы огни,
 Бледней лицо моё...
 Настанут скоро света дни,
 Возьмут они своё
 Желанье в жизни брэнной сей.

А я совсем к утру
 Сгорю всем телом и душой,
 Мне не видать зарю.

Гори скорей, огонь души!
 Бледней тюрьмы огонь...
 Искру горящую туши,
 Грядущий счастья день.

(25 августа 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Всего 10 стихов в части «Отчаяние». Все стихи пронизаны чувствами приближающейся смерти, желания умереть, душевной и физической болью. «Я жить хочу», но «боюсь, что смерть меня возьмёт во цвете юных лет...».

В 15 лет Грунт разорвал отношения с семьёй. На каторге, закованный в ножные кандалы, «вспомнил мать свою родную, исхудалую, больную; слёзы на глазах дрожали, губы ласково шептали мне привет и одобренье». «И что мать с небес родная, исхудалая, больная, на меня глядит с любовью.

Но порою страшной болью я обнять хочу родную, и на грудь её больную лоб горячий и усталый приклонить без думы единой...»

И Бога вспомнит неожиданно, хоть и всуе: «С песней тихой и печальной / Ангел нежный к нам летит. / Дай послушаю — кандалный / Звон опять в ушах звенит. / Тише, тише, ради Бога! / Эй, кого вы бьёте там? / Ты гляди, гляди с порога: / Ангел смерти лезет к нам».

Каторжная революционная песнь — явление нередкое. Писали многие. Но не всем удавалось вынести свои творческие записи на волю. Грунт пишет зачастую нескладно, но он всё-таки самородок. Самообразованием продолжал заниматься в тюрьмах и ссылке. Общение с революционерами, чтение таких революционных поэтов, как Пётр Филиппович Якубович (Мельшин), оказывали огромное влияние на него. Не случайно в качестве эпитафии или мотто (краткий эпитафия) к первой части своего сборника Грунт вставляет стихотворение Якубовича. Чем был обусловлен выбор этого поэта? Народоволец Якубович (Мельшин) был приговорён к смертной казни. Её заменили на 18 лет тяжёлых каторжных работ. После освобождения написал самую известную свою книгу «В мире отверженных». Она является классикой тюремного жанра в русской литературе. После событий 1905 года написал стихотворение «Красный снег», которое долгое время в советских школах было обязательным к изучению. Вот такую песнь написал Грунт:

* * *

Из-за туч, солнце, луч
Пропусти в темницу,
Чтоб согрел мой удел,
Горя вереницу.

Счастья нет; гаснет свет;
Кандалы с тоскою
Ноги бьют и поют,
Плачутся со мною.

Гаснут дни и огни...
Темнота ночная
Давит, гнёт и растёт,
В сердце заползая.

Жизни сон в тяжкий стон,
Надрываясь, льётся...
Сил уж нет; гаснет свет;
Сердце тяжко бьётся...

Из-за туч, солнце, луч
Пропусти в темницу,
Чтоб согрел мой удел,
Горя вереницу...

Вторая часть сборника — «Тоска». Предваряет 12 стихов эпиграф из знаменитого стихотворения А. С. Пушкина «Сижу за решёткой в темнице сырой», очень точно передающий настроение этой части. Через 20 лет Анна Ахматова точно охарактеризует тремя строками это чувство: «Но крепки тюремные затворы, / А за ними “каторжные норы” / И смертельная тоска». У Грунта безысходностью пронизано каждое его творение. В первом же стихотворении «Прожитый век» он обращается ко всем «уставшим в битве роковой» и ко всем павшим под ударами судьбы. Среди уставших — и жена Грунта. Случайно он узнал, что она находится в этой же тюрьме. Мельком увидел её во дворе для прогулок. Он думал, что ей удалось скрыться вместе с новорождённым сыном Александром (будущим знаменитым и авторитетным советским историком А. Я. Грунтом). Но увы... «На дворе моросил холодный дождь, в камеру проникала неприятная сырость, и на моей душе стало серо, сыро и мрачно», — писал позже Грунт в своих мемуарах «Годы борьбы».

* * *

За тебя, мой друг унылый,
Целый день душа болит.
Сквозь решётки свет вечерний
На меня с тоской глядит.
Я проснулся утром рано
И подумал: в этот день
Родилась ты для жизни...
А теперь в тюрьме, как тень
Бродишь ты в свой день рожденья,
Проклиная, может быть,
Смысл жестокого страданья;
Ты не хочешь больше жить,
А на сердце тьма ночная...
Мне так хочется помочь,
Укрепить твой дух, родная,
Но ещё царевна-ночь
Держит крепко наши руки,
Кандалы на них звенят
И в сей день с тобой разлуки
Унижаться нам велят.
Но, родная, царство ночи,
Как во сне сменится днём,
И зажгутся наши очи
Ярким счастья огоньком.
Верь, родная, после бури
Ярче солнышко блестит,
После горя и неволи
Счастье, воля загремит,
Будешь ты опять со мною
И, как прежде, в этот день,
Помнишь ли порой ночью,

Пробираясь, как тень,
Я принёс тебе подарки,
Пред тобою положил;
И цветы были так яркие,
Аромат от них кружил, —
Ты спала, совсем не зная,
Что проснёшься вся в цветах,
Солнца луч, кругом играя,
Отразится в волосах.

Подожди ещё, родная,
Спи, усни, не долго спать!
Верь, пройдёт пора ночная,
Скоро станет разсветать.

(Моск. центр. перес. тюрьма, 3 февраля 1917 года).

Телесные наказания к политическим в Бутырках применяли не часто. Достаточно было карцера. Во время отбывания каторги Грунтом режим в Бутырках ужесточили. Голодовки каторжан не имели никакого эффекта. Были лишь напрасные смерти. И вдруг за самовольное бритьё бород заключённых стали публично жестоко избивать, за малейшую провинность могли избить, высечь розгами, бросить на максимальный 30-дневный срок в карцер. Очень многие каторжане перестали сопротивляться. «Одиночки переполнены усталыми каторжанами, потерявшими веру в свои силы и в свои человеческие права», — вспоминал Грунт.

* * *

В мёртвой тишине,
В чёрной глубине
Могилы роют..
Тени ложатся,
Зачем трудятся,
Что они строят?..
Руки устали.
В работе стали, —
Слышен мёртвых стон.
Грозно раздался,
Гулко отдался
В казематах звон
Цепей ужасных
Призраков красных..
В работе стали, —
Руки немеют
И холодеют, —
Так мы устали!..
Труд наш кровавый,
В сердцах не правый

Вольно кружится,
Тьмою ужасной,
Мглою ненастной
Грузно ложится!..

(15 октября 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Третья часть сборника — «**Надежда**» — включает 5 стихов. Предваряет их эпиграф из стихотворения популярного в народе поэта И. С. Никитина, произведения которого любили народовольцы. Три стиха из этой части Грунт адресовал своей жене. Любовь к ней питала его душевные силы. Он надеялся, таким образом, что и сам выживет, и молясь за неё, поможет ей:

* * *

Ещё б мне хотелось с молитвою жаркой
Упасть на колени и страстно молить:
«Судьба роковая, рукою ужасной
Зачем тебе хочется Русь погубить?..
Посевы несчастья ногой раздавивши,
Дай силу, свободу и счастье, Любовь,
И Русь дорогую за сонность простивши,
Сними с нея тяжкий неправды покров!..»

* * *

Прости, мой ангел, добрый гений,
Что я унылым слабым стал,
Что грудь терзает червь сомнений
И улыбаться перестал.
Прости! и не гляди уныло
На очи тускля мои, —
Придёт весна, и снова смело
Зажгутся радостью они.

(Моск. центр. пересыл. тюрьма, 5 июня 1916 года).

Последняя часть сборника Грунта, «**Буря**», состоит из 14 стихотворений, три из которых — перевод с латышского знаменитого Яна Райниса. Опять же эта часть, как и все предыдущие, предварена строками из стихотворения С. Надсона — одного из популярных поэтов 80-х годов XIX века, в раннем творчестве которого звучали отголоски народнических настроений.

Самое большое стихотворение в этой части и вообще в сборнике — «К С-е...» (то есть, «К Софье» — В. К.), посвящено жене. Оно описывает, как увидел Грунт свою жену в Бутырках, как встретился с ней взглядом, свои чувства бессилия, злобы, ненависти, отчаяния. Автор

описывает бурю чувств, но в этом стихе нет ни слова про бурю революции. В других стихах этой части также не всегда понятно, о какой буре говорит автор.

* * *

Стремятся люди к идеалу,
К заветной цели всяк своей
И часто молятся Ваалу,
Как будто счастье в доле сей.
Кто век трудится для кумира
И прокликает всё и всех,
В устах кровавого вампира
Звучит противный злости смех.
Кто век печалью достигает
В конце концов желанную цель,
Но вдруг безцельно умирает, —
Нет слёз, и умерла печаль.
В надежде славы и свободы
Мы цепи тяжкие владим,
Зовём на бой свои народы,
Но те молчат, и мы молчим
Стремленья к чёрту или богу,
Влекут страдания с собой,
И все идём на ту дорогу,
Где смерть нас ждёт с косою тупой.

(29 июня 1916 года, моск. центр. перес. тюрьма).

Вера в то, что революционное дело не умрёт, что знамя революции подхватят другие и довершат начатое, даже если многие из каторжан не доживут, не покидала большевиков-арестантов. «Неотвязчивая мысль о свободе, о лучшей жизни засела в голове и не давала возможности сомкнуть глаза». «В это время как-то и остальная публика начала чувствовать себя увереннее, момент беспрекословного подчинения прошёл, и стали проявляться признаки возможной бури», — писал Грунт.

* * *

ЗАРЯ

В сердцах угнетённых
И порабощённых
Вспыхнула заря!
На смерть осуждённым,
В тюрьмах заключённым, —
Правдою горя, —
Двери отворили,
К бою нарядили

За свободу-мать!
Трубы заиграли,
Песни застонали,
Легче им дышать!
Битва разгорелась,
Утро раскраснелось,
Бой вовсю кипит!
Всё мгновенно сбылось,
Что весь век нам снилось.
Радостью горит.
Сердца угнетённых
И порабощённых, —
Правый суд творит!..

* * *

МЫ НЕ СДАДИМСЯ

Мы не сдадимся вам, тираны,
И на поклон к вам не пойдём,
Терзайте, жгите наши раны, —
В ответ мы громко песнь споём:
«Вперёд, друзья, на бой кровавый,
Вперёд, вперёд на смертный бой,
В бою не страшен враг презренный
Своею подлою душой!»

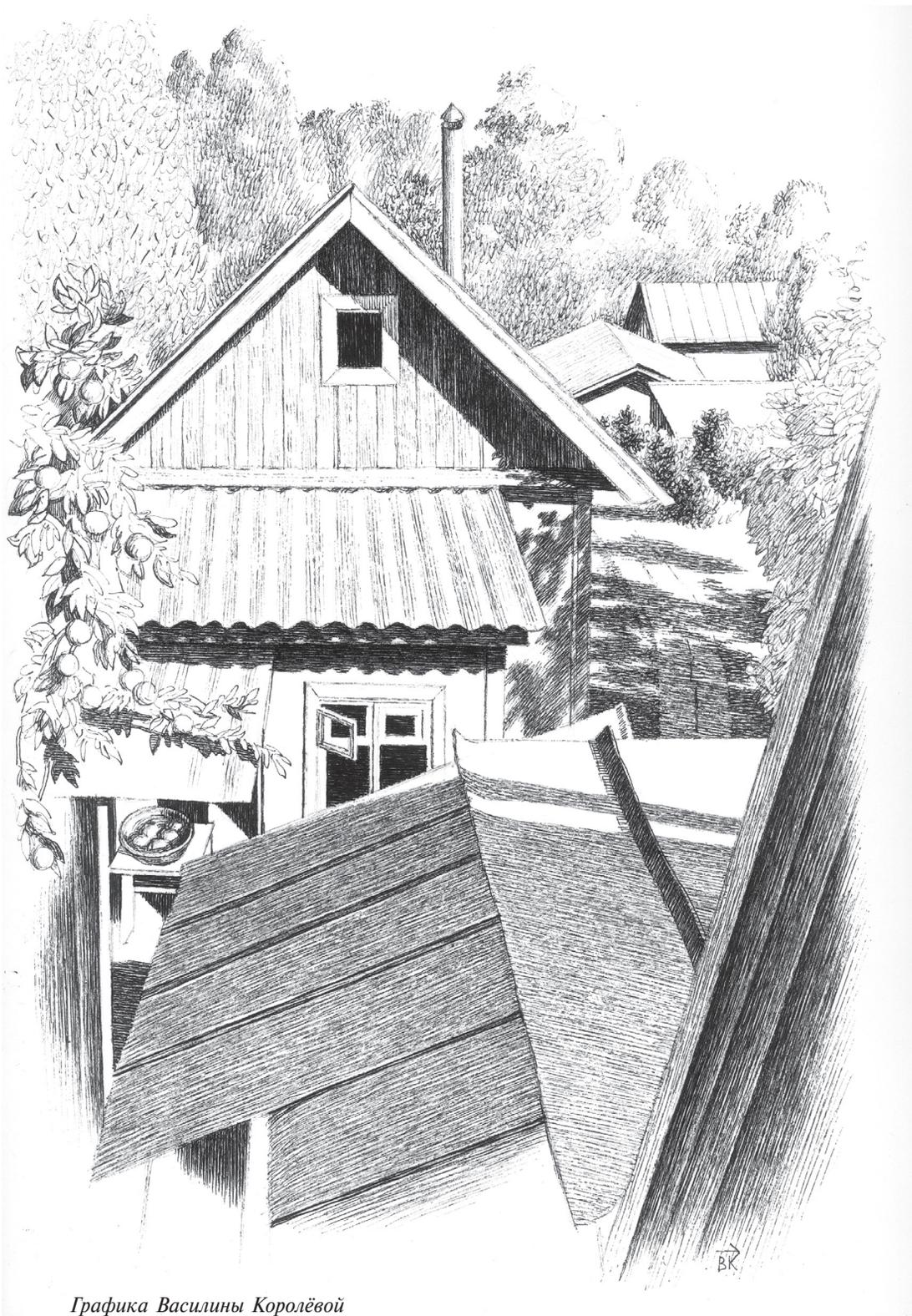
*(Моск. центр. перес. тюрьма, 1 января 1916 года
[на самом деле следует читать: «1917 года»]).*

Жизнь Яна Яновича Грунта, его творчество частью общества воспринимаются крайне негативно. На него навешивают ярлыки тирана, палача, убийцы. Отношение к людям очень часто не бывает однозначным. Те, кто критикует сегодня большевиков и нынешнюю власть, могут оказаться когда-то на пьедестале героя или на позорном столбе. Всё зависит от идеологии, политических взглядов, духовного состояния человека или общества. Мне удалось доказать, что Грунт спас двух великих русских писателей — Бориса Пильняка и Евгения Чирикова — от расстрела в 1918 году. «По плодам их узнаете их»...

Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

ОДИН ГОД ГРАДА КОЛОМНЫ

Евгений Львович Ломако родился 1 августа 1974 года в Коломне. Окончил технологический факультет Коломенского пединститута (ныне ГСГУ). Кандидат исторических наук. Лауреат Макариевской премии. С 2009 года — заведующий отделом историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль». Автор монографии «Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века», ряда брошюр по истории города, путеводителей и наборов открыток, более ста статей в научных сборниках, федеральных и региональных журналах и альманахах, местных средствах массовой информации. Один из авторов и создателей электронной энциклопедии «Коломна», выдержавшей уже четыре выпуска. Награждён Почётным знаком «За отличие в труде», юбилейным знаком «Коломне 835 лет» и другими общественными медалями.

Исторический очерк

Человеку изначально свойственно желание заглянуть в прошлое, почувствовать его дыхание для понимания своего места в огромном мире, ощущения причастности к делам своих предков. Приоткрыть дверь в неизведанное помогают свидетельства прошедшей жизни: предметы, документы, изустные предания. Настоящим подарком оказываются те из них, которые подробно, практически досконально, описывают короткий промежуток времени из жизни одной семьи или одного города. Коломне в этом плане повезло. В собрании историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль» сохранились книги магистрата (*органа власти, отвечавшего за вопросы городского хозяйства и управления*) за несколько лет восемнадцатого века. В протоколах заседаний мы находим интереснейшие документы, отражающие взаимоотношения коломенцев, картины их бытия, чаяния и надежды. Перелистаем же более трёхсот листов книги Коломенского магистрата за 1799 год и взглянем на наш город, входящий в девятнадцатое столетие. Нашими попутчиками станут бургомистры Ларион Шевлягин и Федот Рудомёткин и ратманы¹ Прокопий Посохин, Михаил Шапошников и Никифор Слонов, чьи подписи сопровождают все дела и служат свидетельством их непосредственного участия в многогранной общественной и экономической жизни.

¹ Ратман — член городского магистрата или ратуши.

Ванька с двумя пассажирами

Шелест двухсотлетних страниц погружает нас в купеческо-мещанскую Коломну, с первых строк раскрывая сведения пятой ревизии (*перениси*). По меркам того времени, город предстаёт достаточно населённым. Из жителей мужского пола 1040 душ принадлежат к купечеству и 946 — к среднему классу, называемому мещанством. Горожане находятся на разных ступенях по уровню достатка. Среди них есть и 19 купцов высшего круга «общества градского», со званием именитых граждан, владеющих суммарным капиталом в 839690 рублей. Бесперывное течение жизни проявляется в перемещении из одной сословной группы в другую, в разделении семейных капиталов. На место выбывающим приходят новые члены. Так купеческое сословие пополнилось купцами Иваном Коревым, Петром Дехалеревым, мещанином Ефимом Сергеевичем Хлебниковым и другими. Мещанство принимает в свои ряды церковников и купцов, оказавшихся несостоятельными. Крайним случаем, когда человек исключается из общества, является «партикуляр» — отдача в работы за долги.

Весной 27 мая 1799 года в Коломенский магистрат поступило прошение вдовы коломенского купца третьей гильдии Мирона Пономарёва Анны Савиной, в котором она высказывала желание вступить в московское купечество вместе с сыном Тимофеем, жительствоющим в Москве. В конце июля 1799 года в коломенское купечество был записан Степан Иванов сын Разгильдяев с семейством, состоящим из жены Авдотьи и сына Фёдора. Любопытным оказывается тот факт, что Степан Разгильдяев являлся отпущенным на волю от капитана Василия Дмитриевича Крюкова дворовым человеком и сумел накопить капитал в 2005 рублей, что позволяло ему войти в третью гильдию.

Коломенское общество пополняли и жители отдалённых городов. Мещанин города Одессы Филипп Яковлев сын Волков, проживающий

в Коломне по паспорту, просил записать его с семейством в местное мещанство. При этом его дети Матрёна и Семён оказались вечноотпущенными от Аграфены Фёдоровны Киреевской, вдовы поручика Александра Михайловича Киреевского, и проживали в Серпуховской округе в сельце Крапивне. Отмечен и случай, имевший место в семействе коломенского купца Ефрема Григорьева сына Хлебникова, который просил приписать к нему воспитанника коломенского мещанина Дениса Ефремова.

Изменения в составе купечества происходили и в результате раздела имущества внутри одной семьи, когда её члены хотели «отправиться в свободное плавание», или вследствие смерти главы семейства через исполнение его завещания. Проследить подобного рода процессы помогает раздел коломенского купца Аники Лаврентьева сына Капустина с сыном Алексеем. Семейство Капустиных путём успешной торговли обзавелось не только достаточным капиталом, но и весьма значительным недвижимым имуществом. Им принадлежали два дома: каменный на улице Вознесенской (ныне Красногвардейская) близ Житной площади и деревянный на улице Брусенской (ныне Лажечникова) внутри кремля, а также две лавки: в гостинной и Житной линиях. Причём их соседями по торговле выступали представители крепких коломенских кланов: Бочарников, Кислов, Попов. О финансовом благосостоянии семьи можно судить по сумме в десять тысяч рублей (что соответствовало рубежу между первой и второй гильдиями), которую оговаривал для себя Аника Капустин вместе с деревянным домом «со всяким во оном имуществе, серебряной и всякою посудой и с святыми образами» и доходом с лавки в гостинной линии. Алексей Капустин благословлялся от отца образом Спасителя в серебряном окладе и был обязан выплатить денежный долг господину Хлебникову и отчислять по шестьдесят рублей своей тётке и крестной матери Дарье с доходов лавки в Житной линии.

Словами смирения и благодарности за прожитую жизнь проникнуто духовное завещание коломенского купца Никифора Петрова сына Слонова: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа аминь. Божия благодать, сподобившая меня многогрешнаго наслаждаться бытиём и существованием в видимом сём мире, продолжил своё божественное попечение до маститой и глубокой моей старости, и, чувствуя оскудение в телесных моих силах и изъяснив свои мысли, завещаю в целом своём уме и твёрдом разуме...» После показанных слов следует подроб-

Продавец яиц и русский крестьянин

ное описание раздела имущества, среди которого — дом с садом на улице Пятницкой (ныне Пушкина), отходивший в совместное владение сына Михаила и дочери Вассы, бывшей замужем за коломенским купцом Григорием Ипатовым сыном Каниным. Всё движимое имущество и скотовое место в Митяевской слободе с сальней и кладовой оставалось Михаилу. Вассе полагалась определённая денежная сумма, оговорённая в особом завещании, засвидетельствованном священником церкви

Воскресения Христова, что на посаде, Фёдором Трофимовым и братом завещателя Нестором Слоновым.

Большое количество документов свидетельствует о такой стороне жизни, как долговые обязательства по векселям и следовавшие за ними дела о выплате, финалом которых зачастую было окончательное разорение. В этом случае должника брали для выполнения различных работ состоятельные граждане, обязующиеся платить за него не менее 24 рублей в год. Случалось, должники удирали от своих хозяев, и тогда в местных магистратах слушались дела вроде такого: «По сообщению Коломенского земского суда о побеге с фабрики московского 1-й гильдии купца Дмитрия Степанова сына Насонова коломенского мещанина Григория Иванова сына Трескина».

Необходимо обратить внимание, что строжайше отслеживались граждане, передвигавшиеся без паспортов. На одном из заседаний рассматривали такое — о мещанах Владимире и Антоне Маскариных, прибывших в Вятку без документов. А за неуплату государственных податей могли арестовать как Семёна Исаева сына Масагина.

Благодаря одному из вексельных дел мы можем проследить драматические коллизии в жизни Максима Ивановича Машонкина — деда по материнской линии нашего знаменитого земляка Ивана Ивановича Лажечникова. Максим Иванович оказался должным 4700 рублей наследнику премьер-майора Ивана Фёдоровича Птицына Никифору Егоровичу Филипповичу. В ходе разбирательства оказалось, что история с выплатой тянулась с 1788 года, и за это время ответчик спустился вниз по социальной лестнице, к 1799 году числился уже мещанином. Подобному положению дел во многом способствовал и большой пожар 1792 года. По словам самого Машонкина, в несчастливый для него день 14 сентября огонь уничтожил его собственный дом близ Покровской церкви, а «при том сгорело его экипажу (т.е. различных вещей) на не-

Гужевая повозка и возница

малую сумму, а во время пожара из того дома неизвестно кем украдено святых образов: 1 Казанская Богородицы, оклад и венец серебряные позлащённые, убрус жемчужный; 2 Чудотворца Николая с изображением избавления трёх мужей от смерти, риза серебряная кованая позлащённая с киотом красного дерева, в коем имелся серебряный крест; 3 Рождества Пресвятыя Богородицы с изображением других святых без оклада; да стол дубовый точёный на ножках, в нём ящик выдвигной с имевшимися в нём разными нужными бумагами, как то: с векселями на разных людей и с собственными его, по которым последовал полный платёж с росписью в получении денег, с расчётами разных людей, да две книги долговые и с верющими письмами, да из укладки: кафтан суконный лазоревого цвету, подбит голубою китайкою; кушак шёлковый цветной, называемый изобратной; шапку бобровую, верх плисовой лазоревый же; шляпу пуховую, круглую; очки, серебром оправленные, в футляре; да телегу ездовую, а задние колёсы кованые».

Немного отступив от личности Максима Машонкина, стоит сказать, что последствия пожара 1792 года ликвидировали продолжительное время. Горожанам в течение десяти лет выплачивались денежные ссуды, и один из протоколов магистрата показывает о выделении на 1799 год 1713 рублей 52 копеек, распределённых между купцами и мещанами суммами от ста до четырёхсот рублей.

Возвращаясь к Максиму Машонкину, отметим, что ему самому оказался должным 1207 рублей 47 копеек коломенский мещанин Пахом Агафонов сын Казаков. Ещё в 1772 году, будучи каширским купцом, он нанялся сидельцем в лавку к отцу Максима Ивановича — Ивану Евстратьевичу — и раздал товара разным людям на две тысячи рублей, а вернул только 791 рубль 53 копейки. Тем не менее, будучи не в состоянии выполнить

Нищие и священник

вексельные иски, 21 февраля 1799 года Максим Машонкин был «отдан коломенскому купцу Хрисанфу Ильину в партикулярную работу при указе на три года с платежом за него сверх государственных податей и общественных поборов в каждый год по сорока рублей».

Вексельные дела непосредственно касались и самого рода Ложечниковых, семейство которых значилось в числе именитых. Одно из них показывает совместное

ведение дел Иваном Ильиным (отцом писателя И. И. Лажечникова) и Емельяном Ильиным Ложечниковыми. Иван Ильич по двум векселям, выданным от брата, требовал взыскать с коломенского купца Тимофея Житникова 1440 рублей. Судебное дело приоткрывает перед нами не только схему привлечения к ответственности должника, но и ряд любопытных деталей из городской жизни. Выясняется, что купечество делилось на сотни под началом выборного, и в нашем случае сотский восьмой сотни Вележев как ответственный за своего члена был обязан сыскать Тимофея Житникова. Это ему не удалось, поскольку, закупив в Орле хлеб, Житников отъехал в Москву «для своей коммерции». Вернувшись в Коломну, купец объявил, что не может заплатить по векселю, и предложил в зачёт долга часть деревянного дома в Запрудной слободе, которым владел совместно с матерью Татьяной Фоминишной и братом Евпсихием. По справке, полученной в магистрате, оказалось, что братья Житниковы (Тимофею исполнилось тридцать пять лет, Евпсихию — тридцать три года) состояли в одном капитале при своей матери. Сам Тимофей Житников был отпущен под расписку на поручительство купцу Аврааму Денисову. Итоговое решение магистрата было довольно предсказуемым: оценить дом и выделить из него часть, принадлежащую Тимофею, недостающую сумму обязать к выплате, а в случае же невозможности — определить должника в партикуляр. Под протоколом после ознакомления оставил свою личную подпись Иван Ложечников.

Ещё один вексель касался третьего брата — Трифона Ильина сына Ложечникова. Но здесь ситуация была обратная. Коломенский купец Емельян Потапов требовал взыскать с Ложечникова 30 рублей, которые тот задолжал с 1789 года. В процессе разбирательства выяснилось, что на Трифоне Ильиче числились иски от разных кредиторов, и он не смог их выплатить. В результате Ложечникова отдали коломенскому купцу Ивану

*Мясник со свиньёй на подносе
и купчиха*

Крашенинникову в партикулярную работу впредь на два года с выплатой за него по 24 рубля в год. Заметим, что никакой помощи от братьев Трифон не дождался, и можно высказать предположение о не слишком благонаправном его поведении. На данное размышление наталкивает и фраза из духовного завещания его отца от 1795 года: «... меньшому сыну его Трифону в наследство оставляет внесённые им императорского московского воспитательного

дома в сохранную казну наличные деньги: двадцать тысяч рублей, с тем однако же, чтобы оной капитал остался в той сохранной казне до того времени, когда он покажет себя добрым гражданином и в порядочном поведении своём аттестован будет от означенных братьев своих, у коих быть ему в опеке и совершенном послушании, властно как бы у самого его завещателя» (ЦГАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 3298. Л. 1 об.).

В книге магистрата мы находим упоминания и о других именитых гражданах Коломны того времени. Таким был Иван Мещанинов, от которого требовали недоимки как различные лица, так и Суздальская провинциальная канцелярия по винной торговле 1774 года. В свою очередь, Иван Мещанинов подал взыскание по векселям с московского купца Якова Васильева. Ещё одного представителя именитого купечества, Афанасия Акимовича Шевлягина, мы можем с уверенностью назвать родоначальником особого благополучия своего рода. Из дела о взыскании по двум векселям с коломенского мещанина Гаврилы Алексея сына Агнёткина 157 рублей 55 копеек мы узнаём, что ещё в 1786 году Афанасий Шевлягин был купцом второй гильдии, подразумевавшей капитал максимум в 10000 рублей. Через десять лет он сумел умножить его в несколько раз, ведь звание именитого гражданина подразумевало капитал уже свыше 50000 рублей. Подобному положению дел способствовала активная жизненная позиция и смелость в торговых делах Афанасия Акимовича. Одним из таких шагов являлось содержание казённых земель в течение нескольких лет, под гарантии которых шли обязательства наиболее состоятельных представителей купечества или имущество. Именно благодаря подобного рода делам, наравне с описью имущества за долги, мы можем увидеть, в каких домах проживали и в каких лавках торговали коломенцы на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий.

Обратимся к описаниям строений, составлявших облик нашего города и служивших своего рода зеркалом материального благополучия. Как вы-

Каменщик и офицер

глядели лавки в Гостином дворе Коломны, позволяет судить дело от 17 января 1799 года. Три лавки коломенского именитого гражданина И. И. Ложечникова были описаны в качестве залога казне за «откупы и содержание питейных сборов или казённой соли и прочие поставки». Торговые помещения оценивались в десять тысяч рублей и представляли собой следующее. Одна лавка, стоимость которой составляла ровно половину, представляла в качестве «центрального офиса» и имела два этажа с каменным выходом (*погребом, подвалом*). В нижний этаж, отделанный деревом, вели четыре деревянные створчатые двери на железных петлях. Второй этаж показан как оштукатуренный, с печью, отделанной изразцами, и окнами, в которые были вставлены рамы со стёклами, защищёнными железными полосами. Вторая и третья лавки оценивались по две с половиной тысячи рублей и представляли собой торговые помещения с деревянной отделкой и холодными палатками на втором этаже. Все лавки находились под одной железной крышей с обводной арочной галереей и имели размеры десять сажень ($1 \text{ сажень} = 2,13 \text{ м}$) поперёк и пять — в длину.

Представить объём необходимого количества материалов для сооружения торгового заведения позволяет одно из дел в книге магистрата. Его суть заключалась в том, что коломенский купец Семён Игнатов сын Морозов просил взыскать 106 рублей 3 копейки с коломенского купца Самойлы Андреева сына Егина за поставленные 10 000 кирпичей для постройки лавки в Гостином дворе. Купец Егин категорически отрицал размер поставки и утверждал, что вместо показанных Морозовым 31 640 кирпичей с 60 бочками извёстки забрал только 21 000. При этом каждая тысяча кирпичей стоила 7 рублей 50 копеек, но Егин подчёркивал, что они договорились снизить цену до 7 рублей, а расчёт производить не только деньгами в сумме 130 рублей, но и продуктами: два пуда ($1 \text{ пуд} = 16,28 \text{ кг}$) ржаного солода на рубль и два фунта ($1 \text{ фунт} = 409,5 \text{ г}$) хмеля на 32 копейки. В ходе заседания магистрата поднимались также вопросы и законности нахождения у купца Егина его служителей; о шести рублях за двадцать досок, взятых вместе с кирпичами; о дополнительных 750 кирпичих для печей в доме Самойлы Андреевича. Всё вместе погружает нас не только в, казалось бы, мелочную разборку между купцами, но и позволяет несколько по-иному взглянуть на сумму капиталов купечества и вексельные долги с точки зрения стоимости бытовых вещей. Также сцена из городской жизни, развернувшаяся на страницах протокола, по-

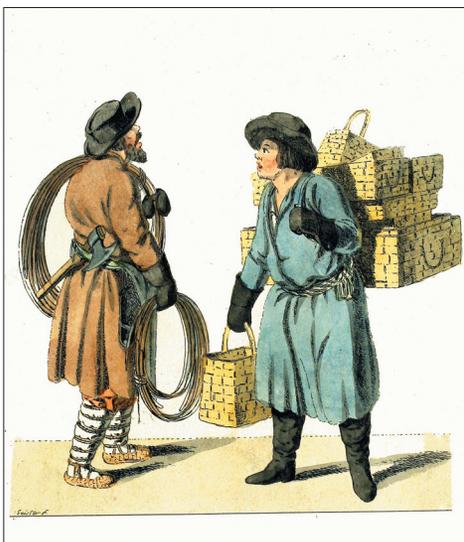

Огородник на своей телеге

зволяет и окончательно решить вопрос о загадочном слове «кирбаты», о котором спорили, под которыми понималось не что иное, как сараи для хранения кирпича.

Касательно жилых домов, в книге Коломенского магистрата сохранился целый ряд описаний, позволяющих представить их облик и участки, на которых они находились. Бывали случаи, когда частные владения переходили в казённое ведомство. Ярким примером подобной практики может служить покупка Коломенской почтовой конторой у подпоручика Александра Иевлева каменного одноэтажного дома со всеми службами на Брусенской улице. Само же дворовое место по периметру имело следующие размеры: «...в первой линии по Брусенской улице от Брусенского девичьего монастыря до земли регистратора Семёна Канищева — двадцать четыре, во второй с Брусенским монастырём — девяносто восемь, в третьей, разделяющей с землёю регистратора Канищева, — девяносто пять, в четвёртой, разделяющей с каменной городской стеною, — тридцать пять сажень».

Стоимость домов с землёй оценивалась по-разному. Так, коллежский секретарь Федот Прокофьев купил описанный за долги двор коломенского мещанина Никифора Полетаева за 1645 рублей. На дворе находился каменный двухэтажный дом в длину четырнадцать сажень и две четверти аршина (1 аршин = 71,12 см), поперёк — четыре сажени и один аршин с четвертью. На первом этаже располагалось четыре покоя с 30 окнами, на втором этаже — три покоя с 31 окном, в каждой комнате — изразцовая печь. Обращает на себя внимание упоминание мастерской на первом этаже, предназначенной для мотания шёлка, и ветхой деревянной красильни на берегу Коломенки. Двор размером 34 на 34 сажени был огорожен дощатым забором, загораживавшим огород и сад со 160 средними и малыми яблонями.

Гораздо скромнее выглядело дворовое место Никольской (ныне Посадская) в 70-м квартале другого должника — коломенского мещанина Алексея Лохова, оценённое в 290 рублей. Длина участка по улице составляла двенадцать сажень, сзади — три сажени с половиной, с правой стороны — двадцать шесть сажень, с левой — двадцать семь сажень с аршином. На дворе размещалась горница (изба) из соснового леса

длиной вместе с сенями и светёлкой в шесть сажень, а шириной в четыре сажени. В горнице, перегороденной на три части, насчитывалось шесть окон и изразцовая печь. Особо отмечен располагавшийся в горнице образ святой великомученицы Параскевы без оклада. На дворе была построена баня с предбанником из елового леса.

316

ЕВГЕНИЙ ЛОМАКО

Двор умершего коломенского мещанина Дорофея Никифорова сына Горбунова был продан Московским аукционом коломенской мещанской жене Евдокии Ерофеевой дочери Аксёновой за 600 рублей 50 копеек при долге Тимофею Кондратьеву сыну Шульгину в 1400 рублей. Описываемый двор располагался в приходе церкви Великомученика Никиты по Никольской улице по правую сторону, если идти от Пятницких ворот. В окончательную оценку вошёл весь комплекс строений и обстановка дома. Изба елового леса и двор размером двадцать шесть на двенадцать сажень были оценены каждый в восемьдесят рублей, дворовое каменное строение вышиной в два аршина — в двадцать рублей, овинный амбар с каменным погребом — в сорок рублей, забор — в два рубля пятьдесят копеек, баня с предбанником — в пять рублей. В доме были описаны два стола (один дубовый с двумя ящиками столярной работы ценой рубль пятьдесят копеек, другой дубовый старый ценой рубль пятьдесят копеек), шесть стульев деревянных ручной работы ценою шестьдесят копеек, четыре большие дубовые кадки ценой в четыре рубля. Общая стоимость составила 235 рублей 10 копеек, что было в несколько раз меньше аукционной суммы.

На фоне вышеописанных деревянных строений выделялись усадьбы богатых коломенских купцов. Одна из них принадлежала Дементию Карпову сыну Шерапову и была заложена в счёт откупа на содержание казённых земель. Двор располагался в 34-м квартале в приходе церкви Алексея человека Божия на улицах Алексеевской (ныне Левшина) и Семионовской (ныне Савельича). Дом размером семнадцать на двадцать три аршина представлял собой каменные жилые двухэтажные палаты, крытые железом. На первом этаже с полами и потолками из соснового леса распо-

*Юноша-стекольщик и продавец
зелени*

лагались сени, две кладовые, два тёплых покоя с двумя изразцовыми печами и четырнадцатью окнами, в каждом из которых находилось по две рамы со стёклами и железными решётками. В верхний этаж вела из сеней деревянная лестница с перилами. Здесь были сделаны четыре перегородки тёплые с двумя изразцовыми печами и три перегородки без печей. На втором этаже насчитывалось двенадцать окон с медными запорами

и с двумя рамами, два из которых были забраны железными решётками. Во дворе располагались многочисленные службы, также покрытые железом: два каменных погреба, два кладовых амбара с каменными простенками, сарай, конюшня. От палат по Алексеевской улице шла до служб каменная стена в тридцать три аршина с воротами, покрытыми железом, а в заднем конце служб каменная стена длиной пятьдесят пять аршин примыкала к палатам. Всей же земли под дворовым местом было: поперёк двадцать восемь, а в длину пятьдесят две сажени. Исключая деревянное строение, вся усадьба оценивалась в десять тысяч рублей.

Случались в жизни горожан и жалобы личного порядка. Среди них любопытно разбирательство о нанесении бесчестия. Коллежскому регистратору Василию Сергеевичу Малееву не понравилось, когда купец Данила Григорьевич Аленин назвал его «вечно пьяным».

В ведении магистрата находились и дела об «уклонистах». Унтер-офицер квартирующего в Коломне мушкетёрского полка Рудницкий арестовал в доме коломенского купца Анисима Семёнова сына Фалина каширского мещанина Михайлу Лашина. Начали разбираться, и одновременно выяснилось, что Лашин не только укрывался от рекрутской отдачи, но ещё и совершил воровство в Москве. Он сам в этом повинился. Причастными к похождениям каширского мещанина оказались и коломенцы.

Но в основном дела носили финансовый характер. Как вышеперечисленные, так и просьба крестьян села Васильевского взыскать с мещанина Кондратия Кондратьева сына Фомина за купленное сено.

Благодаря подробному ведению дел в Коломенском магистрате перед нами осязаемо встают её улицы и площади, наполняясь жителями, возвращающимися из небытия и вновь обретающими свои имена, имеющими свои желания и поступки. Горожане, сами того не осознавая, плетут нить истории, вступая во взаимоотношения между собой, властью, представителями других местностей.

Составители документов, из которых сшита эта и другие книги магистрата, сделали неоценимый подарок нам, ныне живущим, за сгусток простых, бесхитростных, но в то же время таких реальных картин бытия наших предков.

Год, венчающий восемнадцатое столетие, похож на многие такие же — спокойные, размеренные, счастливо обойдённые смутой и войной. Фотографическая иллюстрация земного человеческого существования.

Автор благодарит заместителя директора по развитию музейной деятельности Государственного музея-усадьбы «Архангельское» В. Н. Фомина за предоставленные иллюстрации из книги К. Г. Гейсслера «Костюмы, нравы и обычаи русских».

ХРОНИКА

МОТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В культурном центре «Дом Озерова» открылась выставка «Греция—Россия. Связь через века».

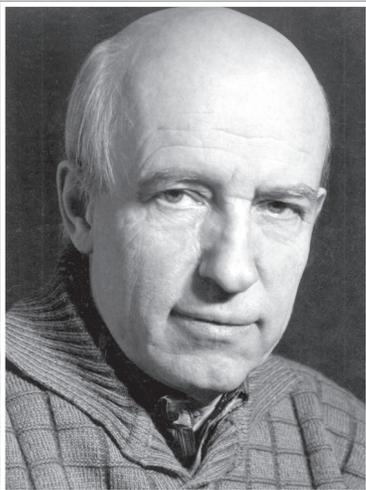
Экспозиция подготовлена Русско-греческим творческим союзом художников при поддержке Международной академии творчества, Московского дома национальностей, Греческого культурного центра и секции иконописи творческого Союза художников России.

«Греция — Россия. Связь через века» — выставочный проект, который призван познакомить жителей Подмоскovie с культурой дружественных стран через творчество современных художников. Его автором выступает президент Русско-греческого творческого союза художников **Павлос Арзуманидис**.

Для участия в проекте было приглашено более 40 российских и греческих живописцев и графиков, скульпторов и иконописцев. Среди них народные и заслуженные художники, почётные и действительные члены Российской академии художеств, отразившие в своих работах вечные, непреходящие мотивы национальной духовной культуры. В экспозицию вошли произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

Гостями на церемонии открытия выставки стали греческий журналист **Никос Сидиропулос**, а также художники **Михаил Багларидис** и **Павел Тузанов**.

ПЛЕЯДА БЛЕСТЯЩИХ ИМЁН

Анатолий Иванович Кузовкин — краевед, заслуженный работник культуры РСФСР (1988 год), Почётный гражданин Коломны, член Союза журналистов СССР (ныне РФ) с сентября 1969 года, член Союза писателей России с января 2000 года. Родился 18 августа 1939 года в Москве. Осенью того же года семья переехала в Коломну, и вся последующая жизнь А. И. Кузовкина связана с нашим городом. С редакцией «Коломенской правды» по сей день сотрудничает по договору как редактор историко-краеведческого приложения «Край родной». В 1986 году был одним из организаторов Коломенского клуба краеведов, бессменный первый заместитель председателя совета клуба.

За большую творческую жизнь издал более семидесяти книг, брошюр и буклетов о Коломенском крае и коломенцах.

А. И. Кузовкин является лауреатом Московской областной премии имени А. П. Чехова «Служение общему благу» (2012 год).

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Краеведческий очерк

Как же быстротечно время! Кажется, совсем недавно город активно готовился отметить 800-летний юбилей. И вот уже новая дата — 840-я годовщина рождения.

Те, кто не бывал в Коломне последние 40 лет, безусловно, могут удивиться разительным переменам, произошедшим здесь. Город похорошел, приосанился, стал удобным, привлекательным для туристов. Большинство гостей ходят группами, с экскурсоводами, рассказывающими об истории Коломны, об её жителях. Но и без помощи гидов можно узнать немало любопытного. Полезную информацию до любознательного человека донесут многочисленные пояснительные, памятные, мемориальные доски, знаки, памятники. Они сообщат, чем гордятся жители старинного города, на чём зиждется патриотизм коломенцев.

Самая привлекательная часть города — кремль. Он был построен за шесть с небольшим лет (1525–1531 гг.). К сожалению, от некогда мощного каменно-кирпичного сооружения уцелело лишь семь башен и два прясла стены. На территории Коломенского кремля имеется семь улиц и площадь.

Одна из кремлёвских улиц названа в честь Святителя Филарета.

Это была яркая личность. Проповедник, богослов, учёный, поэт, церковный и государственный деятель.

Святитель **Филарет** (в миру **Василий Михайлович Дроздов**) родился в Коломне 26 декабря 1782 года в семье дьякона Успенского кафедрального собора. В этом небольшом уездном городе прошло детство Василия. Девятилетним мальчиком он поступил в Коломенскую духовную семинарию. Учился там восемь лет. И не по своей воле был вынужден поменять учебное заведение.

В ту пору Коломна была епархиальным городом. Коломенская епархия была учреждена в XIV веке, и здешние епископы занимали не последнее место в церковной иерархии. Однако к концу XVIII столетия епархия осталась единственной, центр которой находился не в губернском, а в уездном городе. Поэтому в 1799 году указом императора Павла I коломенская епархия была упразднена, а епископ переведён в Тулу. Коломну и уезд причислили к епархии Московской, глава которой стал именоваться митрополитом Московским и Коломенским.

Вслед за епископом в Тулу перевели и семинарию. Однако туда подалось не все учащиеся. Василий Дроздов по совету отца продолжил образование в семинарии Троице-Сергиевой лавры. Уровень преподавания там был несравненно выше, чем в Коломенской семинарии. Василию пришлось проявить не только терпение, но и напярчь все свои способности, чтобы догнать однокурсников.

Юноша обладал способностями к языкам. По окончании курса его оставили в семинарии преподавателем греческого и еврейского.

Как и всякий выпускник семинарии, Василий Дроздов, готовясь к принятию священства, стал пробовать силы в проповеди. Две из них привлекли внимание митрополита Платона и были напечатаны за его счёт.

В 1808 году Василий Дроздов подал прошение о дозволении принять монашеский постриг. 16 ноября был пострижен в монахи с именем Филарета, а через пять дней рукоположен в иеродиакона. И началось его восхождение по ступенькам монашеской иерархии.

Его перевели в Санкт-Петербург на должность инспектора и профессора духовной академии. В 1811 году Филарета возвели в сан архимандрита, а через год назначили ректором академии. Спустя пять лет назначили настоятелем Московского Новоспасского монастыря. Затем архимандрит Филарет служил архиепископом Ревельским, Тверским, Ярославским. В 1821 году был переведён на Московскую кафедру, которую занимал до конца жизни. 22 августа 1826 года Филарет был возведён в сан митрополита.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет завоевал исключительный авторитет и популярность. Он удостоился неофициальных очень почётных титулов. Его именовали митрополитом всероссийским, природным патриархом Русской Церкви, корифеем духовного красноречия, московским Златоустом.

Митрополит Филарет прославился как выдающийся учёный. Он первым в истории России был удостоен звания доктора богословия. Благодаря его трудам на русский язык была переведена Библия, и этим переводом православные нашей страны пользуются более 100 лет. Главным богословским трудом Филарета является «Пространный Катехизис Православной Церкви». Его до сего дня считают эталонным.

Много времени митрополит Филарет уделял деятельности в различных организациях. Он был членом Священного Синода, членом учреждённого в России Библейского общества, членом совета Императорского

человеколюбивого общества. Одним из первых вступил в Попечительское общество о тюрьмах и оставался в нём до самой своей кончины, принимая деятельное участие в его работе, в том числе вносил пожертвования из своих личных средств. По просьбе царя Александра II Филарет составил текст манифеста 1861 года об отмене крепостного права.

К мудрому слову святителя прислушивались императоры, князья, министры, губернаторы, литераторы. Показателен пример взаимоотношений митрополита Филарета и гения русской литературы А. С. Пушкина. В трудные минуты жизни Филарет духовно поддержал поэта и ободрил его. В 1828 году, прочитав стихотворения под общим названием «Стансы» и почувствовав внутреннюю безотрадность сочинителя, Филарет в стихотворной форме написал Пушкину ответ. Чётко и ясно показал, в чём состояла основная причина его внутренней безотрадности и где главный источник, из которого необходимо черпать исцеление болезненной душе. И великий поэт это понял. 19 января 1830 года он написал пять четверостиший, в которых с любовью отозвался о добром своём целителе. Есть там и такие строки:

Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Митрополит Московский и Коломенский Филарет любил город, в котором родился. Он внимательно наблюдал за духовной жизнью Коломны, руководил ею. Несмотря на загруженность многочисленными делами, посещал свою малую родину, совершал богослужения, проповедовал, освящал храмы.

Святитель Филарет скончался 19 ноября (2 декабря по н. ст.) 1867 года. В 1995 году митрополит Филарет Русской Православной Церковью был причислен к лику святых. Мощи его находятся в Троице-Сергиевой лавре.

Жители Коломны чтят небесного покровителя города святителя Филарета. Ежегодно 2 декабря коломенцы торжественно проводят мероприятия, посвящённые его памяти.

«Первый русский романист» — так определил значение известного писателя **Ивана Ивановича Лажечникова** литературный критик XIX века В. Г. Белинский.

А литературоведы, историки, краеведы единодушно утверждают, что на литературном небосклоне Коломны звезда Ивана Ивановича Лажечникова сияет наиболее ярко.

Родился он в Коломне. Вот что пишет в автобиографическом очерке «Новобранец 1812 года»: «Это моя родина. Горжусь ею потому, что в ней родился один из наших знаменитейших духовных сановников и проповедников, митрополит Московский и Коломенский Филарет».

А сколько коломенцев могло бы с тем же чувством подписаться под этими словами! И намного расширить список. За свою долгую историю Коломна вырастила немало людей, которыми по праву гордятся не только земляки. Их имена навсегда вошли в летопись России.

Будущий известный писатель появился на свет божий 14 сентября 1790 года в городской слободе Запрудье — там жили родители. Его отец был известным в Коломне купцом, торговал хлебом и солью. Крестили младенца в церкви Бориса и Глеба, которая по сей день действует на Малой Запрудной улице города.

В начале XIX века Лажечниковы переезжают в новый дом — кирпичный, двухэтажный, выстроенный на центральной улице города — Астраханском тракте (ныне улица Октябрьской революции, дом 192 а). Отсюда 22-летний Иван Лажечников, преисполненный патриотическими чувствами, осенним вечером 1812 года тайно от родителей бежал в Москву и вступил в ополчение. В рядах русской армии он участвовал в заграничном походе, за взятие Парижа был отмечен орденом.

Писать И. И. Лажечников начал рано. Среди первых его публикаций — стихотворения, очерки, статьи. Литературную известность ему принесли «Походные записки русского офицера», вышедшие в свет в 1820 году. В историю же русской литературы И. И. Лажечников вошёл как автор исторических романов «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман».

В «Последнем Новике» И. И. Лажечников, можно считать, первым рассказал русскому читателю о сложной эпохе императора Петра I (А. С. Пушкин своё произведение «Арап Петра Великого» не успел закончить).

Роман «Ледяной дом» повествует о времени императрицы Анны Иоанновны, когда Россия была скована жестокой волей временщика Бирона. Об этом произведении гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин сказал: «Поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы Вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык».

Действие романа «Басурман» переносит читателя в годы правления великого московского князя Ивана III.

Менее известны другие произведения И. И. Лажечникова, но это не означает, что они не интересны. Много любопытного содержится в сочинениях мемуарного жанра: в повести «Беленькие, чёрненькие и серенькие», в очерках «Новобранец 1812 года», «Знакомство моё с Пушкиным», «Заметки для биографии Белинского» и других.

В историю русской культуры И. И. Лажечников вошёл, безусловно, как художник слова. Однако велики его заслуги и в области народного просвещения. С конца 1820 года он служил директором училищ Пензенской губернии. Через три года был назначен директором императорской казанской гимназии и директором училищ Казанской губернии. В 1826 году вышел в отставку и поселился в Москве. Но спустя четыре года поступил на службу директором училищ тверской губернии.

И. И. Лажечников хорошо зарекомендовал себя и на государственной службе. В 1843 году он был назначен Тверским вице-губернатором, а в 1853-м — витебским вице-губернатором. Некоторое время состоял цензором в Санкт-Петербургском цензурном комитете.

По инициативе общества любителей российской словесности 3 мая 1869 года в Москве в городской думе отметили 50-летний юбилей литературной деятельности Ивана Ивановича Лажечникова. Писатель не мог присутствовать на праздновании из-за болезни. В зале находились жена и дети Ивана Ивановича.

Председательствовал на торжественном собрании знаменитый драматург А. Н. Островский. Выступили известные литераторы, общественные деятели, прозвучало много приветствий. В числе первых поздравили юбиляра его земляки — представители городского общества Коломны. Они привезли писателю подарки: серебряный с золочением кубок, хлеб-соль и приветственный адрес. Присутствовавшие услышали проникновенные добрые слова:

«Иван Иванович!

Что звёзды красят небо, то заслуженные таланты и с высокими достоинствами граждане красят всякое отечество. Мы, жители г. Коломны, твои одногорожане, гордились доселе тем, что среди нас родилось светило науки покойный Филарет Митрополит Московский; ныне будем гордиться и тем ещё, что из нашего города, и притом из среды купеческого сословия, вышел заметный представитель литературы русской и достойный слуга Царя нашего на всех государственных должностях, ему поручаемых.

Мы чтим в твоём лице лучшего гражданина города Коломны и подносим тебе, вместе с кубком, русские хлеб-соль из колыбели твоей родины. Прими их от нас как знак того глубокого уважения, с каким имя твоё будет навсегда сохранено в летописях города Коломны».

Писатель был глубоко тронут тем вниманием и оценкой, которую дали ему выступающие. Он прислал устроителям юбилея короткое благодарственное письмо, в котором писал: «Вы обновили ветхую жизнь мою, озарили светлым лучом последние её ступени».

Эти слова были последними словами, написанными самим Лажечниковым.

Иван Иванович тихо умер 26 июня (8 июля по новому стилю) 1869 года в Москве, в доме на Поварской улице. Похоронили его близ восточной стены Смоленского собора Новодевичьего кладбища. На могиле поставили деревянный крест. Со временем его заменили чёрным гранитным памятником в виде небольшой стоячей фигурной плиты.

Со дня кончины И. И. Лажечникова прошло почти полтора века. Однако имя его не кануло в Лету. Минувшие годы лишь доказали, что наш земляк навсегда остался в ряду лучших представителей отечественной литературы.

С уважением мы говорим о нём, что это был человек с чистой совестью. Известный писатель и чиновник, занимавший немалые государственные должности, он в завещании своём написал: «Состояния жене и детям своим не оставляю никакого, кроме честного имени, каковое завещаю и им самим блюсти и сохранить в своей чистоте».

Благодарные земляки достойным образом увековечили память о писателе. Одна из улиц в Коломенском кремле названа в честь Ивана Ивановича Лажечникова. Имя его носит Коломенская районная библиотека, основанная в 1899 году. Отреставрирована и передана краеведческому музею усадьба Лажечниковых на бывшей Астраханской улице. В доме,

где прошли детские и юношеские годы романиста, действует постоянная экспозиция «Коломна минувших столетий». Она рассказывает о купеческом быте и о купцах Лажечниковых. Во флигеле работает выставка «И. И. Лажечников и Коломна», можно познакомиться и с интерактивными программами «Тайны старинной усадьбы», «Синема в усадьбе купцов Лажечниковых». В 2004 году Коломенский государственный педагогический институт издал первый выпуск историко-литературного сборника «Дом Лажечникова».

По инициативе редакции «Коломенского альманаха» городские власти учредили медаль «И. И. Лажечников». Ею награждаются коломенцы и иногородние жители за большой вклад в развитие литературы и культуры Коломны.

Третьим к великим коломенцам XIX столетия с полным основанием можно отнести **Никиту Петровича Гилярова-Платонова** — писателя, церковного деятеля, журналиста-издателя.

Родился он в Коломне 23 мая (4 июня по новому стилю) 1824 года в семье Петра Михайловича Никитского, приходского священника при церкви святого Никиты Мученика, что стоит на Посаде. В семье было шестеро детей — три сына и три дочери.

Никита получил фамилию Гиляров как бы по наследству от старшего брата Александра, которого так называл смотритель Коломенского духовного училища за весёлый нрав (*hilaris* — по-латыни весёлый).

Блестяще окончив Коломенское духовное училище, а затем Московскую семинарию, Никита Гиляров продолжил образование в Московской духовной академии. За выдающиеся успехи во время учёбы получал стипендию имени митрополита Платона (Левшина), и после окончания академии к его фамилии присовокупили почётную надбавку — Платонов.

После завершения обучения талантливому юношу оставили в академии. Н. П. Гиляров-Платонов занял вакантную кафедру бакалавра по классу библейской герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересь и расколах. Спустя шесть лет открыли кафедру по расколу, и Никита Петрович Гиляров-Платонов стал профессором церковной археологии и истории раскола в России.

Лекции читал блестяще, слухи о них распространились по Москве. Многие паломники, посещавшие Троице-Сергиеву лавру, где действовала духовная академия, старались попасть на лекции знаменитого профессора.

Преподавательская деятельность Н. П. Гилярова-Платонова закончилась в 1855 году. Митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету поступало немало доносов о том, что лекции Н. П. Гилярова-Платонова проповедуют вольнодумство. И митрополит, стараясь избежать серьёзных последствий для своего земляка, сделал всё возможное, чтобы Никита Петрович перешёл работать цензором в Московский цензурный комитет, а затем уехал в длительную командировку за границу.

Двадцать лет, с 1867 года по день смерти, 13 октября (25-го по новому стилю) 1887 года, Н. С. Гиляров-Платонов издавал и редактировал популярную газету «Современные известия».

Н. С. Гиляров-Платонов был известен и как человек с широким философским кругозором, как учёный-богослов, как знаток церковного

быта. Его знали и как активного общественного деятеля. Он состоял членом Общества истории и древностей Российских, Общества любителей Российской словесности, Общества любителей духовного просвещения. В Славянском комитете (особенно в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов) занимался благотворительной деятельностью.

При жизни Н. П. Гилярова-Платонова в Москве в 1886 году вышла лишь одна его книга — воспоминания «Из пережитого». Все, кто интересуется историей Коломны, найдут в ней большое количество таких фактов о жизни провинциального города, о которых больше нигде не прочитать.

После кончины Н. П. Гилярова-Платонова был опубликован его «Сборник сочинений» в двух томах с интересными статьями, посвящёнными русским писателям.

Один из современников Никиты Петровича Гилярова-Платонова в начале XX столетия назвал его «непознанным гением». Верно сказано. Он и до сего дня остаётся «непознанным гением».

Много ярких литературных имён связано с Коломной XX столетия. Это уже был совершенно другой этап развития города, истории всего нашего государства. Советский период.

Первым по значимости необходимо назвать прозаика **Бориса Андреевича Пильняка**.

Он не уроженец Коломны, но именно здесь, в древнем русском городе с богатейшей историей, Б. А. Пильняк сумел создать значительные произведения, которые засвидетельствовали рождение самобытного, талантливое писателя.

С Коломной Борис Вогау (такова его настоящая фамилия, Пильняк же — псевдоним) познакомился в 1914 году. Десять лет жил здесь. Большую часть в небольшом доме № 7 на улице Арбатской, возле церкви Николы-на-Посаде.

В 1920 году в Московском кооперативном издательстве товарищества «Звенья» вышел сборник из 13 рассказов Бориса Пильняка «Быльё». Вошёл в него и рассказ «Колымен-город». Вчитываясь в текст и понимаешь, что это немного переработанный вариант рассказа «Коломна», который был опубликован в журнале «Мирское дело», № 13–16, в 1919 году.

Пильняк продолжил работу над темой, обозначенной в рассказах «Коломна» и «Колымен-город». В итоге вырос роман «Голый год», который принёс писателю широкую известность. Закончил он его, как явствует из сделанной писателем подписи, 25 декабря по старому стилю 1920 года в Коломне, в доме у Николы-на-Посадах. Роман вошёл в первый том трёхтомника, подписанного так: «Коломна, Никола-на-Посадах, 12 окт. 1923 г. (29 сент. ст. ст., моя 29-я годовщина)». В предисловии Б. А. Пильняк заявил: «Я посвящаю эти три книги жене моей Марии Алексеевне Соколовой-Вогау и детям Наталье и Андрею, — жене потому, что без неё я не написал бы их, и детям потому, что им — читать их в будущем, ибо я, как и вся Россия, только этим будущим и живы».

В 1920–30-х годах читатели познакомились с новыми романами и повестями Б. А. Пильняка — «Машина и волки. Книга о коломенских землях...», «Волга впадает в Каспийское море», «Камни и корни»,

«О' кей — американский роман», «Повесть непогашенной луны», «Корни японского солнца», «Созревание плодов» и другими.

Последнее произведение, над которым работал Борис Пильняк, осталось незавершённым — роман «Соляной амбар». Тема, поднятая писателем, давно его интересовала — назревание революционных событий в российской провинции. От 1905 года до февраля 1917-го — вот временные рамки, в которых действуют герои, живущие в подмосковном городе Камынске. Нетрудно, однако, увидеть за этим Коломну начала XX века. За короткий срок Пильняк написал 420 машинописных страниц. Но завершить задуманное не смог. В осенний день 1937 года писателя арестовали. Военная коллегия Верховного суда СССР по обвинению в совершении государственного преступления приговорила его к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 21 апреля 1938 года. И лишь спустя много лет Бориса Андреевича реабилитировали, признав обвинение ложным.

В последние годы в различных издательствах выходят книги Б. А. Пильняка. Они не залёживаются на прилавках магазинов. Много делается по восстановлению исторической справедливости по отношению к писателю в Коломне. Здесь регулярно проходят Пильняковские чтения, которые вышли далеко за рамки Коломны и стали международными. Краеведы, исследователи творчества писателя сделали немало интереснейших открытий, имеющих отношение к коломенскому периоду его жизни.

Борис Андреевич Пильняк был благодарен той поре, которую провёл в провинциальном городе Коломне, и здесь, в уездной тиши, создавал свои произведения. Как отметил писатель Владимир Германович Лидин (1894–1979), «Такого описания жизни двадцатых годов, какое есть в книгах Пильняка, мало у кого другого найдёшь».

Свой взгляд, свою точку зрения на происходящие в Коломне события начала XX столетия оставил потомкам наш земляк писатель **Иван Андреевич Козлов** (24.06.1888–27.03.1957).

Родился он в селе Сандыри под Коломной (сейчас село находится в черте города), в семье многодетного крестьянина. Отец рано умер, и пришлось Ване с одиннадцати лет работать учеником в московском магазине, а затем — на мебельной фабрике. В шестнадцатилетнем возрасте он устроился на Коломенский машиностроительный завод, где его приобщили к революционной борьбе. Активно участвовал в событиях Первой русской революции и во время политической демонстрации был ранен в голову.

После расстрела в декабре 1905 года на станции Голутвин 27 коломенцев по подозрению в участии в революционных событиях Ивану Козлову пришлось уехать в соседний город Егорьевск. Но через некоторое время он возвратился в Коломну, вновь устроился на машиностроительный завод. Его выбрали секретарём подпольного заводского комитета РСДРП(б). В 1908 году Козлов был вынужден перейти на нелегальное положение профессионального революционера. И на этом пути ему пришлось многое испытать и пережить. Об этом он рассказал в своей трилогии — в книгах «Жизнь в борьбе», «Ни время, ни расстояние», «Наш последний и решительный». Они правдиво повествуют о героических и драматических событиях начала двадцатого столетия в Коломне и соседних уездах.

Иван Андреевич Козлов — революционер, политкаторжанин, подпольщик времён Гражданской и Великой Отечественной войн, в его биографии семь подпольий, пять тюрем, каторга, два побега из ссылки, побег из-под расстрела, концлагерь, эмиграция. Естественно, что такая насыщенная жизнь подвигла к написанию книг, которые в своё время получили широкую известность.

Весной 1917 года И. А. Козлов возвратился в Россию из вынужденной эмиграции. В книге «Наш последний и решительный» есть такие строки: «Я снова я, а не моя тень. Я снова обрёл себя настоящего, каким был от рождения: Иван, сын Андрея Козлова, русский, родом из Коломны...»

Прибыв в бурлящий после Февральской революции Петроград, он встретился с людьми, которых знал, с которыми давно не виделся, а ещё больше было встреч с теми, с кем не был знаком, но о которых был слышан. Долгое время находился под впечатлением беседы с Алексеем Максимовичем Горьким. Маститый писатель с пристрастием выпрашивал Козлова о его жизни и, расставаясь, произнёс: «Я не пророк, но предвижу — писать вы будете. У вас богатый жизненный опыт... Всё увиденное и пережитое не даст вам покоя и доведёт до писательства».

Слова А. М. Горького оказались вещими.

После Октябрьской революции судьба забросила И. А. Козлова на Украину: подпольная работа в Екатеринославе, в Севастополе, в Харькове, где он был избран секретарём подпольного губкома большевистской партии. В декабре 1919 года Красная Армия вошла в Харьков. Кончилось пятое подполье Козлова.

Он решился на литературный труд. В 1920 году написал пьесу «Подполье». Её ставили на сценах рабочих, крестьянских и красноармейских клубов. В 1922 году была поставлена другая пьеса — «Стена» — из жизни Владимирского каторжного централа. На материалах «тюремного университета» появилась пьеса «На волю». Потом Козлов приступил к сочинению повести «Встряска».

В 1925 году по решению ЦК РКП(б) И. А. Козлов уехал на работу в Новосибирск, заведовал отделом пропаганды обкома партии. Были и другие назначения.

Летом 1941 года И. А. Козлов находился в Москве в больнице. Ему сделали две операции на глазах. На больничной койке Иван Андреевич и услышал в 12 часов дня 22 июня выступление по радио народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, который сообщил о нападении фашистской Германии. Особенно запали в душу слова о том, что всем народом воевать будем и что нарком назвал войну Отечественной.

Иван Андреевич заспешил домой. Жил он тогда в Симферополе, работал инструктором обкома партии. Настоял, чтобы до срока сняли повязку с глаз. Оказалось, что левый глаз и после операции ничего не воспринимал, а правый сохранил зрение на 15 процентов.

Как только сняли швы, не долечившись, И. А. Козлов уехал в Крым. Врачи строго-настрого наказали, чтобы он не занимался физическим трудом, не читал, не писал и ежедневно пускал в глаза прописанные ему капли. В этом случае они гарантировали, что зрение правого глаза не ухудшится.

Но разве мог Иван Андреевич с его беспокойным, бойцовским характером сидеть сложа руки в тяжёлое время, когда шла война? В обкоме партии он потребовал, чтобы ему дали работу.

Шли недели, месяцы. Обстановка на фронте складывалась так, что стало ясно: Крым будет оккупирован фашистами.

И. А. Козлов настоял, чтобы его направили на подпольную работу в тыл к врагу. Выбор пал на Керчь.

За несколько дней до оккупации в городе появился пожилой человек в очках, с бородой и усами. По паспорту он значился Петром Ивановичем Вагиным. Устроился младшим диспетчером в контору «Крымрыбколхозсоюза». Вагин не скрывал, что он, бывший кустарь-столяр, 18 августа 1938 года Красноярским краевым судом был осуждён по статье 116-й Уголовного кодекса РСФСР к трём годам лишения свободы и из-под стражи освобождён 18 августа 1941 года по отбытии срока наказания.

Новый работник снял небольшую комнату. Вскоре к нему приехали жена и пятнадцатилетняя дочь.

Когда в город пришли немцы, Вагин достал свой инструмент и открыл столярно-слесарную мастерскую. Никто не знал, что под видом 55-летнего старика в Керчи живёт и работает секретарь Крымского подпольного комитета партии Иван Андреевич Козлов.

Народу в мастерскую заходило немало, поэтому обо всех городских новостях хозяин узнавал довольно быстро. Так же быстро Козлов и его друзья-подпольщики (в том числе фиктивные жена и дочь) распространяли всё, что считали нужным.

Красная Армия высадила в Керчь десант, и 28 декабря 1941 года гитлеровцы поспешно бежали. И. А. Козлов легализовался и некоторое время занимался восстановлением города.

С октября 1943-го по март 1944 года И. А. Козлов руководил подпольным комитетом партии в Симферополе. Там он жил, имея паспорт на имя Ивана Андреевича Бунакова.

Много трудных и добрых дел сделали патриоты. Жизнь Ивана Андреевича была подобна хождению по краю пропасти. Но пожилой, больной, полуслепой человек умело направлял деятельность подпольщиков Симферополя, партизан Крыма.

За активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков И. А. Козлов был награждён орденом Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

О пережитом в военные годы И. А. Козлов подробно написал в книге «В Крымском подполье». Она увидела свет в 1947 году в издательстве «Советский писатель» и была тепло встречена литературными критиками и читателями. В 1948 году за эту книгу Иван Андреевич Козлов был удостоен Сталинской премии.

В последующие годы книга не раз переиздавалась. Как и другая книга Козлова о том героическом времени — «В городе русской славы».

Иван Андреевич умер на 69-м году жизни. Его похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище.

В Коломне и в Керчи именем писателя-земляка названы улицы.

Широко известны книги активных участников Великой Отечественной войны прозаика **Сергея Васильевича Гуськова** (1923–1997) и поэта **Александра Фёдоровича Кирсанова** (1913–1991).

С. В. Гуськов — коренной коломенец. Здесь родился и жил в Ленинском посёлке — в деревянном доме под номером 13 на улице Бессонова. Начал учиться в школе № 10, а окончил девятую школу. Все годы учился на «отлично». С удовольствием занимался в школьных кружках: литературном, математическом и историко-искусствоведческом. На него нагружали уйму всяких обязанностей, и он с увлечением и большой ответственностью выполнял сложные общественные поручения. Находил время, чтобы заниматься в аэроклубе, и успешно окончил его.

В Великую Отечественную войну служил механиком в военно-морской авиации.

Демобилизовался в 1948 году. Вернулся в Коломну, поступил на паровозостроительный завод, где вскоре его избрали секретарём комитета комсомола предприятия. Заочно учился на философском факультете Московского государственного университета. В феврале 1952 года встал на журналистскую стезю: работал в редакциях газет «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Советская Россия».

В начале 1960-х годов С. В. Гуськов полностью перешёл на литературную работу: стал писать книги. Первые из них были сочинены под впечатлением узанного во время журналистской работы. А последующие повести и романы Сергей Васильевич создавал, основываясь на документальных фактах из жизни коломенцев и Коломны. В них рассказал о замечательном поколении коломенских юношей и девушек, которые со школьной скамьи шагнули в военные окопы и до конца выполнили свой гражданский и воинский долг. Это книги «Если останусь жив...», «Одна солдатская медаль», «Семь Андреев», «Союз одержимых» и другие.

22 года было Александру Фёдоровичу Кирсанову, когда его призвали на службу в Красную Армию, и приехал он из соседнего города Егорьевска, где родился, в Коломну. Здесь с 1935 по 1937 год проходил действительную военную службу в 108-м артиллерийском полку. После увольнения в запас остался в полюбившейся ему Коломне, устроился работать на машиностроительный завод. В 1939 году четыре месяца учился на курсах младших лейтенантов. После этого руководил военным делом в ФЗУ Коломзавода. Со 2 февраля 1940 года А. Ф. Кирсанова зачислили в кадры Красной Армии, определили служить во вновь сформированном в Коломне 403-м артиллерийском полку. Александр Фёдорович участвовал в Великой Отечественной войне. Был тяжело ранен, контужен.

В 1946 году А. Ф. Кирсанов вернулся в Коломну, поступил работать на паровозостроительный завод. С этим предприятием был связан несколько десятилетий.

Поэтическое творчество Александра Фёдоровича было хорошо известно многим землякам. Его стихи печатались в заводской многотиражке, в городской газете «Коломенская правда», в других газетах, в журналах, альманахах, сборниках. При жизни вышли четыре поэтические книги. В 1964 году А. Ф. Кирсанова приняли в члены Союза писателей СССР. Долгое время он был в Коломне единственным представителем этого творческого союза.

успел написать шесть. Два в 1994 году были изданы: «Русские зори» и «Перед гуннами».

Рассказы, отрывки из романов члена Союза писателей России М. П. Маношкина публиковались в журнале «Наука и религия», в «Коломенском альманахе».

На старом деревянном доме № 35 по улице Береговой в Щурове (так называется большой жилой район Коломны на правом берегу реки Оки) у окна, смотрящего в ту сторону, откуда поднимается по утрам солнце, где зарождается день, укреплен беломраморная мемориальная доска. Золотом поблёскивают слова: «В этом доме родилась и жила лауреат Государственной премии СССР писательница **Валентина Александровна Любимова**. 1895–1968 гг.».

Валентина Александровна в автобиографии отметила: «Щурово расположено над Окой, чуть выше впадает в Оку Осётр. Сейчас кругом заводы, особенно расширился цементный завод. В годы детства я росла среди чудесной русской природы — леса, приокские луга над тихим простором русской реки».

После окончания филологического факультета Московских высших женских курсов В. А. Любимова работала учительницей, а с 1930 года становится профессиональным детским драматургом.

Первая крупная работа В. А. Любимовой — пьеса «Серёжа Стрельцов». Этой пьесой в 1936 году в Москве был открыт Центральный детский театр. Она имела исключительно большой успех. Причём обошла не только все детские театры страны, но и многие театры для взрослых.

В довоенных пьесах «Дружба», «Совершеннолетие», «У опасной черты» и других драматург пишет о жизни советской школы, о дружбе ребят. В начале 1950-х годов В. А. Любимова переработала пьесу «У опасной черты». Изменилось и её название — «В стороне». Новый вариант пьесы сразу же поставили почти 50 театров.

Пользовались успехом пьесы В. А. Любимовой «Твой дом» — о тяжёлых годах войны, «В начале мая». Но поистине грандиозный успех выпал на долю пьесы «Снежок». Впервые свет рампы это произведение увидело в 1948 году. В 1962 году его поставил в новой редакции Центральный детский театр в Москве. Появление «Снежка» было единодушно расценено как успех советской детской литературы, драматургии.

В. А. Любимова создала около 50 пьес, если считать и одноактные. Некоторые, в том числе лучшие: «Снежок» и «Возле старых ясеней» — написала в своём родовом доме. Часто приезжала сюда, любила сидеть в шезлонге у высоких ясеней, которые ещё в детстве сама и посадила, читала, обдумывала свои будущие произведения.

Последний раз отчий дом Валентина Александровна посетила 1 мая 1968 года. А через 25 дней её не стало.

Буквально за два с половиной месяца до внезапной кончины Валентина Александровна отвечала через газету «Пионерская правда» тем корреспонденткам, которые писали в редакцию, что жалеют о том, что родились девочками: «Если бы человеку была дана возможность дважды выбрать себе пол, я бы хотела оба раза родиться женщиной. Разве это не счастье — учить детей (а я была и учительницей), разве это не

радость — писать для ребят?» И она весь свой талант без остатка отдала детям, воспитанию из мальчишек и девчонок людей будущего, чтобы они росли добрыми, великодушными, щедрыми.

Трудно подсчитать, сколько тысяч их, в нашей стране и за рубежом, смотрели в театрах и по телевидению, слушали по радио пьесы Валентины Александровны. Своим творчеством, полным любви к жизни, она принесла много радости и пользы детям.

Историческое событие произошло 19 августа 1997 года. В тот день был подписан в печать первый номер «Коломенского альманаха». С той поры свет увидел 21 выпуск этого ежегодного литературно-художественного издания.

Инициатором создания альманаха стал журналист и писатель **Виктор Семёнович Мельников**. Все эти годы он является и главным редактором альманаха.

Родился В. С. Мельников 24 мая 1948 года далеко от Коломны — в казахской деревеньке Казанка. Мальчонке не было и годика, когда умер отец. Мама с сынишкой перебрались в город Актюбинск. А затем, когда у Вити появился отчим, семья переехала в Сибирь.

Трудовая биография Виктора Мельникова началась рано. Пришлось работать плотником, слесарем КИП, шахтёром, автослесарем, геологом, осмотрщиком вагонов, литературным сотрудником многотиражной газеты, руководителем пресс-центра Рижского отделения Прибалтийской железной дороги. Желание познать окружающую действительность не давало засиживаться на одном месте. Жил и работал в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии. Но в 1991 году вынужден был уехать из Прибалтики из-за начавшихся там негативных событий.

Обосновался В. С. Мельников в Коломне, на родине своей жены. Здесь, на исконно русской коломенской земле, славной литературными традициями, в полную силу раскрылся журналистский и писательский талант Виктора Семёновича. В разных издательствах выходили книги В. С. Мельникова. О его литературном труде положительно отзывались маститые критики. Он стал лауреатом престижных премий, удостоен многих других наград, в том числе знака «За заслуги перед городом», который ему вручили во время презентации 20-го выпуска «Коломенского альманаха» 15 октября 2016 года.

Главный редактор литературного ежегодника «Коломенский альманах» В. С. Мельников проявил недюжинные способности издателя, организатора, воспитателя молодых литераторов.

За прошедшие годы на страницах «Коломенского альманаха» многие земляки заявили о себе как о ярких литераторах. Их произведения заслужили высокую оценку критиков.

Нескольких дней не дожид до своего золотого юбилея член Союза писателей России **Валерий Васильевич Королёв** (1945–1995). На преждевременную скоропостижную смерть В. В. Королёва откликнулись не только местные СМИ, но и российские. «Литературная Россия» написала: «Россия потеряла талантливого сына своего, друзья и близкие — удивительного человека и семьянина, всю душу отдававшего людям». И это было сказано без малейшей натяжки.

Книги В. В. Королёва «Жизнь как жизнь», «На трёх буграх», «Древлянская революция» и другие выходили в московских издательствах, рассказы печатались в крупных журналах. С неопубликованными при жизни произведениями В. В. Королёва постоянно знакомил читателей «Коломенский альманах».

В Коломне В. В. Королёв жил с 1979 года. Работал заместителем директора Дворца культуры имени В. И. Ленина, а затем в Доме культуры в селе Непецино, в редакциях газет «Грань» и «Благовестник».

Произведения писателя несут сердечность и свет, они заставляют людей не только размышлять о прочитанном и узнанном, но и задумываться о нелёгком сегодняшнем дне страны, о том пути, по которому идёт Россия.

Имя писателя Валерия Васильевича Королёва присвоено Коломенской городской библиотеке. В память о нём здесь оформлен уголок. В экспозиции представлены книги, фотографии, публикации о жизни и творчестве.

Член Союза журналистов СССР и Союза писателей СССР/России **Владислав Николаевич Леонов** родился в Коломне 17 декабря 1935 года. Здесь окончил среднюю школу № 9. После трёхлетней службы в армии работал литературным сотрудником в редакции газеты «Коломенская правда». В соседнем с городом совхозе «Сергиевский» избирался секретарём парткома, редактировал многотиражную газету.

Ежедневные общения с замечательными, оригинальными людьми: прекрасными специалистами, рядовыми земледельцами, животноводами, механизаторами — дали писателю богатейший жизненный материал, стали отправной точкой замыслов рассказов, повестей, романов.

Книги В. Н. Леонова выходили в крупных московских издательствах: «Детская литература», «Советский писатель», «Московский рабочий». Предназначались они в первую очередь для детей и юношества, но, конечно, и для взрослых.

В начале 2016 года свет увидело очередное произведение В. Н. Леонова — роман «Пропаду я без неё». Презентацию автор, живущий в Москве, провёл в родном городе, в библиотеке имени В. В. Королёва.

В 2016 году литературно-художественное издание «Коломенский альманах» учредило литературную премию имени писателя-земляка И. И. Лажечникова. Первым лауреатом этой награды стал Владислав Николаевич Леонов.

Не порывает связей с Коломной известный поэт, член Союза писателей России **Олег Владимирович Кочетков**. Живёт он в последние годы в Москве. Но в Коломне бывает часто. А иначе и быть не может. Здесь он родился 5 января 1947 года. Здесь окончил среднюю школу, работал на тепловозостроительном заводе, во Всесоюзном научно-исследовательском тепловозном институте. Много лет вёл городское литературное объединение «Зелёные цветы».

О. В. Кочетков — автор поэтических книг «Время настало», «Травяная дорога», «Родное лицо», «Надеждою ранят», «Покатилась подкова», «Ныне и присно» и других. Лирика поэта проникновенна и чистосердечна, основана на чувстве любви к Родине, её истории, неторопливом осмыслении её бытия.

Литературный псевдоним члена Союза писателей России **Романа Вадимовича Гацко** — **Роман Славацкий**. Он коренной коломенец. Здесь родился

15 сентября 1957 года, учился в школе, на историческом факультете педагогического института, работал научным сотрудником краеведческого музея. Многие годы сотрудничает с православной газетой «Благовестник», заведует отделом церковной истории и беллетристики. С увлечением занимается краеведением.

Р. В. Гацко с неослабевающим интересом изучает историю храмов Коломенского края, выискивает биографические сведения местных священнослужителей, известных церковных деятелей, выходцев из Коломны. Много времени потратил на сбор легенд, сказаний, имеющих отношение к родному краю, на изучение их.

Роман Славацкий — автор нескольких прозаических и поэтических книг.

Борис Владимирович Архипцев — человек в Коломне известный. Да не только в Коломне, а и в России, и международное признание получил. Он автор книг переводов с английского языка: «Эдвард Лир. Лимерики», которая вышла в Коломне в 1994 году, и «Эдвард Лир. Полный Нонсенс!» (напечатана в Москве в издательстве журнала «Москва» в 2008 году). А в 2012 году в Санкт-Петербургском издательстве «Вита Нова» вышла «Книга Нонсенса». В этот том вошли две основные книги лимериков Э. Лира — всего около 240 стихотворений — в переводе Б. В. Архипцева. И совсем недавно в санкт-петербургском издательстве «Геликон Плюс» увидела свет книга «Чистый Нонсенс». В неё вошли не только прежние лимерики, но и новые переводы. Кроме того, напечатаны «Бестолковые азбуки», «Бестолковые ботаники», за которые русские переводчики вообще не брались. Помещены и переводы прозы. Так что эта книга является полным собранием сочинений Э. Лира на русском языке. В датском журнале «Новый берег» эти переводы Б. В. Архипцева назвали академическими.

Борис Владимирович за десятилетия упорного труда воссоздал поэзию Эдварда Лира на русском языке наиболее полно, добившись академической точности, сохранив при этом мелодику и строй английского языка.

Назвать всех коломенских литераторов, чьи произведения известны далеко за пределами Коломны, не представляется возможным по той причине, что даже для одного перечисления фамилий понадобится несколько страниц. Среди них и члены Союза писателей СССР/России, и не вошедшие в творческое объединение. Своими произведениями разного жанра они яркими звёздочками блеснули на литературном небосклоне страны.

Немало имён коломенцев можно встретить в перечне выдающихся представителей культуры России. Среди них известный музыкальный деятель **Александр Васильевич Свешников** (12.09.1890–3.01.1980).

Родился А. В. Свешников в Коломне в трудовой семье. Его детские годы прошли на Посаде, среди простого люда. Дом сохранился до наших дней, стоит на углу улиц Арбатской и Москворецкой. С раннего возраста из этого дома Саша Свешников ходил петь в церковный хор. Отсюда начался его творческий путь.

Закончив Московское филармоническое училище, Свешников преподавал пение в школе, руководил рабочими хорами, создал капеллу железнодорожников.

В 1928–1936 годы А. В. Свешников — организатор и художественный руководитель хора Всесоюзного радиокомитета. В 1936–1937 гг. занимает-

ся созданием Государственного хора СССР. В 1937–1941 гг. — директор и художественный руководитель Ленинградской академической хоровой капеллы.

В один из осенних дней 1942 года начальник Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаков пригласил А. В. Свешникова, которого знал как музыканта высочайшего профессионального уровня и талантливого организатора, на беседу:

— Вам поручается, Александр Васильевич, организация Государственного хора русской песни.

— Как, в это время, когда враг в Сталинграде? Простите, Александр Сергеевич, но уместно ли в такой момент?..

Щербаков понимающе кивнул головой:

— Нам важно не опоздать, дорогой Александр Васильевич. Понимаете? Не опоздать. К будущей весне хор должен запеть, ясно? Действуйте. А полномочия даём вам самые большие, вплоть до отъезда необходимых людей из действующей армии...

Прошло несколько месяцев, и весной 1943 года Государственный академический хор русской песни запел. Впоследствии он был переименован в Государственный академический русский хор Союза ССР.

В годы Великой Отечественной войны Государственный хор выступал в самых отдалённых уголках страны и в крупных центрах, в воинских частях и трудовых коллективах, на фабриках, заводах, в концертных залах. А после войны отправили за рубеж. Слава русского хорового искусства прокатилась по городам Европы. Заслуги выдающегося музыканта, мастера хорового искусства оценили в Англии, где его избрали почётным членом Королевской музыкальной академии. В Болгарии Александра Васильевича наградили орденом Кирилла и Мефодия, а в Польше — орденом Белого орла.

В 1944 году А. В. Свешников организует Московское хоровое училище и назначается его директором. Это было уникальное учреждение школьного типа. В нём занимались музыкально одарённые мальчики, обладающие профессиональными голосовыми данными.

С 1946 года А. В. Свешников — профессор Московской консерватории. В 1948 году возглавил её. И более четверти века Александр Васильевич много сил и времени отдавал работе в должности ректора этого высшего учебного заведения.

Крупнейший мастер отечественного хорового искусства, А. В. Свешников явился, по сути дела, первооткрывателем незаслуженно забытых или никогда у нас не исполнявшихся произведений. В годы атеизма он сумел сохранить лучшие традиции церковной музыки и академической школы акапельного пения. Многие русские народные песни благодаря Александру Васильевичу обрели вторую жизнь. К таким произведениям относятся «Вечерний звон», «Не слышно шума городского», «Плещут холодные волны», «Нелюдимо наше море» и многие, многие другие.

Заслуги великого русского хормейстера были достойно оценены. Народный артист СССР, профессор А. В. Свешников удостоен звания Героя Социалистического Труда, награждён тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Он лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.

Память о великом хормейстере жива. Имя А. В. Свешникова носят Государственный академический русский хор, Московское хоровое училище и Коломенская городская хоровая школа. На доме в Коломне, где родился и в детстве жил А. В. Свешников, открыта мемориальная доска.

Более сорока лет судьба народного артиста России **Вячеслава Николаевича Осипова** была связана с Московским музыкальным театром имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Здесь он блестяще исполнил одну из первых своих ролей в театре — «Человека в очках» в опере С. Слонимского «Виринея» по повести Л. Сейфуллиной. Позже стал выделяться даже в небольших, эпизодических, ролях. Его заметили знаменитые режиссёры и стали специально на Осипова ставить спектакли. Так, В. Фельзенштейн поставил «Кармен», Л. Михайлов — «Паяцев», «Отелло», «Пиковую даму», А. Титель — «Эрнани», «Черевички».

Неоднократно В. Н. Осипова приглашали перейти в академический Большой театр, но он этого не сделал, хотя исполнял на сцене Большого партии Пинкертона в «Чио-Чио-Сан», Каварадосси в «Тоске», Хозе в «Кармен», Водемона в «Иоланте». Десять лет пел партию Хозе в опере «Кармен» в берлинской «Комише опере». Его по праву причисляли к певцам с мировой известностью, предлагали остаться за рубежом. На что Вячеслав Николаевич твёрдо отвечал: «Без России не мыслю своего существования. Я — глубоко русский человек и русским хочу умереть».

Родился В. Н. Осипов в Коломне 5 мая 1938 года. Жил в слободе Запруды, окончил три класса школы № 1, и тут случилось несчастье: его не миновала эпидемия полиомиелита. Шесть месяцев провёл в больнице, отказали руки и ноги. Но мальчик благодаря стараниям врачей, родителей выздоровел, окончил среднюю школу. Артистом стать не собирался, поэтому и поступил в МИФИ. Голос — высокий, звонкий и чистый тенор — пробил дорогу и к высшему музыкальному образованию, и к профессиональной сцене.

Известный артист, певец, академик ряда академий, он с удовольствием преподавал вокал в Университете культуры.

7 декабря 2008 года Вячеслав Николаевич приезжал в Коломну, в музыкальном училище состоялся его концерт. Это был подарок певца в год своего 70-летия любимому городу детства. А спустя несколько недель из Москвы пришла печальная весть. 27 января 2009 года на репетиции в академическом музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко Вячеслав Николаевич скоропостижно скончался. Панихида состоялась 30 января в большом зале театра.

Известный кинорежиссёр Станислав Сергеевич Говорухин назвал киноартиста **Льва Алексеевича Перфилова** «королём эпизода». Эта высокая оценка основана на опыте совместной работы.

Яркий образ фотографа уголовного розыска Гриши Ушивина, прозванного товарищами «Гриша шесть на девять», созданный Львом Перфиловым (небольшая роль так называемого второго плана), не потерялся на фоне исполнителей главных ролей в многосерийном художественном фильме С. С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Артист в очередной раз блеснул талантом. Режиссёр был очень доволен своим

выбором и оценил работу Льва Перфилова так: «Сотня непохожих ролей! И надо найти ключ к каждой. Сотня ключей, точных, потому что если в большой роли образ развивается постепенно и есть простор для актёра, то в эпизоде надо быть снайпером. В короткие минуты действия вложить целый характер. В чём тут опасность? Опытный в исполнении больших ролей актёр хочет вложить в свой эпизод всё, что накопил. И под этой тяжестью фильм может перекосяться. Эпизод должен поднять главное, а не затенять его. Лев Перфилов тонко это понимает, умеет справиться с любым заданием. А ещё он умеет обогатить роль идеально найденной деталью. ... Перфилов — король эпизода».

11 июня 2004 года на главной улице Коломны, улице Октябрьской революции, на фасаде дома № 231–233 была торжественно открыта мемориальная доска, посвящённая заслуженному артисту Украины Льву Алексеевичу Перфилову. В этом доме прошло его детство, отсюда ходил учиться в школу № 6. У Лёвы рано обнаружился абсолютный музыкальный слух. Он с удовольствием занимался в хоре Дома пионеров. Играл на аккордеоне.

После окончания школы Лев Перфилов поступил в Московское театральное училище имени Щепкина, был самым молодым на курсе. Получив диплом, уехал в Сибирь, играл в театре. А потом обосновался на Украине, работал на Киевской киностудии.

Лев Алексеевич Перфилов снялся более чем в ста двадцати кинокартинах. Но своим крёстным отцом всегда называл кинорежиссёра Владимира Наумовича Наумова, который в середине 1950-х годов пригласил его сняться в романтическом, героическом кинофильме «Павел Корчагин». Фильм вышел на экраны в 1956 году. И зрители близко к сердцу приняли не только главного героя, которого великолепно сыграл Василий Лановой, но и друга Павки, чистейшего по помыслам и поступкам человека, комсомольца-чеха Франца Клавичека, образ которого создал Лев Перфилов.

В город, где родился, где прошло его детство, Лев Алексеевич Перфилов не раз приезжал. Здесь жила его дочь. Радовался встречам с друзьями. Мечтал, что навсегда вернётся в Коломну. Но исполнить это было не суждено. Он умер в Киеве 24 января 2000 года.

Коломна с её богатейшей многовековой историей вдохновляла на творчество не одно поколение художников. Среди них наиболее ярко блеснул талантом **Михаил Георгиевич Абакумов**. Народный художник России, академик Академии художеств. Его творчество хорошо известно не только в нашей стране, он участник многих зарубежных выставок. На написанных им полотнах предстаёт страна с неповторимо красивой природой и замечательными памятниками архитектуры, созданными и выдающимися зодчими, и известными мастерами.

Родился М. Г. Абакумов в Коломне 25 февраля 1948 года. Полюбить родной край, Коломну в детстве Мише помог руководитель изостудии Дома пионеров Николай Иванович Бодрягин, которого воспитанники называли коротким именем Никаньч. Спустя годы М. Г. Абакумов скажет: «Николай Иванович Бодрягин — великий человек и великий учитель. Он научил нас, своих воспитанников, с детства любить Родину. Как он это делал? Довольно просто. Водил на этюды по Коломне, по окрестностям,

отправлялся с изостудийцами в путешествия и походы. С его помощью мы научились видеть красоту тумана над рекой, заката над лесом. С его подсказки мы делали всё новые и новые открытия. Мы познавали Россию. И за это большое спасибо Никаньчу».

Долгим был путь М. Г. Абакумова к мастерству. Он окончил Московское художественно-промышленное училище имени Калинина, художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии, три года стажировался в творческих мастерских Академии художеств СССР под руководством академиков А. П. и С. П. Ткачёвых и А. М. Грицай.

Получив солидное специальное образование, вернулся в Коломну. Его родной древний город стал для живописца источником творческих вдохновений. Художник создал поэтический образ русской провинции, без которой нельзя представить величия огромной державы. Многие полотна, рисунки посвящены родному городу. Выходили альбомы, буклеты, наборы открыток с живописными и графическими работами — видами Коломны.

При всей занятости художник находил время и на общественную работу, непосредственно имеющую отношение к родному городу, пять лет был одним из организаторов всероссийского пленэра «Коломна историческая», входил в состав правления Коломенской организации Союза художников России.

В 1995 году М. Г. Абакумову вручили Золотую медаль Российской академии художеств. На её лицевой стороне написано: «Достойному». Так получилось, что с Абакумова возобновилась добрая традиция — вручать Золотые медали Российской академии художеств точно такого же образца, какие вручались ещё в бытность Императорской академии художеств. Ничего не изменилось в её рисунке. И даже снизу на медали указан автор с написанием дореволюционным — с твёрдым знаком на конце фамилии: П. Уткинъ.

Многолетний труд Михаила Георгиевича Абакумова на благо родного города был отмечен присуждением ему звания «Почётный гражданин Коломны». В Коломне он нашёл и вечное упокоение. В июле 2010 года его похоронили на Старом городском кладбище.

Среди воспитанников изокружка Дома пионеров, которым много лет руководил Н. И. Бодрягин, первым был отмечен почётным званием «Заслуженный художник РСФСР» **Юрий Филиппович Рязанов**. Он родился в Коломне 2 апреля 1936 года. Здесь приобщился к искусству. Завершив обучение в средней школе, уехал в Рязань, где окончил художественное училище. Продолжил образование в Москве, в Государственном художественном институте имени Сурикова. Получив диплом с отличием, три года находился в творческой мастерской Академии художеств СССР под руководством Е. А. Кибрика.

В 1968 году Ю. Ф. Рязанова приняли в члены Союза художников СССР. Около 15 лет трудился в Студии военных художников имени М. Б. Грекова. Общеизвестно: Ю. Ф. Рязанов — талантливый график — был одним из ведущих художников Студии. Умер неожиданно, когда после напряжённого рабочего дня возвращался из Студии домой.

Сердце художника не выдержало многолетней перегрузки. Случилось это летом 1985 года.

К 50-летию со дня рождения художника его друзья, коллеги, сподвижники открыли выставку его произведений в выставочном зале Центрального дома Советской Армии.

Выставка называлась «Мой зритель». Это название довольно верно отражало для кого и ради чего усиленно работал художник, не давая себе поблажек, отводя на отдых считанные часы. Многие годы главным в поле зрения Ю. Ф. Рязанова был защитник Родины — Солдат. Это его Юрий с гордостью называл «Мой зритель».

Но многостороннее творчество художника на выставке было представлено не только сюжетами на военную тему. В числе его работ — гравюры, посвящённые В. И. Ленину, революции, Красной/Советской Армии.

Особая страница в творчестве Ю. Ф. Рязанова — космическая тема. И картины, воспевающие покорение советскими людьми космоса, портреты из серии «Мои кумиры».

На той юбилейной выставке имелась книга отзывов. Приведу лишь одну запись: «Это прекрасно, когда человек оставляет после себя на земле частицу своей души, чистой и одухотворённой».

В годы Великой Отечественной войны уроженка Коломны художник **Нина Николаевна Ватолина** (1915–2002) много внимания уделяла политическому плакату. Плакаты «Отомстим за кровь детей!», «Вперёд! Победа близка!», «Ждём с победой!» и другие печатались большими тиражами и были хорошо известны. Но самым удачным считается выполненный в 1941 году плакат «Не болтай!».

И после войны Н. Н. Ватолина продолжала работать над плакатами. Вот только некоторые из них: «Пятилетку в четыре года», «Слава советскому народу!», «Мы за дружбу и мир», «Не для войны сыновей мы растим», «Труд, мир, свобода!». Миллионными тиражами выходили открытки, выполненные Н. Н. Ватолиной.

Впоследствии художник много времени занималась живописью. На её картинах — пейзажи, цветы, натюрморты. Работала над портретами.

Нина Николаевна Ватолина известна и как автор интересных книг: «Мы — плакатисты», «Прогулка по Третьяковской галерее», «Наброски по памяти».

Творчество заслуженного художника России **Сергея Тимофеевича Циркина** хорошо известно не только коломенцам. С его живописными работами знакомились жители Москвы, Подмосковья, соседних со столичной областью городов.

В душе лирик, человек застенчивый, легко ранимый, С. Т. Циркин манерой своего письма вкладывает в произведения какой-то порою не разгаданный зрителем подтекст. В его живописных полотнах вместе с любовью к изображаемому постоянно проглядывает некая грустинка. Чувствуется, что человек что-то пережил, что был в его судьбе какой-то надлом, поэтому от яркости бытия он старается отгородиться, отделиться некоей кисеей, тонким цветовым занавесом, приглушённой красок. По всей вероятности, в творчестве художника сказываются переживания,

связанные с судьбой его малой родины — живописной деревни Надеево. Сейчас тщетно искать её на карте Коломенского района. Красивая деревня, возле которой некогда теснились могучие кряжистые дубы и подпирали небо загорелые высокорослые корабельные сосны, деревня, от которой начинался лес, где немудрено было затеряться, так как простирался он на многие десятки километров в край с таинственным именем Мещёра. Этой деревни, некогда красиво вписанной в окружающий благодатный ландшафт, где он родился 25 июля 1933 года, больше не существует: её посчитали неперспективной и снесли.

Это одна из причин скрытой тоски, грусти, проглядывающих в полотнах С. Т. Циркина. Пейзажи эти в основном наши, коломенские, хорошо узнаваемые. Сюжеты многих из них просматриваются, словно сквозь некую мглу. Художник многого достиг, используя тончайшие цветовые гаммы одной и той же тональности.

Выставки картин заслуженного художника РСФСР **Геннадия Павловича Сорогина** (1930–2004) устраивались в Коломне, в Москве, в других городах. Его живописные произведения украшают художественные музеи страны, в том числе находятся в Третьяковской галерее. Такой чести удостоиваются только настоящие мастера кисти, талантливые художники.

Г. П. Сорогин родился на Урале. Там окончил Свердловское художественное училище, а потом в Москве — художественный институт имени Сурикова. Его живописное полотно «Былые походы» в 1956 году было представлено на пятой Всесоюзной выставке дипломных работ студентов художественных вузов Советского Союза.

К поучительному прошлому страны, народа Геннадий Павлович обращался ещё не раз.

Живописец умел очень тонко передавать состояние природы и обстановку, в которой действуют герои его жанровых картин.

Немало работ Геннадий Павлович посвятил Коломне, в которой жил более сорока лет. Среди его лучших полотен — групповой портрет конструкторов завода тяжёлого станкостроения: Антонова, Горожанкина, Чекалина, Налётова, которые были удостоены Государственных премий. Похвальные отзывы искусствоведов, зрителей заслужили работы Г. П. Сорогина «Поэты», «Рождение мелодии», «За землю русскую», «1905 год в Коломне».

Коломна — крупный промышленный центр Подмосковья. Одним из градообразующих предприятий является ОАО «Коломенский завод». Основан он был в сентябре 1863 года. Тому предшествовали следующие события.

Трудно предположить, по какому пути пошло бы развитие Коломны, не пояись здесь в 60-е годы XIX столетия предприимчивые люди — братья **Струве: Аманд Егорович и Густав Егорович**. К тому времени в определённых кругах они были известны как толковые военные инженеры.

Первым с Коломной познакомился младший из братьев — Аманд. Он родился 30 мая 1835 года. Блестяще окончил Николаевское инженерное училище, затем Петербургскую военную академию. Занимался постройкой и ремонтом казарм, но недолго. Инженерный корпус прикомандировал

22-летнего штабс-капитана А. Е. Струве к строящейся французским Обществом Московско-Нижегородской железной дороге. И здесь он проявил незаурядные способности и обширные знания.

С 1860 года А. Е. Струве участвовал в строительстве Московско-Саратовской железной дороги.

В 1863 году приступил к сооружению моста через Оку. Неподалёку от реки построил небольшую мастерскую для изготовления железных конструкций, частей моста.

Переправа через Оку была сделана качественно и в срок. К предприятию стали поступать заказы на строительство мостов. А. Е. Струве не отказывался от выгодных предложений. У него родилась мысль изготавливать и другую продукцию — подвижной состав для железных дорог. И он, арендовав у крестьян села Боброво участок земли, стал строить цехи: механический, чугунолитейный и кузнечный. С этого и началась история ставшего со временем знаменитым Коломенского машиностроительного завода, который вначале назывался механическим.

К делам завода с 1865 года активно подключился **Густав Егорович Струве**. Он родился 25 июля 1833 года, окончил военное инженерное училище в Петербурге и в 1855 году отбыл в распоряжение начальника инженеров Южной армии. Хорошо зарекомендовал себя при строительстве укреплений на подступах к Николаеву, за что получил благодарность императора. Участвовал в переоборудовании Аккерманской крепости, руководил строительством артиллерийских фортов Одесской гавани.

С 1866 года предприятие, основанное А. Е. Струве, стало называться «Завод инженеров братьев Струве». А 5 ноября 1871 года император разрешил инженер-полковникам Густаву и Аманду Струве и московскому 1-й гильдии купцу А. И. Лессингу учредить акционерное общество под названием «Общество Коломенского машиностроительного завода» и утвердил его устав.

Дела пошли успешно. Во многом благодаря личной инициативе братьев Струве завод становится не только крупным предприятием центра России, но и видным в Европе.

За долгое время своего существования завод назывался и механическим, и машиностроительным, и паровозостроительным, и тепловоозостроительным. Коломзаводцы строили мосты, вагоны, паровозы, электровозы, тепловозы, дизели, трамваи, пароходы, теплоходы, тракторы. Завод участвовал в изготовлении всевозможных машин, оборудования, отливок, поковок и штамповок для многих фабрик, заводов, для сельского и городского хозяйства и других отраслей промышленности.

За долгую историю вырастил многих инженеров, которые стали выдающимися хозяйственными руководителями, видными государственными деятелями. В их числе **Вячеслав Александрович Малышев**. На Коломзаводе он прошёл путь от конструктора до директора предприятия. В 1939 году был выдвинут на пост наркома тяжёлого машиностроения. В 1940–1944 гг. работал заместителем Председателя Совнаркома СССР. В Великую Отечественную войну — наркомом танковой промышленности. После войны возглавлял ряд министерств, с 1947 по 1956 г. работал заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В. А. Малышев внёс немалый вклад в создание ракетной и космической техники, в развитие атомной промышленности, в укрепление экономической и оборонной мощи страны.

Умер В. А. Малышев в возрасте 54-х лет от острого лейкоза. Урна с его прахом покоится в кремлёвской стене на Красной площади Москвы.

Имя человека, который не видел для себя тихой жизни, увековечено в Коломне и Москве. И в нашем городе, и в столице есть улицы Малышева.

Трудовые и боевые заслуги многих коломенцев в разные годы были отмечены высокими государственными наградами.

16 апреля 1934 года Центральный Исполнительный Комитет СССР принял решение об установлении высшей степени отличия страны — звания Героя Советского Союза. Почти за 58 лет, до декабря 1991 года — до распада СССР, звания Героя Советского Союза было удостоено около 12700 человек. В когорте мужественных и смелых людей, отмеченных геройским званием, 55 коломенцев. Открывает список кавалеров Золотой Звезды генерал-лейтенант авиации **Иван Тимофеевич Спирин** (9.08.1898–4.11.1960).

Нелёгким был его путь к славе и всенародному признанию. Родился он в Коломне в рабочей семье. В детстве жил в селе Нижнее Хорошово, в четырёх верстах от города. Трудовую закалку получил на железной дороге: был ремонтным и подсобным рабочим на станции Голутвин.

Судьбоносным для И. Т. Спирина стал 1918 год: Коломенский военкомат призвал его на службу в Красную Армию. В её рядах вырос от красноармейца до генерал-лейтенанта. Ему довелось участвовать в трёх войнах: Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной.

В 1920 году И. Т. Спирин связал свою судьбу с авиацией. Аэролог 2-го боевого отряда эскадры тяжёлых кораблей «Илья Муромец» красноармеец Спирин помогал механикам заправлять горячим воздушные корабли, снаряжал их бомбами, латал пробойны. Вскоре его назначили начальником технической части авиационного отряда. Потом годы напряжённой учёбы и первые радости самостоятельных полётов.

В 1925 году И. Т. Спирин совершил первый полёт вне видимости земных ориентиров — по приборам и штурманским расчётам. Маршрут был невелик: Москва — Коломна, но полон опасностей.

В том же году был совершён труднейший перелёт из Москвы в Пекин. В 1927 году Спирин участвует в большом европейском перелёте, а через два года разыскивает в Арктике потерпевших аварию американцев.

4 сентября 1930 года с подмосковного аэродрома стартовали три советских самолёта Р-5. Им предстояло совершить групповой полёт по маршруту беспримерной трудности: Москва – Севастополь – Анкара – Тбилиси – Тегеран – Термез – Кабул – Ташкент – Оренбург – Москва.

Их путь был трудным от начала до конца. Почти всю дорогу до Севастополя — низкая облачность, морозящий дождь, временами сильный порывистый ветер. Над Чёрным морем бушевали грозы, шквальные ветры трепали самолёты. И надо было обладать поистине безумной храбростью, волей и умением, чтобы провести машины сквозь грозные тучи над кипящим пеной морем. Безошибочно вывел группу штурман Спирин на турецкий аэродром. Турецкие граждане и представители правительства

радушно встретили советских лётчиков. Они были покорены их отвагой и мужеством.

А дальше ещё трудней: уходящие в заоблачную высь горы Кавказа, снежные вершины сурового Гиндукуша, скалы Гиссарского, Зеравшанского, Туркестанского хребтов в сизой дымке и песчаные бури пустынь.

18 сентября самолёты благополучно вернулись в Москву. За 61 час 30 минут лётного времени было пройдено 10 500 километров. Этот выдающийся подвиг лётчиков вошёл в историю авиации. Все шесть участников экспедиции Большого Восточного перелёта были награждены орденами Красной Звезды. Спирина вручили орден за номером 9.

12 сентября 1934 года ширококрылый одномоторный самолёт АНТ-25, на борту которого были написаны буквы «РД» — «рекорд дальности», разбежавшись по взлётной полосе Щёлковского аэродрома, стал постепенно набирать высоту. Экипаж машины в составе командира М. М. Громова, инженера А. И. Филина и штурмана И. Т. Спирина повёл её в многодневный путь на побитие мирового рекорда французских пилотов Боссутро и Росси, которые в 1932 году на самолёте «Блерио» покрыли расстояние 10 601 километр.

Днём лётчиков радовала хорошая погода, а ровный рокот мотора вселял уверенность в успех. Самолёт летал по треугольному маршруту Москва — Рязань — Тула. Через каждые три часа Спирина по радио вызывал на связь наземный командный пункт и докладывал, что полёт проходит по графику. Но ночью погода начала портиться. К середине дня 13 сентября хлынул дождь. Самолёт полез вверх. Вот уже и 5000 метров, в кабине стало прохладно, а облачности нет конца.

Трудной была вторая ненастная ночь: внизу — дождь, сверху — мороз, а в облаках — обледенение и тряска.

Под вечер третьего дня над Москвой разбушевался ураган. По договорённости со штабом руководства повернули на юг. Несколько часов летали в районе Харькова. К полудню 15 сентября самолёт приземлился на Харьковском аэродроме. Трёхсуточный полёт, полный опасности и громадных напряжений, благополучно завершился выдающимся успехом. Экипаж установил новый мировой рекорд дальности, покрыв расстояние 12 411 километров, и всеоюзный рекорд продолжительности, равный 75 часам.

Подвиг был отмечен присвоением М. М. Громову звания Героя Советского Союза, И. Т. Спирина и А. И. Филина были награждены орденами Ленина.

Настоящую славу Ивану Тимофеевичу Спирину принёс тяжелейший полёт на Северный полюс в 1937 году. Он был флагштурманом первой в мире воздушной экспедиции на крышу Земли. С самолёта на льдину высадили четвёрку отважных людей во главе с И. Д. Папаниным, которые затем несколько месяцев дрейфовали в Северном Ледовитом океане, занимаясь научной работой.

За образцовое выполнение задания Правительства и героизм Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР 27 июня 1937 года Ивану Тимофеевичу Спирину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Несколько лет И. Т. Спирина был начальником Ивановской высшей школы штурманов. Окончил Военную академию Генштаба. Был главным штурманом ВВС. С 1949 по 1952 год — начальником отделения факультета

Военно-воздушной академии имени Жуковского. С 1952 по 1955 год — заместителем начальника штурманского факультета. Доктор географических наук, профессор. Автор многих научных трудов по теории и практике самолётовождения, изобретатель и конструктор аэронавигационных и пилотажных приборов для слепых полётов.

Именем И. Т. Спирина названы улицы в Коломне и в Москве. В нашем городе в Мемориальном парке установлен бюст первого коломенца, удостоенного звания Героя Советского Союза.

В нескольких десятках метров от Мемориального парка, в сквере на площади Советской стоит бронзовый бюст ещё одного прославленного земляка — дважды Героя Советского Союза Адмирала Флота Советского Союза **Сергея Георгиевича Горшкова** (26.02.1910–13.05.1988).

В завещании, которое оставил С. Г. Горшков детям и внукам, он написал: «Я никогда ни перед кем не заискивал и не искал протекций. Всё, чего я добился в своей жизни, — это заслужено честным и упорным трудом во имя блага и процветания России...».

Сергей Георгиевич не раз подчёркивал, что в семье Горшковых в основу был положен труд, знания и доброжелательность к людям. Его отец Георгий Михайлович Горшков более полувека преподавал в коломенских школах математику и физику, был удостоен почётного звания заслуженного учителя школы РСФСР, награждён двумя орденами Ленина. Мать, Елена Федосеевна, многие годы работала учительницей русского языка и литературы. Родители внушали детям (а у Сергея были ещё две сестры), что любая работа почётна, если относишься к ней с душой.

Сергей учился в школе 2-й ступени, которая была создана на базе бывшей мужской гимназии. Особенно любил математику и физику. И в семье не удивились, когда после окончания школы в 1926 году он уехал в Ленинград и поступил в университет. Но, проучившись год, подал документы в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе и никогда не жалел об этом шаге, прослужив в ВМФ 60 лет.

По многим ступеням служебной лестницы пришлось подниматься С. Г. Горшкову за эти годы. И одна черта всегда отличала его, на каком бы посту он ни находился — чуждый всякого расчёта, всего себя отдавал самоотверженной службе народу, Родине.

С. Г. Горшкову едва исполнилось 30 лет, а его назначили командиром бригады крейсеров Черноморского флота. В этой ответственной должности и встретил он весть о начале Великой Отечественной войны, приняв активное участие в боях с фашистами буквально с первых её минут.

С именем С. Г. Горшкова связаны многие события войны. Он организовал высадку первого на Чёрном море морского десанта в районе Григорьевки под Одессой. Умело руководил боевыми действиями Азовской военной флотилии, был заместителем командующего Новороссийским оборонительным районом, командовал Дунайской военной флотилией, эскадрой Черноморского флота.

В 1948–1951 годах С. Г. Горшков — начальник штаба, а затем командующий Черноморским флотом.

В январе 1956 года С. Г. Горшков был назначен главнокомандующим Военно-Морским Флотом — заместителем министра обороны СССР. И на

этом ответственном государственном посту находился почти 30 лет. Все свои знания и опыт настойчиво направлял на решение задач по дальнейшему развитию Военно-Морского Флота.

Главком внёс большой вклад в оснащение флота современными кораблями, военной техникой, во взаимодействие флотов с объединениями других видов Вооружённых Сил и с флотами стран Варшавского договора. Советский военный флот под командованием С. Г. Горшкова вышел в Мировой океан.

Научно-техническая революция в военном деле внесла много нового в военно-морское искусство, в развитие форм и способов применения сил флота. Этим вопросам С. Г. Горшков уделял неослабное внимание. Этому посвятил и свои учёные труды: «Морская мощь государства», «Развитие военно-морского искусства», «Военно-морские флоты в войнах и в мирное время».

Передав 9 декабря 1985 года обязанности главнокомандующего ВМФ адмиралу флота В. Н. Чернавину, С. Г. Горшков не расстался с флотом. Он до последнего дня работал в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны. Сумел написать интереснейшую книгу воспоминаний «Во флотском строю», которая увидела свет уже после смерти автора.

Заслуги С. Г. Горшкова высоко оценены. Он был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награждён семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова, орденами Кутузова, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, многими медалями, а также орденами и медалями других государств. Ему были присвоены звания лауреата Ленинской и Государственной премий.

Сергей Георгиевич не забывал родного города. Он часто приезжал в Коломну, встречался с тружениками, с молодёжью. Эти встречи являлись хорошей школой мужества, патриотизма.

Коломенская гимназия № 9 носит имя дважды Героя Советского Союза Адмирала Флота Советского Союза Сергея Георгиевича Горшкова.

Шавырин — КБМ — Коломна. Эти три слова навсегда слились воедино. В нынешнем году мы отмечаем три славных юбилея: Коломне исполняется 840 лет, Конструкторское бюро машиностроения создано 75 лет назад, а 5 мая — 115 лет со дня рождения **Бориса Ивановича Шавырина** — выдающегося конструктора миномётного и ракетного вооружения.

Как-то на улице Шавырина я остановился возле школы № 20, дождался, когда вышла группа подростков, и поинтересовался, как называется улица.

— Шавырина, — разом выдохнули ребята.

— Поясните, пожалуйста, кто это такой?

Спросил и увидел в глазах мальчишек удивление: мол, как же так, не знаете? Наперебой стали пояснять:

— Шавырин — известный конструктор оружия. Он миномёты делал. И ракеты. Работал в КБМ.

Поблагодарил ребят и подумал: «Молодцы, знают о земляке».

Имя Б. И. Шавырина не забыто, да и не будет забыто никогда, потому что ему по праву принадлежит первое место среди талантливых создателей миномётов.

Родиной миномётов является Россия. Они появились у нас в начале XX века, их применили защитники Порт-Артура во время русско-японской войны. Но тогда этот вид оружия не был по достоинству оценён.

В 1930-е годы в СССР была принята широкая программа создания миномётов калибров 60, 82, 107, 120, 160 и 240 миллиметров. К выполнению этой программы подключился Б. И. Шавырин, и вскоре его имя засияло. В 1939 году он сдал на вооружение армии миномёты сразу четырёх калибров: 50 мм, 82 мм, 107 мм и 120 мм. Лёгкие и средние миномёты, созданные конструкторским бюро Б. И. Шавырина в составе ленинградского завода № 7, значительно превосходили зарубежные аналоги и были успешно использованы во время боёв у реки Халхин-Гол летом 1939 года во время советско-финляндской войны и особенно в годы Великой Отечественной войны.

В оборонительных и наступательных боях миномёты оказались незаменимыми. С их помощью солдаты-пехотинцы меньшей кровью добивались выполнения боевых задач.

Трагические, тяжелейшие первые недели боёв с немецко-фашистскими захватчиками. Враг быстро продвигался в глубь страны. В спешном порядке предприятия стали эвакуировать на восток, что сказалось на производстве вооружения. В конце августа 1941 года наркома вооружения Д. Ф. Устинова и Б. И. Шавырина срочно вызвали к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Конструкторской группе Шавырина была поставлена задача упростить и без того простую конструкцию 120-мм миномёта, чтобы выпускать орудие массовыми сериями на специализированных предприятиях и даже в механических мастерских.

Через два месяца чертежи модернизированного миномёта были подготовлены. Заводы приступили к выпуску орудий. Трудоемкость изготовления миномёта сократилась на 44%, расход материалов — в 1,3 раза. Это позволило в дальнейшем увеличить производство 120-миллиметровых миномётов почти в два раза. Нашему Бочмановскому заводу имени Ворошилова, который был эвакуирован из Коломны в Красноярск, уже в первые месяцы удалось добиться выпуска 500 миномётов в месяц, позже эта цифра возросла в несколько раз.

Государственный комитет обороны понимал, что для развития миномётостроения необходимо создать единую специализированную организацию по конструированию миномётного вооружения, производству и обеспечению авторского надзора в промышленности и войсках. И 11 апреля 1942 года было принято постановление ГКО за подписью Председателя Государственного комитета обороны СССР И. Сталина, в котором говорилось: «1. Для разработки и создания опытных образцов миномётного вооружения и мин выделить из состава НИИ-13 Специальное конструкторское бюро и миномётную группу конструкторов завода № 7 в качестве самостоятельной организации. 2. Утвердить начальником Специального конструкторского бюро гладкоствольной артиллерии Наркомата Вооружения инженера Шавырина Б. И. 3. Специальное конструкторское бюро Наркомата Вооружения разместить в цехе 11 «б» завода № 4 НКВ в г. Коломне, организовать экспериментальный цех для изготовления опытных образцов миномётов и мин». Главной задачей было создание тяжёлых миномётов.

Коллектив шавыринского СКБ справился. На вооружение поступили 160-мм миномёты, безоткатные орудия Б-10 и Б-11, морские глубинные бомбомёты БМБ-2, МБУ-200, МБУ-600.

Была создана единственная в мире самоходная миномётная пусковая установка калибром 420 мм.

Б. И. Шавырин был очень требовательным в работе, жёстким, даже придиричивым. Так относился к сослуживцам по СКБ, так же относился и к себе. Он не знал отдыха, его мысль была постоянно в работе.

Борис Иванович внимательно следил за общим развитием науки и техники в области вооружения и, зная о результатах, использовал их как базу для дальнейшего совершенствования своих изделий.

В середине 1950-х годов перед несколькими конструкторскими бюро была поставлена задача создать ПТУРСы — противотанковые управляемые реактивные снаряды. Б. И. Шавырин загорелся новой работой. В 1960 году СКБ сдало на вооружение первый в истории отечественного ракетостроения ПТУРС «Шмель». Верхом совершенства стал противотанковый ракетный комплекс, который получил название «Малютка». Этот образец считался непревзойдённым в мире многие годы. Маленькие ракеты стали надёжным и грозным оружием в борьбе с танками.

Были начаты уникальные работы по созданию межконтинентальной твёрдотопливной баллистической ракеты «Гном» и первого советского переносного зенитного комплекса «Стрела-2».

За выдающиеся заслуги доктор технических наук, конструктор в области миномётного и реактивного вооружения Борис Иванович Шавырин был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награждён тремя орденами Ленина, орденом Суворова второй степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, ему были присвоены звания лауреата Ленинской и трёх Государственных премий СССР.

Борис Иванович Шавырин умер после тяжёлой болезни 9 октября 1965 года. Его похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. В некрологе, подписанном руководителями страны, оборонной промышленности, конструкторами, который был опубликован в центральных газетах, в частности, говорилось: «Качества выдающегося и высокоэрудированного конструктора, личная скромность и внимательное отношение к людям снискали Б. И. Шавырину глубокое уважение и заслуженный авторитет среди конструкторов, работников промышленности и товарищей по работе. Светлая память о Б. И. Шавырине на долгие годы сохранится в наших сердцах».

С той поры прошло более полувека. В Коломне не забывают своего именитого земляка — талантливого конструктора и организатора производства, внёсшего большой вклад в развитие города (один яркий факт: по его инициативе и при непосредственном участии в городе были построены искусственная ледовая конькобежная дорожка и Дворец культуры и спорта, стал развиваться конькобежный спорт). В его честь названа одна из улиц города. 5 мая 1985 года по постановлению Президиума Верховного Совета СССР в Коломне в Мемориальном парке был открыт бронзовый бюст Б. И. Шавырина (его автор известный московский скульптор В. М. Клыков). 14 мая 1992 года у проходных Конструкторского бюро машиностроения была торжественно открыта мемориальная доска. Ещё одна

доска открыта в 2014 году на здании конькобежного центра «Коломна». Бюст бывшего начальника и главного конструктора КБМ установлен на территории предприятия. О нём рассказывают экспозиции музея истории АО «НПК «КБМ» и городского музея боевой славы.

Многие годы **Сергей Павлович Непобедимый** (13.09.1921–11.04.2014) был человеком под грифом «совершенно секретно».

Более половины жизни С. П. Непобедимого связано с Коломной. Сюда он, 24-летний выпускник Московского высшего технического училища имени Баумана, прибыл по распределению в 1945 году в Специальное конструкторское бюро Наркомата вооружения. Инженер-конструктор, специалист по боеприпасам, порохам, газодинамике взрывных процессов, он активно включился в работу по созданию новых образцов миномётного вооружения, более мощных и совершенных по сравнению с выпускавшимися в Великую Отечественную войну. Одной из его первых крупных работ было создание руководимой им группой механизма заряжания для бесшотчного 433-миллиметрового противолодочного бомбомёта БМБ-2. Бомбомёт был сдан заказчику в 1951 году. Тем самым была завершена одна из задач оснащения кораблей Военно-Морского Флота противолодочным вооружением.

Спустя три года в армию поступили первые отечественные безоткатные орудия Б-10 и Б-11. В их создании непосредственное участие принимал С. П. Непобедимый.

Переломным в жизни Конструкторского бюро машиностроения, как стало называться бывшее СКБ, стал 1956 год. Руководитель и основатель предприятия, главный конструктор отечественного миномётостроения Борис Иванович Шавырин настраивает коллектив вести работы в новом направлении — создания мощных и эффективных противотанковых управляемых ракетных комплексов (ПТРК), способных одним-двумя выстрелами поразить танк. К этой работе Б. И. Шавырин привлёк наиболее талантливых конструкторов и создал специальную группу, которую возглавил 35-летний С. П. Непобедимый.

В то время самым распространённым видом этого вооружения в мире был французский ПТУРС SS-10. Он стоял на вооружении армий 29 стран. В СССР аналогичных разработок не было. И вот в 1960 году на вооружение Советской Армии был принят первый отечественный ПТРК «Шмель», созданный в конструкторском бюро Шавырина. По своим основным боевым и эксплуатационным характеристикам он превзошёл французский комплекс. А ещё через три года наша армия получила уникальный противотанковый комплекс «Малютка». За создание этих двух комплексов Б. И. Шавырин, С. П. Непобедимый и С. П. Ванин в 1964 году стали лауреатами Ленинской премии.

В 1961 году С. П. Непобедимого назначили первым заместителем главного конструктора КБМ. А после смерти в октябре 1965 года Б. И. Шавырина возглавил конструкторское бюро его ученик и соратник Сергей Павлович Непобедимый.

Под его руководством КБМ стало монополистом в стране по созданию тактических, оперативно-тактических, переносных зенитных ракетных комплексов и мировым лидером в этой области вооружения. Под его ру-

ководством и при личном участии было создано 28 ракетных комплексов различного назначения. В их числе оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока», тактические ракетные комплексы «Точка» и Точка-У», переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела-2», «Игла» и другие. Была практически завершена работа по созданию единственного в мире ПТРК, который может обнаруживать и уничтожать цель в условиях отсутствия оптической видимости: в туман, сильный снегопад, дождь, при наличии пыледымовой завесы. Это ПТРК «Хризантема-С». С. П. Непобедимый возглавлял КБМ до 1989 года.

Заслуги С. П. Непобедимого высоко оценены. Он — Герой Социалистического Труда, кавалер трёх орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, лауреат Ленинской и трёх Государственных премий СССР, премии Совета Министров СССР, премии имени В. И. Вернадского «За выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой науки», член-корреспондент Российской академии наук, действительный член Российской академии ракетно-артиллерийских наук, Международной академии информатизации, Академии проблем космонавтики имени К. Э. Циолковского, доктор технических наук, профессор, заслуженный конструктор Российской Федерации.

Сергей Павлович Непобедимый удостоен звания «Почётный гражданин города Коломны». В его честь в городе названа одна из улиц.

Судьба распорядилась так, что выдающийся учёный и конструктор, действительный член Академии наук СССР **Виктор Петрович Makeев** (1924–1985) родился и умер 25 октября. Редко кто знал, что он наш земляк. В открытой печати его имя практически не упоминалось. На то были особые причины.

В газете «Коломенская правда», где я работал литературным сотрудником, в 1966 году завёл краеведческую страницу «Край родной». В подборках публиковал материалы, которые рассказывали о различных событиях из богатой истории города и района, о людях, прославивших родной край. Это заинтересовало читателей, и в газету стали приходить отзывы и предложения, в том числе и пожелания-подсказки, о ком из славных коломенцев можно бы поведать.

Как-то в августе 1971 года разговорился с сотрудником многотиражной газеты «Коломенский станкостроитель» Анатолием Виловым о работниках завода, отмеченных Государственными премиями. В конце беседы коллега поинтересовался:

— А тебя не заинтересует мой дядя Виктор Петрович Makeев? Он лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда.

— А что, он наш земляк?

— Конечно. Родился в Протопопове. Сейчас живёт на Урале. Работает в военной промышленности. Он конструктор ракет. Но видишь, какое дело. О нём писать-то нельзя. Вся его работа идёт под грифом «Секретно». Года два-три назад он стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. Об этом я узнал от его двоюродной сестры Екатерины Семёновны Makeевой, она учительница, работала директором 16-й школы в посёлке имени Кирова.

Услышанное заинтриговало. Подумал: надо посмотреть ежегодник «Большой Советской Энциклопедии». Взял в библиотеке тринадцатый

выпуск, изданный в 1969 году, и на странице 592-й читаю: «Макеев, Виктор Петрович (р. 1924 г.) — советский учёный в области механики, член-корреспондент АН СССР с 1968 г. Член КПСС с 1951 г. Доктор технических наук, профессор с 1965 г. Депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва. В 1948 г. окончил Московский авиационный ин-т. С 1960 г. — доцент, затем — профессор Челябинского политехнического ин-та».

Вспомнил: в прошлом году состоялись выборы в Верховный Совет СССР 8-го созыва. Открываю подшивку газеты «Известия», нахожу список депутатов, избранных в Совет Национальностей по избирательному округу № 377 Таджикской ССР. Значится и Виктор Петрович Макеев. В Москве в Ленинской библиотеке познакомился с газетой «Коммунист Таджикистана» с надеждой побольше узнать о В. П. Макееве. Встретил информации о выдвижении, о регистрации кандидатов в депутаты. Нахожу и интересующие меня сообщения. Оказывается, Виктор Петрович Макеев в высший орган власти страны был выставлен общим собранием рабочих, инженерно-технических работников и служащих автоколонны № 2929 Орджоникидзеабдского района и колхозников колхоза имени Дзержинского Файзабадского района. Вот так за тысячи километров от родных мест выдвигали, голосовали и избирали депутатом «засекреченного учёного и конструктора».

Прошло несколько лет. В 1974 году вышел из печати пятнадцатый том «Большой Советской Энциклопедии». На странице 239-й нахожу биографическую справку о нашем земляке. Читаю: «Макеев Виктор Петрович (р. 25.10.1924, пос. им. Кирова Коломенского р-на Моск. обл., ныне в черте г. Москвы), советский учёный в области механики, чл.-корр. АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1961)». Поразился: до чего же цензура «закамуфлировала» место рождения его, перенеся посёлок имени Кирова из Коломны в столицу нашей страны. Знакомлюсь с биографией дальше: «Чл. КПСС с 1951. Окончил Моск. авиац. ин-т (1948). Руководитель научно-исследовательской организации. На 24-м съезде КПСС избран канд. в чл. ЦК КПСС. Деп. Верх. Совета СССР 7–8-го созывов. Ленинская пр., Гос. пр. СССР. Награждён 3 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и медалями».

Академик Виктор Петрович Макеев был генеральным конструктором. Под его руководством создавались комплексы стратегических ракет для атомных подводных лодок. Этой работе он отдал 30 лет своей жизни и добился феноменальных успехов. Американцы когда-то держали приоритет в разработке морских ракет типа «Поларисы», двигатель которых должен уметь работать под водой. Макеев, используя, как говорили некоторые конструкторы из окружения С. П. Королёва, «безумные идеи и нестандартные решения», в своих проектах превзошёл американцев: дальность стрельбы его ракет увеличилась в четыре раза, возросло и количество боеголовок, а габариты удалось сохранить на прежнем уровне.

На счету В. П. Макеева много оригинальных разработок. Под его руководством созданы первая ракета с подводным стартом, первая ракета с заводской заправкой топливом, первая морская межконтинентальная ракета, первая морская межконтинентальная ракета с разделяющейся головной частью. Он был главным конструктором оперативно-тактической ракеты Р-17 и единственной в мире противокорабельной баллистической

ракеты. Все атомные подводные лодки стратегического назначения СССР, построенные по проектам академика С. Н. Ковалёва, вооружались ракетами В. П. Макеева.

Авторитет В. П. Макеева на флоте был очень высок. А достиг он этого всем тем, что сделал.

В Коломне установлен бронзовый бюст Виктора Петровича Макеева, в его честь названа улица. На доме, где он в детстве жил, открыта мемориальная доска. На Урале, в городе Миассе, Конструкторское бюро машиностроения, где долгие годы работал Виктор Петрович, ныне называется так: «Государственный ракетный центр «КБ им. академика В. П. Макеева».

Лев Сергеевич Лебединский (24.10.1898–30.01.1968) — человек, которого знали не только в Коломне. Он крупнейший специалист отечественного локомотивостроения.

Свою судьбу с Коломзаводом Лев Сергеевич Лебединский связал в марте 1922 года и был верен ему до последнего часа. А приехал сюда из Петрограда, где окончил механический факультет политехнического института. Молодого специалиста назначили инженером-конструктором паровозного бюро.

В самом начале 1930-х годов руководство страны поставило задачу коренной реконструкции железнодорожного транспорта. Усиленными темпами строились железные дороги, в больших масштабах прокладывались вторые пути, а железнодорожного транспорта не хватало. Наркомат тяжёлой промышленности создал на Коломенском машиностроительном заводе Центральное локомотивное бюро, обязав его работников в сжатые сроки создать новые образцы не только паровозов, но и тепловозов, и электровозов. В этом бюро работали ведущие заводские конструкторы, в их числе и Л. С. Лебединский. Несколько месяцев он с группой советских инженеров находился в командировке в США, где изучал проектирование и постройку паровозов. Опыт пригодился Льву Сергеевичу в дальнейшей работе. Он возглавил паровозный сектор центрального локомотивного бюро и активно включился в работу по созданию мощных паровозов: грузового типа 1–5–1 и пассажирского типа 1–4–1. За сто дней бюро спроектировало скоростной грузовой паровоз серии ФД (Феликс Дзержинский). Рабочие чертежи были переданы на Луганский завод, и там началось серийное производство. Подобных по мощности паровозов в Европе не выпускали.

Л. С. Лебединский принял самое активное участие в проектировании и изготовлении на Коломзаводе самого мощного в СССР пассажирского паровоза ИС (Иосиф Сталин).

В 1939 году он был назначен главным конструктором предприятия.

Когда началась Великая Отечественная война, Л. С. Лебединский был одним из инициаторов и активных создателей бронепоезда.

В октябре 1941 года выехал вместе с коллективом завода в эвакуацию в г. Киров. В сложных условиях налаживалось производство необходимой фронту продукции. Понимая всю важность государственного военного заказа, Лев Сергеевич требовал, чтобы ни в коей мере не уничтожалась документация — рабочие чертежи локомотивов, над которыми коллектив завода работал в мирное время. «Ничего не уничтожать, всё пригодится», — говорил он.

Через несколько месяцев Л. С. Лебединский с группой конструкторов-паровозников вернулся в Коломну и приступил к работе по созданию паровоза, перспективного на многие годы.

Задача была не из лёгких. Дело в том, что военное лихолетье пагубно сказалось на железнодорожном транспорте: парк паровозов сильно износился. Требовалась замена устаревшим и тяжёлым машинам, которые ходили по потрёпанному интенсивным движением путям. А перевозки грузов и пассажиров не ослабевали, а возрастали.

В 1944–1945 годы на заводе спроектировали паровоз типа 1–5–0. Этот локомотив имел ту же колёсную формулу, что была у самого распространённого до войны паровоза СО. Но новая машина превосходила его по скорости и мощности.

Народный комиссариат путей сообщения одобрил технический проект паровоза, и на заводе приступили к изготовлению опытного образца. Мало кто знал, что за эти месяцы пришлось испытать и пережить главному конструктору. Один лишь яркий пример. Нагрузка на ось нового локомотива оказалась 18,2 тонны вместо заказанной правительством в 18 тонн. Такие расхождения с заданием в то время из технических вопросов могли очень быстро перерасти в политические, и нашлись чиновники, которые попытались обвинить главного конструктора чуть ли не во вредительстве. Л. С. Лебединского не раз вызывали в Москву, в том числе и в грозное учреждение — в НКВД, но делу хода не дали: Лев Сергеевич сумел доказать всю абсурдность обвинения.

В конце сентября 1945 года был построен первый опытный образец паровоза с заводским индексом П32. Конструкторы назвали новую машину гордым именем «Победа», имея в виду в первую очередь, конечно, Великую Победу, одержанную нашей страной над фашистской Германией, но этот локомотив являл собой ещё одну победу — техническую. Паровоз «Победа» при мощности 2200 лошадиных сил развивал скорость 80 километров в час, был экономичнее всех ранее созданных советских товарных паровозов на 12–15 процентов. «Победа» водила составы почти такого же веса, как самый мощный паровоз довоенного выпуска ФД, но новый локомотив был на 22 процента легче «Феликса Дзержинского».

Хорошее, правильное имя было дано новому локомотиву. Но правительство страны рассудило иначе и присвоило паровозу 1–5–0 «Победа» серию Л — по начальной букве фамилии главного конструктора. Это был беспрецедентный случай в отечественной истории. В авиационной промышленности серии называли в честь генеральных конструкторов: Ту, Як, Ил, Пе, Ан. А вот в паровозостроении подобного ещё не было, да к тому же серия пошла в честь главного конструктора, а не генерального. Но нередко можно было слышать, что называли Льва Сергеевича Лебединского генеральным конструктором паровозов. И эти люди были недалеко от истины. Хотя и не существовало в локомотивостроении у конструкторов такой должности официально, но многие, именуя Лебединского генеральным, давали тем самым объективную оценку того значимого вклада, который он внёс в создание паровозов, тепловозов и газотурбовозов.

Локомотив серии Л стал самым массовым грузовым советским паровозом. За 7 лет его серийного выпуска на трёх заводах: Коломенском, Брянском и Ворошиловградском — построили более 5 тысяч экземпляров. Эти

паровозы сыграли решающую роль в железнодорожных перевозках в послевоенные годы. Железнодорожники любовно называли их «лебедайки».

Заслуги Льва Сергеевича Лебедянского были высоко оценены. Ему присвоили высокое звание в железнодорожном транспорте — генерал-директор тяги II ранга. Наградили орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, несколькими медалями. За создание паровоза «Победа» удостоили звания лауреата Сталинской премии. Его дважды награждали значком «Почётный железнодорожник».

После смерти Л. С. Лебедянского руководство Коломны и тепловозостроительного завода достойным образом увековечило имя заслуженного горожанина. 15 мая 1982 года на фасаде дома № 330 по улице Октябрьской революции была открыта мемориальная доска. А 28 октября 1998 года мемориальную доску открыли на здании заводоуправления ОАО ХК «Коломенский завод». По решению исполкома горсовета от улицы Октябрьской революции к железнодорожному переезду проложили бульвар Лебедянского, и в построенных там многоэтажных домах живут семьи тепловозостроителей. На этом же бульваре 23 июня 1989 года на пьедестале установили красавец-паровоз «Победа» под номером 0012. На торцевой части пьедестала укреплена памятная доска, сообщающая: «Грузовой паровоз серии Л мощностью 2200 л.с. построен на Коломзаводе в 1946 году. Гл. конструктор — Л. С. Лебедянский. Памятник науки и техники, охраняется государством. (Сертификат 391)».

Коллектив локомотивостроителей Лев Сергеевич возглавлял 23 года.

За время работы на заводе Л. С. Лебедянскому удалось сделать очень много. Даже сухой перечень машин, в создании которых он принимал участие, свидетельствует о недюжинных способностях и огромном вкладе в развитие отечественного локомотивостроения: паровозы серий Су, Сум, ФД, ИС, 2–3–2К, 5П, 9П, ЭР, Л. ОР»№ , ПЗ4, ПЗ6, ПЗ8, тендер-конденсатор к паровозу серии СО-19, бустер, теплопаровоз ТП1–1, тепловозы серий ТЭ50, ТЭП60, ТГП50, газотурбовозы Г1 и ГП1. А кроме этого он занимался разработкой проектов и работ по модернизации локомотивов, которые выпускались серийно. Титанический, гигантский труд! Труд, который стал делом всей его жизни.

Никогда не изгладится из памяти человечества подвиг, который 12 апреля 1961 года совершил Юрий Алексеевич Гагарин, первым в мире полетевший в космос. С того времени сотни отважных людей продолжили исследование космического пространства. Коломенцам приятно сознавать, что в когорте космонавтов есть и наш земляк — **Михаил Владиславович Тюрин**.

Он родился в Коломне 2 марта 1960 года в семье выпускницы Коломенского педагогического института Алевтины Фёдоровны Тюриной и офицера-ракетчика, командира взвода Коломенского артиллерийского училища Владислава Николаевича Тюрина.

После окончания Московского авиационного института Михаил Тюрин десять лет работал на закрытом предприятии — в научно-производственном объединении «Энергия».

Качественно новым витком в судьбе М. В. Тюрина стало его зачисление в отряд космонавтов. Четыре года он готовился к полёту в космос.

И трудился там точно так же, как работал и раньше, инженером, с полной отдачей, постигая всё, что может пригодиться в полёте.

Ждать звёздного часа М. В. Тюрину пришлось почти четыре года. Этот час наступил 10 августа 2001 года. До 17 декабря 2001 года Михаил Владиславович выполнял работу в составе основной международной экспедиции на Международной космической станции. В ходе полёта для проведения работ трижды выходил в открытый космос (в сумме на 13 часов 36 минут). Во время второго космического полёта провёл на околоземной орбите 215 суток. Вместе с другими членами экипажа МКС-14 много времени и сил уделил поддержанию работоспособности станции, без срывов нёс космическую вахту, успешно выполнил запланированные эксперименты.

Спустя некоторое время М. В. Тюрин совершил третий полёт в космос. И вновь блестяще справился с возложенными на него обязанностями.

Лётчик-космонавт РФ Михаил Владиславович Тюрин за мужество и героизм удостоен звания Героя России. Он награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени, медалью НАСА «За выдающиеся заслуги». Отметим наградой Михаила Владиславовича и в родном городе. Ему вручены удостоверение и знак почётного гражданина Коломны. Достойная награда человеку, прославившему родной город.

Лётчик-космонавт М. В. Тюрин продолжает заниматься работой, ставшей частью его жизни.

Закончено краткое повествование о самых достойных людях нашего города. И перед мысленным взором возник групповой портрет людей, которыми Коломна гордится, которых любит и чтит. За их заслуги перед городом, перед Россией.

Подумалось, как жаль, что отведённая под публикацию площадь не позволяет, не даёт возможности рассказать о других, не менее достойных земляках, чьи дела, служение Отечеству по заслугам высоко оценены обществом, государством. А их сотни.

Будущим поколениям горожан есть с кого брать пример, на кого равняться в жизни.

Уверен, время внесёт в список блестящих имён коломенцев ещё многих земляков.

Лилия Нисоновна Соза родилась в Коломне. В 1993 году окончила исторический факультет Коломенского педагогического института. С 1998 года работает в КГПИ (ныне Государственном социально-гуманитарном университете), где последовательно занимала должности старшего лаборанта, ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Коломна как тип уездного промышленного города второй трети XIX — начала XX века». В настоящее время — доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ГСГУ. Кандидат исторических наук.

Лилия Нисоновна Соза — лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2012 года, автор 38 научных и научно-методических работ. Среди них — монография «Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу» (2012).

Краеведческий очерк

«ПРИШЁЛ ФОНАРЩИК С ЛЕСТНИЦЕЙ...»

«...Чтобы нашим городам выйти из того состояния стихийности и хаоса, в котором в настоящее время находится дело их роста и расширения, нужно, чтобы эту стихийность сменила рациональная и планомерная работа... Города должны дать людям здоровый приют, удобную жизнь, а также и красоту, ибо красота города воспитывает, поднимает дух, повышает интеллект».

М. Г. Диканский. «Постройка городов, их план и красота». 1915 г.

Современная вечерняя Коломна — один из самых освещённых городов Московской области. Проходя по ночным улицам города под множеством ярких фонарей, мимо зданий с разноцветной подсветкой, трудно себе представить, что ещё до XIX века в Коломне не существовало централизованного освещения проезжих частей, а с наступлением сумерек улицы города пустели и становились весьма небезопасными. Припозднившийся прохожий легко мог стать жертвой «недобрых людей» или просто покалечиться ввиду того, что мостовые представляли собой достаточно плачевное зрелище.

Заметим, что такая картина не была приметой исключительно коломенского быта. И неудивительно, что создание полноценного светового оформления

*Керосиновый фонарь.
Фото начала XX века*

улиц и площадей было одним из признаков благоустройства любого города XIX века, а укрепленные на столбах фонари становились неперменным атрибутом городской среды. По точному замечанию русского и советского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского, «искусственное освещение — это важнейший признак благоустройства: городская уличная и фабричная жизнь не может обходиться без него ночью, тогда как земледельческие селения спят ночью сном праведных».

Напомним читателю, что первые фонари загорелись в России на улицах Санкт-Петербурга в начале

XVIII века. В Москве же уличное освещение было устроено в декабре 1730 года во время пребывания здесь императрицы Анны Иоанновны. Это были масляные фонари. Постепенно в первой половине XIX века уличным освещением обзаводились и провинциальные города, в том числе и уездная Коломна (к сожалению, пока не выяснено, когда здесь появилось уличное освещение). Город обычно освещался в вечернее время с августа по апрель, т.е. осенью и зимой. Зажигать по вечерам фонари на улицах входило в обязанности в первую очередь фонарщиков (иногда это делали и пожарные). Образ такого фонарщика можно мельком увидеть в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»:

Пришёл фонарщик с лестницей,
Два тусклых фонаря на площади задул.

Достоверно известно, что в середине XIX века Коломна освещалась 30-ю масляными фонарями, которые зажигались только на центральных улицах. Масляный фонарь был достаточно дешёвым видом освещения, а устройство его было простейшим: в стеклянном фонаре, установленном на полосатом столбе, помещалась жестяная лампа с конопляным маслом и нитяным фитилём. Сила света такого фонаря составляла 1–2 свечи, и освещал он лишь малую территорию вокруг собственного столба.

Свою симпатию к этому источнику света И. И. Лажечников выразил в произведении «Беленькие, чёрненькие и серенькие» словами одного из героев: «Что ж делать, я имею слабость к зелёному фонарному маслу (конопляное масло имеет зелёный цвет — Л. С.). Зелёное масло, особенно когда оно горит á petit jour, производит на меня какое-то магическое действие. Вы не поверите? Право, не шучу».

Однако масляные фонари имели существенные издержки. Они гасли задолго до полуночи, и потому, что на ночь для такого светильника полагалось 24 золотника (1 золотник = 4,266 грамма) конопляного масла, которого хватало на несколько часов, так и в связи с воровством этого съедобного горючего материала — фонарщики добавляли масло в кашу (чтобы принудить последних использовать масло по прямому назначению, в него начали добавлять керосин). Кроме того, масло могло вытекать из фонаря, и прохожие нередко рисковали быть испачканными. Не случайно Н. В. Гоголь в «Невском проспекте» советовал читателю опасаться масляных фонарей: «...И скорее, сколько можно скорее проходите мимо. Это счастье ещё, если отделаетесь тем, что он залёт щегольской сюртук ваш вонючим маслом».

Однако уже в 60-х годах XIX века наряду с масляными фонарями в городах стали использоваться керосиновые. В 1864 году подряд на установку в Москве более двух тысяч керосиновых светильников взял француз Ф. Боаталь. По примеру Москвы керосиновые фонари, в стеклянной колбе которых помещалась керосиновая лампа, постепенно появились и на улицах провинциальных городов. Новые фонари, конечно, превосходили масляные по силе света: в 1880-х годах в основном применялись 14-линейные горелки, дающие силу света около двенадцати свечей. По вечерам фонарщики с лестницами обходили улицы, чистили стёкла фонарей и заливали керосин в лампы.

Об общественной значимости уличного освещения свидетельствует включение сюжета о фонарщике в школьные учебники по арифметике, где приводилась следующая задача: «Фонарщик зажигает фонари на городской улице, перебегая от одной панели к другой. Длина улицы — верста триста сажень, ширина — двадцать сажень. Расстояние между соседними фонарями — сорок сажень, скорость фонарщика — двадцать сажень в минуту. Спрашивается, за сколько времени он выполнит свою работу?».

Возрастание численности городского населения во второй половине XIX века и превращение городов в центры развивающейся промышленности и торговли формировали новые требования к благоустройству, бытовому комфорту, культуре досуга и времяпровождения. В немалой степени влиял пример столиц, ближайших губернских или крупных индустриальных городов. Для уездной Коломны таким примером была Москва.

На основании «Городового положения» 1870 года наблюдение за благоустройством города возлагалось на Городскую Думу. Как известно, благоустроительные работы являлись весьма затратными и требовали соответствующего финансового обеспечения. Ежегодно в бюджет Коломны вносились расходы, связанные с благоустройством, которые шли не только на содержание и ремонт мостовых и тротуаров, набережных и площадей, бульваров и общественных садов, ремонт мостов и переправ, но и на нужды городского освещения. А затраты эти оказались весьма велики — на содержание освещения отводили в среднем 49% финансирования благоустройства. Ассигнуемые средства употреблялись на покупку горелок, ламповых стёкол, фонарных столбов и покраску их, ремонт светильников, на оплату труда служащих.

В результате усилий городских властей к исходу века на улицах Коломны количество уличных фонарей возросло в 6 раз: в 1890 году их насчитывалось уже 200 (масляных и керосиновых); причём источники освещения изменились не только количественно, но и качественно — начали

использоваться газовые (фотогенные) и керосинокалильные, дававшие более яркое освещение.

Газовые фонари представляли собой невысокие столбы с гранёным стеклянным верхом, внутри которого помещалась газовая горелка, не гаснувшая даже днём. Фонарщик при помощи длинной палки с крючком только расширял или сужал отверстие горелки, регулируя таким образом поступление газа. Но простой газовый рожок давал света не больше, чем керосиновый фонарь. Поэтому более дорогое газовое освещение в городском хозяйстве не имело широкого распространения и долгое время проигрывало керосиновому. Даже в Москве, где общее число уличных фонарей насчитывало около 23 тысяч, газовых было не более 9 тысяч, электрических всего 200, а остальные керосиновые.

Усовершенствование керосинового фонаря привело к появлению керосинокалильного, в котором источником света служил раскаляемый керосиновыми парами сетчатый колпачок, покрытый солями металла. При всех достоинствах такие светильники были неудобны в эксплуатации: их надо было, как примус, накачивать, они сильно шумели при горении, а колпачки быстро прогорали. Тем не менее подобные светильники исчезли с улиц городов только в начале 1930-х годов.

А как же в начале XX века обстояло дело с уличным освещением в Коломне и других городах Московской губернии? В 1910 году Коломну освещало 288 фонарей, Серпухов — 270, Богородск — 187, Дмитров — 196, Бронницы — 84. В небольших городах Можайске и Верее на улицах горело всего-навсего 17 и 5 соответственно источников искусственного освещения. Но Коломна превосходила другие уездные центры не только по количеству фонарей, но, что важно, и по степени освещённости. Поясним: степень освещённости определялась с помощью показателя площади (количества кв. саж. улиц), приходившейся на один фонарь. И здесь существовала обратная зависимость: чем меньше показатель, тем большей освещённостью обладал населённый пункт. В Коломне данный показатель составлял 33,2, Серпухове — 61, Бронницах — 89,3, Можайске — 470,6, Верее — 2650 кв. сажень улиц.

Вместе с тем необходимо учесть, что и в Коломне освещались в основном центральные улицы в противоположность городским окраинам. Да и сами фонари далеко не всегда были исправны. Весьма показательным является прошение смотрителя К. Клокова в городскую управу (кстати, отклонённое) о ремонте городских фонарей, находившихся в совершенной ветхости, лампы которых «постоянно гасли во время ветров и в ненастную погоду». Скорее всего, такие обращения смотрителя были не единичными.

Жители городских окраин, Запрудной и Митяевской слобод, постоянно жаловались на недостаточное освещение. Так, в 1910 году домовладельцы Запрудной слободы обращались с прошением в управу об устройстве здесь мостовых и освещения, на что получили ответ, что в Запрудной слободе уже поставлен керосинокалильный фонарь и будут изыскиваться дополнительные средства. Подобные прошения об устройстве освещения поступали и от жителей Митяевской слободы. Сами городские власти признавали необходимость проведения благоустроительных работ по улучшению городского освещения. В докладной записке городского головы в МВД по ходатайству о выделении города Коломны в особую земскую единицу указывалось, что

при значительной задолженности город лишён возможности удовлетворять самые насущные потребности, в т.ч. для улучшения городского освещения, находящегося в неудовлетворительном состоянии. Подобная ситуация была характерна для многих провинциальных городов: в конце XIX века без освещения вообще оставались 59 городов империи, что соответствовало 14% общего количества.

В конце XIX — начале XX века для всех российских городов актуальной становится организация электрического освещения, которое по многим показателям превосходило керосиновое. Как известно, в 1876 году в Париже русский изобретатель П. Н. Яблочков получил патент на новый вид электрического освещения, получивший название «русский свет». И уже в 80-е годы XIX века «свечи Яблочкова» появились в Москве и других в первую очередь крупных городах России. Однако излучатель в лампочке накаливания вначале изготавливался не из тугоплавкого металла, как сейчас, а из угля. Правда, угольные стержни довольно быстро перегорали и требовали замены, а при горении издавали неприятное шипение. Известный русский писатель А. И. Куприн в рассказе «В цирке» так описывал подобный источник света: «Слышалось только однотонное, жалобное шипение углей в электрических фонарях... Угли в фонарях тянули всё ту же жалобную однообразную ноту».

В Коломне тема электрификации наружного и внутридомового освещения впервые была обозначена в 1912 году, когда в Городскую Думу поступило заявление инженеров С. И. Лаптева и Н. Н. Астафьева. Они предлагали передать им в концессию сроком на 35 лет устройство и содержание электрического освещения улиц, причём за электрификацию предполагали взимать с города 6 тысяч рублей в год, увеличивая освещение городских улиц на 20%. Запрашиваемая цена тока составляла 25 копеек за киловатт для освещения улиц и 35 копеек — для частных помещений. Изначально Управа признала предложение Лаптева и Астахова приемлемыми, так как освещение города керосином с материалом и прислужкой обходилось городу в 1911 году 5390 рублей, из которых расход на керосин составлял 2765 рублей, ремонт фонарей — 888 рублей и на фонарищиков 2216 рублей. Большой расход на фонарищиков объясняется тем, что их функции выполняли городские пожарные и на освещение улиц Управа относилась часть расходов по содержанию пожарной команды.

Для квалифицированного рассмотрения этого предложения Думой была создана электропроводная комиссия во главе с председателем инженером А. Корейво и видными городскими деятелями (всего 11 человек),

Маковский Владимир Егорович. «На бульваре». 1886 г.

в т.ч. с А. Морковкиным, М. Ламтевым, В. И. Быковым, И. Кочергиным, А. Архангельским и др. По делу об электроснабжении городская Дума поручила комиссии также составление сметы на устройство центральной станции с сетью проводов. Исследовав все обстоятельства предложения, комиссия указала на относительную скудость городского бюджета и, следовательно, на необходимость соблюдения экономии в ведении городского хозяйства, а также на «невозможность допущения неоправданных расходов». Электроснабжение признавалось комиссией предприятием не неизбежным и не необходимым для удовлетворения насущных потребностей городского населения, для чего были приведены следующие аргументы: «для идущих и едущих по улицам важна яркость освещения, а не источник света; для пользующихся водопроводом безразлично, чем и как подаётся вода в разборные краны, лишь бы она подавалась; расходы, связанные с освещением торговых и жилых помещений в частном обиходе, не должны покрываться из общегородских средств». Одновременно комиссия признавала гигиеническое значение электрического освещения в лечебницах, мастерских, полезным и для мелкой промышленности.

Комиссия в итоге признала необходимым при решении вопроса руководствоваться следующими требованиями: электроснабжение не может служить ни прямой, ни косвенной причиной увеличения городских расходов; электроснабжение должно явиться источником доходов для городского хозяйства; цену тока желательно свести до наименьших размеров и сделать доступной для применения его в мелкой промышленности к электромоторам. К тому же концессионеры должны предоставить городу возмещение, соответствующее значению приобретаемых ими прав. Рассмотрев предложения Лаптева и Астафьева, комиссия пришла к выводу, что они не удовлетворяют ни одному из вышеприведённых условий, поскольку

Памятник фонарищику в С.-Петербурге

ведут к увеличению существующих расходов на освещение в 2 раза. Столь высокая плата явилась бы дорогим удовольствием для города и малодоступной для частных лиц. Не устраивал городские власти длительный срок концессии, поскольку концессионеры «получают от города в 35-летнее пользование участок земли безвозмездно», в силу чего срок не должен был превышать 20 лет. Поэтому комиссия отложила рассмотрение данного вопроса, рассчитывая, что концессионеры учтут пожелания городских властей и внесут изменения в проект.

Однако в новом заявлении Лаптев и Астафьев лишь обосновывали предлагаемый тариф, утверждая, что освещённость улиц увеличится на 60%. Поэтому комиссия выдвинула встречное предложение о снижении платы за ток для городских нужд до 20 копеек за первые 70000 киловатт, а свыше — до 10 копеек, тариф для частных абонентов не должен превышать 30 копеек. Помимо этого, концессионеры должны были (кроме устройства и содержания освещения улиц) осуществлять наблюдение, уход и ремонт насосной станции. К тому же, по мнению комиссии, срок концессии следует ограничить 20 годами, по истечении которых «всё предприятие» переходило в собственность города. В целом же комиссия полагала, что электроснабжение Коломны необходимо осуществлять средствами самого города, сооружение которого обошлось бы в 120 тысяч рублей, а с учётом ежегодной экономии затраты были бы погашены в течение 20 лет (городу требовалось для освещения улиц около 24000 киловатт, для водопровода 46000 киловатт и для 1200 ламп городских и общественных учреждений около 3000 киловатт, а всего 100000 киловатт). Споры вокруг цен и условий контракта затянулись на несколько лет, и до начала Первой мировой войны электрическое освещение в Коломне так и не было введено.

Пока Управа была занята изысканием средств для освещения города, в том числе привычным способом (керосинокалильными фонарями), местные предприниматели начали внедрять на своих предприятиях электротехнические новинки. Электролампами освещались территория и цехи шёлкокрутильной фабрики К. Ангилери, электрифицирован был и Коломенский машиностроительный завод А. Струве (здесь освещались не только производственные корпуса и территория, но и фабричное село Боброво). Поэтому правление завода, информируя власти о степени благоустройства села (фактически рабочего посёлка), с удовлетворением сообщало, что «все улицы, входящие в район завода, содержались в ис-

правности и большинство из них были мощёные, освещавшиеся средствами и за счёт завода в большинстве электричеством». Такое «первенство» производителей в применении качественно нового освещения было характерно для промышленных городов губернии: в Серпухове (на фабриках Коншина) и на текстильных фабриках Богородска.

К сожалению, общегородское электрическое освещение оставалось недостижимой роскошью не только для Коломны, но и для подавляющей части российских городов. Накануне Первой мировой войны в 96,2% городов горели керосиновые фонари, и лишь в 15,2% одновременно использовались электрические, а в 13,5% — газовые. К тому же во многих городах фонарные столбы стояли только на главных улицах и площадях.

Бурные события революции 1917 года и Гражданской войны отодвинули электрификацию российских городов до 1920-х годов. То же происходило и в Коломне, хотя здесь работы по электрификации начались несколько ранее — с 1919 года. И ещё долго по вечерам на городских улицах маячили фонарщики с лесенками за плечами, торопливо перебегавшие от фонаря к фонарю...

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

Президент РФ Владимир Путин подписал указ о праздновании 200-летия со дня рождения Фёдора Достоевского в 2021 году.

В документе, опубликованном на официальном портале правовой информации, отмечается выдающийся вклад Достоевского в отечественную и мировую культуру.

«Учитывая выдающийся вклад Ф. М. Достоевского в отечественную и мировую культуру и в связи с исполняющимся в 2021 году 200-летием со дня рождения: постановляю принять предложение правительства Российской Федерации о праздновании в 2021 году 200-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского», — говорится в тексте указа.

Правительству поручено создать оргкомитет по подготовке и проведению празднования, а также разработать и утвердить план основных мероприятий.

Александр Руднев

ТРИ ДНЯ В КОЛОМНЕ

Памяти Олега Михайлова,
трагически погибшего во время пожара
на переделкинской даче в ночь
с 8 на 9 мая 2013 г.

Александр Петрович Руднев родился в Коломне 28 февраля 1953 года в семье вузовских преподавателей — филологов. В 1975 г. окончил филологический факультет Коломенского пединститута, затем аспирантуру факультета журналистики МГУ, где в 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Леонид Андреев — публицист и литературно-художественный критик: проблематика, стиль». Автор более 165 научных, литературно-критических и публицистических статей, рецензий, очерков, вступительных статей и комментариев в различных изданиях, как научных, так и массовых. Печатался в российских литературных журналах. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» 2008 года. Награждён медалями «За верное служение отечественной литературе», медалями А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, а также медалью Лермонтова от фракции КППРФ Государственной Думы.

Член Союза писателей России (Московской городской организации) с 2003 года. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Литературного фонда России.

Рассказ

Было около пяти часов пополудни 9 сентября (28 августа по старому стилю) 1917 года. Стоял чудесный тёплый день бабьего лета. По платформе, которую нещадно жгло совсем ещё летнее солнце, мимо выстроившихся вдоль неё фонарных столбов станционного здания с покосившимися буквами «Коломна» прохаживался дежурный унтер-офицер и зевал от непролазной скуки. Шашка, висевшая у него на боку, всякий раз брэнчала, когда он двигался взад-вперёд. В ближайшей, хорошо видной от станции церкви Богоявления — бело-голубоватого цвета, очень уездной купеческой архитектуры — зазвонили к вечерне. Благовест разливался по округе, смешиваясь со звуками железной дороги да ближайших улиц и домов города.

С минуты на минуту должен был прийти московский поезд, но что-то запаздывал. Наконец, со стороны моста через Москву-реку послышался свисток паровоза, потом показался сам локомотив, и состав из синих, красных и зелёных вагонов медленно проплыл вдоль платформы и остановился.

Унтер-офицер одёрнул китель, подтянулся, пошёл навстречу пассажирам. Его внимание тут же привлёк высокий, довольно упитанный молодой человек с надменным выражением лица, явно из благородных, в светлом летнем пальто и шляпе. В одной руке господин держал

дорожный саквояж, другой опирался на трость. Унтер-офицер выпрямился, точно как «на караул», и взял под козырёк. Однако приезжий не обратил ни на него, ни на его приветствие ровным счётом никакого внимания. Он не спеша, с достоинством направился к стоявшим в ряд извозчичьим пролёткам.

— Куда прикажете, барин? — спросил извозчик с плутоватыми глазами, молодой малый из ближайшей деревни Пески.

— Полянская, дом Вогау, против Сазоновского сада, — довольно высоким, резковатым голосом ответил господин, взбираясь на сиденье пролётки.

— Понимаем-с, мигом доставим-с, — извозчик натянул вожжи, причмокнул на лошадь.

И пролётка, подпрыгивая на ухабах, двинулась по немощёной улице, щедро удобренной конским навозом, мимо обывательских домишек. Над заборами тянулись на улицу ветви яблоневых деревьев, обросшие красными и жёлтыми крепкими яблоками. Стоял густой, терпкий фруктовый аромат. А перед домишками в палисадниках горели разноцветные астры, и повсюду цвели «золотые шары».

Ехать оказалось совсем недалеко. Пролётка остановилась возле низенького домика в четыре окна, перед которым тоже желтели «золотые шары».

— На, возьми, братец, детишкам на молочишко, — сказал господин, подавая извозчику красненькую бумажку¹.

— Премного благодарны-с, барин, ваше благородие. Дай вам Бог доброго здоровья, — ответил извозчик, и порожняя пролётка тут же покатила обратно в сторону станции.

Приехавший в Коломну господин был не кто иной, как граф Алексей Николаевич Толстой, довольно известный уже тогда писатель, издавший два собрания сочинений. Граф решил навестить своего знакомого, совсем молодого, 23-летнего, литератора Бориса Вогау, который, начав печататься в 1914 году, когда уже шла война, сменил немецкую фамилию в редакциях, куда он пристраивал свои рассказы (её не хотели ни видеть, ни слышать) на псевдоним Пильняк, навсегда ставший его литературным именем.

Дверь с начищенной медной ручкой отворилась, и из дома выбежал сам Борис — высокий, рыжий, в очках, в домашних туфлях.

— Алексей Николаевич! Дорогой! — закричал Вогау, бросившись к гостю в объятия и несколько раз чмокнув его в пахнущую дорогом одеколоном выбритую щёку. — Как я тебе рад, милый ты мой! Как счастлив, что ты, наконец, выбрался, не побрезговал, в наше уездное захолустье! Посидим, выпьем, закусим, чем Бог послал — времена нынче трудные, побродим по нашему древнему Колымен-граду, здесь ведь столько всякой старины!

— Тоже рад тебя видеть, Борис! — ответил Алексей Толстой. — Ну, что же, веди меня в дом, знакомь со своей благоверной, а дочь у тебя, кажется, ровесница моему Никите.

— Наташка у меня прелесть! — громко воскликнул Пильняк.

— А если бы ты видел моего Никиту! Это такое чудо, чистый ангел. Это наша гордость с Наташей. Она, кстати, велела тебе кланяться².

¹ Красненькая — это было десять рублей. Большая сумма за поездку на извозчике. Но во время Мировой войны деньги стремительно обесценивались.

² Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая (1888–1963), в первом браке Волькенштейн, была женой Алексея Толстого до 1935 года.

И так они оба не могли нахвалиться своими крошками — детьми, ровесниками, пока не вошли во всегда так называемый в провинции «зал» — чистую комнату с низким потолком, где в кадке красовался огромный фикус, а на двух подоконниках — всенепременные горшки с геранями. На столе стояли нехитрые угощения. Через минуту в комнату вошла строгая на вид, не улыбкающая женщина, выглядевшая явно старше своего молоденького мужа (так оно и было на самом деле), державшая на руках совсем маленькую девчушку, которая при виде незнакомца громко разревелась.

— Рекомендую — моя благоверная, Мария Алексеевна, доктор, вылечила меня от флегмоны, когда я уже почти собрался было отправиться туда, где «несть ни печали, ни воздыхания».

Мария Алексеевна подала гостю руку, которую тот, церемонно поклонившись, поцеловал, и пригласила к столу. Из русской печки в это время доносился прелестный запах домашних пирогов. За рюмкой бережливой на особый случай полынной настойки, за пирогами, студнем, огурчиками, отменно вкусными щами потекла неторопливая беседа о московских литературных новостях и событиях и о чём угодно ещё, затянувшаяся допоздна. Оба писателя никак не могли досыта наговориться. А любопытные соседи, между тем, пытались зайти поглазеть на важного московского гостя.

Алексей Толстой поведал своему знакомому об инциденте, недавно произошедшем в товариществе «Книгоиздательство писателей в Москве». Вересаев, «античный Вересаеша», как он его называл, при выборах пайщиков издательства проголосовал против принятия в их число Леонида Андреева как представителя чуждого — и ему, как он полагал, и издательству — модернистского направления в литературе, отстаивая «чистый», незамутнённый ничем правозерный реализм в духе доброго старого времени. — Уж очень он заважничал (Андреев — *А. Р.*), фу-ты, ну-ты. Богатый, деньги лопатой загребаёт, роскошная дача в Финляндии, на Карельском перешейке, яхта, на которой он совершает морские путешествия, иногда одеваясь в костюм морского пирата — такой вот «театр для себя», как говаривает милейший Николай Николаевич Евреинов, но какой-то он всё же несчастный. Приглашал сотрудничать в газету «Заря»³, но я уклонился от такой чести. Почти все отказались, кому он разослал приглашения, за исключением, разве что, Куприна, который когда-то морду ему набил...⁴

³ Газета, более известная под названием «Русская воля», издававшаяся в Петрограде с конца 1916 года и упразднённая после Октябрьской революции. Выходила на средства министра внутренних дел и шефа жандармов А. Д. Протопопова при содействии крупных банковских воротил. Ходили слухи, что в финансировании газеты участвовало правительство Вильгельма II. Леонид Андреев возглавлял в ней литературно-театральную часть и был фактически её редактором. В «Русской воле» менее чем в течение года было опубликовано около сотни его художественных и публицистических произведений. Наивный Л. Андреев не совсем понимал, что газета имеет дурную по понятиям того времени репутацию правительственного официоза. В ней, кроме самого Андреева, печатались врач и художественный критик С. С. Голоушев (С. Глаголь), давний его приятель, А. М. Амфитеатров, А. Куприн подписал договор, но так ничего в газету и не дал.

⁴ Имеется в виду инцидент, происшедший в ноябре 1911 года в Петербурге, на Коломенской улице, на квартире актёра Н. Н. Ходотова, когда между сильно выпившими Л. Андреевым и А. И. Куприным вспыхнула грубая ссора, закончившаяся дракой. Об этом тогда много писали, в основном в «жёлтых» газетах.

— Ну, а как поживает наш портной — Белоусов⁵? — спросил Пильняк.
— Да поживает помаленьку. Он, кажется, спелся с Телешовым и Се-
рафимовичем...

— А скажи, Алексей Николаевич, — доверительно обратился к нему Пильняк, — чем ты последнее время занимался, что вышло из-под твоего пера, чем порадовал читателей и поклонников?

— Да вот собираюсь написать одну вещицу — рассказ «День Петра»⁶. Эта эпоха занимает, пожалуй, более всего. Именно тогда завязывались русская государственность и русский характер. Хотя, впрочем, русский характер формировался значительно раньше, наверное. Зреет мысль написать также что-то из эпохи Смутного времени. Вот этим-то мне и любопытна Коломна. Именно здесь происходили стародавние события.

— Ну вот, завтра отправимся на прогулку, и я всё тебе покажу и расскажу, как умею. А тема Петра и меня очень даже интересует. Хочу написать, как этот первый пьяница, грязный сифилитик и мерзопакостник, кошунствовавший над Евангелием и спроектировавший в Дудергофе, недалеко от Стрельны, канал в виде детородного органа со всеми причиндалами, оказался всё же великим реформатором. Не знаю пока, что выйдет⁷.

— Да, а недавно, — перебил Толстой, — встретил я на Тверском бульваре драматурга Мусина-Пушкина, помешавшегося на своём якобы высокородном происхождении. Я его окликнул: «Эй, отпрыск, куда идти потрафляешь?» Он так злобно посмотрел, обернувшись, весь ощерился. А прохожие, по-моему, были очень довольны, — и Толстой громко расхохотался только одному ему присущим «вкусным», утробным хохотом.

...На скрипучей кровати Толстому не спалось. В тесной комнатёнке было жарко и душно. Он охал, ворочался, выходил на крыльцо подышать свежим воздухом. Ночь была тёплая и звёздная. Только перед рассветом кое-как уснул.

Новый день выдался таким же погожим и солнечным, как накануне. «Лишь паутины тонкий волос лежит на праздной борозде», — вспомнилась Толстому тютчевская строка, когда они с Пильняком, поутру напившись чаю с домашними лепёшками, пошли по тихим улицам старинного городка, казалось, застывшего в каком-то обломовском оцепенении. Повсюду за заборами виднелись обывательские огороды с неубранной ещё картошкой, репой и всякой другой овощью.

— Жить здесь, пожалуй, спокойнее, чем в Москве, но скучища страшная, прямо-таки мертвецкая, покойницкая... Разговаривать тут вовсе не с кем — провинциальное болото, одним словом, — с нотками раздражения проговорил Пильняк.

В этот момент с ними поравнялась стайка мальчишек, которые, завидев хорошо знакомого Пильняка в обществе важного, явно приезжего господина, закричали хором и засвистали:

⁵ Иван Алексеевич Белоусов (1862–1930), поэт из народа, бывший портной, близкий к литературным собраниям Н. Д. Телешова «Среда», автор мемуаров под заглавием «Литературная среда» (1930). Пильняк хорошо его знал и в течение долгого времени переписывался с ним.

⁶ Рассказ А. Н. Толстого «День Петра» был опубликован в следующем, 1918-м году, в альманахе «Скрижаль», потом вышел и отдельным изданием.

⁷ Рассказ Пильняка на петровскую тему под заглавием «Его величество Кнеeb Piterг Komandoг» и повесть «Санкт-Питер-Бурх» были написаны в 1919 и 1921 годах в Коломне.

— Писатель идёт, писатель идёт, а с ним такой важный барин! — и собрались запустить в них камнем.

Толстой остановился, тяжело посмотрел, погрозил тростью и с недоброй усмешкой сказал:

— Ишь, сукины дети! Да-с, не сахар жить в таком захолустье, насквозь пропахшем лампадным маслом и кислой капустой и рядом с такими маленькими дикарями. Но ведь всё-таки должна же здесь быть хоть какая-то интеллигенция?

— Да, есть, конечно, кое-кто. Доктор Запольский, например, с целым выводком детей. Старшая — барышня на выданье, младшая титьку сосёт. Брушлинский. Скучнейшие гимназические педагоги. Одного из них, Ненашева, между прочим, недавно судили за растление мальчиков. Актёришки провинциальных погорелых театров, неизвестно зачем околачивающиеся здесь. Полоумные поэты, наподобие Симы Девушкина из горьковского «Городка Окурова» — помнишь такого? Им место в доме умалишённых. Инженеры на заводе Струве, надутые, как индюки. Уездные поповны, пропахшие нафталином, наярывающие на дребезжащем фортепиано «Молитву девы». Барышни из мещанок, завывающие дурными голосами «Дышала ночь восторгом сладострастья...». Вот тебе и интеллигенция! — неохотно и как-то с горечью подвёл резюме своему монологу Пильняк.

Одна из улиц рядом скученных домов спускалась вниз, к реке. Из-за поворота, где у древних крепостных ворот виднелась лавка с вывеской «Гарное масло»⁸, грохоча по булыжнику, одна за другой выехали три пролётки; в них сидели, тесно прижавшись друг к другу, до ужаса размалёванные, как куклы, девицы с подобием страусовых перьев в шляпках. Одна, увидев приезжего барина, заорала хриплым, испитым голосом:

— Здравствуйте, папашка, господин хороший! Заходите к нам, не побрезгуйте, милости просим! Меня возьмите! — и визгливо захохотала.

Захохотали и остальные девки.

— Цыц, дуры! — прикрикнул на них кучер, для острастки пригрозив кнутом.

Девицы из весёлого заведения (улица в этой её части вся сплошь состояла из домов терпимости невысокого разбора) ехали на осмотр к доктору Ольдекону.

Прошли вдоль торговых рядов и опустевшего красно-кирпичного домика. В мирное время здесь помещалась казённая винная лавка. «Казёнка», как её обычно называли. Теперь, во время войны, продажу спиртного запретили. Лавку закрыли. Но целовальник торговал водкой из-под полы.

Пильняк с Толстым вышли на площадь с высокой красивой колокольней в стиле провинциального ампира, как бы парящей над городом и окрестностями. Напротив стояло здание мебелированных комнат купца 2-й гильдии Орлова, а слева, чуть подалее, в глубине двора, виднелся старинный, уже обветшавший купеческий дом.

— Недавно я узнал, — сказал Пильняк, поправив съехавшие с носа очки, — что в этом доме в начале прошлого столетия жил Иван Лажечников, первый русский исторический романист, которого очень превозносил Белинский. В 12-м году он бежал отсюда на войну. Ослушался родителей, обманул их бдительность, сговорившись со знакомым офицером. Дослужился до офицерского чина, воевав в отряде графа Остермана-Толстого.

⁸ Лампадное масло.

— Ах ты, Господи Боже мой! — рассмеялся Толстой. — Тогда бежали на войну, теперь, наоборот, бегут оттуда. Прямо как у Лермонтова. Помнишь из «Беглеца»: «Гарун бежал быстрее лани».

И тут же, посерьёзнев, добавил:

— Лажечникова не люблю — плохой Вальтер Скотт.

Пильняку было необходимо куда-то ненадолго отлучиться по срочному делу. Договорились, что Толстой обратно вернётся один. Борис принёс извинения.

Опираясь на трость, Алексей Николаевич медленно зашагал по главной городской улице — Астраханской: по ней проходил тракт на Астрахань, туда, где возвышался остаток древней крепостной стены, весь как бы облепленный мешанскими домишками, лавками, лабазами. Угловая башня крепости, как сообщил Пильняк, именовалась в городе башней Марины Мнишек. Существовало устойчивое предание, что в ней во время Смуты была заточена знаменитая красавица-полячка, а что было с ней потом, никто в точности не знал. Один из историков специально исследовал этот вопрос, написав целую книжку. Но истина, однако, не восторжествовала.

Толстой остановился. На мгновение прикрыл глаза. И вдруг ему, прямо как галлюцинация, совершенно ясно и отчётливо представился этот городок, каким он был в XVI веке. Осадный Государев двор, полки стрельцов, которые затем, по окончании военных действий, в числе «с полсотни» жили здесь, на Посаде, «среди пуста, бурьяна и заколоченных лавок», галок и ворон, копошившихся на сгнившей кровле тогда ещё деревянной крепостной стены. И как в закрытом возке тайно привезли сюда польскую шляхтенку и заточили в башне. Как тут не вспомнить было Пушкина, «Бориса Годунова», знаменитую сцену «У фонтана»!

— Да, — очнулся Толстой, — вот об этом стоило бы написать. А вот интересно, бывал ли в Коломне Пушкин? Надо спросить у Бориса⁹.

Затем он поднялся на пригорок, где в перспективе улицы виднелся пятиглавый собор, монастырские постройки. Свернул налево и вышел на высокий берег Москвы-реки. Здесь на месте древнего земляного вала было нечто вроде городского бульвара под названием «Блюдечко». Народу, гулявшего в это время, не видно было никого. Толстой присел на шаткую скамейку, посмотрел на реку, несущую свои древние воды в протекавшую в трёх верстах Оку, на сверкающий зелеными луг за рекой и видневшийся почти на горизонте древний монастырь, окружённый лесом.

Ему вспомнилась Самара 1890-х годов, скучная, пыльная, с городовым на перекрёстке, жёсткие усищи которого «овевались запахом мешанских пирогов». Так Толстой впоследствии напишет в одной из своих автобиографий. Вспомнил матушку Александру Леонтьевну Бостром, умершую в 1906 году от скоротечного менингита... И так стало больно, горько и тяжело на душе.

Посидев немного ещё, он направился к собору, где начиналась служба. Только что вышел из алтаря священник, протоиерей Никольский, и провозгласил: «Слава в Вышних Богу, и на небеси, и на земли, и в человецех благоволение», осенил крестным знаменем прихожан. Толстой постоял, приложился к образу Богоматери. Поставил две свечи: одну за упокой души рабы Божьей Алек-

⁹ Достоверно известно, что А. С. Пушкин в Коломне не бывал, несмотря на измышления современных краеведов и ошибку, сделанную И. С. Соколовым-Микитовым в рассказе «Ава».

сандры, а другую — во здравие раба Божьего Алексея, своего отчима Алексея Аполлоновича Бострома, жившего где-то на хуторе в Самарской губернии, с которым он совсем потерял связь. А ведь когда-то Алексей Аполлонович воспитывал его как родного сына. Да Толстой и считался официально его сыном, вплоть до 16-летия. И только лишь после смерти своего кровного отца графа Николая Александровича Толстого унаследовал титул и знаменитую фамилию, сделавшую его некоторое время спустя «третьим Толстым» в литературе¹⁰.

Толстой уезжал в Москву, на следующее утро Пильняк с кем-то из увязавшихся за ним соседей проводил его на станцию. Поезд тронулся. Переехал мост через Москву-реку. Толстой ещё раз посмотрел на панораму города. Блестели на солнце главы многочисленных церквей. Уже слегка тронуло осеннее увядание зелень коломенских яблоневых садов. Через несколько мгновений всё это скрылось за полями и перелесками.

Вновь увидеть Коломну Толстому суждено было через очень много лет, по какой-то случайной okazji. Автору этих строк когда-то рассказал об этом словоохотливый старик, генерал-майор в отставке, шурин писателя И. С. Соколова-Микитова. Как в военном 1943 году, в начале зимы, ещё в чине полковника-артиллериста, приезжал в Коломну вместе с живым классиком, орденоносцем и неоднократным Сталинским лауреатом Алексеем Толстым с целью приобретения в Коломне какой-то легковой машины. Машина была приобретена. Они ездили на ней по городу. По всей видимости, не вполне трезвые, так как генерал вспоминал, что они очень крепко выпили тогда.

А пока в Москве, на Малой Молчановке, в доме со львами у подъезда, в просторной квартире Алексея Николаевича ждала Наталья Васильевна, красивая женщина с лучистыми глазами, вместе с полугодовалым сыном Никитой.

Впереди, уже совсем близко, на расстоянии, что называется, вытянутой руки, виднелись новые смутные времена, едва ли не страшнее тех, средневековых. Революция, разразившаяся через два с небольшим месяца, начисто перевернувшая всю привычную, устоявшуюся жизнь. Кровопролитная Гражданская война. Начавшийся в 1918 году в Москве голод, когда на дверях Елисеевского гастронома появилось злое объявление: «Продуктов нет и не будет». Затем красный террор, вследствие которого жизнь в Москве стала не только невыносимо тяжёлой, но и ежеминутно опасной. Отъезд на Украину, в Одессу, где Толстой начал сотрудничать с белогвардейской прессой, а по слухам, ещё и содержал игорный притон. Потом было путешествие, полное опасностей, неожиданностей и приключений, на пароходе Добровольческого флота «Кавказ» в Константинополь. В повести 1924 года «Похождение Невзоров, или Ибикус» Толстой великолепно описал, как беженцев из России обязали проходить унизительный карантин. Последовали годы в эмиграции: во Франции, в Бордо и Париже, затем в Германии.

И только в Берлине в 1922 году он написал «Повесть Смутного времени», в которой со всем блеском своего пера изобразил средневековую Коломну от лица некоего «блаженного Нифонта», постриженного при церкви Николая Чудотворца в попы и забавлявшего царя и бояр шутками и прибаутками. Впервые эта повесть А. Н. Толстого увидела свет в берлинском издательстве «Эпоха» и получила очень положительные отзывы Горького и других видных литераторов как в Европе, так и в Советской России.

¹⁰ Выражение принадлежит И. А. Бунину.

Русские писатели в Берлине. Сидят (слева направо): А. М. Ремизов, А. С. Яценко; стоят: Андрей Белый, Б. А. Пильняк, А. Н. Толстой, И. С. Соколов-Микитов. 1922

Там же, в Берлине, на улице Курфюрстендамм, в том же 1922 году, в редакции просоветской газеты «Накануне» Толстой вновь встретился с Пильняком. Там появилась на свет и известная впоследствии фотография, где Пильняк стоит рядом с Алексеем Николаевичем, строгим и насупленным, хитро и лукаво поглядывая на него из-под очков. На этой же фотографии сняты И. С. Соколов-Микитов, А. М. Ремизов, Андрей Белый, А. С. Яценко.

Потом, в Советской России, двое писателей общались очень мало. Однако в 1933 году Пильняк, тогда очень знаменитый, но которого уже не через столь далёкое время ожидала страшная судьба 1937 года, приезжал к ещё более знаменитому Алексею Толстому в гости в Царское Село, переименованное тогда в Детское Село, в его прекрасный дом из двенадцати комнат, со старинной мебелью, великолепными вещами и картинами да обильным застольем. Приезжал вместе со своей 16-летней дочерью Наташей, собиравшейся поступать в Московский институт иностранных языков, но тогда ещё учившейся в школе. Сыну Толстого Никите, подлинной гордости родителей, приятному, очень интеллигентному юноше в очках, готовившемуся в университет, тоже было 16 лет. Кроме того, у Толстых был ещё младший сын Митя, будущий композитор, которого тогда учили музыке, и он целыми днями услаждал дом своим ещё школьным музицированием на рояле.

Но всё это будет много-много позже. А сейчас поезд, постукивая на стыках (как тут не вспомнить было хорошо знакомого и любимого с детства Некрасова: «Быстро лечу я по рельсам чугунным, думаю думу свою»), и увозил молодого и полного жизненных и творческих сил писателя в Москву, пока не испытавшую грядущих, совсем уже близких, «неслыханных перемен».

Р. С. В рассказе намеренно, совершенно сознательно, в порядке литературного приёма искажены и сдвинуты некоторые преимущественно биографические, а также и историко-литературные факты.

Автор.

«ЧЁРНЫЙ МУЖИК»

Сергей Сергеевич Михайлов родился в Москве в 1970 году. Окончил кафедру этнологии исторического факультета МГУ (1994 год). Автор книг по истории и культуре старообрядчества восточной части Московской области. С 1992 года изучает историю ассирийцев, проживающих в Москве и других городах России. В 2015 году, в соавторстве с В. Фарисом, выпустил книгу «Ассирийцы на новой родине».

Автор 240 научных и научно-популярных публикаций. Член Союза писателей России с 2014 года.

Очерк-воспоминание

Имени этого человека не помнит никто. Да и когда он ещё работал на своём месте, мало кто из общавшихся с ним знал, как его зовут. Люди проходили мимо, останавливались, вспоминали про необходимость что-то приобрести из продающегося в палатке, покупали. Поскольку официальное предназначение его рабочего места имело вывеску «Чистка обуви», то многие заходили в эту палатку, устраивались на сиденье напротив, а потом не без чувства восхищения наблюдали, как две щётки, летая в умелых руках, превращают пыльные ботинки в сверкающую (лучше, чем новая!) обувь.

С ним здоровались, обменивались парой-тройкой фраз, а после шли с купленными стельками или шнурками домой или по иным своим делам. На вид ему было уже более пятидесяти лет. Доброе лицо с седыми усами, а на голове — характерная кавказская шапочка... Коломенцы в разговорах между собой, когда заходила речь об этом человеке, звали его просто «чёрный мужик», поскольку он внешне был смуглее и чернее подавляющего большинства тогдашних горожан. В этом прозвании не было ничего обидного, пренебрежительного и, не дай бог, расистского и националистического. Южный человек, чернее остальных — вот и «чёрный мужик». В слово же «мужик» народ вкладывал всё то, что обычно имеют в виду, когда хотят сказать про хорошего, настоящего мужчину.

Этот «чёрный мужик» работал в давно прошедшие годы в самом центре древней Коломны, недалеко от исполкома, в сквере возле угла улиц Зайцева

и Красногвардейской, где стояла его маленькая деревянная будочка. Именно благодаря этому месту он и был известен в Коломне. В городе работали ещё два чистильщика с точно такими же палатками, но более всего коломенцы знали именно этого человека. Наверно, потому, что поблизости был рынок, а рядом — людный административный центр, его «точка» была в более выгодном положении. «Точка» или, как её ещё называли на профессиональном жаргоне, «стоянка» (в память о том времени, когда чистильщики обуви не имели таких тёплых палаток, а единственным оборудованием у них был простой сапожный ящик), досталась ему «по наследству». Раньше на ней работал его отец, которому городские власти выделили это рабочее место при поселении их семьи в Коломне в далёких 1920-х годах.

Обычай посещать подобные палатки ради «наведения блеска на штиблеты» уже отходил в прошлое. Но были и те, кто или по старой привычке, или просто увидев вывеску с надписью, решал навести красоту на запылившуюся обувь. Чистильщик заводил клиента в свою деревянную будочку, устраивал на высокое сиденье напротив себя, а сам садился на низкое, которое было напротив. Доставал две картоночки и складывал их в обувь, чтобы случайно не испачкать гуталином носки клиента.

Далее начинался процесс чистки. Он виртуозно орудовал щётками — сначала одними, которые с гуталином, потом другими, при помощи которых обувь начинала сверкать. Расплатившись и поблагодарив, иногда немного поболтав с чистильщиком, довольный клиент шёл далее по своим важным и ответственным делам, где внешний вид требовал безупречности, или просто на работу, а может, на свидание с девушкой или ещё куда. Дел у людей всегда много.

В палатке висели гилянды разноцветных шнурков, стельки и прочая обувная фурнитура, которую горожане покупали. В палатке можно было приобрести и хороший гуталин. Сейчас это может показаться странным, но в советские времена именно хороший гуталин также был дефицитом! Через структуры Службы быта, куда входили и палатки обувщиков, гуталин и прочее, конечно же, распространяли, но всё это было безобразного качества: чистильщики просто стыдились предлагать эту продукцию клиентам. «Чёрный мужик» никогда не чистил обувь людям плохим гуталином и не предлагал на продажу то, что присылали через артель. Каким-то образом где-то (а где именно — не знал никто) он добывал хороший гуталин. За ним-то, да и не только за ним, горожане и приходили в палаточку. Также шнурки, стельки, «подпяточники» и прочий товар, который продавался в палатке, был не государственного, а неизвестного происхождения. Зато всё это было качественным и, в отличие от того, что организованно распространялось и навязывалось государством, пользовалось успехом у коломенцев и гостей города.

Сам чистильщик рассказывал знакомым, что он достаёт товар через своих соплеменников в Москве. Там палаток «Чистка обуви» было очень много, и почти везде в них работали ассирийцы.

Именно к этому древнему народу «чёрный мужик» и принадлежал. Предки его ранее жили в горах Курдистана, в тех землях, которые тысячами были их собственностью. В Россию они попали беженцами во время Первой мировой войны, когда турки стали резать христиан:

армян, ассирийцев, греков... Официально армян погибло тогда полтора миллиона, греков — многие сотни тысяч, про ассирийцев кто-то говорит, что полмиллиона, кто-то — что больше. Но народ был маленький, затерянный в горах, численность до резни его определяли всего в двести тысяч. Даже если и большое число избегло геноцида, то вряд ли много. Ассирийцы, вероятно, потеряли тогда десятки тысяч убитыми и погибшими во время исхода, а оставшиеся попали в Россию и другие страны — прежде всего западные, где их сейчас живёт много.

Самым страшным для народа была потеря Родины — исконных земель, на которых предки жили сотнями поколений. Народ превратился в изгнанника... По легенде, сам Михаил Иванович Калинин «посадил» беженцев, не знавших первое время языка и не владевших городскими специальностями, на «стоянки». Для этого чуть ли не было собрано целое заседание Совнаркома.

В палатке нашего героя на стене напротив входа, помимо зеркала и календаря из журнала, висела пожелтевшая фотография. На ней был изображён молодой, лет тридцати, бородатый мужчина, который, судя по одеянию и кресту, был священнослужителем. На вопрос «кто это?» чистильщик с гордостью отвечал: «Это наш патриарх Мар-Шимун». Потом с грустью он добавлял: «Его курды убили... за то, что он был за Россию и ассирийцев всегда защищал...» О страшных событиях, когда христиане были вынуждены покидать свои родовые земли и, теряя тысячи соплеменников в стычках с курдами и турецкими отрядами, идти в северо-западный Иран, где находились русские войска, а потом и в Россию, ассириец знал из рассказов родителей и бабушки. Дед его погиб во время резни, прикрывая от гибели уходящих членов своей семьи и односельчан.

Наш герой родился уже в России, в Коломне. Беженцами были его родители, которые после того, как русские войска ушли из северо-западного Ирана, из Урмии, и надежды на возвращение христиан на родные земли растаяли, вместе с другими ассирийцами стали искать для себя новое пристанище. Ездили по городам, присматривались, находили приемлемые условия, договаривались с местными властями по поводу жилья и работы. Несколько ассирийских семей обосновалось в Коломне. Родственники и прежние их односельчане жили в Москве и в соседней Рязани. Связи всегда оставались тесными. Регулярно ездили в гости — просто так, на праздники и другие события: крестины, браки и, не дай бог, похороны. По старым связям присматривали невест сыновьям и женихов дочкам.

Помимо товара, связанного с обувью, через чистильщика жители города всегда могли достать и прочий тогдашний дефицит. Нужна, к примеру, подростку цепь для велосипеда. Он идёт к владельцу обувной палатки, сказав последнему, разумеется, от кого. Говорит, какая именно цепь и для какого велосипеда требуется. Чистильщик, немного подумав и назвав цену, говорит, когда, в какой именно день зайти за цепью. В указанный день товар уже ждал своего покупателя. Можно было таким образом заказать и куда более серьёзные вещи: например, дорогие шубы. Как и через кого чистильщик обуви, не так часто покидавший город, всё это доставал, — для всех оставалось тайной. Скорее всего, здесь также играли роль связи с родственниками в Москве.

Коломенцы не все были в курсе, какой нации «чёрный мужик». Народная идентификация была простой: раз смуглый, христианин (регулярно его видели в воскресные и праздничные дни в Богоявленской церкви), похож на армянина — значит «армян». Некоторые принимали его за грузина, а некоторые, из-за экзотичности происхождения, — за грека. В последнем также в старой советской Коломне не было никакого негатива: просто так было проще называть. Да и не национальность была важна. Важен человек и польза, от него исходящая. Возле палатки в рабочее время её хозяина всегда курсировал народ. Здесь останавливались поболтать с чистильщиком торговцы с рынка, постовые, пьянчужки и просто горожане. Напротив, через улицу, был обувной магазин. Часто, пока жёны с дочками долго мерили и выбирали туфли, мужья и отцы проводили время возле палатки, беседуя с ассирийцем. Беседы, как всегда в таких случаях, были «ни о чём». Тем не менее, как собеседника и вообще интересного человека чистильщика уважали. Своей нации, если кто-то интересовался, он никогда не скрывал. При этом всегда произносил «ассириец» с гордостью, чувством собственного достоинства! Собеседникам всегда любил что-то вещать про великую древнюю Ассирию, которая когда-то покорила чуть ли не весь мир, про заслуги своего народа перед человечеством.

Дома у него было много книг по древней истории: ассирийцы любили собирать и заучивать чуть ли не наизусть всё, что было связано с их народом. Впрочем, в ходу были и другие темы для бесед, не связанные с ассирийской стариной. Поболтать с «чёрным мужиком» было интересно всем. В хорошую и тёплую погоду чистильщик, как правило, восседал на табуретке, которую всегда выставлял перед палаткой. Собеседники и покупатели обувного товара группировались вокруг него. Чистильщик сидел в середине этой группы всегда с чувством собственного достоинства.

Когда не было клиентов, покупателей и прочего народа — а такое случалось не так уж часто — ассириец закрывал на время свою палаточку и шёл прогуляться по скверу, побыть наедине с собой. Немного походить по аллеям, он садился на какую-нибудь пустую скамейку, но так, чтобы была видна палатка. Иногда он также успевал купить в киоске неподалёку газету и, сидя на скамейке, пробежал заголовки и, выбрав интересные статейки, погружался в чтение... Если кто-либо из клиентов подходил к палатке, которую со скамейки было хорошо видно, он шёл на рабочее место. О чём думал этот человек в такие редкие минуты отдыха — так и оставалось для окружающих тайной...

Маленькая палатка «Чистка обуви» стояла в центре Коломны не одно десятилетие как часть городского колорита и коломенского быта. Потом её убрали, оставив место пустым... Может быть, власти решили избавиться от анахронизма в самом центре города; может быть, сам чистильщик отказался от места по своим причинам. Никто не знает подробностей. Палатка исчезла, оставшись маленьким тёплым эпизодом в памяти горожан. Куда делся сам загадочный ассириец, не скажет вам никто в Коломне. И даже старожилы не припомнят, как «чёрного мужика» звали.

Мария Анатольевна Шамова родилась и выросла в городе Таштаголе Кемеровской области. Окончила Кузбасскую государственную педагогическую академию и Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в школе, в Новокузнецком литературном мемориальном музее Ф. М. Достоевского, в Московском литературном музее-центре К. Г. Паустовского и в музее-панораме «Бородинская битва».

Выступала со статьями в сборниках литературных научно-практических конференций в Москве, Новокузнецке, Красноярске и других городах. Проза публиковалась в журналах: «Мир Паустовского» (Москва), «Новая чешская звезда» (Карловы Вары), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «День и ночь» (Красноярск).

Биографические заметки

Мария Шамова

«ДОРОГОЙ СОБРАТ!»

(К. Г. Паустовский и И. А. Бунин)

Творчестве и жизненном пути Константина Георгиевича Паустовского написано немало, множество исследований посвящено Ивану Алексеевичу Бунину. Также нередко их имена рассматривают рядом. Современное литературоведение обращается к вопросам общности эстетического начала в творчестве писателей, содержания и поэтики их произведений, проблемам стиля, жанра, композиции, языка. Иные учёные говорят о сходстве их мировоззрения (Т. Бонами, А. Шуканов). Другие делают акцент на принадлежности Паустовского к «школе» Бунина в описаниях природы. Например, А. Ионов отмечает: *«... любовь Паустовского к природе, его поразительное умение постигать и живописать её состояния... дались ему в какой-то мере благодаря его давней любви к Бунину».*

Но если вспомнить одно замечание Вадима Константиновича Паустовского, сына писателя, можно отметить также особое значение личности Бунина в судьбе Паустовского, которое видится даже символическим. В биографической статье «Три родины Константина Паустовского» Вадим Паустовский написал:

«У каждого крещёного человека есть свой ангел-хранитель, свой защитник на небесах. Именно такое значение обрёл Бунин для творческой судьбы Паустовского. Дважды Бунин дал ему своё «благословение», причём, как следует для писателя, — в письменном виде».

Попробуем проследить это непосредственное влияние Бунина на Паустовского, эту символическую связь.

Итак, Константин Паустовский в очерке «Иван Бунин» рассказал:

«В холодном апреле 1916 года я впервые приехал в Ефремов к родственнице — одинокой старушке».

Этой родственницей была Елена Степановна Загорская — сестра Екатерины Загорской, невесты будущего писателя. Первое впечатление Константина Паустовского о Ефремове было как о захолустном, «унылом и облезлом» городке. Но Ефремов преобразился в его глазах, как только он узнал, что здесь у родственников иногда гостил сам Иван Алексеевич Бунин, которым он «ещё в гимназии начал зачитываться».

«С той минуты, как я узнал, что здесь бывает Бунин, Ефремов сразу преобразился для меня. Теперь же он представлялся мне воплощением российского провинциального юта».

...Тогда в Ефремове вошла в меня бунинская Россия и завладела мной надолго».

Так провинциальный Ефремов сыграл не последнюю роль в судьбе Константина Паустовского благодаря тому пронзительному чувству сопричастности, которое испытал он здесь. А утвердила это чувство однодневная поездка в Елец — город детства и юности Бунина.

Подробности своего короткого путешествия Паустовский запечатлел в дневнике. Содержание дневниковой записи в основе своей совпадает с широко известным художественным описанием поездки в очерке о Бунине, созданном спустя много лет.

В Ельце Паустовский долго простоял около здания мужской гимназии, где учился Бунин, прошёл через базарную площадь, мимо храма, «где кого-то отпевали», напился чаю в трактире и вышел на окраину города, где на выезде в подстепье лежало кладбище. Когда-то в детстве это кладбище поразило воображение Ивана Бунина; теперь сюда, ведомый неясным чувством, пришёл Паустовский и долго бродил между старыми памятниками.

А вечером на Елецком вокзале с Константином Паустовским случилось удивительное совпадение. В газетном киоске он купил свежий номер «Русского слова», там был напечатан рассказ Бунина «Лёгкое дыхание». Паустовский так увлёкся чтением, что чуть не пропустил свой поезд. А потом, «забывшись в угол» вагона, всю обратную дорогу до Ефремова, охваченный болью и внезапной любовью, он думал о гимназистке Оле Мещерской, погибшей на том самом вокзале, где он только что сидел, и мимо могилы которой он, должно быть, непременно проходил на старом кладбище, «но прошёл, ничего не зная». Паустовский перечитывал «одни и те же слова о лёгком дыхании Оли Мещерской», «содрогался от непоправимости её судьбы» и наивно успокаивал себя тем, что Оля Мещерская — это бунинский вымысел».

«Пожалуй, в эту ночь в холодном вагоне среди чёрных и серых полей России, среди шумящих от ночного ветра, ещё не распустившихся берёзовых рощ, я впервые до конца, до последней прожилки понял, что такое искусство и какова его возвышающая и вечная сила».

Этих подробностей нет в дневнике молодого Паустовского, но думается, что всё было так, как звучит это в посвящённых Бунину строках.

Интересно то, что последний приезд Бунина в Ефремов (октябрь 1917 года) и последующее пребывание его в Ельце вполне могли совпадать с поездками туда Паустовского.

С Ефремовом у Константина Паустовского связаны самые разные события жизни: простые будничные, воодушевляющие, печальные. Здесь были написаны некоторые стихи, а спустя несколько лет появился рассказ «Старик в потёртой шинели», где упоминается городок (одно из рабочих названий рассказа — «Ярмарка да яблоки»). В Ефремове Паустовский встретил Февральскую революцию: об этом свидетельствуют дневниковые записи той поры, а впечатления от её событий отразились во второй книге «Повести о жизни» (глава «Сырой февраль»).

Вскоре после поездки в Елец на Ефремовском городском кладбище была похоронена мёртворождённая девочка — первенец Екатерины и Константина Паустовских. Спустя несколько лет здесь нашла последнее пристанище Елена Степановна Загорская, та самая *«родственница-старушка»*, у которой нередко гостили Паустовские. На этом же кладбище покоилась мать Бунина Людмила Алексеевна. Позднее Константин Паустовского потрясут строки из бунинской автобиографической повести:

«В далёкой родной земле, одинокая, навеки всем миром забытая, да покоится она в мире и да будет во веки благословенно её бесценное имя».

В промежутке между поездками в Ефремов, будучи в Москве, Паустовский узнал московский адрес Бунина и послал ему подборку своих поэтических опытов. Она состояла из шестнадцати стихотворений. Все они названы Паустовским в письме к жене от 12 февраля 1917 года. Стихи были отправлены Бунину в первую неделю февраля, об этом говорят письмо Загорской-Паустовской от 1-го и запись в дневнике от 7 февраля (документы хранятся в Московском литературном музее-центре К. Г. Паустовского).

Так мы подошли к событию, которое можно считать определяющим в творческой судьбе К. Г. Паустовского. О нём писал Вадим Паустовский в своей статье об отце, упоминал биограф Паустовского Л. А. Левицкий, о нём же рассказал сам Константин Георгиевич в «Повести о жизни»: *«...Я не надеялся, что он мне ответит, но он ответил. Я получил от него открытку».* *«Вы живёте напётым со стороны»*, — написал Бунин и посоветовал начинающему литератору обратиться к прозе.

Если первая фраза фигурирует в тексте «Повести о жизни», то о рекомендации сменить поэтический путь на прозаический мы узнаём из свидетельства Вадима Паустовского:

«Именно Бунин “всё перевернул” в творческой судьбе Паустовского, который до первого “благословения” считал себя в первую очередь поэтом...»

Трудно сказать, какое именно значение вкладывал Бунин в свой отклик. Учитывая его весьма строгое и критичное отношение к литературе вообще и к молодым писателям в частности, вряд ли он видел в собственном отзыве нечто судьбоносное. Но в жизни, как мы знаем, это обернулось настоящим пророчеством. Бунинская открытка стала импульсом к творческому самоопределению Константина Паустовского. Спустя время он прославился как прозаик, но привнёс в прозу те лиричность и музыкальность, которые свойственны поэзии.

В жизни Паустовский и Бунин встретились всего два раза. Диалога между ними не состоялось, поэтому не могло быть и упоминаний о посланных стихах и ответном отзыве. Первая встреча произошла вскоре после отправления Бунину упомянутого письма, о ней Паустовский сообщил в письме к жене от 16 февраля 1917 года:

«Вы сидите и коснеете в Ефремове, и мне вас жаль. Вчера я был на лекции о русском писателе, — Анна Ахматова прострелила меня своими египетскими глазами. Сиял лысиной и золотом зубов Серафимович с ужасающим, корявым лицом Квазимодо и хмельными глазами, по-английски строг, изыскан и стар был Бунин с глухим голосом и лёгким хохлацким акцентом.

...Для меня были только двое — Бунин и Шмелёв. Бунин, спокойный, тонкий, задушевный, — чеканил свои стихи и волновал. У него редкие тонкие руки».

Вторая встреча произошла в Одессе в 1919 году, если полагаться на то, что описанный в «Повести о жизни» эпизод имеет автобиографическую точность, а не является плодом воображения писателя. Паустовский сотрудничал с одной из газет, и «однажды в редакцию пришёл Бунин». Паустовский «не решился даже слова вымолвить при нём и только изредка взглядывал на него, боясь встретиться с ним глазами».

Спустя годы, в 1947 году, на адрес журнала «Вокруг света» пришло письмо от писателя-эмигранта из Франции. Это был отзыв на опубликованный там ранее рассказ К. Г. Паустовского «Корчма на Брагинке». Послание было обращено к Паустовскому, но поскольку его адреса Бунин не знал, то написал прямо в редакцию. Текст открытки был следующий:

«Дорогой брат! Я прочёл Ваш рассказ “Корчма на Брагинке” и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа (“Под занавес”), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы.

Привет, всего доброго! Иван Бунин».

Так, через тридцать лет после первого напутственного слова, сказанного тогда неизвестному молодому стихотворцу, теперь Бунин признал в нём, уже зрелом прозаике, «брата», то есть равного себе. И это подчёркивает тот лёгкий и доброжелательный тон, в котором написана открытка, тон, в котором говорит и прощается Бунин. (Открытка хранится у наследника К. Г. Паустовского П. С. Навашина).

Рассказ, отмеченный Иваном Буниным, вошёл в «Повесть о жизни» — главное произведение Паустовского. Это пример прозы, написанной с той силой и строгостью, что сильнее всего ценил Паустовский в литературе будучи уже состоявшимся писателем.

И. А. Бунину у К. Г. Паустовского посвящено много строк. Он цитировал любимого писателя в письмах к друзьям, в «Дыме отечества», «Живом и мёртвом слове», «Амфоре» и чаще всего в «Повести о жизни»; в «Золотой розе» Бунину посвящена целая глава.

Имя Ивана Алексеевича Бунина было возвращено русской литературе после Второго Всесоюзного съезда советских писателей в 1954 году. Было подготовлено собрание его сочинений, вступительную статью к которому написал К. Г. Паустовский. В 1960 году в Государственном литературном музее состоялся памятный вечер, посвящённый Бунину, где Константин Георгиевич держал слово о писателе, так значительно повлиявшем на его

собственную судьбу. Портрет Бунина много лет занимал своё место над письменным столом Паустовского в его кабинете.

Ещё в пятидесятые годы в письмах к Лидии Делекторской во Францию Паустовский сообщал о своём желании побывать в Грассе, где подолгу жил Бунин, и на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже, где он был похоронен в числе многих русских эмигрантов. В 1962 году Паустовский осуществил желаемое, поклонился могиле Бунина.

Если взглядеться в творчество Бунина и Паустовского, то можно найти немало общего. Итоговой книгой того и другого стали повести, в значительной степени автобиографичные, где талант писателей нашёл наивысшее выражение. У Бунина это «Жизнь Арсеньева», у Паустовского — «Повесть о жизни». О «Жизни Арсеньева» Паустовский писал:

«Это не автобиография. Это — слиток из многих земных горестей, очарований, размышлений и радостей. Это — удивительный свод событий одной человеческой жизни, скитаний, стран, городов, морей, но среди этого многообразия земли на первом месте всегда наша Средняя Россия».

Те же слова было бы справедливо сказать о произведении самого Паустовского — «Повести о жизни».

Ещё одна грань художественного творчества, которая объединяет писателей, — это новеллистика. Как известно, Бунина уже современники считали непревзойдённым новеллистом. Паустовский в свою очередь добился в этом жанре высокого мастерства. Такие произведения, как «Снег», «Дождливый рассвет», «Телеграмма», — стали неповторимыми образцами русской новеллы.

И в заключение стоит отметить, что на примере Константина Георгиевича Паустовского и Ивана Алексеевича Бунина мы в который раз можем наблюдать особую мудрость преемственности в русской литературе. Паустовский и Бунин — писатели разных поколений. Бунина, большую часть своей жизни прожившего в XX веке, всё же хочется отнести к классической школе века XIX-го, он выступает как наследник литературной традиции. Паустовский, пройдя через увлечение литературными веяниями, которые принесло XX столетие, — романтизмом в концентрированном его виде и экзотикой во всей пестроте её образов и форм, — преодолел их в своём творчестве, оставив всё лучшее, что способны дать они, в языке. Писатель пришёл к такой же кристально чистой, лирично-музыкальной прозе, какая отличала Ивана Бунина от многих собратьев по перу. И здесь нельзя не вспомнить о той высокой цене простоты в прозе, о которой говорил ещё Гоголь.

Эти вопросы языка и стиля составляют задачи литературоведения. Для нас же важно было раскрыть те грани творчества и судьбы К. Г. Паустовского и И. А. Бунина, которые сошлись в одной плоскости и оставили русской культуре бесценное литературное наследие.

КОЛОМЕНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Знаменательные и памятные даты 2017 года

5 января 1947 года в Коломне родился Олег Владимирович Кочетков — член Союза писателей СССР/России, автор нескольких поэтических книг. Руководил в Коломне литературным объединением «Зелёные цветы».

10 января 1922 года на Коломенском машиностроительном заводе открыли школу ФЗУ — ныне ПУ № 6 имени Героя Советского Союза К. К. Исаева.

11 января 1932 года родился Лев Яковлевич Сорников — член Союза журналистов России, редактор газеты «Советская Коломна».

12 января 1922 года в Коломне родился Леонид Борисович Дмитриев — доктор искусствоведения, кандидат медицинских наук.

13 января 2002 года по инициативе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в Коломне впервые проведена Рождественская ёлка для взрослых.

18 января. 85 лет назад в деревне Сельниково Коломенского района родился Николай Иванович Гушин (1932–2010) — конструктор ракетного оружия, доктор технических наук, профессор, академик РАН, РАЕН, лауреат Государственных премий СССР и РФ. В трёх выпусках «Коломенского альманаха» были опубликованы его воспоминания.

21 января 1947 года родился Виктор Дмитриевич Брагаренко, директор 1-го Московского областного музыкального колледжа, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

23 января. 130 лет со дня рождения Владимира Николаевича Максимовского (1887–1941) — выпускника Коломенской мужской гимназии, активного участника Первой русской революции в Коломне, государственного деятеля, профессора. В 1936 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» вышла его книга — «Кола ди Риенцо» — документальная повесть об итальянском политическом деятеле и гуманисте XIV века.

25 января 1932 года принято постановление ВЦИК о расширении городской черты Коломны.

28 января 1897 года началась первая всеобщая перепись населения Российской империи. Было выявлено, что в Коломне проживало 20 277 человек (10 561 мужчина, 9 716 женщин), в Коломенском уезде — 91 650 человек (40 140 мужчин и 51 510 женщин).

29 января 1937 года в Коломне родилась Эмилия Яковлевна Аксюта, заслуженный работник культуры РСФСР.

1 февраля 1952 года городская газета вышла с новым названием — «Коломенская правда». Такое решение было принято в связи с объединением двух редакций — газет «Коломенский рабочий» и «Коломенский колхозник». «Коломенская правда» стала органом ГК и РК ВКП(б), городского и районного Советов депутатов трудящихся.

6 февраля. 110 лет со дня рождения заслуженного учителя школы РСФСР Ксении Дмитриевны Левкоевой (1907–1996). Много лет работала в школе № 19, принимала активное участие в создании Коломенского литературного музея на общественных началах.

17 февраля 1942 года на фронт выступила сформированная в Коломне 135-я стрелковая дивизия. В Коломенской средней школе № 29 создан музей истории этого воинского соединения. 9 августа 1983 года Министерством культуры РСФСР музею присвоено звание народного.

17 февраля. 115 лет со дня рождения музыкального деятеля Владимира Георгиевича Кредина-Слотвинского. В системе народного образования работал 60 лет, долгое время возглавлял Коломенское отделение хорового общества России.

1 марта 1947 года в Коломенском учительском институте создано добровольное общество «Студент-краевед».

1 марта 2002 года на улице Лажечникова в доме № 5 открыт новый выставочный зал культурного центра «Лига» — галерея современного искусства.

4 марта. 80 лет назад в Коломне родился Анатолий Иванович Бирюков (1937—2007) — краевед, педагог, известный в городе певец (бас). Преподавал в Первом московском областном музыкальном училище, активно участвовал в концертной деятельности.

7 марта. 85 лет со дня рождения педагога, краеведа, члена Союза журналистов России Михаила Ефимовича Елисеева (1932—2008). В Коломне работал мастером в ГПТУ-6 и почти 20 лет директором ГПТУ-17.

17 марта 2002 года во Дворце культуры «Коломна» проведён первый областной фестиваль рэп-музыки и брейк-данса.

23 марта. 150 лет назад в селе Воловичи Коломенского уезда родился Иван Дмитриевич Боголепов (1867 — после 1914) — архитектор. Имел обширную частную практику в Москве и Коломенском уезде.

26 марта. 60 лет назад умер писатель Иван Андреевич Козлов (1888—1957). Родился в селе Сандыри Коломенского уезда (ныне в черте города Коломны). За книгу «В Крымском подполье» в 1948 году удостоен Сталинской премии. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. В Коломне одна из улиц носит имя Козлова.

31 марта 1962 года на центральной усадьбе совхоза «Коломенский» открыт Дом культуры.

В марте 1952 года открыта массовая библиотека № 1. Впоследствии она стала центральной городской библиотекой, которой в декабре 1995 года присвоено имя писателя-земляка В. В. Королёва.

1 апреля 1972 года вступил в строй действующих Дворец культуры завода тяжёлого станкостроения — ныне Дворец культуры «Коломна».

3 апреля 2002 года создано творческое объединение коломенских писателей.

11 апреля 1942 года решением Государственного комитета обороны в Коломне было создано Специальное конструкторское бюро для разработки миномётного вооружения под руководством Бориса Ивановича Шавырина.

21 апреля. 105 лет со дня рождения педагога, краеведа Елизаветы Александровны Горчаковой (1912—2002). Одна из инициативных создательниц Коломенского литературно-художественного музея на общественных началах, председатель совета музея.

28 апреля 1947 года директор Коломзавода К. К. Яковлев подписал приказ о создании загородного пионерского лагеря «Берхино» — ныне детский оздоровительный лагерь «Лесная сказка».

28 апреля. 125 лет назад родился революционер, журналист Ян Янович Грунт (1892—1950), один из организаторов Советской власти в Коломне. Его именем в городе названа улица.

1 мая. 105 лет назад родился Михаил Георгиевич Савицкий (1912—2001) — известный в Коломне краевед, археолог.

3 мая. 85 лет со дня рождения заслуженного работника культуры РФ кандидата исторических наук Василия Фёдоровича Костылева (1932—2010). Многие годы работал в Коломенском филиале ВЗПИ.

10 мая. 235 лет назад скончался известный библиофил коллежский советник Пётр Фёдорович Жуков (1736—1782), бывший коломенский воевода.

10 мая. 50 лет назад умер известный коломенский художник, педагог Сергей Иванович Травкин (1886—1967). Похоронен в Коломне на кладбище № 1.

13 мая 1947 года в Коломне родился Михаил Фёдорович Пархонин, художник.

18 мая. 65 лет назад в Коломне родился архитектор, реставратор Константин Владимирович Ломакин (1952—2003).

19 и 20 мая 1977 года в Коломне состоялись выступления знаменитых артистов — солистки Большого театра Союза ССР, народной артистки РСФСР Тамары Синявской и народного артиста СССР Муслима Магомаева.

22 мая 2007 года в Коломне недалеко от Маринкиной башни кремля открыт памятник Дмитрию Донскому (скульптор Александр Рукавишников, архитектор Сергей Шаров).

23 мая 2007 года на Соборной площади Коломенского кремля открыт памятник создателям славянской азбуки святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию (скульптор Александр Рожников).

29 мая. 95 лет назад в селе Маливо Коломенского района родился Виктор Иванович Астахов (1922—1972) — доктор исторических наук, профессор.

В мае 1962 года при Коломенском горисполкоме создан общественно-архитектурный совет. В его состав вошли 34 человека: архитекторы, художники, инженеры, агрономы, фотографы, знатоки и любители искусства. Председателем совета был избран А. С. Александров.

6 июня (25 мая по ст. ст.) **1852 года** в Коломенском Брусенском монастыре был заложен летний собор Воздвижения Креста Господня.

7 июня 1947 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлок Щурово Коломенского района был преобразован в город районного подчинения.

14 июня. 95 лет назад в Коломне родилась Анна Георгиевна Образцова (1922—2003) — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств России.

14 июня 1997 года в Коломне вышел первый номер газеты «Вопрос—Ответ».

15 июня. 55 лет назад умер музыкальный работник Сергей Александрович Курлаев (1885—1962), по инициативе которого в Коломне построено новое здание музыкальной школы, открыто 1-е Московское областное музыкальное училище. В 2016 году на здании 1-го Московского областного музыкального колледжа открыта мемориальная доска, посвящённая С. А. Курлаеву.

17 июня 1972 года на центральной усадьбе совхоза имени Димитрова в селе Черкизово открыт памятник Георгию Димитрову.

19 июня 1947 года вышел первый номер районной газеты «Коломенский колхозник». Выпускалась до 29 января 1952 года.

20 июня 1932 года родилась Наталия Михайловна Кочеткова (1932—2016) — музыковед, преподаватель 1-го Московского областного музыкального колледжа, заслуженный работник культуры РФ, почётный работник среднего профессионального образования РФ.

27 июня 1937 года уроженцу Коломны, лётчику, штурману Ивану Тимофеевичу Спирину (1898—1960) было присвоено звание Героя Советского Союза. Этой высокой награды он удостоился первым из коломенцев.

1 июля 1952 года родился Юрий Львович Имханицкий — фотожурналист, краевед, заслуженный работник печати Московской области. С 1983 по 2016 год работал фотокорреспондентом газеты «Коломенская правда».

4 июля 1977 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Коломна награждена орденом Октябрьской Революции.

4 июля. 60 лет назад в Коломне родился Игорь Валентинович Маевский (1957—1994) — краевед, историк.

19 июля. 60 лет назад в Коломне родилась Ольга Александровна Юрикова (1957—2010), член Союза писателей России, президент историко-культурного центра «Девичье поле».

23—24 июля 2002 года в Коломне проведён первый российский фестиваль художественных, документальных кино- и видеофильмов «Мы из подплава», посвящённый 100-летию создания российского подводного флота.

5 августа. 100 лет со дня рождения в Коломне краеведа, инженера Ивана Александровича Нестерова (1917—1990). Похоронен в Коломне.

11 августа 1992 года постановлением главы администрации Московской области церковь Воскресения (Николы-на-Посаде) в Коломне передана общине Русской Православной Старообрядческой Церкви.

14 августа. 90 лет со дня рождения краеведа, врача-педиатра Нинел Аврамовны Авраменко (1927—1995).

16 августа 1942 года в Коломне родился Алексей Алексеевич Фёдоров, художник-краевед.

19 августа 1997 года был подписан в печать первый номер «Коломенского альманаха». С той поры свет увидел 21 выпуск этого литературного ежегодника. Бессменным главным редактором является член Союза писателей России В. С. Мельников.

20 августа 1937 года в Коломне родился Валерий Константинович Капралов — поэт, член Союза писателей России.

22 августа 1947 года в селе Пестриково Коломенского района родилась Татьяна Николаевна Филиппова — заслуженный работник культуры РСФСР.

26 августа 1977 года в Мемориальном парке в здании церкви Петра и Павла был открыт городской музей боевой славы — филиал Коломенского краеведческого музея.

27 августа 1932 года в Коломне проведена первая районная оркестровая конференция.

27 августа 1977 года на стадионе «Авангард» состоялось праздничное театрализованное представление, посвящённое 800-летию Коломны.

31 августа 1937 года в селе Бобренево Коломенского района роди-

лась Алевтина Матвеевна Дымова — заслуженный работник культуры РФ. Более полувека работала в Коломенском краеведческом музее, большую часть времени — главным хранителем фондов.

3 сентября. 185 лет назад (22 августа по ст. ст.) родился Митрофан Павлович Щепкин (1832—1908). После смерти его имя было присвоено первому коломенскому земскому училищу.

6 сентября. 250 лет назад (26 августа по ст. ст.) родился Адриан Моисеевич Грибовский (1767—1834), статс-секретарь императрицы Екатерины II. Последние 30 лет жил в Щурове и Коломне. Похоронен в Старо-Голутвинском монастыре. Опубликованы его воспоминания «Некоторые заметки из жизни Екатерины II» и «Записки о службе статс-секретаря Грибовского и прочих лиц», которые охватывают период с 1783 по 1802 год. Интересны его дневники, в которых многие записи имеют отношение к Коломне.

6 сентября 1812 года в Коломне побывал «первый ратник Московского ополчения» С. М. Глинка. Свои впечатления о пребывании в городе он отразил в книге «Записки 1812 года».

15 сентября 1957 года в Коломне родился Роман Вадимович Гацко (Роман Славацкий), член Союза писателей России, краевед.

20 сентября 1942 года в г. Комсомольске-на-Амуре родился Геннадий Митрофанович Савинов, член Союза художников России. С 1973 года живёт в Коломне.

25 сентября. 110 лет со дня рождения педагога-историка, популяризатора музыкальных знаний среди коломенцев Гурия Яковлевича Устинова (1907—1996).

1 октября 1932 года в Коломне родился Лев Иванович Кузнецов, член Союза художников России.

3 октября 2002 года вышел первый номер газеты «Коломенский учитель» (ныне — «Мир образования Коломны»).

11 октября. 95 лет назад в Коломне родилась Наталия Александровна Рощина (1922—2004) — краевед, кандидат исторических наук, отличник народного просвещения. Более 40 лет преподавала в Коломенском педагогическом институте, доцент.

12 октября 1997 года начало действовать общественное объединение «Арт-галерея “У Николы-на-Посаде”» (председатель художественного совета А. С. Арзуманов).

25 октября. 130 лет назад (13 октября по ст. ст.) умер богослов, философ, публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824—1887). Родился и провёл детские годы в Коломне, о чём интересно рассказал в книге «Из пережитого».

27 октября. 110 лет назад была освящена церковь Пресвятой Троицы в Щурове.

27 октября (14 октября по ст. ст.) **1917 года** в Коломне вышел первый номер журнала «Большевик».

30 октября 1992 года вышел в свет первый номер православной газеты «Благовестник».

1 ноября 1967 года создан вокально-инструментальный ансамбль тепловозостроителей «ВИАТ-67» (руководитель Вячеслав Николаевич Соловьёв).

3 ноября 1967 года на Окском проспекте в доме № 1 открыт магазин «Книжный мир».

5 ноября 1997 года. Первый выход в эфир Коломенского телевидения. Передача длилась 45 минут.

5 ноября 1967 года в стене дома № 200 по улице Октябрьской революции молодые коломенцы замуровали капсулу с письмом-завещанием будущим молодым жителям Коломны, сделав пометку «Вскрыть в 2017 году».

8 ноября 1917 года в доме Шанина на Астраханской улице (ныне — улица Октябрьской революции, 221) состоялось экстренное заседание Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором в городе была провозглашена Советская власть.

10 ноября 1917 года вышел первый номер газеты «Известия Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов» (ныне общественно-политическая газета «Коломенская правда»).

10 ноября. 125 лет со дня рождения поэта, переводчика Сергея Васильевича Шервинского (1892—1991). 70 лет по несколько месяцев в году жил в усадьбе погоста Старки у села Черкизово Коломенского района.

12 ноября. 140 лет со дня рождения рабочего-молотобойца Коломенского машиностроительного завода, поэта Михаила Васильевича Праскунина (1877—1959).

20 ноября 1992 года вышел первый номер коломенского вестника «Ять».

28 ноября 2002 года вышел в свет первый номер газеты «Сельский учитель».

1 декабря 1927 года родился Андрей Дмитриевич Булеков — коломенский живописец, член Союза художников России.

2 декабря. 150 лет со дня преставления святителя Филарета (1782—1867) — митрополита Московского и Коломенского.

3 декабря. 95 лет назад в деревне Кудрявцево Коломенского уезда (ныне района) родился Николай Николаевич Филиппов (1922—1993). С 1962 по 1986 год работал директором Коломенского отделения Мособлкниги.

5 декабря 1927 года родилась Лидия Ивановна Бодалёва, заслуженный работник культуры РСФСР. Много лет работала в Коломенской районной библиотеке имени И. И. Лажечникова, в том числе заведующей.

8 декабря 1947 года в Коломне родился Евгений Александрович Кирсанов — поэт, руководитель поэтической мастерской «У Грановитой», кандидат физико-математических наук, доцент ГСГУ.

26 декабря. 235 лет назад в семье дьякона Коломенского Успенского собора родился Василий Михайлович Дроздов — митрополит Московский и Коломенский Филарет (1782—1867) — выдающийся проповедник, богослов, учёный, церковный и государственный деятель, святой покровитель Коломны. В его честь в городе названа улица.

28 декабря (17 декабря по ст. ст.). 240 лет назад умер генерал-аудитор-лейтенант Пётр Кириллович Хлебников (1734—1777), известный библиофил. Родился в Коломне в семье купца.

30 декабря 1982 года торжественно открыт музей истории Коломенского отдела внутренних дел.

Календарь подготовил Анатолий КУЗОВКИН

Издание выходит при поддержке
администрации городского округа Коломна
и коломенских меценатов

БЛАГОДАРИМ

Дениса Юрьевича Лебедева —

главу городского округа Коломна;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА —

генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА —

генерального директора ООО «Колнаг»;

Любовь Афанасьевну ЧЕРНОВУ —

доктора филологических наук, профессора
кафедры русского языка ГСГУ;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА —

индивидуального предпринимателя;

Сергея Сергеевича АНТИПОВА —

заместителя председателя Правления
Московской областной организации Союза
писателей России;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА —

председателя Правления
группы компаний «ТЕХНО-АС»;

АНО «Коломенский Посад»;

Редакционную коллегию журнала «РОМАН-ГАЗЕТА»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА —

генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;

Наталью Николаевну ДРАНЕЕВУ —

директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
“Знание-Коломна”»;

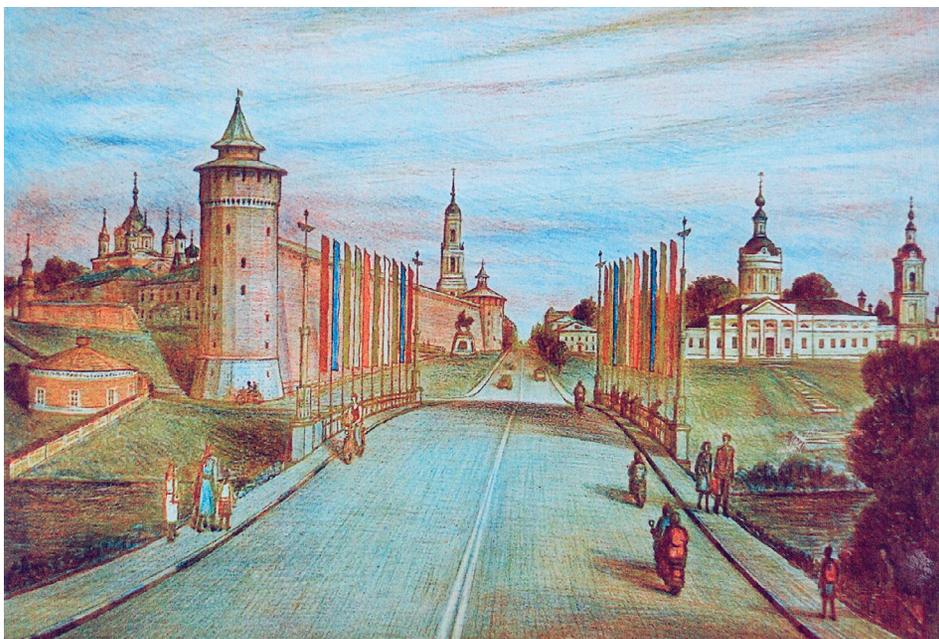
Евгения Владимировича ЗАХАРЧЕНКО —
генерального директора ООО «Прогресс»;

Эдуарда Насибулловича ТУМЕРКИНА —
директора ОАО «Ракурс»;

Игоря Валерьевича ШАХ-НАЗАРОВА —
директора ООО «Тираж»;

Татьяну Сергеевну ЛАПТЕВУ —
директора негосударственного образовательного
учреждения дополнительного образования
«Коломенский компьютерный центр»;

Галину Евгеньевну ШАРОНОВУ —
генерального директора
ГУП МО «Коломенская типография».

Художник Геннадий Савинов. Город древний и прекрасный

VISITKOLOMNA

ТУРИСТСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР

ТИЦ "Подмосковье"
afisha.mosreg.ru

В Коломне при поддержке Министерства культуры Московской области в рамках концепции развития туризма Московской области на базе Историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль» начал свою работу **Туристский информационный центр**. Он даст возможность потенциальному туристу получить исчерпывающую информацию по интересующим его вопросам:

- о возможностях туристской инфраструктуры города и района;
- о достопримечательностях и историко-культурных объектах;
- о туристических фирмах, их продуктах и услугах, в том числе по видам туризма (экологический, геологический, активный, паломнический, культурный и событийный, детско-юношеский и т.д.);
- об основных туристских маршрутах;
- о культурных, спортивных и общественных событиях Коломны и района;
- о турфирмах;
- об экскурсоводах;
- о транспортных услугах;
- об услугах размещения;
- о предприятиях общественного питания, торговли и бытового обслуживания.

Мы приглашаем к сотрудничеству все заинтересованные предприятия и организации. Мы открыты интересным инициативам и предложениям.

Электронный адрес: visitkolomna@yandex.ru

Адрес: ул. Октябрьской революции, 194, флигель музея «Усадьба купцов Лажечниковых».

130 ЛЕТ ПОЛЕЗНОЙ РАБОТЫ

*Немецкий драматург Лессинг в своё время сказал:
«То, что однажды напечатано, становится достоянием
всего мира на вечные времена.»*

*Наш коллектив Коломенской типографии счастлив,
что может создавать полезную, интеллектуальную,
содержательную и ценную продукцию.*

ГУП МО «Коломенская типография» — это 130-летний опыт печати полиграфической продукции, такой как книги, журналы, проспекты, каталоги и др.

Наш рост — это прогрессивный путь от чёрно-белых бланков до полноцветных глянцевых полос, миллионные оттиски и сотни благодарных клиентов.

Наша задача — стабильное высокое качество, гибкость условий на полиграфическом рынке, увеличение объёмов производства и выход на новые технологии в полиграфии.

ГОРДОСТЬ ТИПОГРАФИИ:

- *Наш коллектив:* на предприятии работают профессионалы с большим опытом работы и ответственным отношением к своему делу.
- *Наше оборудование:* это лучшие машины на рынке полиграфии, такие как «MAN Roland», «Horizon» и др.
- *Максимально полный спектр услуг:* наша типография оказывает услуги не только печати, но и вёрстки, дизайна, грамотной корректуры и доставки тиражей.
- *Оперативность расчёта тиражей:* наша команда всегда готова осуществить оперативный расчёт тиражей различного уровня сложности.

**Отправьте вашу заявку на электронные ящики:
bab40@yandex.ru, serovakolotna@mail.ru
или свяжитесь с нами по телефонам:
8 (496) 618-60-16, 618-69-33**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Р. В. СЛАВАЦКИЙ
А. А. САХАРОВ
В. В. УШАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т. Ф. Башкирова (редактор отдела поэзии), **Н. В. Бредихин**, **Е. С. Гринин** (главный художник), **Т. И. Кондратова** (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О. В. Кочетков** (референт главного редактора), **В. В. Королёва** (художник), **А. И. Кузовкин**, **Т. С. Лаптева**, **С. И. Патрикеев**, **И. Е. Ракша** (шеф-редактор аналитических проектов), **Е. Н. Солдатенкова**, **М. М. Сигал**, **М. А. Сериков**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В. В. Артёмов — главный редактор журнала «Москва»
В. Н. Ганичев — председатель Союза писателей России
Ю. В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В. Н. Крупин — писатель
С. Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
В. В. Личутин — писатель
А. Б. Мазуров — ректор Государственного социально-гуманитарного университета
Н. В. Маркелова — начальник Управления по культуре и туризму администрации городского округа Коломна
Е. Ю. Юшин — секретарь Союза писателей России

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова.
Городская хроника, опубликованная в альманахе, представлена редакциями газет «Коломенская правда» и «Вопрос — Ответ».

На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И. А. Ильина, медаль И. И. Лажечникова и медаль И. А. Бунина

Художники: **Е. С. Гринин**, **В. В. Королёва**.
Компьютерная вёрстка **Т. А. Титова**.
Корректоры: **А. Г. Васильева**, **В. В. Ушакова**, **Л. А. Вагина**.

140402, Московская область, г. Коломна, ул. Кирова, д. 163. Тел. (8-496) 618-70-71;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru

Электронная версия альманаха: www.kolomna.biblio.narod.ru

Подписано в печать 08.02.2017 г. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 30,0. Тираж 1000 экз. Заказ 1439.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а